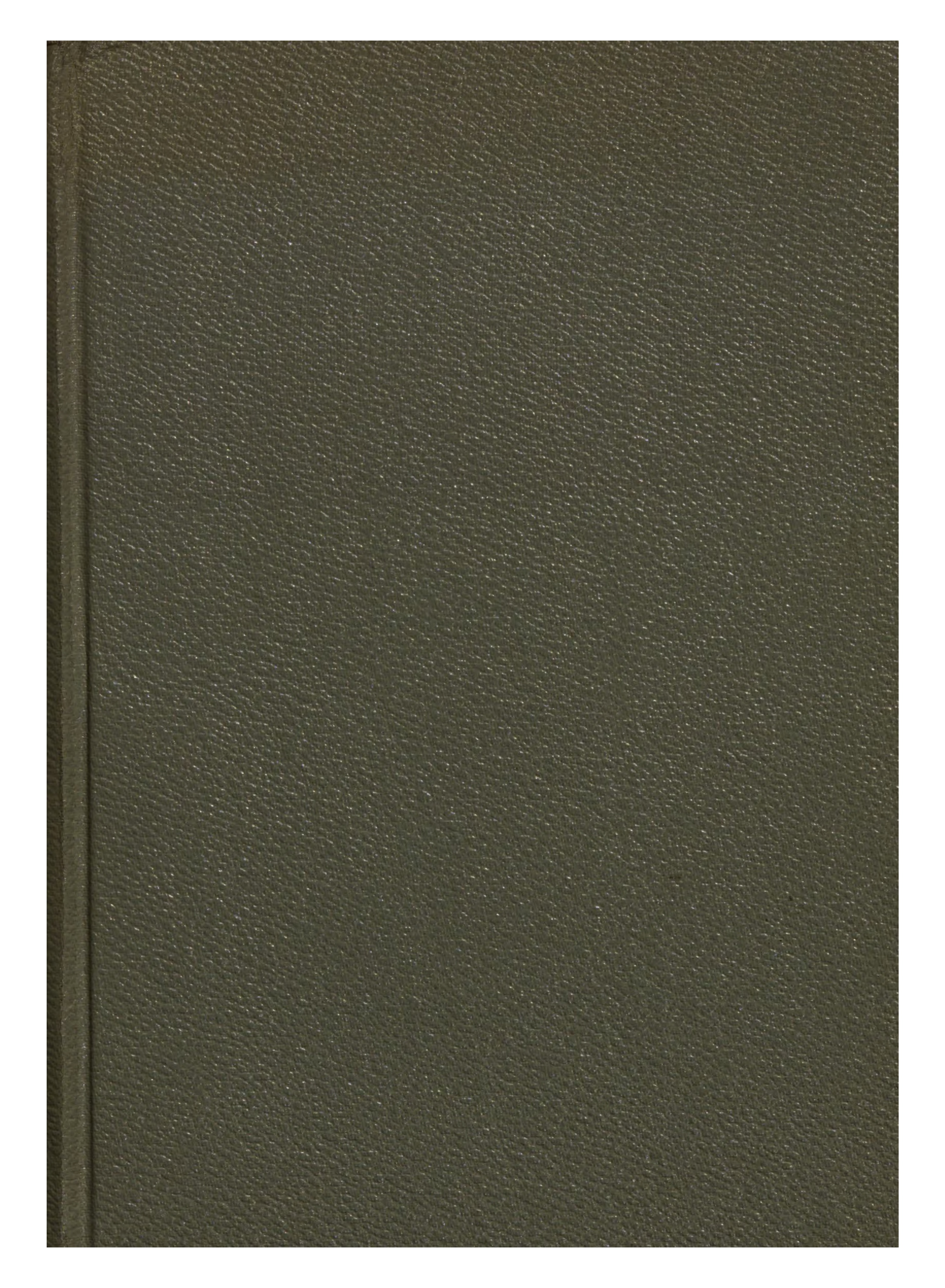
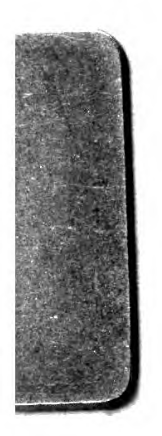

CORNELL UNIVERSITY
FOUNDED BY EZRA CORNELL

ст. 46.– б.гг.–

стао.

DATE DUE

GAYLORD PRINTED IN U.S.A.

Н. А. Лаппо-Данилевская

РУССКІЙ БАРИНЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Петроградъ, дозволено военной цензурой 15 октября 1916 года.

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Суета суетъ, всяческая суета.

— Ихъ сіятельство вернулись съ прогулки.

Въ дверяхъ кабинета стоялъ сѣдой и строгій камердинеръ.

— Доложите князю, Тихонъ, что я настоятельно прошу сейчасъ принять меня.

— Слушаюсь.

Камердинеръ неслышно заперъ за собой тяжелыя двери и направился черезъ длинную анфиладу комнатъ на половину князя. Оставшись одинъ, совсѣмъ еще юный офицеръ, сидѣвшій за стаканомъ утренняго кофе, порывисто всталъ и, закуривъ папироску и нервно передергивая плечами, принялся ходить вдоль кабинета. Безъ мундира, въ тончайшаго полотна рубашкѣ и черномъ галстукѣ поверхъ воротничка, съ густыми темно-русыми волосами, прекрасными голубыми глазами и орлинымъ носомъ, Михаилъ Гуракинъ былъ безспорно красивѣйшій и самый блестящій гвардейскій офицеръ. Небольшіе усы не скрывали мягкаго очертанія рта. Ростъ, фигура, движенія—все было благородно и гармонично. Затянувшись раза два только что закуренной папироской, онъ нетер-

пѣливымъ жестомъ бросилъ ее на полъ и, насупивъ брови, снялъ распяленный на спинкѣ стула щегольской мундиръ и сталъ передъ зеркаломъ надѣвать его.

— Que diable!—съ досадой проворчалъ онъ сквозь зубы и дернулъ рукавомъ, зацѣпивъ манжетой за его подкладку. Выпроставъ руку, онъ поправилъ галстукъ, разсѣянно пошарилъ въ карманѣ, провелъ рукой по аккуратно расчесаннымъ волосамъ, дотронулся до усовъ и только что хотѣлъ допить кофе, какъ тронули снаружи за ручку двери.

— Войдите,—обернулся Михаилъ и, не донеся стаканъ до рта, поставилъ его обратно.

— Пожалуйте-съ.

Въ дверяхъ стоялъ тотъ же камердинеръ съ непроницаемымъ выраженіемъ лица.

— Князь одинъ?—спросилъ Гуракинъ.

— Такъ точно-съ.

Камердинеръ посторонился, давая дорогу Михаилу. Оставшись одинъ, онъ поднялъ съ полу еще не потухшую, только что брошенную папироску, укоризненно покачалъ головой, щупая коверъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ только что она дымилась, затушилъ о пепельницу и, шевеля губами и что-то шепча про себя, удалился.

Легкой юношеской походкой, звеня шпорами, вошелъ Михаилъ въ большой и свѣтлый кабинетъ своего двоюроднаго дяди. Свитскій генералъ въ домашней тужуркѣ, протянувъ длинныя ноги, выдающія громадный ростъ, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, перелистывая свѣжій номеръ «Journal de St.-Pétersbourg».

— А-а, здравствуй. Что у тебя тамъ случилось?—проговорилъ онъ, не отрываясь отъ газеты и, передвигая янтарный мундштукъ съ папиросой въ уголъ рта, медленно затянулся дымомъ. Михаилъ молчалъ. Князь Алексѣй Васильевичъ поднялъ на него вопро-

сительный взглядъ и улыбнулся; при этой улыбкѣ лицо его стало схоже съ лицомъ Михаила: тѣ же голубые глаза, тотъ же орлиный носъ, то же мягкое и безпечное выраженіе, но лицо князя было крупнѣе и значительнѣе. Особенностью его былъ большой выдавшійся впередъ подбородокъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Ennuis d'argent?—еще разъ переспросилъ князь, выпуская изо рта струю синяго дыма.

Михаилъ, сѣвшій было на кресло, порывисто всталъ и, не находя словъ, сморщивъ брови и закрывъ глаза, потиралъ пальцами лобъ.

— Хуже, mon oncle, гораздо хуже... Я пришелъ просить твоего совѣта и поддержки... Помоги мнѣ... вѣрнѣе, намъ.

— Histoire de femme?

Михаилъ вмѣсто отвѣта утвердительно кивнулъ головой.

— Кто же?—щурясь на выпущенный кольцами дымъ, спросилъ князь.

Натали Волынская.

— Опасная женщина! Mais je ne vois pas le danger. Волынскій, à ce qu'il parait, est très джентльменъ и даетъ ей полную свободу.

— Elle est enceinte...

— А-а-а... Это неосторожно. Однако, я все-таки не вижу драмы. Хотя до сихъ поръ Волынскій и не озаботился сдѣлать ее матерью, однако, это не исключаетъ возможности...

— Исключаетъ абсолютно: Натали никогда не была женой своего мужа.

— Что за вздоръ!—спокойно перебилъ князь.— Волынскаго я знаю давно и кое-что мнѣ извѣстно изъ его интимной внѣсемейной жизни. Сущій вздоръ!

— Позволь, mon oncle, но то, что я тебѣ сейчасъ сказалъ,—я знаю отъ... самой Натали.

— Н-ну... Интереснымъ женщинамъ мы, конечно, вѣримъ легко, а въ особенности, если онѣ любятъ насъ. Ты, пожалуйста, на меня не обижайся: самъ знаешь, что я первый готовъ быть рабомъ женщины; я не осуждаю ее. Что же она хочетъ?

— Не она хочетъ, а я хочу имѣть ее своей женой.

— Ты не горячись, мой другъ. Очевидно, это твой первый романъ съ порядочной женщиной...

— Да, mon oncle, ты не ошибся.

Князь, что-то соображая, медленно сталъ раскуривать новую папиросу.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе не кидайся сломя голову. Волынская, кромѣ того, что старше тебя лѣтъ на пять, очень ловкая и неглупая женщина. Она сумѣетъ обойти мужа, или мужъ позволитъ обойти себя, все пройдетъ безъ скандала и, вѣрь мнѣ, tu la gardera comme amie.

— Я на это не согласенъ.

— А она?

— И она тоже, я думаю.

— То есть, ты думаешь или ты увѣренъ?

— Она любитъ меня...

— Ей не шестнадцать лѣтъ, чтобы бояться связи. Видишь ли, мой другъ, ты такъ кипятишься, что для меня становится яснымъ, что главнымъ образомъ она желаетъ развода. И скажу тебѣ серьезно, что совершенно напрасно elle préfère t'avoir pour mari, au lieu de te garder comme ami. Къ чему этотъ скандалъ? Къ чему подымать на ноги весь нашъ grand monde, доводить до свѣдѣнія двора, срамить Волынскаго, гнать разводъ на курьерскихъ—ты вѣдь говоришь, что она беременна,—огорчать твоего отца и бабку...

Не понимаю тебя, а тѣмъ болѣе Натали Волынскую, Прекрасное у нея положеніе, умный и сановный мужъ...

— Да я-то, я-то, mon oncle, не желаю быть въ роли подлеца.

Князь поморщился:

— При чемъ тутъ подлость? Тебѣ двадцать одинъ, а ей двадцать пять... Въ концѣ концовъ, что же ты отъ меня хочешь?

— Я васъ прошу, я васъ умоляю, поѣзжайте къ баронессѣ Кернъ; вы знаете, какъ она дружна съ Волынскимъ, и попросите ее убѣдить его дать разводъ. Кромѣ того, баронессу любитъ герцогиня; если она будетъ за насъ, то и герцогиня захочетъ сказать двa-три слова въ нашу пользу тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

— Такъ... Вижу, что загорѣлось. Ну, а скажи мнѣ, Натали Волынская сказала мужу о своемъ положеніи?

— Да.

— И что же онъ?

— Il accepte, не хочетъ скандала.

— А вы все-таки хотите. Неблагоразумно... Вотъ что я тебѣ скажу, mon pauvre garçon: самъ знаешь, въ какихъ передѣлкахъ я бывалъ, значитъ могу понять тебя и, если необходимо, то и помочь, а потому прошу тебя, обсуди хладнокровно свое положеніе, поговори еще съ кѣмъ-нибудь, и если черезъ недѣлю ты не измѣнишь своего рѣшенія, то нечего дѣлать: я съѣзжу къ баронессѣ Кернъ. Съ отцомъ тебѣ придется круто. Ты какъ думаешь?

— Да, папа этихъ вещей понять не можетъ; да и многаго другого,—вздохнулъ Михаилъ.

— Тебѣ деньги, можетъ, нужны?—спросилъ князь, очевидно, понявъ, на что «многое другое» намекалъ Михаилъ.

— Н-нѣтъ, благодарю... Я не къ тому.

— Знаю, что не къ тому. Возьми, если надо. Тамъ на столѣ возлѣ чернильницы. Гвардейцу всегда нужны деньги, твой отецъ ужъ это забылъ.

Вскорѣ Михаилъ вышелъ изъ кабинета князя и, пройдя длинный рядъ парадныхъ комнатъ, спустился по небольшой лѣстницѣ; не постучавшись, онъ вошелъ въ отдѣльно расположенныя комнаты молодого князя, съ которымъ вмѣстѣ росъ съ девятилѣтняго возраста, а теперь служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ одномъ полку. Молодой князь, несмотря на поздній часъ, только что всталъ и, ворча и отрывисто бранясь, спѣшно одѣвался. Лакей, приставленный къ его услугамъ, метался изъ стороны въ сторону, подбирая съ пола вещи, брошенныя нетерпѣливой рукой молодого князя, подавая ему то одно, то другое, не успѣвая отгадывать его желанія и покорно и безотвѣтно выслушивая окрики и брань.

— Подай золотыя запонки... Не эти... Говорятъ тебѣ—не эти!.. Экій ты оселъ! Сразу сообразить не можешь. Папиросы!.. Куда ты суешь, чортъ тебя подери!..

Брань молодого князя была прервана появленіемъ Михаила.

— Черезъ сорокъ минутъ отходитъ поѣздъ. Ты, Сергѣй, ѣдешь въ Петергофъ?

— Конечно, ѣду. Подожди меня. Cet ours mal laiché ne sait pas servir; бѣситъ съ утра.

— Охота тебѣ!—пожалъ плечами Михаилъ, останавливаясь передъ зеркаломъ и разглаживая небольшіе холеные усы.

Князь Сергѣй былъ похожъ на отца только фигурой и отчасти лицомъ. Характеромъ же походилъ на

мать: легко и скоро раздражался, былъ деспотиченъ и съ дѣтства проявлялъ большую властность.

Вскорѣ онъ былъ одѣтъ, и оба гвардейца, перекидываясь отрывистыми фразами, звеня шпорами и гремя палашами, быстро сбѣжали по мраморной, устланной алымъ бархатнымъ ковромъ, лѣстницѣ въ вестибюль, гдѣ парадный и строгій швейцаръ въ красной ливреѣ съ гербами сдержанно-почтительно накинулъ имъ на плечи шинели и раскрылъ передъ ними тяжелую, кованую бронзой дверь. Морозный воздухъ бодрящей струей наполнилъ молодыя груди и еще болѣе разрумянилъ свѣжія здоровыя лица.

Въ это самое время княгиня Анна Валеріановна, жена князя Алексѣя, находилась въ своей рабочей комнатѣ, красиво, но холодно обставленной карельской березой. Стоя передъ большимъ круглымъ столомъ, она быстро перекладывала сложенное аккуратно стопками дѣтское бѣлье. Бѣлыя пухлыя руки съ короткими пальцами перебирали, вывертывали каждую вещь, ощупывали швы, пуговицы и передавали стоявшей у того же стола небольшой пожилой дамѣ съ плотно сжатымъ тонкимъ ртомъ и умнымъ, лукавымъ выраженіемъ выцвѣтшихъ глазъ.

— Сколько осталось коленкору отъ этого года?— обратилась княгиня къ дамѣ.

— Двѣсти аршинъ съ лишнимъ.

— Ахъ, какъ медленно шьютъ дѣвицы! Передайте имъ, Ольга Онисимовна, что надо прилежнѣе работать.

— Передамъ, ваше сіятельство.

— Печи въ исправности?

— Все починено.

— Относительно кладовыхъ я дала распоряженіе Петру Семеновичу. Запасы пока перенесите въ другое мѣсто. И кромѣ того, Ольга Онисимовна, ограничьте

пріемъ родственниковъ. Послѣдній разъ, когда я была, въ прихожей толкались какія-то женщины. Что имъ надо въ будніе дни?

— Это пріѣзжія, ваше сіятельство; по особой просьбѣ...

— Не надо... Совсѣмъ этого не надо. Пусть дѣти учатся и работаютъ. Родственниковъ не надо въ будни. Балуются только.

— Кишкина, ваше сіятельство, опять въ лазаретѣ, опять сыпь и нарывы.

— Ахъ, какая съ ней возня!—Княгиня сдѣлала брезгливую гримасу.—Вся она нечистая, противная дѣвчонка. Что говоритъ Карлъ Эдуардовичъ?

— Совѣтуетъ отправить мѣсяца на два въ деревню.

— Хорошо. Я спишусь съ нимъ. А теперь уберите все это и скажите дѣтямъ, что если къ празднику не окончатъ положеннаго бѣлья, то я буду очень недовольна.

Княгиня хотѣла отойти, но, замѣтивъ, что Ольга Онисимовна собиралась еще что-то сказать, остановилась передъ ней:

— Что такое? Говорите.

— Я хотѣла насчетъ Дашеньки, ваше сіятельство.

— Опять вы съ ней!

Княгиня нетерпѣливо пожала плечами, и на ея широкомъ, вульгарномъ лицѣ съ толстыми губами и узкими, почти безъ рѣсницъ глазами выдавилась пренебрежительная улыбка.

— Дашенькѣ предлагаютъ мѣсто камеръ-фрау, ваше сіятельство, на сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ съ полнымъ содержаніемъ и съ увеличеніемъ жалованья каждый годъ, если она берется за шитье тонкаго бѣлья.

— Вотъ еще глупости! Что за камеръ-фрау! Къ кому же это?

— Къ Головинымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ! Хочетъ изъ себя барышню корчить. Круглая, бездомная сирота,—нечего ей въ «мондъ» лѣзть. Голову свернутъ ей тамъ. Замужъ должна идти. Афанасій мужикъ хорошій, бить ее не будетъ, я дамъ ей приданое и отдѣльную избу, пусть хозяйничаетъ надъ птичьимъ дворомъ въ Славянкѣ. Скажите, пожалуйста, что ей лучшаго надо?

У княгини забѣгали злобно и безпокойно маленькіе острые глазки, и она нервно поправляла по-мужски завязанный галстукъ на крахмальномъ воротникѣ англійской блузы.

— Молода она, ваше сіятельство: всего-то девятнадцать лѣтъ; хорошая дѣвушка—любимица всего пріюта была,—мягко заступилась Ольга Онисимовна.

— А идти въ услуженіе къ чужимъ людямъ не молода? Глупости, глупости!

— Все-таки же она четырехклассное училище кончила, ваше сіятельство, а идти замужъ за сѣраго мужика...

— Скажите, пожалуйста! А сама-то она развѣ не сѣрая мужичка?—вскипятилась княгиня и, какъ бы пораженная изумленіемъ, сѣла въ кресло и, строго глядя на Ольгу Онисимовну, храбро выдержавшую пристальный взглядъ, нѣсколько секундъ молчала.

— Я пріютъ основала не съ тѣмъ, чтобы изъ мужичекъ дѣлать барышень,—продолжала она, опираясь руками о ручки кресла и продолжая внушительно смотрѣть на начальницу пріюта.—Я ихъ кормлю, одѣваю и учу для того, чтобы онѣ вернулись въ свою среду и были бы тамъ полезны, а барышень у насъ и безъ того слишкомъ много. Позвоните, Ольга Онисимовна

Черезъ минуту вошла стройная молодая дѣвушка, смуглая, черноволосая, съ живымъ, все время переливающимся румянцемъ. Она остановилась у двери въ почтительной позѣ.

— Собери все это бѣлье,—обратилась къ ней княгиня сухимъ и повелительнымъ тономъ.—Ольга Онисимовна мнѣ сказала о твоемъ желаніи поступить въ услуженіе къ Головинымъ...

— Ваше сіятельство,—робко пролепетала дѣвушка.

— Молчи. Я не разрѣшаю этого. Ты должна шить свое приданое и выйдешь замужъ за Афанасія. Выкинь всякій вздоръ изъ головы.

— Ваше сіятельство, умоляю васъ...—шагнувъ отъ двери и готовая расплакаться, опять залепетала дѣвушка.

— Убери бѣлье!—не глядя на нее, еще разъ повторила княгиня, поднялась съ кресла и, плотная и широкая въ плечахъ, съ зализанными, туго свернутыми на макушкѣ прядями свѣтлыхъ волосъ, тяжело ступая, она, не оборачиваясь, вышла изъ комнаты.

Въ спальнѣ на глубокомъ атласномъ диванѣ была аккуратно разложена черная монашеская ряса и скуфья. Надѣвъ скуфью и поверхъ англійской блузки монашескую рясу, взявъ со стола агатовыя четки и придавъ лицу строгое и молитвенное выраженіе, княгиня, пройдя свою гостиную и кабинетъ, вошла въ маленькую полутемную молельню и тамъ, поправивъ огонь лампады, грузно опустилась на колѣни, шепча молитвы и перебирая четки, оставалась одна больше часу, вплоть до того времени, когда донесся изъ сосѣдней комнаты бой часовъ и настало время идти къ завтраку.

II.

Гуракина—бабка Михаила, хорошо сохранившаяся, строгая, величественная старуха, съ гладко расчесанными на широкій проборъ сѣдыми волосами, прикрытыми наколкой изъ «chantilly», прямо держащая полный, всегда затянутый въ корсетъ бюстъ, вся въ черномъ, которое она не снимала уже второй десятокъ лѣтъ со смерти своего супруга, сидѣла въ угловой пунцовой бархатной гостиной, выложенной широкими полосами, вышитыми шерстью собственноручной работы и, положивъ на табуретку ноги въ туфляхъ съ пробковыми подошвами и очень высокими французскими каблуками, увеличивающими ея небольшой ростъ, вязала длиннымъ костянымъ крючкомъ неизмѣнно повторяющуюся работу—шерстяные шарфы для бѣдныхъ. Напротивъ старухи у того же стола, накрытаго гранатоваго цвѣта плюшевой скатерью, положивъ книгу на столъ, читала вслухъ «Войну и Миръ» оставшаяся въ дѣвушкахъ тридцатипятилѣтняя близорукая, скромная, крайне просто одѣтая, начинающая полнѣть—дочь ея Мари. Не отрываясь отъ книги, она время-отъ-времени протягивала руку и ловила большой клубокъ голубой шерсти, подкатывавшійся къ краю стола и готовый упасть. Лампа подъ темно-голубымъ абажуромъ бросала ровный, яркій кругъ на столъ, лежащую на ней книгу и вздрагивавшій по ниткѣ клубокъ шерсти, оставляя въ пріятномъ матовомъ свѣтѣ лицо старухи и ея дочери—Мари Гуракиной.

...«Вдругъ все зашевелилось,—читала Мари Гуракина низкимъ груднымъ голосомъ,—толпа заговорила, подвинулась, опять раздвинулась, и между двухъ разступившихся рядовъ, при звукахъ заигравшей музыки, вошелъ государь...»

— Combien il était admirable!—какъ бы про себя произнесла старуха Гуракина.

Дочь почтительно прервала чтеніе.

— Онъ былъ красивѣе государя Александра II?—спросила Мари по-французски, какъ обыкновенно принято было говорить въ этомъ домѣ.

— Александръ Павловичъ былъ обаятеленъ, c'était un charmeur, дамы по немъ съ ума сходили. Императоръ Александръ II чаруетъ par sa douceur, sa bonté divine. Его не понимаютъ, многіе не понимаютъ,—съ укоризной и торжественной почтительностью въ голосѣ произнесла Гуракина, разматывая съ клубка нитку и роняя ее на коверъ. Мари подождала еще секунду и, видя, что мать готова слушать дальше, продолжала чтеніе. Въ сосѣдней комнатѣ послышался звонъ шпоръ, и въ дверяхъ появился Михаилъ, внося съ лицомъ, разрумянившимся отъ мороза, струю холоднаго зимняго воздуха. Придерживая одной рукой палашъ, онъ, почтительно нагнувшись, поцѣловалъ пухлую теплую руку своей бабки, затѣмъ подошелъ къ теткѣ, хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она, по обыкновенію, расцѣловалась съ нимъ въ губы. Ласковая улыбка озарила ея полное доброе лицо при видѣ любимаго племянника.

— Что-жъ ты обѣдать не пріѣхалъ?—обратилась къ внуку Гуракина, не отрываясь отъ работы.

— Простите, grand'maman. Надѣюсь, что моя записка не опоздала? Сегодня folle journée у герцогини, и я предвидѣлъ, что не освобожусь.

— Весело было?

— Очень оживленно.

— Кто же были изъ интересныхъ дамъ?—спросила Мари, не любившая выѣздовъ и не ѣздившая на нихъ,

хотя имѣла, по положенію матери, всегда близко стоявшей ко двору, всѣ данныя.

— Много было... Нарышкина была хороша, Безобразова, дочь англійскаго посла, la petite Нинишъ Огарева...

— И Волынская была?—спросила Гуракина, вскидывая на одну секунду пытливый взглядъ на внука.

— Да, была...

Михаилъ внезапно покраснѣлъ и, раздосадованный на себя, нахмурился и сталъ крутить усы.

— Съ мужемъ?—продолжала разспрашивать старуха.

— Кажется, да... а, впрочемъ, нѣтъ...

Желая перемѣнить тему разговора, Михаилъ началъ описывать недавнія празднества въ полку, увлекая своими разсказами Мари, всегда интересующуюся и горячо принимающую къ сердцу все, что соприкасалось съ жизнью племянника, котораго она обожала за его красоту, доброе, отзывчивое сердце и неудержимо широкую, порывистую натуру. Это послѣднее качество старая Гуракина всегда сурово порицала вслухъ, но въ глубинѣ души она любила внука именно такимъ, каковъ онъ былъ.

— На-дняхъ я получила письмо отъ твоего отца,— прервала старуха длинный разсказъ внука.—Жалуется очень на здоровье. Пишетъ, что усталъ жить. Совсѣмъ сталъ лѣснымъ медвѣдемъ. Спрашиваетъ о тебѣ. Ты сталъ ему рѣже писать,—это нехорошо.

Лакей доложилъ, что поданъ самоваръ, и Мари поднялась съ мѣста.

— Ты насъ подождешь, Мари, въ столовой; мнѣ надо сказать Мишѣ нѣсколько словъ.

Мари съ легкимъ безпокойствомъ поглядѣла на мать. Она знала, что та очень цѣнила свои слова,

рѣдко кому выговаривала, но если имѣла сказать кому-нибудь «нѣсколько словъ», то это означало что-нибудь серьезное. Выросшая подъ деспотическою властью матери, которую Мари глубоко уважала, любила, но до сихъ поръ слегка боялась и безпрекословно слушалась, уничтожая свои желанія въ угоду матери, она всѣмъ существомъ привязалась въ малюткѣ-Мишѣ, котораго въ пеленкахъ Гуракина взяла къ себѣ изъ дома сына, потерявшаго жену вскорѣ послѣ родовъ перваго ребенка. Девять лѣтъ мальчикъ прожилъ подъ крыломъ доброй, баловавшей его тетки, тогда еще молодой цвѣтущей дѣвушки, выѣзжавшей наравнѣ со старшей сестрой въ большой свѣтъ, но всегда готовой промѣнять балы и вечера на возможность самой уложить и дать пошалить съ собой рѣзвому мальчику.

Первые уроки языковъ, правописанія и музыки Мари взяла на себя, и эти занятія еще больше привязали ее къ ребенку.

Неожиданно воля отца Михаила положила конецъ радостямъ Мари. Склонясь на просьбы близкаго родственника своей покойной жены—князя Алексѣя Васильевича, онъ отдалъ ему сына, находя, что исключительно женская атмосфера можетъ быть ему вредна.

Изъ строго-патріархальной атмосферы гордой старухи Гуракиной и матерински-нѣжной ласки тетки Михаилъ попалъ въ пышный домъ князя Алексѣя Васильевича, гдѣ онъ нашелъ гувернера, учителей и товарища для игръ, забіяку, нервнаго и не всегда добраго маленькаго князя Сергѣя. Княгиня ежедневно присутствовала на какомъ-либо изъ уроковъ мальчиковъ, входила въ ихъ жизнь, но вліянія на нихъ не имѣла, тогда какъ князь, видавшій дѣтей рѣже, сумѣлъ сразу привязать къ себѣ живого, полнаго порывовъ и проказъ маленькаго Михаила. Съ годами

какъ-то незамѣтно онъ сталъ любимцемъ всего дома, и теперь князь Алексѣй Васильевичъ и слышать не хотѣлъ, чтобы Михаилъ переѣхалъ отъ него куда бы то ни было. Несмотря на разлуку, отношенія тетки и племянника остались тѣ же, и никто не умѣлъ сочувствовать во всемъ Михаилу такъ, какъ его тетка Мари, которую онъ любилъ хотя и эгоистичной, но глубокой любовью. Ей никогда и въ голову не приходило критиковать слова или дѣйствія матери, однако во всемъ, что касалось племянника, она мысленно становилась на его сторону, нерѣдко плакала и избѣгала мать въ тѣхъ случаяхъ, когда она бывала недовольна внукомъ. Теперь, пройдя въ столовую, она разсѣянной рукой всыпала чай въ китайскій чайникъ и, думая о другомъ, пролила кипятокъ изъ серебрянаго самовара. Изъ угловой гостиной, расположенной за заломъ и парадной пріемной, не доносилось въ столовую ни слова, и Мари, озабоченно покачавъ головой, достала изъ кармана свернутую въ трубочку полотняную полосу англійскаго шитья и, близко къ самой работѣ наклонивъ лицо и щурясь, принялась машинально обшивать бѣлой ниткой обведенные синимъ карандашомъ кружки и листочки.

Между тѣмъ Гуракина нѣсколько минутъ молча продолжала вязать.

Это намѣренное, какъ показалось Михаилу, молчаніе дѣлалось ему крайне тягостнымъ; онъ предвидѣлъ, о чемъ будетъ говорить его строгая бабка. Призывая себя къ спокойствію и увѣренности, онъ досталъ было портсигаръ, но, вспомнивъ, что въ ея присутствіи курить нельзя, принялся вертѣть его, держа пальцами за противоположные углы.

— Вчера у меня была баронесса Кернъ...

При этихъ словахъ что-то дрогнуло въ сердцѣ

Михаила. Онъ не ошибся: предстояло тяжелое объясненіе.

— И передала мнѣ тотъ разговоръ, который она имѣла на-дняхъ съ княземъ Алексѣемъ Васильевичемъ... Ты, конечно, понимаешь, о чемъ я говорю?— добавила старуха черезъ небольшую паузу, все еще продолжая работать и не глядя на внука.

Михаилъ, внутренно волнуясь, но не выдавая ничѣмъ этого волненія, кромѣ безцѣльнаго перекладыванія портсигара изъ кармана въ карманъ, собирался съ мыслями и искалъ выраженія, которыя могли бы быть наиболѣе полезными и убѣдительными въ этомъ случаѣ.

— Случилось большое несчастіе, grand'maman... Dieu l'avoulu...

Гу́ракина опустила работу на колѣни и, внушительно поднявъ брови, строгими глазами смотрѣла на смущеннаго, мѣняющагося въ лицѣ юношу.

— Не несчастіе, мой другъ, а распущенность, развратъ. Какъ ты можешь искать для себя защиты, называя это волей Бога?! Ты вдвойнѣ грѣшишь... И что же? Какъ я слышала, ты намѣренъ на ней жениться?

Слова «на ней» Гуракина произнесла съ подчеркнутымъ чувствомъ презрѣнія.

— Конечно.

— Ахъ, какъ ты самоувѣренъ въ своихъ поступкахъ! Ты говоришь «конечно», самъ того не замѣчая, что твое рѣшеніе мало обдумано...

— Я много думалъ.

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не перебивай меня, мой другъ, и выслушай все, что я обязана тебѣ сказать. Оба вы поступили противъ законовъ нравственности, которыя я такъ тщательно всегда внушала тебѣ, и противъ заповѣди Божьей. Не умаляя твоей

вины, я еще болѣе осуждаю «ее». Кромѣ того, что она старше тебя на пять лѣтъ, она замужняя женщина, и ея долгъ оберегать не только свою, но и честь мужа. Она и дѣвушкой не отличалась скромностью. На что она шла, на что разсчитывала, окунаясь въ этотъ развратъ?! На поддержку герцогини, которая, sauf le respect que je lui dois, смотритъ слишкомъ легкомысленно на жизнь. Но повѣрь мнѣ, мой другъ, дома, уважающіе свою честь, васъ принимать не будутъ. Это развратъ и соблазнъ для общества.

Гуракина, сложивъ полныя старческія руки на животѣ, нервно подергивая угломъ рта,—что было признакомъ раздраженія,—высоко поднявъ широкія темныя брови, не спускала упорнаго взгляда съ Михаила.

— Теперь ужъ все рѣшено, grand'maman. Натали созналась мужу...

— Неправда! Ложь! Не она созналась, а онъ ей самъ сказалъ. Я это знаю достовѣрно. Она молча лгала мужу, а теперь лжетъ тебѣ, потому что ей блажь пришла сдѣлаться женой мальчишки-кавалергарда. Ея мужъ настолько благороденъ и добръ, что согласенъ оставить ее у себя, позорному послѣдствію ея разврата—дать свое имя и...

— Но вѣдь это подлость!

— Нѣтъ, ты совсѣмъ, совсѣмъ еще мальчишка! Ты не можешь, очевидно, понять, что другой на его мѣстѣ со скандаломъ выгналъ бы ее вонъ безо всякихъ разговоровъ, предварительно избивъ ее до полусмерти. Онъ былъ бы правъ, и она этого достойна. Въ наше время, мой другъ, женъ били плетками за озорство и жаловаться некому было, потому и боялись мужей. «Она» должна теперь въ ногахъ валяться у него, прощенія вымаливать, нести покорно тяжесть

своего позора, Богу молиться, а она что дѣлаетъ?! Да разрѣшатъ ли тебѣ еще жениться! Ты объ этомъ подумай раньше.

— Натали надѣется, что герцогиня поможетъ намъ.

— Пожалуйста, въ моемъ домѣ не смѣй произносить имени этой женщины. Я запрещаю. И какъ тебѣ не стыдно было лѣзть въ этотъ омутъ? Что ты приготовилъ себѣ? Какой ударъ ты наносишь отцу! Жениться на женщинѣ, которую семья не хочетъ принять! Вѣдь это срамъ для твоего имени? Tu dois porter avec dignité la noblesse de ton blason, qui a été toujours immaculé. Не бросайся очертя голову; быть можетъ, она сама образумится и пойметъ.

— Но время не терпитъ, grand'maman... elle... elle est...

— Знаю, знаю!.. Не говори, не повторяй при мнѣ. Скандалъ, разумѣется, скандалъ. За границу пусть уѣдетъ. Другая бы на ея мѣстѣ пряталась отъ свѣта, а она ѣздитъ на folles journées... Одумайся, мой другъ, говорю тебѣ, одумайся и не убѣждай ее итти противъ воли мужа; не наноси удара своей семьѣ.

Старуха сложила работу въ большой шелковый мѣшокъ pompadour и, перекинувъ на руку шнурки, шумно отдвинула кресло и, неслышно ступая мягкими подошвами по паркету, слегка закинувъ голову и шурша шелковымъ подоломъ платья, пошла въ столовую. Слѣдомъ за ней, хмуря брови, кусая влажныя алыя губы, съ разстроеннымъ лицомъ вошелъ въ столовую Михаилъ. Мари, по первому же взгляду на мать и племянника, поняла, что произошло нѣчто серьезное и непріятное.

Разливая по чашкамъ чай и стараясь поддерживать безпрестанно обрывавшійся разговоръ, она бросала на Михаила ободряющіе взгляды, но тотъ избѣ-

галъ ихъ и сидѣлъ насупившись, кусая нижнюю губу и неохотно отвѣчая. Ничего не замѣчавшая, вышедшая къ чаю старая англичанка миссъ Іонстъ, воспитавшая всѣхъ дѣтей Гуракиной, сосредоточенно намазывала большой кусокъ хлѣба и тоже поддерживала общій разговоръ.

Высокая, рыжая, съ накладными волосами, всѣмъ привѣтливо улыбавшаяся, съ двумя рядами большихъ, слишкомъ ровныхъ и бѣлыхъ зубовъ, она ежеминутно то подбирала, то распускала губы, неизмѣнно вязала для бѣдныхъ Гуракиной шерстяные шарфы канареечно-желтыхъ или ярко-красныхъ и зеленыхъ цвѣтовъ, жила на полномъ покоѣ, никогда не разлучаясь съ семьей Гуракиной, и всю свою заботу сосредоточивала теперь на обильномъ питаніи собственнаго тѣла, крѣпкаго и мускулистаго. Что бы ни происходило въ домѣ, она никогда ничего не замѣчала или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ, и знала и говорила только о томъ, о чемъ ей говорили. Поэтому ея присутствія стѣснялись мало.

— Very goot butter,—ни къ кому не обращаясь, плотно поджимая губы и намазывая толстый слой, проговорила она.

— Это изъ деревни, миссъ Іонстъ,—по-англійски отвѣтила Гуракина.

— Yes, yes, I know...—замотала головой англичанка, улыбаясь и показывая фальшивые зубы.

Михаилъ взглянулъ на англичанку, и неожиданно изъ угрюмаго его лицо приняло шаловливо-веселое выраженіе. Онъ мигнулъ теткѣ и сталъ подвигать къ англичанкѣ все, что было съѣдобнаго на столѣ.

— Thank you, thank you,—улыбалась та, и губы заходили быстрѣе, поджимаясь и расправляясь, а глаза заботливо и жадно забѣгали по тарелочкамъ.

Послѣ чаю Мари, подъ предлогомъ какихъ-то стиховъ, которые племянникъ обѣщалъ переписать ей, позвала его къ себѣ, и едва онъ переступилъ порогъ большой веселой комнаты, раздѣленной драпировкой на двѣ части—спальню и будуаръ, какъ она, плотно закрывъ за нимъ дверь и подойдя къ нему вплотную, спросила взволнованнымъ шопотомъ, хотя никто не могъ ихъ слышать:

— Миша, что случилось? Ты долженъ мнѣ все сказать.

— Неужели ты сама не догадываешься, тетя?

— Да нѣтъ же... Съ отцомъ что-нибудь? Долги?

Михаилъ нетерпѣливо повелъ плечомъ:

— Ахъ, нѣтъ!.. Совсѣмъ не то... Натали Волынская.

— Да что Натали Волынская? Говори же наконецъ.

— Je suis forcé, понимаешь ли—forcé de l'épouser.

— Что ты говоришь, Миша?.

Мари испуганно потянула его за обшлагъ мундира и нѣсколько секундъ, стоя съ закрытыми глазами въ молчаливомъ отчаяніи, качала головой.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ... Какой ужасъ, какой скандалъ!.. Неужели нѣтъ иного исхода? Садись сюда, рядомъ со мною,—она сѣла на низенькій, обитый яркимъ кретономъ диванчикъ.—Разскажи мнѣ все, ты вѣдь знаешь,—я все пойму. Волынскій этого требуетъ?—испуганными глазами глядя въ лицо племянника, допрашивала Мари.

Михаилъ покачалъ отрицательно головой.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Онъ согласенъ все скрыть, она сама хочетъ развода. Ты же понимаешь, она любитъ меня... ребенокъ будетъ...

— Да, да, я понимаю... ну, а ты, Миша, ты тоже ее любишь?

— Конечно, тетя, конечно.

— И ты тоже настаиваешь на разводѣ?

— Я долженъ сдѣлать такъ, какъ она захочетъ.

— Да, да... Я понимаю... Ну, а если бы она согласилась остаться съ мужемъ?

Мари пытливо смотрѣла въ глаза племянника.

— Я долженъ буду покориться.

Мари, точно вникая въ какую-то мысль, на секунду прижала руку ко лбу, рѣшительно отдернула ее, положила обѣ ладони на плечи племянника и не спѣша проговорила:

— Миша, будь остороженъ, умоляю тебя. Ты любишь ее меньше, чѣмъ это самъ думаешь. Натали взбалмошная и капризная; ей нравилось, что герцогиня покровительствовала вашимъ встрѣчамъ, очевидно, не подозрѣвая, что изъ этого выйдетъ. Она не годится тебѣ въ жены... Ты такъ молодъ, такъ неопытенъ...

— Ахъ, нѣтъ, тетя Мари, ты не знаешь,—она меня такъ любитъ... Что же я долженъ дѣлать?

— Да, да, я понимаю... Вчера, видишь ли, была у мамà баронесса Кернъ. Я вернулась съ прогулки, когда она уже прощалась. Теперь я понимаю, о чемъ онѣ говорили. Мамà была взволнована и нѣсколько разъ повторила ей: «убѣдите ее не портить ему карьеры и избѣжать скандала». Очевидно, баронесса Кернъ должна переговорить съ Натали. Погоди немного, не пиши отцу, дай ей одуматься.

— Но эта трусость, тетя...

— Миша, Миша, надо же думать и о тѣхъ другихъ, кто тебя любитъ и кого ты можешь смертельно ранить. Мамà не перенесетъ этого скандала, твой отецъ—онъ можетъ заболѣть, лишить тебя наслѣдства...

Въ дверь осторожно постучались. Мари испуганно заметалась:

— Кто тамъ?

— Генеральша просятъ въ гостиную пожаловать,— раздался за дверью голосъ лакея.

Мари наскоро напудрила разгоряченное волненіемъ лицо и торопливо замахала племяннику:

— Иди же, иди... Скажи, что стихи переписывалъ.

III.

— Милая Натали, вы находитесь въ томъ состояніи, въ которомъ человѣкъ здраво разсуждать не можетъ; вы разстроены, взволнованы, вы, passez-moi le mot, закусили удила... слушайтесь разумныхъ совѣтовъ, trouvez votre équilibre,—говорила вполголоса маленькаго роста, щуплая, среднихъ лѣтъ, вся сухая, острая, тонкая, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ баронесса Кернъ, вдова, принятая ко двору, умѣвшая своей холодной корректностью и ригористично-строгимъ осужденіемъ всего, что не «comme il faut», завоевать если не общую симпатію, то общее уваженіе, смѣшанное со страхомъ.

— Ахъ, баронесса, вы не можете, не можете меня понять. Вы не знаете, что я переживаю. Это адъ, это муки... Хотите еще чаю? Passez-moi votre tasse... Ахъ, какъ я несчастна, какъ я страдаю, одинъ Богъ только знаетъ!—доливая кипятокъ изъ серебрянаго спиртового чайника, сервированнаго на низенькомъ плюшевомъ столѣ въ голубой красивой, какъ бомбоньерка, гостиной, говорила, съ яркимъ румянцемъ возбужденія на смугломъ красивомъ лицѣ, молодая брюнетка съ неправильными, но привлекательными чертами лица, съ яркими черными глазами и чуть замѣтнымъ пушкомъ надъ верхней губой красиваго, но капризнаго рта.

— Вы говорите: Поль (хотя баронесса ровно ничего не говорила),—продолжала она, нервно сдвигая и надвигая на палецъ обручальное кольцо, ну, да,—Поль благородный, порядочный человѣкъ, я очень цѣню его доброту, его готовность «все простить», какъ онъ выражается, но мнѣ-то что изъ этого? Я его не люблю, я не могу съ нимъ жить; да и онъ самъ со временемъ будетъ тяготиться нашей совмѣстной жизнью при такихъ условіяхъ.

— И все-таки, chère enfant, это лучше скандала. Вы должны сдѣлать все, чтобы его избѣжать. Надо пощадить его имя.

— Ахъ,—Натали Волынская досадливо махнула рукой,—развѣ все это можно скрыть?! То, что случилось, вернуть невозможно; et puis cette position...—Натали выразительно опустила глаза.—Я восемь лѣтъ замужемъ, дѣтей не было... Наконецъ, онъ отлично зналъ, что Гуракинъ увлекался мною, что не было бала, не было собранія, чтобы мы не встрѣчались у герцогини. Да что ужъ говорить объ этомъ!.. Пусть меня считаютъ сумасшедшей и какой хотятъ, но я люблю его и хочу быть его женой. Я сдѣлаю все, я на все пойду.

— Натали, потерять ваше положеніе, связать свою судьбу съ такимъ юнымъ, легкомысленнымъ мальчикомъ!.. Подумайте только! Его балуютъ и на рукахъ носятъ за его красоту, за его живость и блестящія способности, но быть его женой—о, это дѣло иное! Повѣрьте мнѣ, что такіе блестящіе красавцы—опасные мужья. Мы его уговоримъ, отправимъ на годъ за границу; мало ли что въ жизни случается... Le principal c'est de savoir sauver les apparences. Кромѣ того, chère enfant, я знаю его отца—это непреклонный старикъ, какъ и его бабка Гуракина. Vous aurez du fil à retordre, croyez-le moi.

— Я ко всему готова, милая баронесса, даже и къ тому, что вы, быть можетъ, скоро меня и знать не захотите, но пока этого еще нѣтъ,—улыбнулась Натали чарующей улыбкой,—прошу васъ protégez-nous, будьте нашимъ ангеломъ-хранителемъ и тогда, я увѣренъ, мнѣніе свѣта будетъ за насъ. Надо какъ можно скорѣе просить герцогиню заступиться за насъ. Я знаю, chère baronne, никто не сумѣетъ этого устроить такъ хорошо и тактично, какъ вы. Я умоляю васъ, дорогая, хорошая, поговорите, похлопочите. Боюсь, qu'elle ne soit d'accord avec mon mari; она его такъ любитъ.

— Она и васъ, chère amie, очень любитъ. Если захочетъ стать на вашу сторону—кого угодно убѣдитъ въ вашей правотѣ: c'est une charmeuse.

Долго еще бесѣдовали обѣ дамы, и чѣмъ ласковѣе становилась Натали, чѣмъ крѣпче сжимала сухую руку баронессы, чѣмъ интимнѣе вводила ее въ подробности своей любви къ Мишелю Гуракину, тѣмъ слабѣе становились протесты и призывы къ благоразумію баронессы. Опытная и дальновидная во всѣхъ дѣлахъ, касающихся свѣтскихъ интригъ, она прикидывала въ умѣ всѣ шансы, могущіе выиграть или проиграть дѣло развода, котораго такъ страстно желала влюбленная въ юнаго Гуракина Натали. Необходимо было расположить герцогиню въ пользу влюбленныхъ, а затѣмъ и общее мнѣніе, легко подчиняющееся силѣ притяженія къ пышнымъ дворцамъ величественной набережной, будетъ за нихъ.

— Пойдите, пойдите къ нему, chère baronne, поговорите, попросите, убѣдите его. Онъ васъ всегда слушался,—крѣпко сжимая обѣ руки баронессы и умоляюще глядя на нее, говорила Натали, кивая при словѣ «онъ» въ сторону аппартаментовъ мужа.—Ахъ, chère baronne, что за жизнь теперь у насъ: молчимъ, избѣ-

гаемъ другъ друга, выѣзжаемъ врозь... Господи, когда же это кончится!

Натали прижала къ глазамъ тоненькій кружевной платочекъ и, не въ силахъ сдержать себя, беззвучно разрыдалась.

На другой половинѣ квартиры, гдѣ были расположены офиціальныя пріемныя занимавшаго высокій сановный постъ Волынскаго, въ просторномъ кабинетѣ, за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами, сидѣлъ мужъ Натали и, быстро просматривая и подписывая подаваемыя ему бумаги, передавалъ обратно стоявшему возлѣ въ почтительной позѣ чиновнику.

— Теперь все, рѣшительно все... Свезите сами къ товарищу министра и укажите ему, въ чемъ я расхожусь съ его мнѣніемъ.

Чиновникъ хотѣлъ еще о чемъ-то доложить, но Волынскій болѣзненно поморщился.

— Довольно на сегодня; я усталъ. У меня есть еще дѣла. Завтра утромъ доложите. До свиданія.

Волынскій, слегка привставъ, протянулъ руку и, когда чиновникъ, мягко ступая по ковру, скрылся за безшумно закрывшейся дверью, онъ откинулся на спинку кресла, измученнымъ жестомъ провелъ рукой по лбу и, какъ бы застигнутый нахлынувшими думами, забылъ руку на откинутой головѣ и долго оставался въ этой позѣ глубокой задумчивости. Первое бросающееся всѣмъ впечатлѣніе, производимое имъ, было впечатлѣніе барства и породистости, которой дышала вся его сухощавая, очень высокая фигура съ тонкимъ и острымъ профилемъ, съ пробритымъ подбородкомъ, вдавленнымъ посрединѣ глубокой поперечной ямкой.

Слегка сѣдѣющій брюнетъ, гибкій и изысканный въ своихъ движеніяхъ, владѣющій въ совершенствѣ иностранными языками, говорившій по-французски съ акцентомъ парижанина, утонченно вѣжливый—онъ былъ законченнымъ типомъ царедворца. Свои душевныя движенія онъ такъ умѣло ограждалъ, что никто не могъ составить себѣ яснаго понятія ни о его добромъ или зломъ сердцѣ, ни о его честолюбіи и самолюбіи. Его поступки являлись всегда образцомъ корректности или большого такта.

— On entre?—раздался за дверью слабый женскій голосъ и, не ожидая отвѣта, ручка двери подалась, и усталой походкой вошла баронесса Кернъ.

Волынскій всталъ ей навстрѣчу, слегка дотронулся губами до ея руки, молча придвинулъ кресло и сѣлъ. Съ баронессой Кернъ у него были давнишнія, почти съ дѣтскихъ лѣтъ дружескія отношенія. Хотя онъ самъ никогда первый не разсказывалъ ей никакихъ своихъ дѣлъ, но ей позволялъ говорить о чемъ ей было угодно и не уклонялся отъ прямыхъ отвѣтовъ, если дѣло касалось лично его.

— У васъ нехорошій видъ, Павликъ,—обратилась къ нему баронесса, глядя на него въ лорнетъ съ коротенькой золотой ручкой, которая приходилась у самаго носа.

— Усталъ...—монотонно протянулъ Волынскій.

— Я зашла къ вамъ прямо отъ Натали.

— И что же?—тѣмъ же монотоннымъ голосомъ спросилъ Волынскій.

— Закусила удила...

Волынскій полузакрылъ глаза, пожалъ плечами и нѣсколько разъ слегка ударилъ себя по лбу среднимъ пальцемъ, на которомъ былъ прекрасный перстень съ вырѣзаннымъ для печати гербомъ.

— Психозъ!—поднявъ брови и разсматривая на свѣтъ отточенныя розовыя ногти сказалъ Волынскій, какъ говорятъ о вещахъ, мало касающихся.

— Именно психозъ. Я ее совершенно не узнаю! Влюбиться до такой степени въ мальчишку и въ ея годы—c'est ridicule!.. Однако, Павликъ, надо же предпринять что-нибудь и какъ можно скорѣе... Она способна на что угодно въ такомъ состояніи.

— То есть, что именно предпринять?

— Разводъ... Дайте ей, Павликъ, разводъ.

— Мнѣ кажется, что объ этомъ было бы болѣе своевременно говорить послѣ ея родовъ.

— Но...—баронесса недоумѣвающе-вопросительно уставилась на Волынскаго сквозь лорнетъ.

— Да, да, это такъ... Я понимаю, chère Ольга, вашу мысль, но Натали лжетъ и лжетъ исключительно для Гуракина. Онъ слишкомъ неопытенъ и можетъ повѣрить чему угодно. Я уже вамъ говорю, chère Ольга, что этотъ ребенокъ послѣ столькихъ лѣтъ супружества—мой. Я знаю, какъ и когда произошла ихъ первая встрѣча и Натали знаетъ все это такъ же хорошо, какъ и я.

— И вы до сихъ поръ молчали, Павликъ?

— А кому же я долженъ былъ объ этомъ кричать?—Волынскій холодно и презрительно сощурилъ глаза.—Если бы я былъ такъ же горячъ и неудержимъ, какъ этотъ мальчишка Гуракинъ, я бы, вѣроятно, въ тотъ же день избилъ ее моимъ хлыстомъ...

У Волынскаго въ сощуренныхъ глазахъ мелькнулъ такой жесткій огонекъ, что баронесса Кернъ почувствовала, что если онъ этого не сдѣлалъ, то только потому, что пренебрегъ жену и ея любовника, а не потому, что недоставало мужества.

— Я ей тогда же сказалъ,—продолжалъ Волынскій, мгновенно потушивъ въ глазахъ искры и придавъ лицу обычное спокойное выраженіе, — что до ея родовъ никакихъ разговоровъ вести съ ней не буду.

Баронесса Кернъ съ особеннымъ вниманіемъ слушала теперь Волынскаго. Натали, очевидно, посвятила ее въ свой романъ, скрывъ самое важное, и этимъ подтвердила, что она пойдетъ на все, лишь бы добиться развода и выйти замужъ за баловня и красавца Михаила Гуракина.

— Натали совсѣмъ обезумѣла,—продолжалъ Волынскій, спокойно глядя въ глаза баронессѣ и вертя въ рукахъ большой разрѣзной ножикъ изъ слоновой кости.—Гуракинъ шалый и бѣшеный; je vous certifie, что онъ будетъ ее бить.

— Ахъ, Павликъ, что вы говорите! Онъ прекрасно воспитанъ, хотя, конечно, въ немъ есть что-то неукротимое.

— Je maintiens ce qui j'ai dit.

— Какъ это все непріятно и какъ ненужно,—брезгливо произнесла баронесса, подымаясь съ кресла.

— Это скучно и глупо...

Волынскій поднялся вслѣдъ за баронессой и, провожая ее по длинной залѣ и гостинымъ, говорилъ спокойнымъ, ничего не выдающимъ тономъ о предстоящемъ въ этотъ вечеръ раутѣ у французскаго посланника, гдѣ онъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, непремѣнно долженъ показаться.

На другой день, только что Волынскій послѣ молчаливаго завтрака съ женой, съ которой онъ изъ приличія и ради лакеевъ перекидывался малозначащими общими фразами, собирался пройти къ себѣ въ кабинетъ, какъ ему на серебряномъ подносикѣ

подалъ лакей узкій длинный конвертъ. Волынскій молча пробѣжалъ нѣсколько строкъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ мелкимъ женскимъ почеркомъ, и, отдавъ распоряженіе немедля закладывать карету, вмѣсто кабинета отправился въ гардеробную, чтобы смѣнить черную бархатную куртку на офиціальный костюмъ. Тщательно расчесавъ на сторону сѣдѣющія баки, привычнымъ жестомъ проведя замшевой щеточкой по безукоризненнымъ ногтямъ, натянувъ палевыя перчатки, внушительно-торжественный своей холодной красотой, Волынскій, садясь въ карету, велѣлъ ѣхать къ одному изъ пышныхъ дворцовъ. Молчаливые лакеи въ аксельбантахъ и штиблетахъ, почтительно кланяясь, провели его въ самый конецъ пріемныхъ комнатъ. Почти одновременно изъ противоположной двери вышла высокая, прекрасно сложенная женщина, съ необыкновенно оживленнымъ подвижнымъ лицомъ, одѣтая съ парижской изысканностью и, привѣтливо протягивая руку Волынскому, просила его слѣдовать за собой.

— Allons dans mon petit coin, cher monsieur, je ne veux pas qu'on nous empêche.

Вошли въ небольшую голубую комнату Louis XV, обитую по стѣнамъ цѣнными обюссонами, съ вычурнымъ лѣпнымъ потолкомъ. Герцогиня, когда желала, могла быть обаятельна и, зная это, пользовалась своими чарами во всѣхъ нужныхъ ей случаяхъ. Ея дворъ былъ не только однимъ изъ пышныхъ, но и самымъ веселымъ, благодаря неудержимой живости хозяйки, а также и самого хозяина, тонкаго знатока и любителя женщинъ и вина. Несмотря на свое иностранное происхожденіе, герцогиня очень легко ассимилировалась и усвоила тотъ особенный тонъ, который дѣлалъ возможнымъ и легкимъ сближеніе съ

ней. Она была окружена толпой искреннихъ поклонниковъ; ей завидовали, а потому много злословили и шопотомъ обвиняли въ легкомысленномъ отношенiи къ своему герцогскому достоинству. На выходахъ при большомъ дворѣ она, съ величественной осанкой и формами классической богини, дѣлала строгое и неприступное лицо, которому никто, впрочемъ, не вѣрилъ, а вечеромъ, обнаживъ свои пышныя мраморныя плечи, беззаботно и звонко смѣялась, окруженная въ своемъ дворцѣ влюбленной толпой, безъ устали плясала, пила шампанское и отдавалась радостямъ жизни съ безпечностью избалованной успѣхами красавицы. Про нее говорили elle n'est pas belle, elle est pire.

Волынскiй не зналъ, что часъ тому назадъ въ этой же комнатѣ сидѣла баронесса Кернъ, упрашивая герцогиню устроить дѣло развода, чтобы избѣжать могущей произойти катастрофы въ семьѣ Волынскаго, такъ какъ, увѣряла она, Натали способна даже на самоубiйство, до такой степени она внѣ себя. Герцогиня обѣщала свое полное содѣйствiе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она сама не мало способствовала шаловливому сближенiю Натали съ Гуракинымъ, поддерживала его ухаживанiя и поддразнивала Натали, а, во-вторыхъ, ей давно нравился Волынскiй, и она рѣшила, что теперь насталъ наиболѣе благопрiятный моментъ, чтобы, убѣдивъ его дать свободу женѣ, самой завладѣть имъ, пустивъ въ ходъ всю свою кошачью ласковость и чарующую неотразимость. Какъ и всѣ, она не могла разгадать Волынскаго, и это тѣмъ болѣе дразнило ее и толкало къ нему.

Болѣе часу провелъ Волынскiй наединѣ съ герцогиней. Когда онъ вышелъ, почтительно, съ прiемами опытнаго царедворца, склонившись надъ протя-

нутой ему рукой, въ глазахъ герцогини вспыхивали неудержимо радостные, задорные огоньки хищной птицы, почуявшей близость побѣды надъ укрывавшейся добычей. Лицо Волынскаго было попрежнему матово-блѣдно, глаза полузакрыты не то отъ усталости, не то отъ волненія. На одно едва уловимое мгновеніе онъ дольше задержалъ горячую руку, протянутую ему для поцѣлуя.

IV.

Прошло нѣкоторое время, и всѣ близкіе Михаила Гуракина были встревожены распространившеюся въ «свѣтѣ» новостью, что Волынскій уступилъ просьбамъ жены и согласенъ на разводъ и что свыше дано велѣніе немедля расторгнуть бракъ. Юному гвардейцу разрѣшили вѣнчаться, но съ условіемъ, чтобы онъ оставилъ полкъ и на нѣкоторое время уѣхалъ изъ Петербурга. Одновременно съ этими слухами родня его была огорчена необычайнымъ поведеніемъ Михаила: онъ началъ кутить, и болѣе двухъ недѣль никто даже изъ самыхъ близкимъ не могъ добиться съ нимъ свиданія.

Старая Гуракина упорно молчала, и только высоко поднятыя брови и тикъ въ углу рта выдавали ея скрытое раздраженіе. Мари чуть не ежедневно посылала племяннику записки въ полкъ, умоляя пріѣхать къ нимъ, чтобы переговорить объ очень важномъ дѣлѣ, но отвѣта не получалось, и она, глотая слезы, не рѣшаясь заговорить съ матерью о тревожившей ихъ обѣихъ участи Михаила, тоже молчала и тщетно ожидала каждаго слѣдующаго дня. Она не знала, что ея гордая и властная мать страдала не менѣе ея. Она

отдала своему единственному внуку всю силу любви, хотя никогда не измѣняла себѣ и ничѣмъ не проявляла этого чувства. Никто не зналъ, что, удалясь позднимъ вечеромъ въ свою спальню и собственноручно затепливъ лампаду передъ небольшимъ кіотомъ съ фамильными образами, снявъ наколку изъ кружевъ chantilly и надѣвъ темный шерстяной капотъ, Гуракина, сразу сдѣлавшись маленькой въ мягкихъ суконныхъ туфляхъ безъ каблуковъ, потерявъ неприступный, суровый видъ, благоговѣйно склоняла колѣни на вышитую подушку—работы Мари, и, сложивъ молитвенно руки, подолгу шептала молитвы, крестилась, призывала Владычицу Небесную къ заступничеству о внукѣ, и слезы, старческія, неутѣшныя слезы, струились по морщинамъ скорбнаго лица, казавшагося въ эти часы ночного уединенія такимъ простымъ, добрымъ и совсѣмъ не похожимъ на то лицо, съ которымъ старая Гуракина появлялась по утру всегда одинаково ровно въ девять часовъ въ столовую, гдѣ ее уже должна была ожидать Мари подлѣ кипящаго на спирту кофейника.

Гуракина отличалась необыкновенно крѣпкимъ и выносливымъ организмомъ. Въ былые годы она сопровождала своего мужа въ кибиткѣ на далекія ревизіи по глубокимъ снѣгамъ Сибири и не только не требовала о себѣ заботъ, но самостоятельно и энергично распоряжалась на каждой остановкѣ раскладкой погребца, ночлегомъ и перепряжкой лошадей. Ея повелительный тонъ не допускалъ возраженій; это сразу всѣми усваивалось, а болѣе всѣхъ—ея супругомъ, который высоко цѣнилъ и уважалъ свою «командиршу». Дойдя, благодаря ея неустанной энергіи, до высокихъ ступеней государственной службы, старикъ неожиданно захворалъ и, недолго пробо-

лѣвъ, умеръ полулежа на турецкой оттоманкѣ. Съ тѣхъ поръ старая Гуракина велѣла вынести изъ своей спальни двухспальную кровать краснаго дерева и спала на оттоманкѣ. Свою силу воли и энергіи она передала сыну—отцу Михаила, тогда какъ дочери пошли въ отца. Старшую она быстро и хорошо пристроила, младшую же—Мари, со свойственнымъ старости эгоизмомъ, ей не хотѣлось отдавать изъ дому и лишить себя близкаго, всегда покорнаго ея малѣйшей волѣ безотвѣтнаго существа. Мари сопровождала ее всюду, заботливо укутывала ей въ каретѣ ноги, писала подъ ея диктовку письма, долгими зимними вечерами читала вслухъ, ѣздила за покупками и, отказавшись отъ свѣтскихъ выѣздовъ, посвятила себя матери, какъ раньше отдавала себя заботамъ о маленькомъ племянникѣ. Гуракина держала себя по отношенію дочери съ той ласковой, но строгой сдержанностью, съ какой хорошій полковой командиръ обращается со своими подчиненными. Она все еще продолжала видѣть въ дочери покорную дѣвочку, не замѣчая, что Мари уже многое знала о жизни, о ея горькихъ обидахъ и разочарованіяхъ, что сердца тридцатипятилѣтней дѣвушки, наслѣдовавшей отъ матери умъ и проницательность, становилось сердцемъ женщины, проникавшимъ въ глубину жизненной сущности. Мари любила и глубоко уважала мать сперва по инерціи, но съ годами она сохранила эти чувства сознательно. Непреклонная воля матери была всегда направлена въ сторону добра и неуклоннаго долга по отношенію самой себя и другихъ. Она не боялась вслухъ высказать правды, не боялась стать на защиту обиженнаго, ни къ кому на поклонъ не ѣздила, ни въ комъ не заискивала, никого за глаза не осуждала, а если это дѣлала, то дѣлала открыто,

съ явнымъ желаніемъ, чтобы ея мнѣніе было передано тому, къ кому оно относилось. Очень суровая въ вопросахъ нравственности, она прожила свой вѣкъ безупречно. Тѣ дома, гдѣ что-нибудь было неладно въ семейныхъ отношеніяхъ со стороны женщины, старая Гуракина не посѣщала и Мари не пускала. Она отличалась необыкновенной прозорливостью, и тамъ, гдѣ никто ничего не замѣчалъ, она видѣла очень многое или хорошаго, или дурного. Съ нѣкоторыхъ поръ она перестала ѣздить въ домъ князя Алексѣя Васильевича, и когда въ ея присутствіи его осуждали за слишкомъ открытую связь съ балериной—она жалѣла его, называла слабымъ, но добрымъ человѣкомъ. Когда восхваляли добродѣтельную, преданную молитвѣ жизнь княгини Анны Валеріановны, Гуракина молчала или мѣняла тему разговора.

Получивъ телеграмму отъ своего сына Владиміра, что онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ раннимъ утреннимъ поѣздомъ, она поручила Мари встрѣтить брата и распорядиться, чтобы была приготовлена комната. Мари поняла по тону матери, что пріѣздъ брата не неожиданъ, что, очевидно, мать вызвала его для переговоровъ о внукѣ. Владиміръ былъ на много лѣтъ старше Мари и общаго у нихъ было очень мало. И лицомъ и характеромъ онъ былъ весь въ мать. Послѣ окончанія турецкой кампаніи, гдѣ онъ былъ тяжело раненъ, принужденный оставить военную службу, онъ заперся въ деревнѣ, посвятивъ остатокъ жизни книгамъ и составленію мемуаровъ. Хотя Мари и боялась для племянника пріѣзда строгаго отца, однако, она надѣялась, что тотъ сумѣетъ положить конецъ неожиданнымъ кутежамъ Михаила и, быть можетъ, положитъ благопріятный конецъ дѣлу женитьбы сына, которой вся семья не желала.

Поѣздъ пришелъ рано утромъ; на дебаркадерѣ горѣли еще фонари. Въ морозномъ воздухѣ пахло дымомъ паровозовъ и было то особенное неуютное и сонливое настроеніе, которое охватываетъ всѣхъ, вставшихъ въ неурочно ранній часъ, чтобы, наскоро одѣвшись, спѣшитъ на вокзалъ къ поѣзду. Владиміръ поцѣловался съ сестрой и, не видя никого больше, спросилъ о сынѣ.

— Мама ему не дала знать: твоя телеграмма пришла къ ночи.

Больше о сынѣ Владиміръ не спрашивалъ. Разсказывалъ сестрѣ по дорогѣ къ дому о своей деревенской жизни, о сильныхъ морозахъ и жаловался на здоровье, хотя выглядѣлъ бодро. Неизмѣнно въ девять часовъ вышла къ кофе Гуракина, и сынъ, наскоро оправившись послѣ дороги, тоже вышелъ въ столовую. За столомъ разговоръ переходилъ съ предмета на предметъ; какъ бы по обоюдному соглашенію, тщательно избѣгали острой темы, ради которой онъ и былъ вызванъ. Мари понимала, что въ ея присутствіи и мать и братъ считали неприличнымъ касаться скандальной исторіи, которую страдающая о племянникѣ Мари знала съ его же словъ въ такихъ подробностяхъ, о которыхъ ея мать и не подозрѣвала. Вставъ изъ-за стола, Владиміръ послѣдовалъ за матерью въ ея аппартаменты, и тамъ они долго бесѣдовали. Подобно матери, онъ чѣмъ болѣе сердился или волновался, тѣмъ дѣлался молчаливѣе; словъ въ своихъ серьезныхъ рѣшеніяхъ тратить не любилъ и разъ принятому рѣшенію не измѣнялъ. Часа черезъ два онъ вышелъ отъ матери съ еще болѣе опущенными углами рта, быстро прошелъ въ свою комнату, переодѣлся и уѣхалъ къ князю Алексѣю Васильевичу, котораго дома не засталъ. Княгиня

Анна Валеріановна была дома, и онъ прошелъ на ея половину. Какъ всегда, она была въ англійскомъ костюмѣ съ высокимъ накрахмаленнымъ воротникомъ, дѣлавшимъ ея мало женственное лицо еще мужественнѣе.

— Здравствуйте, cher Вольдемаръ, давно ли пріѣхали? Я и то поджидала васъ. Садитесь поговоримте. Maman здорова? Удручена, вѣроятно?.. Что съ «нимъ» сдѣлалось? Такая перемѣна въ «немъ»...— сочувственно и строго качая головой и слегка понижая голосъ, заговорила княгиня.—Я «его» почти не вижу, и мое вліяніе, cher Вольдемаръ, парализуется той обстановкой, въ которую онъ попалъ.

Гуракинъ внимательно слушалъ княгиню и продолжалъ молчать.

— Вы знаете мой образъ мыслей и мой образъ жизни,—говорила княгиня, какъ бы спѣша вылить накопившееся противъ кого-то раздраженіе.—Я занята моими дѣлами, молитвой и «туда» не ѣзжу, кромѣ какъ въ самыхъ офиціальныхъ случаяхъ. Столько пережито и столько переживаемъ, а вотъ, подите же, есть люди, которые могутъ все-таки веселиться, кутить и наряжаться. Вашъ Мишель попалъ въ этотъ водоворотъ и его завертѣло. Сколько разъ я остерегала его и говорила мужу... Впрочемъ...—княгиня безнадежно махнула рукой,—мои слова для князя Алексѣя ne valent pas grande chose. Я привыкла къ этому и мало-по-малу ото всего отхожу. Я не жалуюсь; que la volonté du bon Dieu soit faite. Какую же нравственную поддержку вашъ Мишель можетъ найти въ лицѣ князя Алексѣя, когда онъ самъ... enfin c'est une vieille histoire... у всѣхъ бѣльмомъ на глазу сидимъ.

Несмотря на то, что измѣна мужа длилась уже нѣсколько лѣтъ, княгиня не могла привыкнуть къ

своему положенію покинутой жены и рада была лишній разъ пожаловаться на свою судьбу и убѣдить другого и себя, что она къ этому привыкла.

— Ваша maman права: герцогиня многому содѣйствовала въ несчастьѣ, постигшемъ Мишеля.

— Вы очень мягки, княгиня, говоря—несчастье. Это развратъ! — насупивъ брови, замѣтилъ Гуракинъ.

— Конечно, развратъ; но я говорила о женитьбѣ, которую они всѣ тамъ затѣяли. Удивляюсь Волынскому. Я бы, на его мѣстѣ, развода ни за что не дала; я бы ее въ монастырь засадила, косу обрѣзала бы. А тутъ какое-то потакательство. И, повѣрьте мнѣ, Вольдемаръ, Мишель кутить началъ потому, что понялъ, что попалъ въ петлю. Онъ создалъ себѣ безвыходное положеніе.

— А коли создалъ, то пусть и расплачивается,— сурово произнесъ Гуракинъ.

Въ гостиную вошелъ князь Алексѣй Васильевичъ. При видѣ своего пріятеля и недавняго начальника на полѣ битвы, привѣтливая улыбка на минуту освѣтила строгое лицо Гуракина.

— Да, скверную кашу заварилъ нашъ Мишель,— сказалъ князь, усаживаясь и далеко протягивая по ковру длинныя ноги.—Ничего, кажется, тутъ не подѣлаешь: придется ему жениться...

По тону князя рѣшительно нельзя было понять, насколько во всей этой исторіи онъ винилъ или оправдывалъ своего двоюроднаго племянника. Добродушный и слегка насмѣшливый тонъ, который онъ всегда бралъ въ присутствіи жены во всѣхъ случаяхъ, которые онъ называлъ «histoire de femme», раздражалъ княгиню, схватывавшую чутьемъ, что онъ не

хочетъ осуждать то, въ чемъ и себя считаетъ грѣшнымъ.

— Однако, что же дѣлать?—бросая на мужа недружелюбный взглядъ, спросила княгиня.

— Ждать событій,—пожалъ плечами князь.

Она хотѣла что-то возразить, но сдержалась.

Князь поднялся. Въ его громадной статной фигурѣ было что-то молодцоватое и гордое, несмотря на добродушное выраженіе глазъ и улыбки.

— Пройдемъ ко мнѣ,—обратился онъ къ Гуракину.

— Я бы хотѣлъ сына повидать.

— Надо послать за нимъ. Кутитъ, подлецъ, болѣе недѣли. Съ полдня рѣжутся въ банкъ и напиваются у этого повѣсы Давыдова.

— Дай мнѣ адресъ, я самъ распоряжусь.

Проходя длинную анфиладу комнатъ, князь съ видимымъ огорченіемъ передавалъ своему пріятелю подробности скандальной исторіи его сына. Едва они вошли въ кабинетъ, какъ онъ прошелъ въ спальню и, что-то бережно неся между ладонями и прижимая къ губамъ, поднесъ къ Гуракину:

— Ты посмотри только, что за прелесть, какой славный.

Князь осторожно раздвинулъ ладони: выглянула маленькая головка дрожащаго, пушистаго, какъ клубочекъ шерсти, щенка. Странно было видѣть громадную фигуру князя съ мужественнымъ лицомъ, на которомъ въ эту минуту отражалась почти дѣтская нѣжность къ крошечному созданьицу, осторожно зажатому въ крѣпкихъ мускулистыхъ рукахъ.

— А ты все еще возишься со своими шенками,—улыбнулся Гуракинъ, бросая безразличный взглядъ на руки князя.—Я думалъ, война очерствила тебя... И было отъ чего.

— Au contraire, mon ami, juste au contrire: подлѣ всѣхъ ужасовъ и стоновъ, и проклятій смерти я еще болѣе выучился цѣнить въ жизни любовь...

— Къ щенятамъ?—разсмѣялся Гуракинъ, и отъ этого смѣха лицо его сразу стало добрѣе и свѣтлѣе.

— И къ щенятамъ,—дѣлая удареніе на «и», улыбнулся князь.

— Значитъ, все по-старому?—затягиваясь дымомъ и разглядывая по стѣнамъ давно и хорошо знакомые портреты, спросилъ Гуракинъ.

— Que veux-tu, mon vieux! Dans la vie il n'y a que la femme. Околдуетъ, очаруетъ и, какъ ни рвись, какъ ни борись—спасенія нѣтъ. А въ наши годы и тѣмъ хуже, коли попадешься. И самолюбіе, и ревность— все въ жертву приносишь.—Лицо князя омрачилось затаенной грустью.—Да, да,—продолжалъ онъ, отнеся щенка обратно и кладя своему пріятелю на плечо руку,—полнаго счастья и спокойствія нѣтъ; сами страдаемъ и заставляемъ другихъ страдать.

— Я съ тобой не согласенъ. Коли надо самому страдать—страдай, но другихъ-то мучить мы права не имѣемъ.

Князь болѣзненно поморщился.

— Послушай, Вольдемаръ, есть стороны человѣческихъ слабостей, абсолютно тебѣ недоступныя; ты скроенъ изъ какого-то цѣльнаго и крѣпкаго камня.

— Да я не осуждаю, ты меня вѣдь знаешь...

— Знаю, что не осуждаешь, но и не понимаешь; сознайся, что вѣдь не понимаешь?

— Не понимаю,—опять улыбнулся Гуракинъ, и эта улыбка смягчила значеніе его словъ.

Они говорили, очевидно, о томъ, о чемъ не разъ уже говорилось между ними и что сразу понималось.

— Вотъ и относительно твоего Мишеля: я его очень жалѣю въ этой глупо-поведенной исторіи, очень не одобряю Волынскую, но осуждать его—я не могу.

— Ну, а я такъ осуждаю и осуждаю очень строго. Онъ только что всталъ на порогъ жизни мужчины и сразу обрызгалъ себя грязнымъ отношеніемъ къ женщинѣ. Et puis cette conduite... Этотъ безпрестанный кутежъ... Скажу тебѣ откровенно—я глубоко огорченъ. Вѣдь онъ у меня одинъ.

Разговоръ продолжался на ту же тему. Гуракинъ сурово порицалъ сына, князь тщетно старался смягчить разгнѣваннаго и огорченнаго отца. Пробывъ у своего пріятеля довольно много времени, Гуракинъ уѣхалъ, наружно спокойный, но внутренно сильно разстроенный всѣмъ, что онъ услышалъ въ этомъ домѣ о своемъ сынѣ.

V.

Былъ всего пятый часъ вечера, но на холостой квартирѣ Давыдова кутежъ, почти не прекращавшійся съ предыдущаго дня, шелъ въ полномъ разгарѣ. Послѣ блиновъ съ обильнымъ возліяніемъ часть молодежи перешла въ кабинетъ хозяина и опять окружила карточный столъ, гдѣ металъ банкъ спокойный, выдержанный гвардеецъ, высокій, съ поблѣднѣвшимъ отъ вина и переутомленія лицомъ, съ рыжими усами и хищнымъ ртомъ. Казалось, что лично его совершенно не касалось то, что бросали направо и налѣво его выхоленныя, какъ у женщины, руки. Лицо его все время сохраняло выраженіе невозмутимаго хладнокровія.

— Господа, потише; такъ играть нельзя,—останавливалъ онъ время отъ времени обступившихъ, спорящихъ и смѣющихся товарищей. И опять его руки

отчетливо, будто механически, бросали карты. Подлѣ него лежали кучкой бумажки.

— Опять бита! Чегтъ побеги! Гм.. гм...—какъ-то замычалъ и зафыркалъ, ерзая на стулѣ, маленькій, черный живой офицеръ въ разстегнутомъ мундирѣ, съ блестящими глазами и возбужденнымъ отъ вина и картъ лицомъ.

— Мишка, ставь на валета, говорю тебѣ ставь. Возьмешь навѣрное...—приставалъ къ ерзавшему Мишкѣ Ковалевскому совсѣмъ юный офицерикъ, съ пушкомъ вмѣсто усовъ и съ лицомъ отрока.

— Отстань ты, стагый чегтъ! Вотъ вѣдь пгисталъ! Убегите его отсюда, а то, ей-Богу, поколочу,—совершенно неожиданно вспылилъ всегда добродушный и веселый Ковалевскій.

Раздался общій хохотъ. И, дѣйствительно, маленькая фигура Мишки Ковалевскаго съ взъерошенными волосами и вытаращенными отъ гнѣва глазами, была комична. Даже банкометъ на минуту вышелъ изъ состоянія олимпійскаго спокойствія и улыбнулся, при чемъ глаза его оставались попрежнему холодно-спокойными; улыбался одинъ хищный ротъ.

— Господа, такъ играть невозможно,—повторилъ онъ, призывая къ порядку.

— Ну! вывози, стагая чегтовка!—ударяя кулакомъ по дамѣ червей такъ, что на столѣ закачались свѣчи, заерзавъ, зафыркавъ, издавая какіе-то горловые и носовые звуки, закричалъ Мишка Ковалевскій.

— Ковалевскій, вы сломаете столъ,—не отрываясь отъ картъ проговорилъ банкометъ.

Мишка былъ ярый игрокъ и карта ему или бѣшено везла или же онъ проигрывался въ пухъ. Теперь шла полоса проигрыша, и окружавшіе столъ товарищи возбужденно слѣдили за ходомъ игры.

— Бита... бита... опять бита!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Пришлите,—обращаясь къ Мишкѣ, произнесъ банкометъ.

Ковалевскій бросилъ въ кучу двадцатирублевую бумажку и опять вспылилъ:

— Пгишлите!.. Конечно пгишлю, напоминать нечего... Sale bobine.

— Что вы сказали, Ковалевскій?—значительно глядя въ вытаращенные глаза Мишки, спросилъ банкометъ, прекращая бросать карты.

— Ничего не сказалъ... Не пгиставайте... видите, что я золъ.

— Мишка, Мишенька мой другъ, брось карты... Иди сюда...—пьянымъ голосомъ звалъ полулежащій тутъ же на тахтѣ баронъ Инксъ въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, съ сигарой въ зубахъ.—Ты слышалъ послѣднее bon mot Демидова про madame Безпалову? Господа, вы слышали?..—не унимался Инксъ, хотя никто его не слушалъ.—Elle est chère et elle a beaucoup de chair. Ловко сказано,.. А мужъ тутъ же, говорятъ, сидѣлъ. Ловко!.. Сегодня я видѣлъ Нельку и Фифишу и велѣлъ имъ непремѣнно сюда пріѣхать,—продолжалъ баронъ заплетающимся языкомъ.

Въ это время изъ третьей комнаты послышался взрывъ хохота, паденіе чего-то тяжелаго и звонъ разбитой посуды. Къ карточному столу подбѣжалъ блондинъ съ голубыми глазами, бѣлый, розовый, подвижной, съ рѣзвыми, вѣчно дрыгающими въ узкихъ рейтузахъ, ногами.

Это былъ хозяинъ дома—кутила и весельчакъ Давыдовъ, всегда беззаботный и добрый товарищъ.

— Мишка, иди скорѣе. Пари на тебя держимъ. Да брось ты играть,—все равно продулся,—продолжая

смѣяться тому, что только что произошло въ столовой и дергая за рукавъ Ковалевскаго, говорилъ Давыдовъ.

— Сейчасъ пгиду... Послѣднюю ставку и къ чегту ихъ всѣхъ...

Давыдовъ, заложивъ обѣ руки въ карманы туго обхватывавшихъ рейтузъ, подрыгивая ногами и кусая губы, остановился подлѣ Ковалевскаго.

— Дама... Дама! Молодецъ, Мишка! Ну и баста, идемъ къ намъ. Держимъ пари съ Эверсомъ на дюжину шампанскаго... Ужъ ты, братъ, не выдай...

— Да ты говоги толкомъ, въ чемъ дѣло?—засовывая выигранныя деньги въ карманы и комкая бумажки, насупившись, чтобы не выдавать радости выигрыша,—проговорилъ Ковалевскій.

— Ты, дружище, не очень еще пьянъ?

— Дугакъ! Развѣ я бываю когда-нибудь пьянъ... Да что дѣлать-то надо?

Они прошли прихожую, въ которой валялись сваленныя въ кучу шинели, пустыя бутылки и ящики съ нетронутымъ еще виномъ, и вошли въ длинную комнату, посреди которой стоялъ накрытый столъ съ недоѣденными блюдами и массой рюмокъ, стакановъ и бутылокъ. Нѣсколько офицеровъ съ разгоряченными или блѣдными лицами, по большей части безъ мундировъ—въ однѣхъ рубашкахъ, съ громкимъ хохотомъ и возней подымали съ полу совершенно пьянаго француза во фракѣ.

— Attention, attention... messieurs... mon gilet, ma cravate...—заплетающимся языкомъ повторялъ онъ и, какъ ни силились его поднять подъ руки, онъ упирался и опять заваливался на бокъ. Подлѣ него лежалъ опрокинутый столикъ на трехъ ножкахъ и черепки разбитыхъ тарелокъ и стекла.

— Да ну его къ чорту, господа, бросьте... Пусть валяется,—скомандовалъ Давыдовъ, и всѣ обернулись къ нему.—Вотъ Мишка, держу пари, что онъ перепрыгнетъ... Мишка, вѣдь ты перепрыгнешь на трехъ шагахъ разбѣга черезъ этотъ столъ съ посудой?—весело обратился онъ къ товарищу, хлопая его по плечу.

Ковалевскій моментально сбросилъ съ себя разстегнутый мундиръ.

— Убгать эту пьяную свинью съ его столикомъ,—повелительнымъ жестомъ указалъ онъ на мычавшаго француза,—и пгочь всѣ съ догоги...

Француза оттащили въ сторону, и низкорослый, необыкновенно мускулистый и крѣпкій Ковалевскій, отступивъ три шага, сталъ противъ накрытаго обѣденнаго стола...

— Молодецъ, Мишка, валяй!—въ восторгѣ дрыгая и перебирая, какъ кавалерійская лошадь, ногами, завопилъ Давыдовъ.

— Сумасшедшій! Да онъ тебѣ всю посуду переколотитъ,—хохотали товарищи, предвкушая необычайное зрѣлище. Всѣ глаза были напряженно устремлены на общаго любимца и великолѣпнаго гимнаста. Ковалевскій сдѣлалъ какое-то едва уловимое упругое и эластичное движеніе: въ одно мгновеніе онъ легко отдѣлился отъ пола, какъ птица перелетѣлъ столъ, ничего не задѣвъ даже шпорой, и опустился по ту сторону на носки согнутыхъ упругихъ ногъ.

— Качать, качать его... Урра!.. Мишку качать!

Больше всѣхъ кричалъ и возился Давыдовъ. Ковалевскій отбивался, фыркая и ругаясь, но его подняли и нѣсколько разъ подбросили, при чемъ герой всеобщаго энтузіазма, вспотѣвшій и всклоченный, чувствовалъ себя отвратительно, взлетая на воздухъ.

Зажмуривъ глаза, сквозь стиснутые зубы, онъ благодарилъ своихъ почитателей отборной бранью.

— А гдѣ Гуракинъ? Гуракинъ, покажи свой фокусъ... Гдѣ онъ?—послышалось со всѣхъ сторонъ, когда кончилось качаніе.

Гуракина въ комнатѣ не было. Оказалось, что онъ пошелъ спать въ спальню хозяина.

Вскорѣ его насильно притащили. Послѣ сна и темной комнаты, щурясь на свѣтъ, зѣвая и приглаживая сбившіеся волосы, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, онъ флегматично остановился среди комнаты.

— Это безобразіе!.. Зачѣмъ разбудили?—повторялъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— Фокусъ... покажи свой фокусъ со стульями... Успѣешь выспаться... освѣжись-ка, братъ. На, пей...

Давыдовъ налилъ ему вина, но Михаилъ, все еще продолжая щуриться, не въ духѣ, съ силой отстранилъ протянутый къ нему стаканъ и расплескалъ все вино на себя и на Давыдова.

— Эге, господа, онъ начинаетъ буянить!—закричалъ Давыдовъ.

Говорить уже давно перестали; всѣ кричали и шумѣли такъ, что минутами голоса сливались въ одинъ общій полупьяный гулъ.

— Мишель Гуракинъ, покажи фокусъ и тогда пойдешь спать... Ну, что тебѣ стоитъ?.. Многіе не видѣли.

— Фокусъ показать? Ну, хорошо, я вамъ покажу, только другой.

Гуракинъ, покачиваясь, заложивъ руки на затылокъ, сладко зѣвнулъ, потянулся, передернулъ плечами, какъ будто стряхивая сонъ и, улыбаясь и показывая два ряда ровныхъ, точно вырисованныхъ бѣлыхъ зубовъ, оживился.

— Только фокусъ этотъ, господа, трудный. Давай, Мишка, дернемъ шампанскаго!—обратился онъ къ Ковалевскому, сидящему верхомъ на стулѣ спиной къ столу.

— Пей самъ, я больше не пью.

— А не пьешь, такъ я фокуса не покажу,—заупрямился Гуракинъ.

— Мишка, пей... ну же, пей... За здоровье полка... Урррa... За женщинъ!.. За Безухову... слышишь, Мишка, за Безухову... За Волынскую... Гуракинъ...

— За Волынскую... пей изъ бутылки...

Михаилъ Гуракинъ, разставивъ широко ноги и запрокинувъ голову назадъ, медленными глотками пилъ прямо изъ бутылки. Вино булькало въ горлышкѣ и отъ пьянаго покачиванія проливалось за разстегнутый воротъ рубашки на выпуклую сильную грудь Михаила. Несмотря на многодневное пьянство и небольшое количество сна, Гуракинъ былъ все-таки хорошъ. Выраженіе безшабашной удали придавало лицу новое красившее его выраженіе.

— Ну, смотрите!—ставя пустую бутылку на столъ, сказалъ Гуракинъ.—Становитесь подальше и не мѣшать, а то будетъ... что будетъ, Мишка?

— А чегтъ его знаетъ, что будетъ...—отозвался Ковалевскій совсѣмъ трезвымъ голосомъ.

— Ну, смотрите... я начинаю!

Гуракинъ осторожно, будто боясь за что-то зацѣпиться, сталъ на одно колѣно у узкаго края стола, незамѣтно уперевъ подъ скатерью плечо о его край.

— Считайте!..—скомандовалъ онъ.

Разъ... два... три...

И вдругъ произошло нѣчто неожиданное: Гуракинъ, изо всей силы упершись плечомъ о край тяжелаго дубоваго стола, быстро приподнялся; съ грохо-

томъ и звономъ вся посуда, бутылки и стаканы полетѣли на полъ. Гуракинъ освободилъ плечо, и столъ, рухнувъ двумя тяжелыми ножками, сталъ на мѣсто. Поднялся невообразимый шумъ. Кто бранилъ Гуракина, кто неистово хохоталъ, въ то время какъ юный кутила, испытывая пьяное и дикое наслажденіе, топталъ ногами посуду, стекло, все, что попадалось на дорогѣ.

— Chevaliers garde, prenez garde.
La garde à cheval vous regarde...—

неистово оралъ онъ при этомъ.

— Уймите его, господа! Онъ съ ума спятилъ. Уложите его спать,—кричалъ Ковалевскій, возмущенный пьянымъ буйствомъ своего товарища.

Давыдовъ, заложивъ обѣ руки въ карманы, перегибаясь туловищемъ то впередъ, то назадъ, неистово хохоталъ надъ продѣлкой Гуракина. Пока денщики собирали съ полу разбитую посуду и приводили въ порядокъ столъ, за общимъ хохотомъ и крикомъ никто не слышалъ, какъ много разъ звонили у входной двери. Кто-то изъ офицеровъ, игравшихъ въ карты, отперъ ее и, на минуту показавшись въ дверяхъ столовой, приложивъ руку ко рту, крикнулъ:

— Гуракину письмо!.. лакей ожидаетъ...

— Какое письмо?.. Пусть сюда несетъ...—отвѣтилъ Михаилъ.

На порогѣ появился лакей старухи Гуракиной съ длинными сѣдыми баками и широко пробритымъ подбородкомъ.

— Давыдовъ, возьми у него... Опять, вѣрно, тетка Мари...

Михаилъ, шатаясь, распечаталъ письмо, но прочесть его не могъ и передалъ Давыдову.

— Читай, я ничего не понимаю.

— Ффюю...—просвистѣлъ Давыдовъ,—дѣло плохо, cher Мишель. Отецъ тебѣ пишетъ, чтобы пожаловалъ къ нему сегодня же вечеромъ по неотложному дѣлу. Ха-ха-ха... Неотложныя дѣла—это, братъ, плохо. Что же сказать?

— Скажи, Дементій, что пріѣду. Просплюсь и пріѣду. Это я тебѣ говорю, что просплюсь, а генералу скажи только, что пріѣду. Утромъ, говоришь, пріѣхали? Ну и очень радъ. На—получи. Выпей за здоровье генерала... ужъ ты, братецъ, тамъ не разсказывай... Ну, да я тебя знаю—не выдашь. А по сему прискорбному случаю, messieurs et mesdames, я отправляюсь спать. Пусть въ девять часовъ меня разбудятъ. Предстоитъ генеральное сраженіе. Прррекрасно! Vive Henri Quatre, vive ce roi des rois,—срывающимся, но сочнымъ баритономъ запѣлъ Михаилъ, скрываясь за дверью, ведущей въ спальню Давыдова.

— Брюховецъ, слышалъ, что приказывали?—окликнулъ Давыдовъ денщика, пріотворяя дверь въ сосѣднюю со столовой буфетную.

— Такъ точно, вашбодье, слышалъ: въ девять часовъ приказали разбудить.

— Ну, такъ ты не прозѣвай, слѣди за часами.

— Слушаю, вашбодье...

Брюховецъ, ловкій и расторопный денщикъ, раздѣлялъ вмѣстѣ съ другимъ денщикомъ—Михальчукомъ, приставленнымъ ему на помощь, веселое настроеніе своего начальства. Все, что не допивалось въ столовой, немедленно уничтожалось въ буфетной и частью въ кухнѣ при содѣйствіи молчаливаго, но крѣпкаго въ пьяномъ дѣлѣ повара.

— Во-на, посуды-то что набилъ!—ухмылялся простодушный и веселый Михальчукъ. Просто слово, мо-

лодецъ! К-а-къ дербанулъ столъ-отъ... Молодецъ! Страсть такихъ люблю...

— Да ты не тараторь, мой то, что цѣло осталось... Вѣстимо молодецъ. На то и гвардія...—внушительно замѣтилъ Брюховецъ, опрокинувъ въ ротъ половину недопитаго бокала и обтирая обратной стороной ладони нафабренные, крѣпкіе и черные усы.—А поетъ-то какъ! Слышалъ? Намеднись пѣлъ тутъ; какъ дернетъ цыганскую, ажно искры изъ глазъ сыплются.

— Сейчасъ пѣлъ... не понять по какому,—тошно какъ по англицкому.

— Нѣтъ, не по аглицкому,—дыша внутрь бокала и протирая его на свѣтъ, мотнулъ головой словоохотливый Брюховецъ.—Этта и я могу: Вивъ анри катеръ, вивъ се-ра-де-ру, сѣлъ чортъ на катеръ, поплылъ по Днѣпру.

Михальчукъ звонко захохоталъ и, хлопнувъ себя ладонями по колѣнямъ, даже присѣлъ отъ восторга.

— Брюховецъ, открой ящикъ съ виномъ,—раздался зовъ хозяина.

Оба денщика метнулись къ двери, за которой пьяное веселье беззаботной молодежи наростало, и казалось, не будетъ ему конца.

VI.

Въ десятомъ часу Михаилъ, совершенно проспавшійся, съ яснымъ сознаніемъ предстоящаго непріятнаго объясненія, входилъ въ хорошо знакомую ему съ дѣтства малиновую гостиную своей бабки. Какъ и всегда, за круглымъ столомъ, озареннымъ высокой лампой, сидѣла старуха Гуракина съ неизмѣннымъ вязаньемъ шерстью. Ея сынъ Владиміръ Гуракинъ

въ усталой позѣ сидѣлъ рядомъ на диванѣ; вполголоса, съ пасмурнымъ и озабоченнымъ лицомъ, онъ переговаривался съ матерью. Мари оставалась въ своей комнатѣ. Зная непреклонный характеръ брата, она боялась за племянника и, закрывъ дверь на ключъ, то ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, то машинально бралась за полоску англійскаго шитья, но, сдѣлавъ нѣсколько стежковъ, откладывала въ сторону, подходила къ кіоту съ образами, шептала молитву, крестилась, вздыхала и опять принималась ходить.

Заслышавъ въ сосѣдней залѣ приближающіеся шпоры, Владиміръ Гуракинъ прервалъ разговоръ.

— Le voilà,—проговорилъ онъ, пристально щурясь на дверь.

Михаилъ, несмотря на безпорядочную въ продолженіе многихъ дней жизнь, имѣлъ совершенно свѣжій и бодрый видъ. Его сильный, здоровый организмъ могъ безслѣдно переносить какія угодно встряски.

— А я ужъ не надѣялся видѣть тебя сегодня,— проговорилъ старшій Гуракинъ, цѣлуя сына.

Лицо его было безъ улыбки и глаза смотрѣли строго.

— Отчего? Развѣ я опоздалъ? Ровно половина десятаго.—Михаилъ посмотрѣлъ на часы.—Какъ видишь, я очень точенъ, и если бы зналъ, что ты пріѣзжаешь сегодня утромъ, то былъ бы на вокзалѣ.

Старуха на минуту подняла глаза на внука и удивилась его спокойному тону и свѣжему виду.

— Pauvre garçon...—мысленно произнесла она, опустивъ взглядъ къ работѣ.

Владиміръ Гуракинъ сразу приступилъ къ тяжелому разговору.

— Я пріѣхалъ изъ деревни, чтобы серьезно переговорить съ тобой, Мишель. Несмотря на то, что ты безобразно ударился въ пьянство, надѣюсь, твой мозгъ еще въ состояніи разумно мыслить?

— Кутить—это еще не значитъ пьянствовать...— улыбнулся Михаилъ.

— Я не вижу тутъ разницы,—строго перебилъ отецъ.

Онъ говорилъ сжатыми и точными выраженіями, говорилъ долго, и каждому слышавшему его становилось ясно, что ни отъ одного сказаннаго слова онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не откажется.

Михаилъ слушалъ отца, не перебивая. Время отъ времени онъ протягивалъ руку и удерживалъ мягкій голубой клубокъ шерсти, готовый скатиться съ края стола на полъ. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ возражать отцу, но мгновенно передумывалъ и продолжалъ молчать, изрѣдка поглядывая на бабку, сидѣвшую напротивъ и не подымавшую глазъ отъ работы. Ея лицо, какъ и лицо сына, было очень строго, но Михаилу было ясно ея крайнее волненіе: правый уголъ пухлаго рта, съ замѣтнымъ сѣдоватымъ пушкомъ надъ верхней губой, подергивало нервной судорогой. На душѣ Михаила становилось все сумрачнѣе и тоскливѣе. Металлическій звукъ голоса отца начиналъ его раздражать гораздо больше, чѣмъ все то, что онъ говорилъ.

— Мнѣ хорошо извѣстно,—говорилъ отецъ,—что у госпожи Волынской до смерти дяди личныхъ средствъ нѣтъ; если ты ослушаешься меня и женишься на ней, то я не прибавлю тебѣ ни копѣйки сверхъ того, что ты теперь получаешь, потому что этого брака я не признаю и для меня ты останешься холостымъ. Бросать полкъ, ломать всю жизнь въ двадцать одинъ

годъ, жениться на разведенной, на женщинѣ старше себя, c'est idiot. Я никогда не предполагалъ въ тебѣ такого отсутствія благоразумія,—докончилъ Владиміръ Гуракинъ свою длинную рѣчь.

Михаилъ продолжалъ молчать. Гуракина съ удивленіемъ посмотрѣла на внука.

— Что же ты молчишь? Подѣлись съ нами мыслями.

— Что же мнѣ говорить, grand'maman? Кромѣ благоразумія, о которомъ говоритъ папà, существуютъ еще и такія положенія въ вопросахъ чести, при которыхъ никакія колебанія недопустимы...

— Ну, мой другъ,—перебилъ отецъ,—ужъ коли ты заговорилъ о вопросахъ чести, то позволь тебѣ указать, что твой поступокъ, вызвавшій необходимость жениться, не можетъ быть названъ иначе, какъ поступкомъ безчестнымъ.

— Если бы у меня на плечахъ была твоя сѣдая голова и твой опытъ, папà, то, разумѣется, всего этого не случилось бы.

— Ты говоришь вздоръ, ибо въ твои годы меня удерживалъ отъ гнусныхъ поступковъ не опытъ, а сознаніе долга, воспитаннаго во мнѣ матерью такъ же, какъ она стремилась воспитать его и въ тебѣ, пока ты былъ при ней. Однимъ словомъ, тебѣ извѣстно мое рѣшеніе въ случаѣ твоей женитьбы, а затѣмъ ты воленъ поступать, какъ тебѣ угодно, и ломать себѣ шею, если есть охота.

— Одумайся, Мишель, мы просимъ тебя, одумайся, пока есть еще время,—внушительно произнесла Гуракина.

— Однако, grand'maman, что я долженъ сдѣлать? Явиться къ Нат...—Михаилъ запнулся,—Волынской и объяснить ей, что такъ какъ мой отецъ и grand'ma-

maп не желаютъ ее, то и я отказываюсь? И это будетъ честно, и это будетъ благородно?!!

Михаилъ, до сихъ поръ владѣвшій собой, вдругъ сорвался: покраснѣлъ, глаза гнѣвно заблистали, стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, отодвинутый нетерпѣливой рукой, чуть было не упалъ.

— Пожалуйста, не кричи и не выходи изъ себя,— остановилъ его отецъ,—ты опять говоришь вздоръ. Никто отъ тебя не требуется объясняться съ Волынской; если ты образумишься, то все будетъ улажено такъ, что ни твоя честь, ни наше имя задѣты не будутъ. Повѣрь мнѣ, что Волынская только выиграетъ, если тебѣ не будетъ дано свыше разрѣшеніе на этотъ бракъ, останется при мужѣ, который будетъ очень счастливъ избѣгнуть всего этого, никому ненужнаго, скандала и сохранить жену, которая потомъ ему же будетъ благодарна.

— Я далъ Волынской, папà, честное слово добиться развода, чего бы мнѣ это ни стоило, и жениться на ней.

— Мало ли какія обѣщанія даютъ необдуманно и сгоряча, а въ особенности такіе мальчики, какъ ты.

— Я не могу идти на попятный.

— Это твое послѣднее слово?

— Да, послѣднее...

— Дурракъ!..

Владиміръ Гуракинъ, разгнѣванный, быстрой походкой вышелъ изъ комнаты. Когда въ сосѣднемъ залѣ затихли шаги, старуха Гуракина, не подымая головы, сложила въ шелковый мѣшокъ свое вязанье, перевѣсила шнурокъ черезъ руку, сняла ноги съ плюшевой табуретки и, шурша чернымъ шелковымъ платьемъ, поднялась съ кресла.

— Единственный сынъ, единственный внукъ, и вмѣсто радости наносишь такой непоправимый, жестокій ударъ...

Она строго и печально посмотрѣла на внука.

— Вѣрь мнѣ, такой бракъ не можетъ быть счастливымъ... Мало ты насъ любишь... Богъ съ тобой!..

У старухи дрогнулъ голосъ и еще быстрѣе задергало уголъ рта. Неслышными плавными шагами она вышла изъ комнаты.

Михаилъ тяжело опустился въ кресло, на которомъ только что сидѣла старуха, и, закрывъ лицо руками, облокотился на столъ и долго сидѣлъ въ неподвижной, будто застывшей, позѣ. Рѣчь отца съ угрозами и упреками онъ слушалъ съ упрямымъ и глухимъ чувствомъ, но слова, сказанныя бабкой, проникли въ сердце и задѣли что-то гнетущее, что онъ заливалъ виномъ всю эту недѣлю. Передъ безповоротнымъ и близкимъ концомъ, которымъ онъ наносилъ тяжелый ударъ семьѣ, его увѣренность въ прочности сердечныхъ отношеній къ Волынской начала колебаться, и онъ теперь понималъ, что многое далъ бы, чтобы вернуть непоправимое...

Послѣ безпрерывнаго кутежа, послѣ угара, приподнятые настроеніемъ нервы были натянуты, и возвращеніе къ дѣйствительной жизни, начавшееся только что пережитымъ тяжелымъ объясненіемъ, показалось всегда безпечному, избалованному судьбой Михаилу нестерпимо горькимъ. Слезы душили его.

— Миша... Мишенька, что съ тобой?!

Ласковая рука любовно гладила его по волосамъ и тихонько теребила, силясь приподнять голову. Онъ не слыхалъ, какъ тетка осторожно, чтобы не быть замѣченной, вошла въ гостиную, не видалъ, сколько жалости и печали было въ ея глазахъ.

— Мишенька, подѣлись со мной, тебѣ легче будетъ... Что сказалъ отецъ? Миша... ты плачешь?!! О, ради Бога не плачь. Мой мальчикъ бѣдный! Ну хочешь, я поговорю съ братомъ, я попрошу его...

Мари обняла племянника; слезы наполнили ея глаза, она готова была идти просить брата, мать, кого угодно, лишь бы утѣшить племянника и видѣть его опять веселымъ и счастливымъ.

— Нѣтъ, тетя, не надо.

Михаилъ, не поднимая головы, взялъ тетку за руку.

— Не о чемъ просить... Я все это зналъ... Я не отъ того...

— Такъ отчего же, Миша? У тебя на душѣ скверно—да?

Михаилъ вмѣсто отвѣта мотнулъ головой и тихо всхлипнулъ.

— Ахъ, Мишенька, я это знала, я это чувствовала... оттого ты и кутишь. Послушай меня, повѣрь мнѣ: еще ничего не сдѣлано безповоротнаго—не женись, не надо этого; всѣ и все противъ вашей свадьбы... понемногу все уляжется, и вы оба потомъ не пожалѣете... Мишенька, твой отецъ говорилъ мамà, что это такъ просто уладить; не дадутъ тебѣ разрѣшенія жениться—вотъ и все.

— Ребенокъ, пойми же, наконецъ, хоть ты, тетя, что у нея будетъ мой ребенокъ, что я долженъ, долженъ жениться...

— Мишенька, а если ребенокъ не твой?!. Я слышала кое-что... баронесса Кернъ что-то знаетъ...

— Да что она можетъ знать? Это даже дико слушать.—Михаилъ поднялъ заплаканное лицо.—Разумѣется, она будетъ болтать всякій вздоръ изъ дружбы къ Волынскому.

— Мишенька, не горячись и вѣрь, что я ровно ни въ чемъ не хочу упрекнуть Натали Волынскую, но она такъ влюблена въ тебя, такъ упряма въ своихъ желаніяхъ, такъ иногда необузданна, что можетъ нарочно сказать тебѣ не то, что есть.

— Нѣтъ, тетя, ты ее мало знаешь; она слишкомъ любитъ меня, чтобы солгать. Что бы ни было, а я долженъ на ней жениться и какъ можно скорѣе; ребенокъ долженъ носить мою фамилію, а не Волынскаго.

Мари не слышала послѣднихъ словъ племянника. Продолжая машинально проводить рукой по его волосамъ, она о чемъ-то задумалась. Слезы уже не скатывались по ея щекамъ. Казалось, она принимала какое-то рѣшеніе.

— Только не кути больше, Мишенька. Мамà очень, очень страдаетъ; я боюсь, чтобы она не заболѣла. Ты знаешь, какъ она умѣетъ брать на себя, но я-то отлично вижу, что съ ней дѣлается.

— Хорошо, тетя, будь спокойна: я больше пить не буду. Завтра утромъ я пріѣду, а теперь мнѣ надо заснуть: я чертовски усталъ отъ всѣхъ этихъ передрягъ.

Михаилъ крѣпко обнялъ тетку, которая съ чувствомъ поцѣловала его и нѣсколько разъ перекрестила.

VII.

На одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ къ высокому каменному дому подъѣхалъ извозчикъ; Волынская спѣшно разсчиталась съ нимъ и вошла въ подъѣздъ. Щедро оплачиваемый, швейцаръ почтительно раскланялся съ барыней, лица которой, всегда скрытаго за густой вуалью, онъ такъ и не зналъ. На-

тали поднялась въ первый этажъ, торопливо открыла дверь маленькимъ французскимъ ключомъ и облегченно вздохнула, захлопнувъ ее за собой.

Въ передней вѣшалка была пуста. Натали, сбросивъ съ себя шубку, вошла въ небольшую, какъ бонбоньерка обставленную комнату съ мягкой мебелью и небольшимъ круглымъ столомъ, на которомъ былъ приготовленъ чай, фрукты, печенье и вино. Она посмотрѣла на висѣвшіе у пояса часы: было около четырехъ пополудни. Волынская сняла мѣховую шапочку, подошла къ ярко горящему камину и, задумчиво глядя на пламя, въ то же время внимательно прислушивалась къ малѣйшему шуму на лѣстницѣ. Затѣмъ она отошла къ письменному столу и ей въ глаза бросился конвертъ со знакомымъ и любимымъ почеркомъ. На секунду, пока она его вскрывала, лицо омрачилось, но съ первыхъ же строкъ довольная улыбка озарила его.

«Заѣзжалъ утромъ. Могу опоздать, но буду непремѣнно. Будь спокойна. Твой Михаилъ».

Эти двѣ строки Натали перечла нѣсколько разъ, бережно сложила письмо и спрятала его въ портмонэ. Успокоенная, она опустилась въ кресло, повернулась лицомъ къ огню и опять задумалась. Въ простомъ темномъ платьѣ, съ гладкой прической какъ воронье крыло черныхъ волосъ, смуглая, съ блестящими карими глазами, она очень походила на цыганку. Два раза въ недѣлю въ продолженіе всей зимы въ условные дни и часы она и Михаилъ Гуракинъ встрѣчались въ этой маленькой, имъ принадлежащей, квартиркѣ. Они сами обставили ее, и каждая вещь въ ней была связана съ дорогими воспоминаніями. Не разъ Волынская уступала просьбамъ Михаила и, преждевременно скрывшись съ великосвѣтскаго бала или

театра, пріѣзжала сюда нарядная, возбужденная дерзостью риска. Все было такъ хорошо обставлено, что ихъ уголокъ оставался для всѣхъ тайной. И все-таки эти тайныя свиданія, эти тревоги и боязнь не быть выслѣженной утомляли и раздражали ее. Она хотѣла полнаго, не воровского счастья, хотѣла быть любимой открыто, хотѣла ни на одинъ день не разставаться съ Михаиломъ, котораго полюбила безудержной, ревнивой, мучительной любовью. Всегда любившая блескъ, почести и свѣтскую жизнь, она готова была теперь пожертвовать всѣмъ, лишь бы сбылось ея горячее желаніе стать женой Михаила, чтобы навсегда закрѣпить его любовь и сохранить только для себя. Ее не пугалъ ни общественный скандалъ, ни потеря блестящаго положенія, ни молодость Михаила. Чѣмъ больше ее отговаривали, чѣмъ благоразумнѣе были доводы, тѣмъ острѣе было желаніе побѣдить всѣ препятствія и завоевать счастье. Двадцатилѣтней дѣвушкой, порывистой, своевольной и жаждущей страсти, она вышла замужъ за Волынскаго. Онъ былъ на много лѣтъ старше ея, но пользовался въ свѣтѣ такимъ неоспоримымъ успѣхомъ, что казался даже для капризной Натали недосягаемымъ кумиромъ. Изъ толпы свѣтскихъ красавицъ онъ выдѣлилъ ее своимъ вниманіемъ, и польщенное самолюбіе дѣвушки скоро обратилось въ любовь къ блестящему царедворцу. Выйдя замужъ, Натали скоро охладѣла къ мужу. Холодное спокойствіе, сарказмъ и даже брезгливое равнодушіе, которыми онъ отвѣчалъ на ея капризы и необузданныя вспышки гнѣва, были чужды ея горячей натурѣ, и она, отдаляясь сердцемъ отъ своего блистательнаго супруга, всецѣло погрузилась въ хаосъ великосвѣтскихъ выѣздовъ и баловъ. Чѣмъ дольше они жили вмѣстѣ, тѣмъ

дальше отходили другъ отъ друга. Волынскій, прекрасно образованный, многимъ интересующійся, находившій и среди свѣтскаго водоворота возможность слѣдить за теченіемъ интеллектуальной жизни, удивлялся пустотѣ жены и порицалъ ея полное равнодушіе ко всему, что не имѣло отношенія къ нарядамъ, баламъ, пикникамъ и мимолетнымъ побѣдамъ. Дѣтей у нихъ не было, и Волынскій предоставилъ женѣ полную свободу, будучи увѣренъ, что она сумѣетъ пользоваться ею въ извѣстныхъ, приличныхъ ея положенію, границахъ. Все шло гладко. У Натали была толпа поклонниковъ, а Волынскій продолжалъ очаровывать дамъ и, загадочной своей сдержанностью и утонченной корректностью, попрежнему былъ самымъ интереснымъ и блестящимъ кавалеромъ. При постороннихъ, вмѣсто обычнаго равнодушія, онъ былъ почтительно внимателенъ къ женѣ и никто не отгадывалъ, насколько она ему стала безразлична. Волынскій отлично зналъ нравы свѣтскаго общества и скоро понялъ опасную игру, въ которую втягивали легкомысленныя и пустыя дамы его жену и блестящаго баловня салоновъ, молодого Гуракина. Имъ доставляло удовольствіе нашептывать юному красавцу, что жена гордаго сановника, насмѣшливая и избалованная успѣхами, очарована имъ; онѣ толкали его, убѣждали быть смѣлѣе, сами устраивали встрѣчи и подзадоривали.

Волынскій еще прошлой зимой подмѣтилъ эту опасную игру и вскользь остерегъ жену, но такъ какъ въ этой игрѣ первой зачинщицей была легкомысленная герцогиня, то замѣчаніе мужа было принято съ насмѣшливой улыбкой неудовольствія.

Натали, заинтересованная Гуракинымъ, не знала, что частыя встрѣчи съ ней искалъ не столько онъ

самъ, сколько ихъ ему устраивали. Молодого, жизнерадостнаго гвардейца еще мало занимали побѣды женскихъ сердецъ: онъ отдавался забавамъ, танцамъ, веселью и кутежамъ. Первый танцоръ и дирижеръ на балахъ, прекрасный исполнитель цыганскихъ романсовъ, недурный поэтъ, иногда удачный композиторъ легкихъ романсовъ или вальсовъ, онъ былъ любимцемъ всего веселящагося свѣтскаго круга. Слишкомъ занятый собой, онъ еще не чувствовалъ потребности въ женской ласкѣ и, несмотря на двадцать одинъ годъ, сохранилъ чистоту и къ женщинѣ относился съ благоговѣйнымъ чувствомъ нетронутаго житейской грязью сердца. Чѣмъ чаще Натали встрѣчалась съ нимъ, тѣмъ больше тянуло, тѣмъ неудержимѣе рвалось къ нему сердце, несогрѣтое холоднымъ равнодушіемъ надменнаго супруга. На одномъ изъ оживленныхъ вечеровъ у герцогини затѣяны были petits jeux.

— Что этому фанту дѣлать?—спросила одна изъ шаловливыхъ заговорщицъ у оракула, котораго изображала герцогиня.

Она сидѣла въ креслѣ съ завязанными глазами, и вокругъ нея съ хохотомъ и шутками толпились нарядныя дамы, дѣвицы и мужчины.

— Да, да, что этому фанту дѣлать?—зашумѣли кругомъ.

Фантъ, въ видѣ перчатки, принадлежалъ Гуракину, и всѣ были заинтересованы, что ему прикажетъ оракулъ. Молодая женщина, державшая перчатку Гуракина, незамѣтно наступила на кончикъ туфли герцогини и многозначительно прижала его.

— Proférez quelque chose de grave,—сказала она, лукаво поглядывая на Гуракина.

Герцогиня мигомъ поняла, въ чемъ дѣло.

— Фантъ долженъ исповѣдывать madame Волын-

скую, и для этого они должны быть удалены и заперты въ голубой гостиной на четверть часа,—произнесла герцогиня торжественно-комичнымъ голосомъ.

Послѣдовалъ взрывъ апплодисментовъ, и немедля пара была удалена. Несмотря на то, что Натали протестовала и отшучивалась, ихъ заперли и, объявивъ чрезъ двери, что ранѣе пятнадцати минутъ ихъ не выпустятъ, съ хохотомъ удалились въ залъ оканчивать игру. Натали въ первую минуту была такъ смущена, что не находила что сказать. Гуракинъ, возбужденный виномъ и танцами, былъ смѣлѣе и находчивѣе.

— Я долженъ васъ исповѣдывать,—сказалъ онъ, смѣясь и глядя на нее сверху внизъ.

Онъ былъ очень высокъ ростомъ и рядомъ съ нимъ она казалась маленькой.

— Прошу васъ, грѣшница, искренно покаяться. Скажите вашъ главный грѣхъ.

— Я люблю...—шаловливо и вызывающе произнесла Натали.

— Это не грѣхъ... Я тоже люблю,—разсмѣялся Гуракинъ.—Кого или что вы любите, грѣшница?

— Отгадайте, святой отецъ...

— Боюсь...—трагическимъ шопотомъ произнесъ Гуракинъ и громко расхохотался.

— А вы кого любите?—спросила Натали и смутилась.

Гуракинъ понялъ ея смущеніе и вдругъ пересталъ дурачиться. Она стояла передъ нимъ такая красивая, такая манящая, зовущая. Въ первый разъ его страстно потянуло къ женщинѣ. Онъ поблѣднѣлъ и, забывъ о чемъ они говорили, смотрѣлъ на нее горячимъ взглядомъ. Оба молчали. У Натали дрожали отъ волненія губы, она порывисто дышала.

— Кого же вы любите?—повторила она, почти сама не сознавая, что говорить.

— Я васъ люблю...—шопотомъ отвѣтилъ онъ, и, мгновенно потерявъ голову и самообладаніе, сдѣлалъ къ ней шагъ, какъ ребенка поднялъ на руки и, опустивъ на кушетку, жадными поцѣлуями сталъ осыпать ея лицо, обнаженныя руки, шею и плечи. Гуракинъ былъ очень силенъ, и Натали даже не пробовала отбиваться...

Между тѣмъ въ залѣ, гдѣ игры продолжались и веселье, обильно политое виномъ, наростало, легкомысленныя зачинщицы опасной игры предусмотрительно забыли въ означенный срокъ открыть дверь голубой гостиной, и прошло болѣе получаса, когда наконецъ вспомнили объ отсутствующихъ и, съ лукавымъ смѣхомъ и поддразниваніями, наконецъ ихъ выпустили. Натали и Гуракинъ успѣли прійти въ себя, и когда дверь открыли, они на видъ спокойно бесѣдовали, но Натали была блѣдна и вскорѣ уѣхала домой.

Съ этого вечера она полюбила Михаила, и вся ея жизнь была полна единственной мыслью о немъ, ревнивой и мучительной. Михаилъ пылко отдался первому чувству любви, но попрежнему запоемъ отдавался забавамъ свѣтской жизни, и требованія частыхъ свиданій, взрывы ревности и неровный характеръ Волынской иногда тяготили его. Она не умѣла быть осторожной, и ихъ связь вскорѣ перестала быть тайной. Товарищи по полку, любившіе жизнерадостнаго Гуракина, слегка завидовали его побѣдѣ, и это льстило его самолюбію.

Съ того дня, какъ Волынская почувствовала себя матерью, она рѣшила оставить мужа и быть женой Гуракина.

Рѣшеніе это стоило ей многихъ безсонныхъ ночей и борьбы со своей совѣстью, такъ какъ отцомъ этого ребенка былъ Волынскій, а не Гуракинъ. Она это знала и шла на открытый обманъ, чтобы завоевать свое счастье. Натали вѣрнымъ женскимъ чутьемъ поняла, что Михаилъ сочтетъ долгомъ чести жениться на ней, узнавъ, что онъ отецъ ожидаемаго ребенка. И она не ошиблась въ своемъ расчетѣ: онъ безпрекословно покорился ея желанію.

Волынскій съ первыхъ же словъ признанія жены поразилъ ее своей необычайной выдержкой и хладнокровіемъ. Онъ не сдѣлалъ ей ни одного упрека, но разводъ дать категорически отказался и ожидаемаго ребенка назвалъ своимъ. Лѣтомъ Волынская не видалась съ Гуракинымъ два мѣсяца, такъ какъ онъ ѣздилъ къ отцу въ деревню. Волынскій, такъ же какъ и Натали, зналъ, что онъ отецъ будущаго ребенка, а не Гуракинъ. Съ этого дня для Натали начался рядъ мучительныхъ переживаній. Къ мужу у нея родилось не только чувство недоброжелательства, но даже отвращеніе. Онъ сталъ ей физически противенъ за то, что фактомъ своей беременности она какъ бы признавала его права надъ собой, которыя въ то же время могли принадлежать только любимому ею человѣку. Она съ отчаяніемъ боролась за свое счастье, но все было противъ нея. Когда, послѣ долгой борьбы, мужъ согласился на разводъ, начались препятствія со стороны родныхъ Михаила, который за послѣднее время сталъ раздражителенъ, вспыльчивъ и началъ сильно кутить. Натали теряла силы въ борьбѣ. Ей стало казаться, что Гуракинъ охладѣваетъ къ ней, что онъ не сумѣетъ побѣдить препятствія и въ концѣ концовъ разлюбитъ ее...

Натали очнулась: щелкнулъ замокъ входной двери, и въ передней раздался звонъ шпоръ.

— Миша!.. Наконецъ-то...

Натали бросилась къ двери и охватила шею Гуракина обѣими руками.

— Хорошо, что ты записку оставилъ, а то бы я опять здѣсь мучилась, какъ прошлый разъ. Гадкій... Скверный!.. Я изъ-за тебя ночи не сплю. Отчего ты прошлый разъ не пришелъ и даже записки не прислалъ? Я до шести просидѣла... Такая сдѣлалась нервная головная боль, что я не могла въ балетъ ѣхать. Что же ты молчишь? Говори же, отчего не былъ?

— Какъ же я могу отвѣчать, когда говоришь все время ты. Подожди, Натали, пусти меня, дай сперва спокойно посидѣть. Я, право, отъ grand'maman. Отецъ вѣдь вчера пріѣхалъ...

— Да, я знаю.

— Откуда знаешь?

— Я тебѣ потомъ скажу. Ну, и чѣмъ же кончились ваши переговоры?

Гуракинъ пожалъ плечами:

— Каждый остался при своемъ мнѣніи. Отецъ сегодня вечеромъ уѣзжаетъ. Золъ на меня ужасно и за ослушаніе его воли бьетъ по карману: сверхъ обычной суммы, высылаемой мнѣ ежемѣсячно, не прибавитъ ни копѣйки. Очень разсердился старикъ... Ну, и Богъ съ нимъ, но только...

— Что—только?—переспросила Натали.

Пока Гуракинъ говорилъ, ея лицо то блѣднѣло, то заливалось краской гнѣва.

— Вѣдь это чертовски мало! Мѣсяца не проходитъ, чтобъ я у дяди не бралъ; мнѣ одному не хватаетъ, а вдвоемъ?.. Ты привыкла къ широкой жизни, я за тебя боюсь...

— Миша, я иду на все, я на все согласна, лишь бы съ тобой не разставаться. Дядя, я увѣрена, не прекратитъ выдачи двухъ тысячъ, которыя я отъ него ежегодно получаю со дня выхода замужъ. На семь тысячъ жить можно, тѣмъ болѣе, что, хоть и не много, но все же ты будешь еще по службѣ кое - что получать.

Гуркинъ презрительно улыбнулся:

— Гроши, которыхъ мнѣ и на извозчика недостаетъ.

— Конечно, первое время намъ будетъ очень не легко, но, дорогой мой, неужели для нашего счастья эта временная жертва такъ ужъ велика?! Дядя старъ и, конечно, намъ недолго придется потерпѣть. Съ его смертью мы наслѣдуемъ нѣсколько милліоновъ.

— Ты разсуждаешь, Натали, какъ институтка: «Будетъ то, будетъ другое»... Важно то, что сейчасъ ничего нѣтъ, а не то, что когда-то будетъ.

Гуракинъ вдругъ вспылилъ, толкнулъ ногою стулъ, на которомъ сидѣлъ, зацѣпилъ шпорой за уголъ ковра и еще больше разсердился.

— Что съ тобой, Миша? Я совершенно не узнаю тебя за послѣднее время. Мнѣ можетъ прійти въ голову, что ты раскаиваешься и не хочешь свадьбы.

— Перестань говорить глупости. Сама отлично понимаешь, что положеніе наше отвратительное, и есть отъ чего бѣситься.

— Нѣтъ, я ровно ничего не вижу. Что денегъ будетъ мало—такъ вѣдь это же ненадолго...

— А полкъ бросать, а переѣхать изъ Петербурга чортъ знаетъ куда и жить на гроши, когда оба мы привыкли жить чуть ли не во дворцахъ... Этого всего мало?!

— О, я вижу, что дѣйствительно ты охладѣлъ ко мнѣ! Вижу, что мысль о женитьбѣ тяготитъ тебя, что я нравлюсь тебѣ только въ роли любовницы и что ребенокъ не радость, а бремя для тебя... Ты такой же, какъ и всѣ... ты...

— Замолчи!.. Слышишь, замолчи, Натали! Опять сцены, опять капризы! Чего ты хочешь, наконецъ? Я дѣлаю все, что могу, больше, чѣмъ могу; я жертвую для тебя спокойствіемъ стараго отца и ссорюсь съ нимъ, я огорчаю grand'maman, которая болѣетъ изъ-за меня, я бросаю любимый полкъ, и тебѣ этого мало? Какихъ же еще доказательствъ любви тебѣ угодно?

Гуракинъ, послѣ кутежей и непріятныхъ разговоровъ съ отцомъ, былъ въ томъ нервно-раздраженномъ состояніи, когда малѣйшій предлогъ къ недоразумѣнію легко раздувается въ ссору, лишь бы сорвать гнѣвъ.

— Можешь успокоиться: мнѣ ровно ничего не угодно. Я и безъ того слишкомъ унижаюсь, выслушивая то твои желобы, то глупѣйшія увѣщеванія этой старой дѣвы, твоей тетки...

— Что такое? Какой тетки?

Гуракинъ, стоявшій спиной, быстро обернулся въ сторону Натали.

— Конечно, Мари... Только она одна и способна доводить свою любовь старой дѣвы до какого-то балагана. Явилась ко мнѣ сегодня утромъ, умоляла отказать тебѣ. Прикажи я ей, такъ на колѣни бы стала передо мной. Идіотство! Чего они всѣ взбѣсились?! Je ne suis pas une demi-mondaine... Осталась въ дѣвахъ, потому и...

— Натали! Ни слова больше... Ни слова... Или я... Слышишь!.. Тетя Мари святая дѣвушка, я чту ее, какъ мать; или не призноси ея имени при мнѣ, или же

не иначе, какъ съ уваженіемъ. Ничего дикаго я не вижу въ томъ, что она пришла къ тебѣ. Она любитъ меня, и мое счастье для нея дороже всего.

— Однако позволь: изъ твоихъ словъ становится яснымъ, что жениться на мнѣ—для тебя несчастіе... Это слишкомъ! Ужъ не явилась ли ко мнѣ mademoiselle Гуракина съ твоего же согласія?..

— Чортъ знаетъ что такое! Достаточно съ меня сценъ. Я ухожу...

Гуракинъ, взбѣшенный, взялся за фуражку. У Натали спазма сдавила горло. Ей хотѣлось броситься передъ нимъ на колѣни и просить прощенія со слезами раскаянія, вмѣсто этого она зло расхохоталась.

— Сдѣлайте одолженіе. Вамъ, очевидно, хочется, чтобы я попросила васъ не возвращаться. Извольте—вы свободны. Можете идти...

Пока Натали, по какой-то злобной инерціи, говорила обратное тому, что чувствовала, Гуракинъ, кусая губы и едва сдерживаясь отъ гнѣва, накинулъ на плечи шинель и, хлопнувъ дверью, ушелъ. Натали бросилась было къ прихожей, потомъ медленно подошла къ кушеткѣ, опустилась на нее и, уронивъ голову на шелковую подушку, истерично зарыдала. Ей казалось, что съ уходомъ Михаила все вокругъ нея рушится, и она остается одна среди враждебныхъ ей людей въ постылой жизни.

Черезъ два дня Мари Гуракина только что успѣла одѣться и собиралась опуститься на колѣни передъ маленькимъ кіотомъ, какъ горничная, постучавъ въ дверь, таинственно передала ей письмо, сказавъ, что ожидаютъ отвѣта и просятъ поскорѣе. Увидавъ подпись Волынской, Мари слегка поблѣднѣла.

Натали писала:

«Простите меня, я теряю голову, я схожу съ ума. Миша говоритъ, что вы святая женщина, и я готова на колѣняхъ умолять васъ—помогите мнѣ.

Миша поссорился со мною; два дня я ему пишу, умоляя вернуться и простить меня, онъ даже не отвѣчаетъ. Если онъ броситъ меня—я не переживу, я умру, покончу съ собой... Вы умоляли меня отказаться отъ него, теперь я умоляю васъ вернуть мнѣ его. Вы, конечно, понимаете, милая Мари, что надо дойти до крайнихъ предѣловъ отчаянія, чтобы рѣшиться писать вамъ. Если вы отвернетесь отъ меня, то я пойму, что все кончено для меня. Миша васъ обожаетъ и послушаетъ васъ... Не толкайте же меня въ пропасть, вы—христіанка, у васъ кроткое всепрощающее сердце... Еще разъ простите и спасите».

Прочитавъ это письмо, Мари стояла нѣсколько минутъ въ глубокой задумчивости; потомъ опустилась передъ иконами на колѣни и, склонивъ голову, начала молиться. Ея простое доброе лицо отражало всю теплоту и глубину вѣры, которой преисполнена была ея душа.

«Господи, научи меня... Господи, вразуми меня»...—шептали ея губы. Когда она поднялась, ея лицо выражало спокойствіе и грусть. Пройдя къ письменному старинному столику краснаго дерева, на которомъ въ безпорядкѣ лежали два-три англійскихъ романа, «Imitation de Jésus Christ», раскрытая тетрадь, въ которой она записывала свою жизнь, фотографіи матери, отца и Михаила,—она написала на листкѣ почтовой бумаги:

«Обѣщаю вамъ сегодня же поговорить съ Мишей. Молитесь усердно, не приходите въ отчаяніе. Я тоже буду молиться о васъ».

Отправивъ эту записку, Мари написала вторую къ

племяннику, въ которой настоятельно просила его сегодня же заѣхать къ ней. Затѣмъ она вышла въ столовую и на спиртовой конфоркѣ собственноручно приготовила кофе. Пробило девять часовъ и изъ сосѣдней комнаты послышался шелестъ шелковаго платья. Неслышно ступая пробковыми подошвами, вошла старая Гуракина и вслѣдъ за ней, улыбаясь и втягивая и вытягивая губы—миссъ Іонстъ.

Вечеромъ Михаилъ былъ у тетки. Онъ имѣлъ удрученный видъ, и для Мари было очевидно, что онъ переживаетъ сложную и тяжелую жизненную ломку. Въ разговорѣ съ ней онъ не горячился и ни на что не жаловался, какъ бы понимая, что отнынѣ только онъ одинъ и самостоятельно долженъ направить свою жизнь по опредѣленному теченію. Прочитавъ письмо Натали, полученное утромъ теткой, онъ тяжело вздохнулъ:

— Да, я это предвидѣлъ... Конечно, я помирюсь съ ней, но...—онъ поморщился и съ усиліемъ потеръ лобъ,—но если бы ты знала, тетя, какъ невыносимы эти сцены, какъ онѣ расхолаживаютъ и какъ я предвижу, что имъ не будетъ конца.

Онъ уѣхалъ отъ Мари рано и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ театръ, гдѣ его ожидали товарищи, поѣхалъ къ себѣ домой. Швейцаръ доложилъ, что князь недавно уѣхалъ, а у княгини гости. Михаилъ прошелъ въ свою комнату, отдавъ приказаніе не говорить, что онъ дома, если его будутъ спрашивать. Онъ чувствовалъ тяжесть на душѣ и потребность въ чемъ-то разобраться, что-то безповоротно рѣшить. Лакей зажегъ лампы и на письменномъ столѣ двѣ свѣчи и стоялъ у порога, ожидая приказаній; онъ не привыкъ видѣть Михаилъ въ такой ранній часъ дома; обыкновенно ранѣе утра онъ не возвращался.

— Ступай, если надо, я позвоню,—сказалъ Гуракинъ, садясь къ письменному столу и вскрывая лежавшее на немъ письмо съ хорошо знакомымъ почеркомъ Натали. На пахучемъ листкѣ съ монограммой пестрѣли строки съ расплывшимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквами отъ скатившихся слезъ. Лакей безшумно закрылъ тяжелую дверь, и въ комнатѣ, отдѣленной отъ внутреннихъ жилыхъ аппартаментовъ парадной лѣстницей и залами, стало совсѣмъ тихо. Михаилъ прочелъ письмо, отложилъ его въ сторону, оперъ нахмуренный лобъ на руку и сталъ думать. За эти два дня ссоры съ Натали онъ болѣе не сомнѣвался, что его любовь къ ней сильно охладѣла и что далеко въ глубинѣ души онъ лелѣялъ надежду, что она поняла это и изъ гордости не пойдетъ на примиреніе. Насколько ихъ связь казалась ему красивой и захватывающей, настолько образъ Натали тускнѣлъ въ роли жены. Сохранившій строгія традиціи старой дворянской семьи того времени, Михаилъ на бракъ смотрѣлъ съ уваженіемъ и не боялся его, но сознавалъ себя слишкомъ неготовымъ для серьезной и отвѣтственной жизни, и мысль такъ рано лишиться свободы пугала и тяготила его. Матеріальное неустройство въ этомъ предстоящемъ шагѣ еще болѣе увеличивало его тоску. Онъ ясно сознавалъ, что, вступая въ бракъ съ Натали, онъ ломаетъ радостную, легкую и блестящую жизнь. Страсть, которую она затушила сценами ревности и проявленіями мелочнаго капризнаго характера, уже не могла воскреснуть...

— Я лѣзу въ петлю. Отецъ правъ, и всѣ они правы, но что же мнѣ дѣлать?!..—думалъ Михаилъ, начиная ходить по комнатѣ съ заложенными за спину руками и опущенной головой. Она этого хочетъ... Я ворвался

въ ея жизнь... а главное—ребенокъ... ребенокъ... нашъ ребенокъ... Я долженъ, я не имѣю права... Это будетъ безчестно и подло... она любитъ и вѣритъ мнѣ, она довѣрилась моей чести... Ахъ, эти деньги, эти подлыя деньги...—морщился Михаилъ, мысленно примиряясь съ необходимостью жениться и вдругъ вспоминая, какъ рѣзко измѣнится его жизнь благодаря недостатку въ деньгахъ.

Кромѣ заботы матеріальной его сильно угнетала необходимость бросить полкъ, который онъ любилъ особенной, задушевной любовью. Свою жизнь онъ сливалъ съ жизнью полка, гордился имъ и любилъ товарищей, съ которыми женитьба неминуемо должна была его разлучить. Онъ остановился передъ письменнымъ столомъ, на которомъ стоялъ большой портретъ Натали. Ему ясно вспомнилась ихъ первая встрѣча на раутѣ у одного высокопоставленнаго лица и вспомнилось впечатлѣніе неприступности, которое она тогда произвела на него въ пышномъ туалетѣ съ открытыми блестящими бѣлизной плечами, съ веселой, слегка насмѣшливой улыбкой. Она вошла подъ руку съ мужемъ; онъ былъ очень красивъ въ придворномъ, шитомъ золотомъ, мундирѣ. Михаилъ былъ представленъ; она, съ кокетливой и снисходительной улыбкой женщины, привыкшей къ поклоненію, протянула ему кончики пальцевъ, которые онъ, почтительно склонившись, поцѣловалъ. Думалъ ли онъ тогда?!.. И какъ это потомъ все скоро и неожиданно случилось. И вотъ у этой гордой, казавшейся ему тогда такой далекой отъ него, женщины теперь будетъ ребенокъ, его ребенокъ...—Сложное чувство гордости и теплоты шевельнулось въ его душѣ.—Она будетъ матерью его ребенка... да, онъ долженъ жениться, онъ долженъ этого ребенка назвать своимъ.

Съ чувствомъ умиленія, которое онъ испытывалъ каждый разъ, когда думалъ объ Натали, какъ о матери своего ребенка, онъ сѣлъ къ столу и написалъ ей отвѣтное примирительное письмо, назначая свиданіе на слѣдующій день.

VIII.

Князь Алексѣй Васильевичъ только что пообѣдалъ. Допивъ послѣдній глотокъ вина и выкуривъ сигару, онъ изъ столовой прошелъ на свою половину и, позвонивъ старика камердинера—вѣрнаго, всегда молчаливаго слугу—велѣлъ дать переодѣться.

— Цвѣты и фрукты аккуратно доставилъ, Тихонъ?—спросилъ князь, расправляя русыя, слека сѣдѣющія баки передъ стѣннымъ зеркаломъ, отражавшимъ его богатырскій ростъ и продолговатое породистое лицо съ сильно выдающимся тупымъ подбородкомъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, доставилъ-съ. Приказали доложить, что серчаютъ, почему вчера быть не изволили.

— Да вотъ иду, иду...—заторопился князь, застегивая сюртукъ и суетливо беря изъ рукъ Тихона надушенный платокъ и бѣлыя замшевыя перчатки.

— Не былъ, не былъ вчера... вотъ намъ съ тобой, братъ Тихонъ, и влетѣло... Карету прикажи туда подать къ одиннадцати и положи въ боковой карманъ мое лекарство,—опять сердце шалить стало.

Старый слуга подавилъ вздохъ; провожая князя изъ его аппартаментовъ, онъ смотрѣлъ ему вслѣдъ преданнымъ и печальнымъ взглядомъ:

— Господи Іисусе Христе!.. Вонъ она княжеская жисть: ни тутъ тебѣ покою, ни тамъ радостей...

Пройдя нѣсколько домовъ, князь Алексѣй вошелъ въ подъѣздъ каменнаго дома. Швейцаръ, почтительно кланяясь, принялъ сброшенную на ходу шинель. Безъ доклада князь прошелъ залъ и гостиную, куда доносился взрывами звонкій женскій смѣхъ.

— А-а,—князенька! Я говорила Машѣ, что придете, а она злющая-презлющая на васъ,—съ хохотомъ подбѣжала къ князю живая красавица-блондинка съ сѣрыми глазами и бровями черной дугой.

— Здравствуйте, красавица моя. Добрый вечеръ, Маруся.

Князь подошелъ къ высокой, крупной женщинѣ, поправлявшей у простѣночнаго зеркала, спиной къ вошедшему, русые волосы.

Это была балерина Петрова, состоявшая на содержаніи у князя.

— Я сердита на тебя,—не глядя на князя, протянула она ему руку.—Что за манера не являться, когда зовутъ и ждутъ. Богъ знаетъ, когда вчера изъ-за тебя ужинать сѣли.

— Увѣряю тебя, душечка, что я физически не могъ: я былъ во дворцѣ...

— А мнѣ никакого дѣла нѣтъ!.. Зову—и долженъ быть здѣсь... Долговязый!..

Блондинка такъ и прыснула отъ смѣха:

— Ну, Маша, ужъ ты, право, безсовѣстная: такъ обижать князя. Избаловали вы ее, князенька, вотъ она и фокусничаетъ.

Князь, неопредѣленно улыбаясь, снялъ съ лѣвой руки перчатку и, положивъ вмѣстѣ съ фуражкой на сосѣдній столикъ, сѣлъ на низенькій диванъ, обитый, какъ и весь будуаръ, пунцовымъ съ чернымъ атласомъ; пунцовымъ же плюшевымъ ковромъ былъ за-

стланъ весь полъ; масса цвѣтовъ, картинъ, дорогихъ вазъ и статуетокъ украшали комнату.

— Отчего вы, княженька, третьяго дня такъ рано уѣхали изъ балета? Я была очень въ ударѣ, такъ танцовала, что пола подъ собой не чувствовала. Ужъ и апплодировали! Три раза краковякъ повторить заставили. А васъ-то и не было,—поводя въ сторону князя искрящимися отъ веселья глазами говорила блондинка,—извѣстная балерина Жираръ, любимица публики и гордость балета.

— Долженъ былъ на балъ къ графинѣ Ушаковой ѣхать.

— И какъ вамъ не надоѣдятъ всѣ эти ваши графини, да княгини?

— Иной разъ и надоѣдаютъ,—улыбнулся князь.

— Ну да, надоѣдаютъ!—презрительно повела плечами Петрова.

Она была вульгарна, не обладала особенной красотой, а между тѣмъ князь, знатокъ женщинъ, всѣмъ извѣстный своимъ родомъ и богатствомъ, былъ въ полномъ подчиненіи у балетной танцовщицы, дѣтство которой протекло въ подвальномъ этажѣ прачешнаго заведенія.

— Надоѣли бы,—продолжала она, подсаживаясь къ столу и перебирая колоду картъ,—такъ не пропадалъ бы съ ними день и ночь. Кто же на балу былъ?

— Да все тѣ же: Нарышкины, Шереметевы, великіе князья, Орловы... всѣ были.

— А красавецъ нашъ былъ? Племянникъ вашъ—Гуракинъ?—спросила Жираръ.

— Миша? Нѣтъ, Миша не былъ.

— Волынская, вѣрно, не пустила,—разсмѣялась Петрова.—Ухъ, и злющая она, должно быть! Отъ

ревности, думаю, готова растерзать человѣка. Люблю такихъ. Такихъ вамъ и надо. Скажи, князь, правда, что она ему на дняхъ пощечину закатила не то въ швейцарской, не то выходя изъ кареты?

— Что за вздоръ! Откуда ты это слышала?

— Нѣтъ, не вздоръ,—вмѣшалась Жираръ.—И мнѣ тоже разсказывали. Приревновала къ кому-то; ни за что бы на его мѣстѣ я не женилась на ней; заѣстъ она ему жизнь. Съ Волынскимъ дѣло иное: тотъ хоть и молчитъ, живо усмирить сумѣетъ.

— Да, Миша, конечно, слишкомъ молодъ и напрасно ввязался въ эту исторію...

— Ахъ, Машенька, я-то и забыла!.. Погадай мнѣ ради Бога. Ужъ такъ нужно, такъ нужно.

— Мнѣ что же: прикажете уйти?—освѣдомился князь, приподымаясь со стула.

— Да что вы, князенька!—удержала его за рукавъ Жираръ,—всѣ мои секреты вы знаете. Гадай, Машенька.

— А потомъ и мнѣ, Маруся, погадай, ты вѣдь мастерица отгадывать будущее.

— Тебѣ я и безъ картъ скажу: вотъ брошу тебя въ одинъ прекрасный день, и останешься со своей законной супружницей. Будете тогда молебны вдвоемъ отстаивать, а ея попъ на тебя еще и эпитемію наложитъ...

— Да брось ты, Маша, князя злить. Не вѣрьте вы ей, князенька; никогда она васъ не броситъ, потому что другого такого, какъ вы, и найти негдѣ. Ну, гадай. Вотъ я перетасовала и сняла.

Петрова большой бѣлой рукой, украшенной цѣнными кольцами, стала раскладывать карты. Лакей внесъ чай на большомъ серебряномъ подносѣ. Князь разсѣянно слушалъ, что Петрова гадала своей по-

другѣ. Медленными глотками отпивая изъ стакана чай, онъ слѣдилъ за каждымъ ея жестомъ, за малѣйшимъ движеніемъ лица, бѣлаго и румянаго, со вздернутымъ носомъ и полными сочными губами. Это лицо не отличалось особенной красотой, но для князя все было въ этой женщинѣ полно неотразимой и притягательной силы. Мягкій и деликатный по натурѣ, съ ней она становился совершенно безвольнымъ. Утонченно воспитанный, онъ покорно переносилъ ея грубости и цинизмъ, удовлетворялъ всѣ ея прихоти и не замѣчалъ ея алчной требовательности и вздорнаго характера. Послѣ гаданья оживленной темой разговора былъ балетъ. Перебирались всѣ балетныя сплетни, къ которымъ оказывались причастными имена большого свѣта. Не переступая пороговъ великосвѣтскихъ салоновъ, балерины знали все, что тамъ дѣлается, потому что не только блестящая столичная молодежь, но зрѣлые сановники хорошо знали всѣхъ воздушныхъ фей хореографическаго искусства.

Скучая зачастую на офиціальныхъ и тонныхъ вечерахъ своего круга, они охотно посѣщали салоны балетныхъ дивъ, гдѣ было непринужденно-весело, гдѣ мужское общество оставалось все то же, а дамы были добрыми подругами и веселыми, обаятельными женщинами. Князь слушалъ болтовню двухъ подругъ, вставляя свои замѣчанія, и чувствовалъ себя гораздо уютнѣе въ этомъ пунцовомъ будуарчикѣ, чѣмъ въ строгихъ аппартаментахъ своей жены; онъ посѣщалъ ихъ все рѣже и рѣже, такъ что зачастую они всрѣчались только въ столовой . Всѣ свои сердечные интересы князь давно перенесъ сюда, и привязанность къ Петровой укрѣплялась съ годами.

— Славно мы сегодня съ Аней по набережной покатались,—обратилась Петрова къ князю, лѣниво

потягиваясь и протягивая ноги въ пунцовыхъ башмачкахъ, опушенныхъ бѣлымъ мѣхомъ, на противъ стоящій стулъ. Князь удобнѣе пододвинулъ его, любовно дотрагиваясь до атласныхъ башмачковъ, недавно привезенныхъ имъ изъ Парижа.—А только мнѣ невыгодно съ ней кататься: всѣ на нее глаза такъ и пялятъ, а она и рада,—засмѣялась Петрова, глядя на подругу.

— Это ужъ твои фантазіи, Маша,—улыбнулась Жираръ, блеснувъ великолѣпными зубами.

— Какъ фантазіи! А сама направо и налѣво улыбочки посылала да бровями поводила. Ты ненасытная, тебѣ мало одного обожателя... Смотри, шею тебѣ свернутъ когда-нибудь.

— Это какъ же свернутъ?—удивленно вскинула на подругу глаза Жираръ.

— А вотъ влюбится въ тебя какой-нибудь шалый ревнивецъ и пуститъ тебѣ пулю въ лобъ.

— Ужасно я боюсь ихъ всѣхъ!—расхохоталась Жираръ.—Пока до пули, такъ я имъ всѣмъ карманы такъ просвищу, что не на что будетъ и пули купить. Ахъ, я влюблена, князенька, до чертиковъ влюблена,—дѣлая страдающее лицо и въ то же время смѣясь, проговорила она, запрокидывая голову на спинку кресла.

— Можно узнать, въ кого?—спросилъ князь.

— Въ вашего брата.

— Во Владиміра? Я ему это скажу.

— Онъ знаетъ. Занятъ пока... Надо терпѣливо ждать.

Князь посмотрѣлъ на часы и протянулъ руку за фуражкой.

— Это куда?—спросила Петрова и брови ея слегка нахмурились.

— Надо, мой ангелъ: ничего не подѣлаешь. У Потемкиной сегодня вечеръ, звала непремѣнно; совсѣмъ не поѣхать нельзя.

— Это свинство съ твоей стороны, чуть не всѣ вечера проводить въ своемъ бомондѣ...

— Маруся, да вѣдь только на этой недѣлѣ такъ случилось.

— Ну и поѣзжай, проваливай, сдѣлай одолженіе, а мы съ Аней сейчасъ вызовемъ нашу компанію и поѣдемъ ужинать къ Борелю. И безъ тебя обойдемся. Выкручивай тамъ французскія любезности со своими дрессированными выдрами, пока мы будемъ веселиться.

— Ну, вотъ ты, Маруся, и разсердилась на меня! А если бы ты знала, какъ я охотно не поѣхалъ бы на этотъ скучный вечеръ и какъ мнѣ не хочется уѣзжать отъ тебя. Ты не знаешь мое положеніе: я долженъ дѣлать многое, чего не хочу.

— Слышала я ужъ это!—сдѣлавъ презрительную гримасу, махнула рукой Петрова.

Князь съ огорченнымъ лицомъ поднялся со стула, молча попрощался съ Жираръ, поцѣловалъ въ лобъ Петрову и вышелъ изъ комнаты.

— Ужъ ты слишкомъ, Маша, на него нападаешь,—заступилась Жираръ, едва удалился князь.—Не можетъ же онъ сидѣть пришитый къ твоей юбкѣ; его высокое положеніе обязываетъ бывать по необходимости.

— Ахъ, отстань ты, пожалуйста, съ этимъ высокимъ положеніемъ!—вспылила Петрова.—Плевать мнѣ на это положеніе. Мнѣ-то что толку съ него? Всѣ они подлецы и мерзавцы. Ты думаешь, сладко незаконнаго ребенка имѣть?! Удивительная честь быть содержанкой!

— Не можетъ же онъ жениться на тебѣ, Машенька...

— А на двѣ жизни жить можетъ?! Завелъ законную супругу, наплодилъ дѣтей, живетъ во дворцѣ, своей опостылой предоставилъ почетъ и всякія угодья, а я что?—Содержанка!... Мой ребенокъ не хуже его князька, а какая ему честь? Какое ему имя? За что такая несправедливсть? За то, что та уродъ и колбасница, давно опротивѣвшая ему, а я—любовница, которую любитъ, на колѣняхъ ползаетъ. Вотъ это и подлость, что самъ ноги цѣлуетъ, а княжество свое оберегаетъ и за черту, хоть умирай, а не перейдетъ.

— Ты съ ума сошла, Маша! Да кто же позволилъ бы ему жениться на тебѣ? А жена? А законъ? Онъ не смѣетъ и думать.

— А не смѣетъ думать, такъ нечего было и сманивать; а сманилъ, такъ пусть терпитъ мои капризы.

— А сама-то забыла, какъ отъ радости до потолка въ уборной прыгала, когда въ любви тебѣ признался. Я это хорошо помню, Машенька. Ты очень ужъ заврвалась. Чего тебѣ недостаетъ? Изъ бѣдности въ роскошь попала, и балуетъ, и любитъ, и добрякъ такой, а тебѣ все мало. Что толку съ этого княжества? Скучища смертная ихъ жизнь. Мнѣ дарили бы, такъ я не согласна.

— То—ты, а то—я. Тебѣ бы только по сценѣ летать, головы кружить, да каждую ночь съ другимъ мужчиной цѣловаться.

— Ну, я вижу, ты сегодня злющая. Прощай. Завтра на репетиціи будешь?

— Конечно, буду.

— Не опаздывай, а то «нашъ» опять будетъ не въ духѣ. А съ репетиціи поѣдемъ въ Юсуповъ садъ

на катокъ. Фогельбергъ обѣщалъ быть. Лучше его никто съ горъ не спускаетъ. Цѣлая компанія пріѣдетъ—будетъ весело.

Жираръ надѣвала передъ зеркаломъ соболью шапочку и перечисляла фамиліи гвардейской молодежи.

IX.

Поднимаясь по мраморной лѣстницѣ, декорированной зеленью, статуями и бронзой и уставленной черезъ каждыя пять ступеней лакеями въ ливреяхъ съ гербовыми золоченными галунами, въ бѣлыхъ шелковѣхъ чулкахъ и башмакахъ съ золоченными пряжками, князь старался отогнать грустныя мысли и придать лицу спокойное и любезное выраженіе. Подъ этой маской большая часть людей скрываетъ свои переживанія, чтобы не выходить изъ общей нормы хорошо воспитанныхъ людей.

Двѣ громадныя люстры со свѣчами яркимъ, живымъ свѣтомъ озаряли роскошный бѣлый залъ, обильно отдѣланный золотомъ. Изъ гостиныхъ доносился говоръ и смѣхъ, пахло духами и цвѣтами. Князь остановился у зеркала, провелъ рукой по волосамъ и бакамъ, вздохнулъ, на секунду закрылъ глаза и вошелъ въ гостиную. Лицо его выражало полное спокойствіе, беззаботность и любезность. На встрѣчу гостю поднялась хозяйка, кавалерственная дама средняго роста, съ красивымъ, чисто славянскимъ лицомъ, съ высокой прической изъ русыхъ роскошныхъ волосъ.

— Comme toujours, vons arrivez tard, cher prince, pour se faire désirer,—сказала она, протягивая для поцѣлуя руку и глядя на князя большими голубыми глазами.

— Я былъ въ Михайловскомъ театрѣ,—солгалъ князь Алексѣй.—Madame Naptal Arno была восхитительна въ «Qui femme a, guerre a».

Въ большой гостиной Louis XVI съ великолѣпными обюссонами на стѣнахъ и на полу, съ расписнымъ потолкомъ, громадными канделябрами саксонскаго фарфора и такими же люстрами, зажженными множествомъ свѣчей,—собрано было небольшое, но избранное общество. Князь отказался отъ чая, сервированнаго тутъ же на большомъ кругломъ столѣ, и опустился на свободное кресло подлѣ хозяйки дома. Оффиціанты во фракахъ, черныхъ чулкахъ и такихъ же башмакахъ съ золоченными пряжками прислуживали безмолвно и безшумно. Разговоръ велся отдѣльными группами. Говорили о наростающей крамолѣ, о недавно убитомъ прекрасномъ губернаторѣ князѣ К., о болѣзни императрицы, о распространившемся въ столицѣ манифестѣ революціоннаго комитета, требовавшаго амнистіи политическихъ преступниковъ, вспоминали съ оттѣнкой одобренія оправдательный приговоръ дѣла Засуличъ, надѣлавшаго въ то время много шума, говорили о неудавшемся покушеніи на шефа жандармовъ, о еще болѣе дерзкомъ и еще разъ неудавшемся покушеніи на жизнь Царя. Время было смутное и въ салонахъ главной темой разговоровъ была тревожная внутренняя политика страны.

— Сегодня я видѣлъ нашего директора и новатора,—обратился къ князю министръ, представительный старикъ съ медленной, слегка аффектированной рѣчью и никогда не мѣняющимся лицомъ, выражающимъ строгую педантичность.—Начудитъ онъ въ концѣ концовъ со своей игрой въ популярность. Боюсь, чтобъ изъ государственной дѣятельности онъ не создалъ себѣ подмостковъ для актерства. Мы ждемъ

отъ него государственныхъ услугъ, а выходитъ, на мой взглядъ, одинъ балаганъ.

— Н-да...—вмѣшался въ разговоръ членъ государственнаго совѣта, господинъ съ громкимъ именемъ, громаднымъ состояніемъ и красавицей женой,—быть диктаторомъ, да еще въ такое время—это сложнѣе, чѣмъ осада Карса.

— А это правда, qu'il fait des chicanes графу Тонкову?—спросила хозяйка дома, думая о чемъ-то постороннемъ, что было замѣтно по ея взгляду, часто устремлявшемуся на дверь залы.

— Шиканы—это мало сказать. Онъ вредитъ ему и ставитъ ловушки на каждомъ шагу,—улыбнулся князь Алексѣй.—Но графъ положительно неуязвимъ, il est invulnérable,—перевелъ она на французскій языкъ.

— Un vrai gentleman,—отозвалась пожилая фрейлина въ строгомъ черномъ шелковомъ платьѣ, съ блѣднымъ и худымъ лицомъ.—Что за выдержка, что за тонкость воспитанія у этого милѣйшаго графа! Понять не могу, какъ и кому могла придти въ голову эта нелѣпая мысль поручить à cet Arménien такой отвѣтственный постъ!..

— Тутъ чума помогла,—опять улыбнулся князь, въ то же время мысленно разсчитывая, успѣетъ ли онъ завтра до обѣда побывать у Петровой.

— Ну, мы-то тутъ не очень вѣримъ этой чумѣ,—замѣтилъ министръ.

Въ это время въ гостиную входилъ Волынскій. На лицѣ хозяйки выразилось удовольствіе, глаза ея скользнули въ сторону герцогини, сидѣвшей на другомъ концѣ гостиной и окруженной нѣсколькими кавалерами и дамами.

Волынскаго какъ будто всѣ ждали. Пока онъ склонился для поцѣлуя рукъ передъ дамами, онѣ шутливо выговаривали ему опозданіе. Его появленіе всѣхъ оживило. Дамы чувствовали въ немъ тонкаго знатока и цѣнителя не только ихъ красоты, но и малѣйшихъ деталей ихъ туалета. Распространившаяся вѣсть о его согласіи на разводъ съ женой дѣлала его еще болѣе интереснымъ въ глазахъ женщинъ. Почтительно цѣлуя руку герцогини, онъ почувствовалъ, какъ на одно мгновеніе настойчиво и нервно сжались ея пальцы. Когда онъ поднялъ на нее глаза, чуть уловимая, многозначительная улыбка скользнула по ея губамъ.

— Садитесь здѣсь, cher monsieur,—указала она ему стулъ противъ себя—и не смѣйте говорить о политикѣ. J'enai paz dessus la tête. У насъ сейчасъ былъ споръ объ ревности. Эти дамы—ces dames—утверждаютъ что ничего нѣтъ ужаснѣе сценъ ревности. Что вы на это скажете?

— Павелъ Константиновичъ навѣрное ничего не скажетъ. Il est trop classique, trop superbe, чтобы судить о такихъ проявленіяхъ человѣческой слабости,— лукаво поглядывая на Волынскаго, воскликнула одна изъ дамъ.

Волынскій, заложивъ ногу за ногу, улыбался тонкой лукавой улыбкой; онъ слегка щурился и проводилъ одной рукой по пальцамъ другой.

— Madame est dans l'erreur,—обратился онъ къ говорившей.—Если я не испытываю самъ чувства ревности, то только потому, что не нашлось женщины, которая позволила бы мнѣ любить себя въ такой мѣрѣ, чтобы я смѣлъ выразить свою любовь порывами ревности; по отношенію же меня самого я не знаю рев-

ности, потому что ни одна женщина не любила меня съ такой силой, чтобы ревновать.

Волынскій слегка наклонилъ голову, какъ бы выражая этимъ полную покорность такъ мало любящимъ его женщинамъ.

— Et bien, cher monsieur, je ne vous dirai qu'une seule chose: c'est que je ne vous crois pas,—улыбаясь одними глазами, проговорила герцогиня.

Легкое бѣлое кружево на глубокомъ вырѣзѣ ея открытаго платья слегка подымалось и опускалось отъ дыханія. Волынскій на нѣсколько мгновеній остановилъ взглядъ на этомъ мѣстѣ ея великолѣпный груди и сейчасъ же отвелъ его, но герцогиня поймала взглядъ, и ноздри ея тонкаго носа вздрогнули.

— А если бы такая женщина нашлась и позволила бы ревновать себя?—спросила она, небрежно ударяя вѣеромъ по ручкѣ кресла.

— Я бы замучилъ ее и своей ревностью и своей любовью,—совершенно безстрастнымъ голосомъ отвѣтилъ Волынскій, и только герцогиня что-то прочла въ его спокойномъ для всѣхъ взглядѣ.

— И вы ему вѣрите, герцогиня?—спросилъ князь Алексѣй, которому надоѣли разговоры о политикѣ, и онъ давно прислушивался къ тому, что говорилось въ оживленной группѣ герцогини

— Pas le moins du monde!—разсмѣялась она.

Князь подсѣлъ къ ихъ группѣ, и разговоръ, оживленный, все время скользящій на вопросахъ любви, всѣхъ занималъ и всѣмъ нравился. Возлѣ герцогини всегда царила атмосфера непринужденной веселости и какого-то легкаго угара влюбленности. Князь еще больше прибавилъ этой атмосферы, потому что ни о чемъ такъ охотно не говорилъ, какъ о любви и женщинахъ.

— А Волынскій окончательно, говорятъ, разводится съ женой,—вполголоса обратился къ хозяйкѣ дома ея сосѣдъ, членъ государственнаго совѣта.

— Да, я это знаю. Мишель Гуракинъ уходитъ изъ полка, женится на Волынской и уѣзжаетъ въ Москву.

— Какая глупость!—покачалъ головой министръ.— Съ обѣихъ сторонъ глупость. Мнѣ очень жаль бѣдную старуху Гуракину. Я слышалъ, что она заболѣла отъ огорченія, а эта бѣдная Марія цѣлые дни плачетъ и не знаетъ, на чьей сторонѣ ей надо быть. Старый Гуракинъ поссорился съ сыномъ и какъ будто il veut le déshériter. Все это очень грустно.

— Что вы хотите,—улыбнулась хозяйка дома,— c'est la passion.

Министръ умолкъ. Хозяйка дома была сановной вдовой и связана серьезнымъ чувствомъ съ лицомъ, стоявшимъ на такой высотѣ, что министръ не нашелъ удобнымъ отзываться съ порицаніемъ о чувствахъ любви.

— А княгиня Анна Валеріановна отчего къ вамъ не пріѣхала, chère amie?—обратилась вполголоса строгая фрейлина къ хозяйкѣ дома.

— Она совсѣмъ перестала выѣзжать и не любитъ, когда настаиваютъ и приглашаютъ ее. Мнѣ ее очень жаль: elle est très aigrie à cause de cette créature... vous savez?

— Да, нынче у насъ балетъ очень въ модѣ,—язвительно проговорила фрейлина.

— Если бы это была Жираръ—я бы не удивилась, но эта!.. Какъ могла она такъ завладѣть сердцемъ князя? Это удивительно?

Хозяйка дома почти шопотомъ договорила послѣднюю фразу и посмотрѣла въ конецъ гостиной, гдѣ сидѣлъ князь.

— Я слышалъ, что княгиня отъ печали впала въ мистицизмъ или спиритизмъ?—спросилъ членъ государственнаго совѣта, ловко, однимъ едва замѣтнымъ движеніемъ пальцевъ, вскидывая монокль къ глазу.

— Совсѣмъ не спиритизмъ; она отдалась всецѣло религіи и добрымъ дѣламъ,—внушительно отвѣтила фрейлина.

— Et avec tout ça elle a un caractère infernal.

Членъ совѣта чуть приподнялъ бровь, и монокль выпалъ изъ глаза.

— Я всецѣло на сторонѣ князя и не удивляюсь его бѣгству отъ домашняго очага.

— Я думаю, въ этихъ случаяхъ трудно быть судьей,—улыбнулась хозяйка, и двѣ ямочки на щекахъ сдѣлали ея миловидное лицо совсѣмъ обворожительнымъ.

Поодаль, возлѣ стола съ фруктами и конфетами, фатоватый флигель-адъютантъ бесѣдовалъ съ высокимъ бритымъ сановникомъ во фракѣ, украшеннымъ многими орденами.

— On danse demain chez les Anglais,—говорилъ флигель-адъютантъ, покручивая двумя пальцами кончикъ усовъ.—Y allez-vous, prince?

— Надо поѣхать,—отвѣчалъ сановникъ,—говорятъ, будетъ весь дворъ. Я обѣдалъ у графини Нинишъ сегодня, отъ нея и слышалъ.

— En voilà une femme séduisante!—съ увлеченіемъ проговорилъ флигель-адъютантъ.—А что вы скажете о ея мужѣ, князь?

— Oh, je ne m'en préoccupe pas... Ловкій интриганъ, но шею сломаетъ скоро, —отвѣчалъ сановникъ, дѣлая пренебрежительный жестъ,—et ce n'est pas moi qui m'en plaindrai... Это калифъ на часъ, повѣрьте мнѣ.

Къ концу вечера гостиная раздѣлилась на двѣ половины.

Въ группѣ, гдѣ были герцогиня и Волынскій, оживленный разговоръ со взрывами смѣха, не умолкая, велся на легкомысленныя темы. Князь Алексѣй отвлекся отъ мучившей его мысли—гнѣва Петровой—и съ удовольствіемъ перекидывался шутливыми, многозначительными фразами съ кокеткой, извѣстной своимъ смѣлымъ поведеніемъ, красавицей баронессой Шельманъ. Она дразнила и давно притягивала князя дерзкой красотой и вызывающей манерой. Но стоило ему отойти отъ нея, какъ образъ балерины со вздернутымъ носомъ и властной манерой убивалъ всѣ другіе образы и впечатлѣнія.

— Почему вы на каткѣ въ Таврическомъ саду не бываете? Мы тамъ такъ веселимся,—говорила баронесса, обмахиваясь слегка вѣеромъ и обдавая князя запахомъ духовъ.

— Мнѣ некогда, я занятъ,—отвѣчалъ князь, глядя съ улыбкой въ большіе каріе глаза красавицы.

— Вы заняты?! Подарите мнѣ часокъ этого вашего занятія, cher prince, и, право, вы не пожалѣете. Ну, будьте хорошій и пріѣзжайте на катокъ завтра въ три часа. Фогельбергъ артистически спускается горъ. Если вы пріѣдете, я вамъ обѣщаю... Ну, что вы хотите, чтобы я вамъ обѣщала?

И баронесса, чуть прикрывъ вѣеромъ лицо, близко наклонила его въ сторону князя.

— Hein, dites donc ce que vous voulez?

Въ другомъ концѣ гостиной центромъ былъ министръ. Методично, ярко и нетерпѣливо онъ разсказывалъ эпизодъ изъ своей жизни. Когда онъ говорилъ, всѣ его слушали, хотя бы онъ разсказывалъ самыя простыя вещи. Владѣя прекрасно словомъ и

интонаціей, онъ импонировалъ публикѣ звукомъ голоса, который лился отчетливыми, металлическими, медлительными волнами.

Близкій ко двору, игравшій видную политическую роль во весь періодъ этого царствованія, министръ при своемъ появленіи вносилъ въ салоны атмосферу исторической личности въ жизни Россіи и потому каждому слову его придавался особенный многозначительный вѣсъ, какъ будто бы понятный немногимъ близкопосвященнымъ.

— ...Этотъ образъ,—продолжалъ министръ свой разсказъ, навѣянный разговорами о спиритизмѣ и мистицизмѣ,—былъ очень чтимъ въ роду моей покойной жены. Онъ висѣлъ въ углу нашей спальни на крѣпкомъ желѣзномъ крюкѣ, который могъ бы выдержать бронзовую люстру. Въ семьѣ жены было преданіе, что этотъ образъ срывается съ крюка передъ смертью кого-нибудь изъ ея членовъ. Какъ только я услышалъ отъ жены этотъ разсказъ, de mes propres mains j'ai consolidé l'image и, смѣясь, сказалъ ей, что всѣ мы умремъ раньше, чѣмъ упадетъ этотъ образъ. Въ 1872 году мы проводили сентябрь въ имѣніи. Было поздно. Жена пошла спать, а я продолжалъ сидѣть за спѣшной работой у письменнаго стола. Весь нашъ деревенскій домъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Вдругъ раздается страшный шумъ отъ паденія чего-то тяжелаго. Я выбѣгаю изъ кабинета и слышу испуганный зовъ жены. Въ спальнѣ лежалъ на полу тяжелый образъ съ разбитымъ стекломъ и лампадкой. Мать жены была въ очень преклонномъ возрастѣ, и вся женская половина обитателей дома была увѣрена, что паденіе образа предвѣщаетъ ея кончину. Однако старушка прожила еще пять лѣтъ, а моя жена внезапно скончалась черезъ четыре дня отъ разрыва сердца.

Министръ, окончивъ разсказъ, остался въ той же слегка аффектированный позѣ: онъ сидѣлъ въ креслѣ, втянувшись, едва дотрагиваясь спиной до спинки кресла.

— C'est incroyable! — произнесла фрейлина тѣмъ проникновеннымъ голосомъ, которымъ говорятъ о непонятныхъ и таинственныхъ явленіяхъ.

Первымъ поднялся министръ и вслѣдъ за нимъ всѣ стали прощаться съ хозяйкой и между собой. Герцогиня на порогѣ въ залъ задержалась, продолжая разговаривать съ хозяйкой дома.

Волынскій, съ перекинутой на рукѣ горностаевой перелинкой, переданной ему герцогиней, медленными шагами спускался по лѣстницѣ. Внизу въ вестибюлѣ слышались голоса отъѣзжающихъ гостей и хлопанье тяжелой двери. Заслышавъ позади себя шуршанье шелка, Волынскій остановился, обернувшись къ приближавшейся быстрыми шагами герцогинѣ. Ловко подобравъ трэнъ фіолетоваго шелковаго платья, такъ что, глядя снизу, Волынскому были видны почти до самыхъ икръ ея стройныя ноги, обтянутыя въ фіолетовые шелковые чулки, улыбаясь и передергивая отъ холода обнаженными плечами, она легко стала спускаться. Волынскій бережно накинулъ ей на плечи перелинку и предложилъ руку. Внизу хлопнула дверь и сразу стало тихо.

— Вы завтра будете на concours hyppique?—спрашивала герцогиня въ то время, какъ лакей въ красной придворной ливреѣ осторожно надѣвалъ на нее подбитый горностаями шелковый бурнусъ.

— Si vous l'ordonnez...—отвѣчалъ Волынскій.

— Certes, je l'ordonne...—герцогиня слегка прищурила глаза, и ея лицо приняло выраженіе хищнаго желанія.

Волынскій почтительно склонилъ голову въ знакъ покорнаго послушанія. У подъѣзда стояла карета герцогини съ кучеромъ въ такой же красной ливреѣ, какъ и лакей.

— Renvoyez votre voiture—je vous enmène,—произнесла герцогиня въ ту минуту, когда Волынскій почтительно прикасался губами къ ея пальцамъ и лакей, держась за дверцы кареты, готовъ былъ ее захлопнуть.

Волынскій отдалъ приказаніе своему кучеру ѣхать домой и сѣлъ въ карету герцогини.

— Я любовалась вами весь вечеръ,—сказала по-французски герцогиня, откидываясь вглубь кареты и умащивая ноги въ мѣховой мѣшокъ,—вы удивительно владѣете собой и, глядя на васъ и слушая васъ, можно подумать, что у васъ на душѣ цвѣтутъ розы...

Волынскій молчалъ.

— Скажите мнѣ откровено, en bon ami: если откинуть всѣ тяжелыя для васъ стороны этой исторіи, вы очень огорчены, что «она» покидаетъ васъ? Vous en souffrez réellement?—понижая голосъ и дѣлая его болѣе задушевнымъ, спросила герцогиня.

— Я боюсь отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, такъ какъ, что бы я ни сказалъ теперь, можетъ быть не вполнѣ такъ, какъ оно есть.

— Какъ вы тонко умѣете не отвѣчать на заданные вамъ вопросы,—разсмѣялась герцогиня.—Какъ бы я хотѣла разорвать этотъ заколдованный кругъ, въ которомъ вы стоите и черезъ который не пропускается ни одинъ смертный... Это ваше олимпійское спокойствіе....

— Votre altesse, ce n' est qu'un masque.

— О, нѣтъ, я этому не вѣрю! А если это такъ, то сорвите же хоть на минуту эту маску, закрывающую

ваше лицо, которое мнѣ такъ давно хотѣлось бы наконецъ увидѣть.

Въ темнотѣ кареты Волынскій не могъ видѣть, сколько настойчивой, упрямой воли избалованной всѣми женщины было въ эту минуту въ каждой чертѣ герцогини. Онъ на секунду закрылъ глаза, какъ бы не желая довѣрить даже темнотѣ ихъ выраженія.

— Что же вы молчите? Я хочу знать, что вы на это скажете.

— Эту маску я сниму только для той женщины, которая всецѣло завладѣетъ моей волей,—отвѣтилъ Волынскій обычно спокойнымъ голосомъ.

— И которуы вы замучите вашей ревностью и любовью?—шутливо произнесла герцогиня, вспоминая недавно сказанную Волынскимъ фразу.—А вы думаете, cher monsieur, что такая женщина можетъ для васъ существовать?—продолжала она послѣ минутнаго молчанія.

Волынскій закусилъ нижнюю губу и, крѣпко стискивая правой рукой скомканную въ рукѣ перчатку, силясь подавить какое-то неопредѣлимо-сильное желаніе, наконецъ, пересилилъ его.

— Я думаю, что такая женщина существовать для меня не можетъ.

— Почему?

— Потому что въ игру любви я вѣрю, а въ любовь я никогда не вѣрилъ.

— Oh, si vous êtes comme ça...

— Развѣ я не правъ? Будьте искренни, ваша свѣтлость; развѣ вы думаете иначе?—Волынскій обернулся къ герцогинѣ, приблизилъ къ ней лицо и при свѣтѣ фонаря, мимо котораго проѣзжали, она увидѣла насмѣшливые, устремленные на нее глаза.

— Во всякомъ случаѣ я вѣрю, что есть и должна быть настоящая любовь.

— Это говорите вы, герцогиня?! Вы шутите, я знаю, что вы шутите...

— Не смѣйте смѣяться! Я не хочу, чтобы вы такъ смѣялись. Я не шучу... et n'en parlons plus.

— Heureux de vous obéir...

Волынскій закрылъ глаза и наклонилъ голову. Карета подъѣхала къ дворцу. Герцогиня небрежно протянула Волынскому концы пальцевъ и со словами «à demain» скрылась за дверью. Эта же карета доставила Волынскаго домой. По слабо освѣщенной лѣстницѣ онъ прошелъ въ свою половину, на-скоро раздѣлся, отдалъ заспанному лакею приказаніе на утро и легъ спать. Было поздно, и онъ долженъ былъ дѣлать больное усиліе воли, чтобы оставаться по наружному виду неизмѣнно тѣмъ же. Онъ давалъ разводъ женѣ, потому что понималъ, что не дать его—это вызвать еще большій скандалъ. Зная и отгадывая настроеніе общества, онъ отгадалъ изъ разговора съ герцогиней, что наиболѣе легкомысленная и сильная половина ихъ круга сочувстветъ страстной любви его жены и красавца Гуракина, что связь ихъ всѣмъ уже извѣстна и что чѣмъ скорѣе она выйдетъ замужъ за Гуракина, тѣмъ менѣе будетъ поводовъ къ скандальнымъ сплетнямъ и пересудамъ. Но мысль о ребенкѣ, котораго онъ столько лѣтъ тщетно ожидалъ, его мучила и лишала равновѣсія. Онъ зналъ, что Натали называла отцомъ ожидаемаго ребенка—Гуракина, зналъ, что Гуракинъ этому вѣрилъ, что вѣрили этому всѣ тѣ, кто зналъ о ея положеніи.

Волынскій же зналъ такъ же, какъ знала это и его жена, что отецъ—онъ. Въ немъ говорили чувства отцовской любви; эти чувства были оскорблены; онъ

давно охладѣлъ къ женѣ, и разрывъ съ нею его не огорчалъ, но отречься отъ дитяти, отдать его въ руки недостойной жены и мальчишкѣ-Гуракину, было и больно и оскорбительно. Однако за послѣдніе дни эти мысли мучили его гораздо меньше. Онѣ отвлекались новымъ впечатлѣніемъ, надъ которымъ онъ не имѣлъ времени задумываться, но которому поддавался. Впечатлѣніе это — были новыя, еще не вполнѣ ясныя отношенія къ нему всѣхъ чарующей герцогини. Онъ былъ слишкомъ большой знатокъ женщины, чтобы не оцѣнить всѣхъ ея достоинствъ, кружившихъ головы близко къ ней подходящимъ, но именно благодаря тому, что она была слишкомъ окружена, онъ—высоко цѣнившій себя—не хотѣлъ быть въ ряду ея поклонниковъ и намѣренной, преувеличенной почтительностью къ ея сану создавалъ пропасть, которую она не могла не замѣтить. Съ тѣхъ поръ какъ Волынскій узналъ объ измѣнѣ жены и окончательно отстранился отъ нея, его вниманіе чаще останавливалось на личности герцогини. За этотъ годъ она особенно расцвѣла и въ сознаніи своей неотразимости стала еще болѣе притягательной. Осторожно и очень издалека она съ каждой встрѣчей старалась уничтожить пропасть, созданную Волынскимъ, и чѣмъ труднѣе было этого достигнуть, тѣмъ упрямѣе становилась она въ своемъ желаніи. Волынскаго начинала дразнить эта игра. Привыкшій къ поклоненію женщинъ, онъ допускалъ результатомъ этой игры только полное порабощеніе воли герцогини. Съ той минуты, какъ онъ себѣ это уяснилъ,—онъ почувствовалъ сильное влеченіе къ легмысленной, избалованной кокеткѣ и тѣмъ болѣе сталъ на-сторожѣ каждаго своего слова, каждаго взгляда, обращеннаго къ ней.

X.

Княгиня Анна Валеріановна съ утра была сильно не въ духѣ. Ольга Онисимовна—начальница пріюта, бывшая много лѣтъ тому назадъ камеръ-юнгфрау княгини и знавшая всю интимную сторону ея жизни. держалась въ строжайшей субординаціи и не смѣла открыть рта въ присутствіи своей благодѣтельницы, но по части сплетенъ и доносовъ ей дана была неограниченная свобода слова, и Ольга Онисимовна отъ времени до времени выкладывала княгинѣ весь собранный запасъ. Этимъ сплетнямъ и доносамъ княгиня придавала должное значеніе потому, что въ нихъ никогда не было вымысла; они обнимали собой всѣ стороны княгининой жизни, главнымъ же образомъ самую чувствительную сторону ея жизни: связь мужа съ балериной Петровой. Съ языка Ольги Онисимовны точно разматывались клубки синематографическихъ снимковъ интимной жизни князя-супруга въ каменномъ особнякѣ неподалеку отъ ихъ дому. Князь Алексѣй не подозрѣвалъ, что супругѣ былъ извѣстенъ каждый его шагъ. Лояльный, прямой и деликатный, сознающій свою вину передъ женой, онъ съ тѣхъ поръ, какъ отошелъ отъ нея, избѣгалъ хотя бы случайно проникнуть въ ея личную жизнь. Никому изъ окружавшихъ его не могло прійти въ голову шпіонить и наушничать князю, а потому онъ и не допускалъ, чтобы княгини пользовалась шпіонажемъ и слѣдила бы за его связью, которую за послѣднее время онъ пересталъ оберегать отъ любопытства свѣта. Петрова стремилась афишировать свою побѣду надъ извѣстнымъ всей столицѣ княземъ и устраивала ему злобныя сцены, когда онъ маскировалъ отношенія къ ней. Князь не зналъ, что

Ольга Онисимовна лестью и подарочками, полученными изъ рукъ своей благодѣтельницы-княгини, давно втерлась съ чернаго крыльца въ каменный особнякъ и черезъ людскія и гардеробныя частенько хаживала попить кофейку къ старухѣ Матренѣ Ивановнѣ—матери балерины Петровой, бывшей прачкѣ, обрюзглой, болѣзненной старухѣ, скромно жившей на покоѣ въ отведенной ей подлѣ людскихъ комнатѣ. Матрена Ивановна дальше буфетной не хаживала и парадные аппартаменты своей «Машеньки» видѣла только мелькомъ. Со всей прислугой она жила въ мирѣ, Машеньки боялась очень, но каждымъ ея шагомъ интересовалась и знала черезъ лакеевъ и горничныхъ все, что дѣлалось не только въ театральной уборной и салонахъ дочери, но даже и въ ея спальнѣ. Скучающая отъ бездѣлья старуха, цѣлые дни шепчущаяся съ челядью, несказанно обрадовалась знакомству съ Ольгой Онисимовной, и за безконечнымъ кофепитіемъ или чаепитіемъ, отложивъ на край стола обкусанный кусочекъ сахару, она, вся потная и раскраснѣвшаяся, въ ситцевой широкой кофтѣ, шамкающимъ ртомъ съ гнилыми зубами, выкладывала таинственнымъ полушопотомъ все, что творилось у Машеньки. Не то съ сокрушеніемъ, не то съ одобреніемъ покачивая сѣдой головой, Матрена Ивановна со всѣми подробностями передавала Ольгѣ Онисимовнѣ, какъ ея Машенька «объегориваетъ» князя:

— Денегъ-то, денегъ что жметъ отъ его, просто ужасти!—говорила она, обтирая ладонью мокрыя губы и складывая руки на одутловатомъ животѣ.

Въ это утро княгиня Анна Валеріановна имѣла одну непріятность за другой. Едва она встала, какъ камеръ-фрау передала ей записку отъ отца Федора, что младшая его дочь ночью сильно занемогла, и онъ не

можетъ прійти къ ней для утренней бесѣды. Отецъ Федоръ былъ вдовъ, жилъ во флигелѣ ихъ дома и былъ духовникомъ княгини. Княгиня, принимавшая близко къ сердцу все, что касалось отца Федора, разстроилась этимъ извѣстіемъ и рѣшила навѣстить его, какъ только окончитъ всѣ дѣла, занимавшія ее до двухъ и трехъ часовъ дня. Ольга Онисимовна, явившаяся по дѣламъ пріюта, разсердила ее извѣстіемъ, что Дашенька заболѣла съ горя и свадьбу съ мужикомъ Афанасіемъ, вопреки волѣ княгини, приходилось отложить. Княгиню органически раздражало все, что было молодо, красиво, что тянулось къ счастью и было достойно его. Заступничество не только Ольги Онисимовны, но даже и самого князя за судьбу красавицы Дашеньки— гордости всего пріюта, еще болѣе разсердило безсознательную зависть всегда некрасивой, неловкой и никому не симпатичной княгини, и она чувствовала, что успокоится лишь тогда, когда многообѣщающая красота и врожденное изящество воспитанной ею сироты будутъ втоптаны въ безъисходную сѣрую рамку мужицкой жизни. Послѣ докладовъ о пріютѣ, сопровождавшихся придирчивыми замѣчаніями княгини, Ольга Онисимовна, вмѣсто того, чтобы откланяться, кашлянула и осталась стоять на мѣстѣ. Княгиня знала, что обозначалъ этотъ сдержанно-искусственный кашель бывшей камеръюнгфрау. Съ непріятнымъ, брезгливымъ выраженіемъ въ лицѣ она повернула голову въ сторону Ольги Онисимовны:

— Опять что-нибудь новое? Ну, разсказывайте...

Она отложила перо, сняла пенснэ и приготовилась слушать.

— Про скандалъ въ театрѣ не изволили слышать, ваше сіятельство?—спросила Ольга Онисимовна, подобострастно складывая руки.

— Глупый вопросъ, — пожала плечами княгиня,— отъ кого же я могу слышать? Разсказывайте скорѣе— мнѣ некогда.

Несмотря на острое любопытство и ревность, княгиня испытывала нѣкоторую неловкость, выслушивая отъ бывшей камеристки подробности фактовъ, выставлявшихъ ея супруга въ недостойномъ свѣтѣ.

Ольга Онисимовна, не пропустивъ ни одной подробности, разсказала княгинѣ исторію, передававшуюся изъ устъ въ уста всѣмъ кордебалетомъ и уже проникшую въ салоны, гдѣ высшій свѣтъ, не желая порицать поведеніе князя, слушая эту исторію, пожималъ плечами, задумчиво качалъ головой, неопредѣленно поднималъ брови и резюмировалъ свое впечатлѣніе сочувствіемъ pour la faiblesse de ce prince, si bon, si galant homme qui a eu le malheur de tomber sous l'influence de cette créature vulgaire et indigne,

Два дня тому назадъ князь, отобѣдавъ у Петровой, оставался у нея вплоть до того времени, какъ надо было ѣхать въ балетъ, такъ какъ въ этотъ вечеръ Петрова танцовала. Князь подвезъ ее въ своей каретѣ къ артистическому крыльцу и отправился въ свою ложу. Терпѣливо ожидая начала спектакля и разглядывая собирающуюся публику изъ глубины просторной аванъ-ложи, князь разсѣянно курилъ папиросу и любовно думалъ о Петровой, съ которой только что провелъ нѣсколько счастливыхъ часовъ. Неожиданно постучали въ дверь, и князю почтительно доложили, что «Марія Михайловна Петрова просятъ ихъ сіятельство немедленно пожаловать къ нимъ». Князь быстро поднялся съ мѣста и озабоченно направился за кулисы. Онъ шелъ къ ней въ уборную, но, заслышавъ среди другихъ женскихъ голосовъ ея смѣхъ, вышелъ на сцену. Съ привѣтливыми возгласами и шут-

ками его обступили бывшія тутъ балерины. Нѣкоторыя были уже въ короткихъ газовыхъ юбочкахъ и трико, другія оставались еще въ домашнихъ туалетахъ. Петрова, въ голубомъ шелковомъ пеньюарѣ, уже причесанная и гримированная, стояла среди сцены.

— А гдѣ же мое трико?—громко обратилась она къ князю.—Вѣдь ты же видѣлъ, что я въ одномъ халатѣ ѣду.

— Но, Машенька...—слегка конфузясь, заговорилъ князь,—я, право, не зналъ, что ты его съ собой не взяла.

— Какъ не зналъ? Съ пустыми руками въ карету сѣла, отлично видѣлъ... Какъ хочешь, а трико доставь мнѣ сію минуту, мнѣ скоро пора одѣваться; горничная мнѣ нужна, я ее послать не могу.

— Такъ какъ же быть?.. Я, право, не знаю...—смущенно оглядываясь вокругъ себя, пробормоталъ князь.

— Нѐчего и знать,—дернула плечомъ Петрова.—Вели подать карету и съѣзди самъ; трико въ спальнѣ осталось...

Князь совсѣмъ растерялся и нерѣшительно началъ что-то говорить Петровой, но она гнѣвно сдвинула брови и повысила голосъ.

— Этакъ я опоздаю къ моему выходу. Неужели съѣздить не можешь для меня! Можно подумать, что я Богъ знаетъ о какой услугѣ прошу.

— Изволь, изволь, мой ангелъ, я съѣзжу, пожалуйста, не сердись... сейчасъ и поѣду.

Князь Алексѣй поцѣловалъ руку Петровой и быстро зашагалъ черезъ сцену къ выходу. На пути своемъ онъ никого не встрѣтилъ: присутствовавшія при этой сценѣ балерины вò-время успѣли предупредить снующую за кулисами дирекцію балета, что «Машенька

Петрова грубитъ князю», и тѣ заблаговременно скрылись, считая неудобнымъ попадаться на глаза сконфуженному князю. Черезъ полчаса князь Алексѣй собственноручно передалъ въ уборную Петровой на-скоро завернутое въ газету шелковое трико.

Услышавъ отъ Ольги Онисимовны всю эту исторію, княгиня быстро поднялась съ кресла и, забывъ о ея присутствіи, стиснула руки съ видомъ гнѣва и отчаянія.

— Quel scandal!.. Quel humiliation!..—шептала она.—И что же, онъ уѣхалъ послѣ этого изъ театра или оставался?—обратилась она къ Ольгѣ Онисимовнѣ.

— Изволили до конца быть у себя въ ложѣ, доставили ее въ каретѣ домой, а оттуда къ Борелю ужинать вмѣстѣ поѣхали.

— Идите, идите, Ольга Онисимовна... Довольно съ меня на сегодня...

Княгиня была въ сильномъ волненіи, и лицо ея стало еще некрасивѣе. Послѣ обычной передъ завтракомъ молитвы въ молельнѣ, не желая видѣть князя, она велѣла завтракъ подать на свою половину.

Покончивъ всѣ свои дѣла и выслушавъ доклады по хозяйственной части дома и имѣнія, княгиня, накинувъ на голову простой черный кашемировый платокъ, собралась во флигель къ отцу Федору. Въ то время, какъ она направлялась къ лѣстницѣ, лакей съ торжественной поспѣшностью доложилъ ей, что въ залъ прослѣдовала высокорожденная, обожаемая всѣми и всѣмъ извѣстная благотворительница—ея дальняя родственница. Княгиня Анна Валеріановна, продолжая придерживать у подбородка накинутый на голову платокъ, вошла въ залъ, куда изъ противоположной двери выходила немолодая, высокая, блѣдная женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ, роскошно отдѣланномъ

настоящими кружевами, съ необыкновенно кроткимъ и добрымъ выраженіемъ большихъ, глубокихъ голубыхъ глазъ. Ея движенія были просты и въ то же время величественно-прекрасны. Каждому, кто близко видѣлъ это задумчивое лицо, хотѣлось безъ конца смотрѣть въ ясные и печальные, что-то въ себѣ затаившіе голубые глаза. Даже тѣ, кому надо было для ея же спокойствія лгать, скрывая печальную истину, не могли противодѣйствовать чистымъ чарамъ ея взгляда и говорили правду...

— Je crains, chère amie, d'être venue mal à propos,—ласково обратилась она къ княгинѣ, подходившей къ ней неуклюжей тяжелой походкой,—vous êtes en train de sortir.

— Oui, chère Marie, je dois visiter la petite fillette de mon malheurenx отецъ Федоръ; l'enfant est malade et n'a pas de mère, je tacherai de la lui remplacer,—отвѣчала княгиня.

— Alors je me retire, chere amie; je ne veux gêner ni les bons, ni les mauvais engouements. Au revoir.

Посѣтительница ласково протянула руку княгинѣ и медленно направилась къ выходу. Хотя въ пріемномъ залѣ никого, кромѣ посѣтительницы и хозяйки дома, не было, однако черезъ часъ весь домъ зналъ о безтактной выходкѣ княгини, не пожелавшей отложить на полъ-часа свое посѣщеніе отца Федора и вышедшей навстрѣчу именитой гостьѣ съ накинутымъ на голову платкомъ. Вечеромъ князь Алексѣй узналъ объ этомъ отъ сына. Князь Сергѣй въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ мать въ нежеланіи поддерживать не только родственныя, но крайне нужныя для него связи, и просилъ отца обратить должное вниманіе на происшедшій въ этотъ день эпизодъ. Князь, устало выслушавъ сына, посовѣтовалъ ему быть снисходительнѣе къ

матери и, едва тотъ ушелъ изъ кабинета, онъ позвалъ Тихона, переодѣлся и, пройдя нѣсколько домовъ, вошелъ въ каменный домъ, гдѣ проводилъ до поздней ночи всѣ свободные вечера.

Между тѣмъ на другой половинѣ княжескаго дома въ маленькой гостиной былъ сервированъ на серебряномъ подносѣ скромный чай съ бутербродами. Отецъ Федоръ, успокоенный несерьезнымъ заболѣваніемъ дочери, сидѣлъ въ креслѣ въ темно-малиновой шелковой рясѣ и, разглаживая рукой то русую бороду, то до плечъ спускавшіеся густые волосы, просматривалъ какіе-то смѣтные листы.

— Отложи бумаги, отецъ Федоръ, я такъ нервически настроена сегодня, просто выхода не нахожу; путаюсь въ собственныхъ мысляхъ, какъ въ лабиринтѣ.

Отецъ Федоръ неторопливымъ жестомъ отложилъ на сосѣднее кресло листы и вопросительно посмотрѣлъ на княгиню.

— Устала, устала я, отецъ Федоръ; и жить и бороться устала.

— А съ чемъ же бороться надо тебѣ, матушка княгиня? Не вижу никакой разумной борьбы подлѣ тебя.

— Перестань, отецъ Федоръ! Ты все свое повторяешь, потому что понять не хочешь, что, живя въ этомъ домѣ, я не могу уйти отъ его жизни, съ которой я связана всѣмъ моимъ прошлымъ... Что ни день, то новыя оскорбленія нашему имени.

Княгиня съ раздраженіемъ передвинула севрскій сливочникъ съ одного мѣста на другое.

— Чего отъ меня хотятъ!—продолжала она, сама себя возбуждая.—Я не только оставила дворъ и всѣ свѣтскія сношенія, я дошла чуть не до затворничества... И все-таки этого мало! Меня хотятъ до смерти добить.

Послѣднія слова княгиня выкрикнула неестественнымъ, визгливымъ голосомъ.

— Однако, тебя не забываютъ, матушка княгиня; я слышалъ, что наша именитая благотворительница была у тебя...

— Не нужны мнѣ всѣ эти ихъ вниманія,—рѣзко перебила княгиня,—нашъ домъ не въ фаворѣ, насъ игнорируютъ, и я не нуждаюсь въ милостивыхъ визитахъ...

Отецъ Федоръ положилъ свою большую мускулистую руку на руку княгини.

— Полно, матушка! Что за охота разстраивать себя? Это все старое и пережитое. Они отвернулись, ты отошла и, я думалъ, давно крестъ поставила надъ гордыней...

— Да я не о томъ, отецъ Федоръ. Это я только такъ—къ слову пришлось...

— Такъ въ чемъ же дѣло? Подѣлись, отведи душу.

— Опять князь Алексѣй афишировалъ себя! Эта безстыдная дѣвка топчетъ въ грязь наше княжеское достоинство, срамитъ всю семью.

Княгиня передала отцу Федору слышанную утромъ отъ Ольги Онисимовны исторію.

— Язва, истинно язва эта Петрова,—улыбнулся отецъ Федоръ,—и все-таки я не вижу, зачѣмъ это ты, княгиня, всѣ эти мірскія грѣховности и глупости такъ къ сердцу принимаешь? Онъ тебѣ больше не мужъ, всѣ это знаютъ; знаютъ, что живешь ты особой для Бога жизнью, и никакіе его поступки до тебя касаться не могутъ и не должны. Да, трудно смириться людямъ, рожденнымъ на высотѣ,—вздохнулъ отецъ Федоръ, отпивая медленными глотками чай.

— Я ли не смирилась?!—съ искренней горечью

воскликнула княгиня, и некрасивое лицо ея подернулось судорогой сдерживаемаго рыданія.

— А вотъ и не смирилась, княгинюшка,—настойчиво повторилъ отецъ Федоръ.—Въ смиреніи и подчиненіи себя волѣ Божьей обрѣтается душевный покой, а душа твоя, точно ладья на бурномъ морѣ,—такъ и мечется, того и гляди, волны ее захлестнутъ.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать, отецъ Федоръ?—со стономъ произнесла княгиня, закрывая лицо руками.

— Послушайся моего совѣта, какъ друга, и моего приказанія, какъ духовника твоего: прекрати всякіе разспросы о жизни князя; онъ сталъ тебѣ человѣкъ чужой, и не слѣдъ тебѣ касаться его любовныхъ дѣлъ. Живи своей жизнью, княгиня, возлюби ее, углубись въ нее, и отойди отъ міра, отойдешь и отъ печалей его... Душу отдаешь одному, а сердце отъ другого, бросившаго тебя, оторвать не можешь,—вполголоса, будто про себя, проговорилъ отецъ Федоръ.

— Не укоряй меня, я такъ много страдаю,—еще тише произнесла княгиня.

— Я и не укоряю, княгинюшка милая; я вѣрю, что побѣдишь себя и будешь жить для Бога. А я до могилы останусь тебѣ другомъ, совѣтчикомъ и утѣшителемъ.

— Вѣрю тебѣ, отецъ Федоръ, вѣрю во всемъ.

Наступило короткое молчаніе. Княгиня вздыхала и громко сморкалась; отецъ Федоръ, привычнымъ движеніемъ откидывая назадъ широкія рукава рясы, съ аппетитомъ кушалъ бутерброды и чай.

— Ты внимательно смѣты просмотрѣлъ?—обратилась княгиня къ отцу Федору.

— Все просмотрѣлъ. Что-жъ, по-моему, благословясь, и приступить бы къ постройкѣ, матушка кня-

гиня; дѣло святое и имени твоего достойное. Какъ пышный цвѣтокъ изъ-подъ земли монастырь твой выростетъ; пріютишь въ стѣнахъ его обиженныхъ жизнью и сама съ годами полюбишь это дѣло и прилѣпишься къ нему душой.

— Да, я знаю, это будетъ такъ; я чувствую, что все идетъ къ этому.

— А коли чувствуешь, то и колебаться не надо; весной приступимъ, благословясь, къ постройкѣ.

— Да, я рѣшаюсь, отецъ Федоръ; надо поскорѣе начать постройку. Пришли ко мнѣ архитектора на этихъ же дняхъ; скажи ему, что я дамъ послѣднія инструкціи и назначу день закладки.

До поздней ночи продолжалась бесѣда княгини съ отцомъ Федоромъ. Когда онъ ушелъ, она съ успокоеннымъ сердцемъ вошла въ свою молельню.

XI.

Въ небольшомъ особнякѣ на набережной жила одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ того времени—Нелли Ивановна Гарина. Настоящее ея имя было Матрена, но уже лѣтъ десять, съ тѣхъ поръ, какъ богатый и блестящій лейбъ-гусаръ Гаринъ отбилъ ее у супруга—придворнаго камердинера и, безумно влюбленный въ нее, сдѣлалъ не любовницей, а женой, съ тѣхъ поръ вырылась глубочайшая пропасть между прежней красавицей, бѣдовой Матрешкой, щеголявшей въ дешевенькихъ шляпкахъ на музыкѣ въ Павловскѣ, и теперешней обаятельной, дерзкой красавицей Нелли. У ея ногъ былъ не только мужъ, но и многіе изъ именитой золотой молодежи. Гаринъ, кутила и добрый bon vivant, давалъ полную свободу своей женѣ, вѣря,

что она не измѣнитъ ему. Чернобровая, смуглая красавица, царившая надъ толпой влюбленныхъ въ нее блестящихъ кавалеровъ, не стремилась блистать въ обществѣ свѣтскихъ дамъ, бывала рѣдко на ихъ собраніяхъ и къ себѣ звала неохотно, а потому въ ея нарядномъ салонѣ толпились только мужчины, съ которыми она была то дерзка, то ласкова, то цинично-груба. За красоту ей прощалось все.

Около полуночи Михаилъ Гуракинъ подъѣхалъ къ освѣщенному подъѣзду Нелли Ивановны. Швейцаръ привѣтливо встрѣтилъ частаго гостя.

— Поздненько изволили пожаловать.

— Да, братъ, опоздалъ немного. А ты прикажи моему кучеру сейчасъ же ѣхать въ Милютины ряды къ Одинцову; пусть тамъ доложитъ, что я у Нелли Ивановны, и чтобы всѣ сюда пріѣзжали.

— Слушаю-съ, сею минуту скажу. Пожалуйте-съ.

Михаилъ ловко, черезъ ступеньку, взбѣжалъ на лѣстницу.

— Безобразникъ, дрянной мальчишка, знать не хочу,—встрѣтила Гуракина хозяйка дома, шаловливо ударяя его вѣеромъ по плечу.—Обѣщалъ въ десять, а явился послѣ одиннадцати.

— Честное слово, не могъ; задержали, насилу вырвался.

— Да что вы врете, голубчикъ; попросту кутилъ гдѣ-нибудь.

— Нелли Ивановна, croyez-moi sur l'honneur—не кутилъ.

— Ну, такъ у женщинъ былъ.

— Не у женщинъ, а у женщины,—отозвался стройный лейбъ-гусаръ Матлинъ, полулежавшій на диванѣ въ разстегнутой венгеркѣ и что-то набрасывавшій карандашомъ въ своей записной книжкѣ, что не мѣшало

ему, однако, переговариваться и шутить съ сильно подвыпившими товарищами.

— Мой vieux, ты ошибся: я былъ у женщины; Нелли Ивановна, на этотъ разъ угадала.

— Honny soit qui mal y pense. Когда женихъ говоритъ, что онъ былъ у женщины, нѣтъ мѣста нескромнымъ догадкамъ,—проговорилъ красавецъ-герцогъ Владиміръ, блестящій флигель-адъютантъ, извѣстный всему Петрограду своей красотой, обаяніемъ и живостью характера.

— Ваша свѣтлость, j'en suis désolé, mais...

— Браво!.. Je suis toujours pour les «mais»,—воскликнулъ герцогъ съ живостью, наливая шампанское изъ бутылки, стоявшей въ серебряномъ боченкѣ со льдомъ. Рядомъ стояли бутылки съ лафитомъ, хересомъ и коньякомъ.

— Гуракинъ, наливай и мнѣ... И мнѣ...— Раздались веселые, слегка возбужденные голоса.

— Что же вы меня забыли, герцогъ? Налейте и мнѣ,—сверкнувъ на герцога огненными глазами, проговорила хозяйка дома.

— Извольте.

Герцогъ, какъ и всѣ присутствовавшіе, въ разстегнутомъ мундирѣ, подалъ Нелли Ивановнѣ бокалъ съ шампанскимъ и, близко нагнувшись къ ея уху, прошепталъ:

— Пейте, ma déesse, но съ условіемъ, чтобы по отношенію меня il n'y ait pas de «mais».

— Зависитъ отъ васъ...—лукаво щуря глаза и чуть улыбаясь прелестнымъ ртомъ, отвѣтила Нелли Ивановна по-русски.

Несмотря на стараніе, французскій языкъ и въ особенности выговоръ его давался ей туго: будучи достаточно умна, она избѣгала говорить по-французски,

но зато вводила въ русскую рѣчь такія острыя словца, которыя можно было простить только такой писаной красавицѣ, какой она себя сознавала.

— Мишелинька, подите сюда,—быстро отходя въ сторону, подозвала она къ себѣ Гуракина,—ну что же, вы помирились съ вашей Натали?

— Да, опять помирился.

— Нѣтъ, Мишенька, вы просто дуракъ, круглый дуракъ. Зачѣмъ же вы помирились? Вѣдь это Отелло въ юбкѣ, дьяволъ ревности, а не женщина. Что вамъ за охота лѣзть въ петлю? Оставайтесь при ней въ роли любовника; все равно сбѣжите черезъ годъ. Если она теперь устроила подобный скандалъ, что же дальше будетъ?

— Если вы другъ мнѣ, то прошу васъ не говорить со мной обо всемъ этомъ. Знаете русскую пословицу: снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

— Что за чепуха. И не думаю молчать! На то я и другъ, чтобы правду говорить такимъ шалымъ мальчишкамъ, какъ вы. Отвѣчайте сейчасъ же, иначе поссоримся: она извинилась передъ вами за пощечину?

— И не думала.

— Что-жъ она воображаетъ? Что я съ вами живу?

— Воображаетъ, что я влюбленъ въ васъ...

— А женитесь на ней, сдѣлавъ ей бебешку... Надо быть сумасшедшей или дурой.

— Совсѣмъ не надо: возможно, что я и влюбленъ въ васъ... Кто знаетъ?!—разсмѣялся Михаилъ.

— Я говорю серьезно, а вы дурачитесь... Убирайтесь вонъ, коли такъ. А, впрочемъ, подождите: хотите я къ ней завтра же сама поѣду и скажу, что ея женихъ, le beau Мишель Гуракинъ, объяснился мнѣ наканунѣ вечеромъ въ любви. Хотите, милѣйшій? Пожалуй, кромѣ того, что она своей аристократической

ручкой наградитъ васъ не однимъ десяткомъ пощечинъ, но и бракъ разстроится—что мнѣ и надо.

— Вижу, Нелли Ивановна, что мнѣ надо жаловаться на васъ герцогу,—засмѣялся Михаилъ.

— На кого жаловаться?—опять отозвался герцогъ, отрываясь отъ разговора съ веселымъ кутилой, безшабашнымъ добродушнымъ прожигателемъ жизни лейбъ-гусаромъ княземъ Васильковымъ.

— На меня жаловаться за то, что я хочу раздѣлать эту идіотскую женитьбу на Волынской.

— Нѣтъ ужъ, ma déesse, въ этомъ дѣлѣ я пассъ, а то моя супруга взорветъ весь нашъ домъ: она жаждетъ видѣть этого юнца въ роли супруга, и кромѣ него самого никто этому помѣшать не можетъ.

Между тѣмъ съ другого конца комнаты раздался дружный взрывъ хохота. Гусаръ Матлинъ декламировалъ только что набросанныя имъ въ записную книжку стихи:

— «Я докажу вамъ на примѣрѣ,
«Что логика еще вопросъ:
«Такъ—носъ испанской Мери
«Не есть испанскій мериносъ».

Дружный взрывъ апплодисментовъ и хохота прервалъ декламацію Матлина. Изъ сосѣдней комнаты, бывшей кабинетомъ хозяина дома, товарищи лейбъ-гусары и самъ Гаринъ оставили карточный столъ, гдѣ они играли въ ландскнехтъ, и присоединились къ слушающимъ.

— «Бываетъ часто въ тѣлѣ графъ.
«Хоть не годится въ телеграфъ
«А кандидатъ правъ въ грязномъ дѣлѣ,
«Хоть кандидатъ, а все-жъ не правъ»,—

продолжалъ Матлинъ. Каждая строфа прерывалась смѣхомъ и апплодисментами. Матлина заставили по-

вторить остроумные длиннѣйшіе стихи, вскорѣ облетѣвшіе всѣ салоны. Пили за его здоровье, чокались, повторяли наизусть удержавшіяся въ памяти строфы. Тутъ же изъ рукъ въ руки стала передаваться прекрасно исполненная извѣстнымъ въ лейбъ-гусарскомъ полку карикатуристомъ — экспромтъ-карикатура, изображавшая дуэль двухъ лейбъ-гусаровъ изъ-за правъ на сердце красавицы Нелли. Карикатура вызвала новую бурю веселья: маленькій, толстый лейбъ-гусаръ, восточный князь съ большимъ горбатымъ носомъ, сидѣлъ на пушкѣ и, заложивъ руку за спину, стремился поджечь фитиль, цѣлясь въ товарища,—громаднаго худого гусара, небрежно державшаго въ рукахъ пушку и тоже направлявшаго дуло ея въ своего противника. При разительномъ сохраненіи сходства, шаржъ былъ такъ комиченъ, что нельзя было не смѣяться.

Больше всѣхъ хохотала Нелли Ивановна. Бросившись на низкое кресло и закинувъ голову, она звонко смѣялась, показывая два ряда какъ перлы бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ. Волосы, черные, какъ воронье крыло, слегка выбились волнистой прядью изъ-подъ пышной прически и оттѣняли смуглое, раскраснѣвшееся лицо.

— Душка, баронъ, идите сюда, я васъ поцѣлую за эту картинку,—звала она къ себѣ автора карикатуры.—Ради Бога, подарите мнѣ ее для альбома; эта навѣрное будетъ самая лучшая.

Между тѣмъ, Михаилъ Гуракинъ, бурно-веселый, какъ всегда, отдающійся минутѣ и забывающій въ своемъ весельѣ всякія невзгоды жизни, подсѣлъ къ роялю и съ большимъ выраженіемъ запѣлъ мягкимъ и страстнымъ баритономъ модный въ то время романсъ. Нелли Ивановна продолжала сидѣть на томъ же креслѣ, заложивъ нога на ногу. Изъ-подъ пышнаго подола платья виднѣлись маленькія стройныя ноги,

ни въ какомъ случаѣ не выдававшія своей формой низкое происхожденіе ихъ обладательницы. Князь Васильковъ лежалъ въ небрежной позѣ на бѣлой шкурѣ медвѣдя подлѣ кресла. Одной рукой онъ придерживалъ бутылку съ коньякомъ, другую—съ рюмкой подносилъ ко рту и медленно отпивалъ коньякъ. Когда Михаилъ, обративъ смѣющіеся глаза въ сторону Нелли Ивановны, запѣлъ слова романса: «И къ твоимъ малюткамъ-ножкамъ страсть души моей несу...», князь Васильковъ быстрымъ движеніемъ отставилъ рюмку и, одну за другой, поцѣловалъ граціозно-выставленныя ножки красавицы.

— Ахъ, какой болванъ!—расхохоталась она.

— Васильковъ, я тебѣ шею сверну!—крикнулъ съ другого конца гостиной герцогъ и шутливо погрозилъ кулакомъ.

— Излишнее безпокойство, ваша свѣтлость,—флегматично отозвался Васильковъ,—наша богиня уже позаботилась свернуть мнѣ голову.

Невольнымъ или преднамѣреннымъ жестомъ Нелли Ивановна задѣла туфлей за шкуру медвѣдя и бѣлая атласная туфля сорвалась съ ноги. Въ ту же минуту Васильковъ поднялъ ее и положилъ себѣ въ карманъ.

— Отдайте, отдайте сейчасъ же. Что за свинство!—хохотала Нелли Ивановна.

Въ одинъ прыжокъ герцогъ подскочилъ къ Василькову, и завязалась борьба.

— Ха-ха-ха!.. Перестаньте... не могу,—сквозь смѣхъ восклицала Нелли Ивановна,—да перестаньте же, у меня отъ смѣху животъ заболитъ...

— Soit, je vous rends le soulier, votre altesse, но съ условіемъ, чтобы онъ былъ наполненъ шампанскимъ и чтобы каждый изъ насъ имѣлъ право глотнуть изъ него.

Слова князя Василькова были дружно всѣми подхвачены, и черезъ минуту герцогъ, держа за высокій каблукъ бѣлую туфлю, при громкихъ апплодисментахъ наполнялъ ее пѣнящимся виномъ.

Было очень поздно, когда веселая компанія военной молодежи, принимая изъ рукъ заспаннаго швейцара свои шинели, громко прощаясь и уговариваясь на завтрашній день, разъѣхалась послѣ вечера, гдѣ было всегда весело и много пилось.

— Послушайте, герцогъ,—удерживая при прощаньѣ за руку, проговорила вполголоса Нелли Ивановна,—я васъ просто умоляю, раздѣлайте эту дурацкую свадьбу бѣднаго Мишеля съ Волынской. Вѣдь согласитесь, что это чортъ знаетъ что такое. Готова чѣмъ угодно поручиться, что его ввязали въ эту исторію, и онъ женится потому, что мальчишка, и не умѣетъ выпутаться. Вы слышали про пощечину, которую она дала ему въ каретѣ, узнавъ, что онъ часто бываетъ у меня, и рѣшивъ, что у насъ связь?..

— Ecoutez, ma belle,—все это я знаю, знаю и то, что Гуракинъ дѣлаетъ чепуху, но разрѣшеніе на бракъ уже дано свыше, и Волынскій à contre coeur даетъ разводъ. Все это получило огласку и раздѣлывать поздно, а потому оставимъ ихъ дѣлать глупость, а сами будемъ пить и веселиться.

Герцогъ нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ обѣ руки Нелли Ивановны и, поднявъ валявшуюся на полу флигель-адъютантскую фуражку, уѣхалъ.

XII.

Послѣ того какъ Мари Гуракина вмѣшательствомъ въ отношенія племянника къ Волынской невольно стала ихъ посредницей, Михаилъ началъ чаще заси-

живаться въ ея комнатѣ и, плотно закрывъ дверь, откровенно дѣлился съ ней всѣмъ, что его волновало. Мало-по малу онъ сознался теткѣ, что предстоящій бракъ его угнетаетъ, такъ какъ онъ убѣ-дился, что съ бурнымъ, ревнивымъ и капризнымъ характеромъ Волынской справляться могъ ея властный и холодный супругъ, но что для него совмѣстная жизнь съ такой необузданной женой представляется пыткой. Онъ сознавалъ, что отступать не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что сама Волынская торопила день свадьбы въ виду своего положенія, скрывать которое становилось трудно. Послѣ свадьбы они должны были уѣхать въ Москву, гдѣ Михаилу была предложена должность при генералъ-губернаторѣ и гдѣ милліонеръ дядя Волынской, старикъ, отошедшій на покой—вельможа Дунайскій—предлагалъ своей единственной племянницѣ и наслѣдницѣ шесть комнатъ въ верхнемъ этажѣ собственнаго большого и мрачнаго особняка. Михаила удручала мысль жизни въ Москвѣ, когда онъ такъ сжился съ блестящей обстановкой своей настоящей беззаботной жизни; удручала перспектива совмѣстной жизни со старымъ Дунайскимъ, извѣстнымъ своимъ тяжелымъ характеромъ, зависимость отъ него, необходимость понравиться, чтобы не разсердить старика и тѣмъ самымъ не лишиться его громаднаго состоянія. Горячая, прямая натура Михаила искала забвенія отъ непріятныхъ осаждавшихъ его мыслей частью въ бесѣдахъ съ теткой, но больше всего въ безпрестанныхъ веселыхъ кутежахъ съ товарищами. Старуха Гуракина замкнула въ себѣ глубокую печаль о судьбѣ внука и, послѣ отъѣзда сына обратно въ деревню, не возобновляла болѣе никакихъ объясненій съ Михаиломъ. Всѣ подробности его романа и его настоящаго поведенія она знала отъ баронессы

Кернъ, стоявшей близко къ герцогинѣ; на ея глазахъ разыгрывалась опасная игра, которой баронесса не сочувствовала. Кернъ вращалась въ большомъ свѣтѣ и всегда знала то, что касалось общества.

— Какъ жаль, какъ жаль, что вашъ Мишель далъ втянуть себя въ эту роковую исторію,—говорила она теперь старухѣ Гуракиной.—La petite princesse Barbe est follement amoureuse de lui. Это была бы во всѣхъ отношеніяхъ блестящая партія. Le vieux prince est un gros bonnet, mais il a une influence incontestable à la cour. Barbe est adorable. On m'avait dit que la pauvre enfant est au désespoir.

Слушая баронессу, Гуракина безнадежно качала головой и нервный тикъ, не переставая, дергалъ уголъ ея рта. Она выглядѣла все такъ же величественно, но теперь случалось, что она опаздывала къ утреннему кофе, жалуясь на безсонницу, часто не слышала обращенныхъ къ ней вопросовъ и, среди обычнаго вечерняго чтенія вслухъ, внезапно обращалась къ дочери съ вопросомъ:

— Ты не знаешь, Мари, отчего Мишель два дня у насъ не былъ?—Или: когда ты будешь говорить съ Мишелемъ, постарайся узнать, молится ли онъ Богу? On oublie facilement le bon Dieu quand on mène une vie aussi désordonnée.

Мари иногда украдкой вглядывалась въ лицо матери, и ея сердце сжималось отъ боли: на строгомъ, всегда непроницаемомъ лицѣ лежала тѣнь скрытаго страданья. Мари молчала. Мать не замѣчала, что ея дочь давно доросла до возможности быть ей другомъ, не замѣчала, что Мари знаетъ жизнь и молчитъ только потому, что ждетъ перваго слова отъ матери. Такимъ образомъ обѣ страдали молча и врозь, между тѣмъ какъ страданіе было общее, равно близкое ихъ сердцу.

Гуракина запретила внуку упоминать въ ея домѣ имя Волынской, о днѣ свадьбы ихъ знать не желала и выразила дочери мимоходомъ свою увѣренность въ томъ, что дочь до ея смерти не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ женщиной, оскорбившей ихъ семью развратнымъ въ нее вторженіемъ. Мари, уважавшая волю матери, рѣшила подчиниться ея желанію и хотя съ грустью, но твердо объявила племяннику, что не хочетъ огорчать и безъ того удрученную горемъ мать и на свадьбѣ ихъ присутствовать не будетъ. Михаилъ не настаивалъ. Онъ сознавалъ, что совершаетъ нѣчто противное чистымъ традиціямъ, вкоренившимся вѣками въ ихъ родъ. Несмотря на молодость, онъ, послѣдній представитель этого стариннаго рода, съ гордостью носилъ свое имя и теперь испытывалъ сознаніе своей вины предъ отцомъ и бабкой. Помимо собственной воли, внѣ всякихъ разсужденій, сознавая вину лишь за самимъ собою, онъ чувствовалъ раздраженіе, усиливавшееся съ каждымъ днемъ по отношенію Волынской. Онъ охладѣвалъ къ ней за то, что ради нея онъ попиралъ строгія традиціи семьи, ради нея поссорился съ отцомъ и ломалъ свою жизнь. Дикими вспышками ни на чемъ не основанной ревности она, еще не будучи женой, уже тяготила и пугала его; онъ искалъ забвеніе въ винѣ и среди женщинъ, съ которыми въ первое время своего увлеченія рѣшилъ не имѣть дѣла.

Выходъ Мишеля изъ полка былъ ознаменованъ грандіознымъ кутежемъ въ полковомъ собраніи, на который собрались всѣ товарищи. Второй кутежъ состоялся у Дюссо; въ немъ принимали участіе кто хотѣлъ. Собралось свыше полутораста человѣкъ; было столько выпито, столько перебито посуды и столько блестящей молодежи участвовало въ этихъ прово-

дахъ, что на слѣдующій день въ салонахъ разсказывали нѣкоторыя подробности этого кутежа, въ которомъ имя Мишеля Гуракина фигурировало въ пикантныхъ версіяхъ, передаваемыхъ со сдержаннымъ смѣхомъ на ухо.

Свадьба была назначена какъ-то неожиданно скоро. Вѣнчали въ домовой церкви старухи-тетки Натали Волынской. Присутствовали многіе изъ большого свѣта, такъ какъ герцогиня объявила заранѣе, что она будетъ непремѣнно. Въ тотъ же вечеръ молодые уѣхали на мѣсто новаго назначенія Михаила Гуракина и петербургскій beau-monde, видя, что скандалъ исчерпанъ, на время сталъ меньше интересоваться ихъ судьбою.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Было семь часовъ утра. Зимнее утро, холодное и туманное, едва начинало брежжить за громадными окнами обширнаго и холоднаго кабинета, неуютно и пусто обставленнаго громоздкой старинной мебелью. Вся стѣна противъ входной двери была сплошь заставлена высокими почти до самаго потолка книжными шкапами. Изъ-за стекла выглядывали корешки порыжѣлыхъ отъ времени большихъ и поменьше томовъ. Переносная лѣсенка въ четыре ступенки стояла подлѣ шкапа съ открытой дверцей. Громадный диванъ, обитый темно-зеленой кожей, и такіе же четыре кресла подлѣ овальнаго стола—находились противъ шкаповъ съ книгами. Краснаго дерева массивный секретеръ съ откидной доской для писанья и массой тируаровъ внутри стоялъ въ углу. Возлѣ окна помѣщался письменный столъ, весь заваленный счетоводными книгами, бумагами, аптечными коробочками, стклянками, пачками непросмотрѣнныхъ счетовъ и непрочитанныхъ газетъ и журналовъ. Двѣ свѣчи подъ зеленымъ абажу-

ромъ были придвинуты къ раскрытой, часъ тому назадъ вынутой изъ шкапа книгѣ. Это была «Histoire de la révolution française».

Старческая, желтая, какъ пергаментъ, рука медленно переворачивала страницу за страницей. Въ сѣромъ суконномъ съ синими отворотами халатѣ, опоясанный такимъ же шнуромъ съ большими кистями, Иларіонъ Захаровичъ Дунайскій съ шести часовъ утра сидѣлъ за книгой у письменнаго стола. Морщинистое, землянистаго цвѣта лицо было некрасиво и сурово. Тупой подбородокъ и щеки были покрыты сѣрой колючей щетиной, которую Дунайскій сбривалъ два раза въ мѣсяцъ. Опущенные углы рта и двѣ глубокія борозды, идущія отъ носа, придавали лицу желчное и брезгливое выраженіе. На небольшомъ, будто срѣзанномъ, курносомъ носу, сидѣло двѣ пары очковъ въ черепаховой оправѣ.

Вокругъ небольшой лысины слегка вились сѣдые волосы. Когда часы, стоявшіе на столѣ, пробили семь, Дунайскій заложилъ страницу вылинявшей георгіевской лентой, захлопнулъ книгу и позвонилъ въ бронзовый, подъ рукой стоявшій, колокольчикъ. Дверь открылась неслышно и, также неслышно ступая войлочными подошвами, вошелъ слуга. Дунайскій молча ткнулъ пальцемъ въ книгу. Слуга убралъ книгу въ шкапъ, заперъ его и положилъ ключи на опредѣленное мѣсто на столѣ.

— Моисея Борисовича,—отрывисто произнесъ старикъ, и слуга вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ уже дожидавшійся въ пріемной Моисей Борисовичъ. Онъ былъ ниже средняго роста, скорѣе плотный, чѣмъ худощавый, съ остриженными надъ губой рыжеватыми усами, гладко зализанными поперекъ головы рыжеватыми, уже рѣдкими

волосами, маскирующими лысину, съ небольшой острой бородкой, маленькими лукавыми глазами, остро глядѣвшими изъ-за круглыхъ, тоже оправленныхъ въ черепаху, очковъ. Онъ былъ въ сюртукѣ, поношенномъ и плохо сшитомъ, подъ мышкой держалъ порыжѣлый портфель.

Старикъ слабо кивнулъ головой въ отвѣтъ на почтительный поклонъ Моисея Борисовича.

— Прошенія,—не подымая глазъ, пробурчалъ старикъ, придвигая чернильницу и берясь за перо.

Моисей Борисовичъ подалъ нѣсколько прошеній о вспомоществованіи. Старикъ пробѣгалъ глазами отмѣтки красными чернилами, сдѣланныя на поляхъ Моисеемъ Борисовичемъ; на однихъ прошеніяхъ онъ подписывалъ «выдать», на другихъ раздраженно набрасывалъ «къ чорту» и швырялъ черезъ руку въ сторону Моисея Борисовича.

— Заводъ,—отрывисто буркнулъ старикъ, окончивъ просмотръ прошеній.

Послѣ просмотра вѣдомостей по конскому заводу съ отрывистыми вопросами, похожими на брюзжаніе, старикъ произнесъ:

— Имѣніе.

Покончивъ со всѣми отчетностями, онъ снялъ обѣ пары очковъ, плотнѣе запахнулся въ халатъ, откинулся на спинку кресла и, нахмурясь и барабаня пальцами правой руки по краю стола, замолчалъ. Моисей Борисовичъ, сложивъ бумаги въ портфель, тоже молчалъ, ожидая обычнаго, по порядку слѣдуемаго, вопроса. Дунайскій, казалось, забылъ, что онъ не одинъ, но Моисей Борисовичъ зналъ, что напоминать о своемъ присутствіи было, по мнѣнію старика, величайшей дерзостью, а потому онъ терпѣливо ожидалъ, мысленно прикладывая въ умѣ форму, наиболѣе выгодную для

изложенія дѣлъ, успѣхъ которыхъ близко касался его собственнаго кармана.

— Докладъ,—внезапно точно оборвалъ старикъ и въ первый разъ за все это время посмотрѣлъ на управляющаго.

— Въ верхнемъ этажѣ два дня подъ-рядъ печи дымятъ-съ, ваше высокопревосходительство; надо позвать печника и передѣлать.

— Глупости. Вранье.

— Вчера вечеромъ лакей Наталіи Георгіевны два раза приходилъ. Я приказалъ трубы прочистить; сегодня затопили—опять та же исторія.

— Прочистить еще разъ. Говорю — враки. Что еще?

— Квартальный приходилъ; просятъ, чтобы снѣгъ въ кучу сгребать и панели скрести. Ефиму одному не справиться,—очень много снѣгу нападало. Прикажете нанять поденнаго?

— Лишній расходъ. Пошли кого-нибудь изъ кухонныхъ мужиковъ, а если квартальный еще разъ придетъ, то ты его гони въ шею и скажи, что это мой приказъ. Дальше.

— Прикажите прибавить пуда четыре керосину на верхній этажъ, совсѣмъ скупо освѣщенъ-съ, тѣмъ болѣе, что часто гости бываютъ, помногу выгораетъ.

Старикъ началъ сопѣть и зло фыркнулъ:

— Къ чорту этихъ гостей!.. Прибавляй, коли надо, да вели челяди даромъ не жечь.

— Англичанка уѣхала?—спросилъ старикъ послѣ минутнаго молчанія.

— Остаются-съ. Михаилъ Владиміровичъ прибавили десять рублей.

— Чепуху дѣлаютъ. Баловство. Можно выписать и дешевле и лучше.

— Малютка, говорятъ, очень привыкла, скучать будутъ.

— Говорю—баловство. Вижу, что расходы увеличиваются, а капиталы все тѣ же...—криво усмѣхнулся старикъ.—Безпечность и глупость.

Старикъ замолчалъ и опять сталъ барабанить пальцами по столу. Моисей Борисовичъ въ эти нѣсколько минутъ молчанія рѣшилъ выгодный проектъ о продажѣ тройки вороныхъ знакомому комиссіонеру оставить на сегодня при себѣ: старикъ, очевидно, былъ не въ духѣ, что выражалось длинными паузами и ударами пальцевъ по столу.

— Долги дѣлаетъ... Не слышалъ?—вдругъ обратился старикъ къ управляющему, устремляя на него острый и упорный взглядъ.

— Не слышно-съ... Не примѣчалъ...

На одно мгновеніе лукавые глаза Моисея Борисовича слегка метнулись въ сторону, но сейчасъ же приняли обычное выраженіе спокойствія и безразличія.

— Какъ прикажите, ваше высокопревосходительство, распорядиться насчетъ пары вороныхъ изъ нашей конюшни для продажи Михаилу Владиміровичу?

— Что ты тамъ врешь? Говори толкомъ.

Дунайскій нахмурилъ брови и дернулся на креслѣ.

— Они предлагаютъ восемьсотъ рублей за вороныхъ, чтобы у нихъ въ упряжи ходили: а то, говорятъ, чистый срамъ ѣздить на нашихъ Ванькахъ на балы и въ театръ.

— Изъ какихъ же денегъ уплотитъ?—саркастически улыбнулся старикъ.

— Не могу знать-съ. Приказали доложить и ждутъ отвѣта-съ.

— Подумаю. Самъ скажу,—отрѣзалъ старикъ.— Глупостями безпокоятъ. Можешь итти.

Старикъ мотнулъ головой въ сторону управляющаго и позвонилъ.

— Одѣваться! — бросилъ онъ, вставая изъ-за стола.

Потушивъ свѣчи, онъ подошелъ къ дивану и скинулъ халатъ. Въ мутномъ свѣтѣ зимняго утра его лицо было еще блѣднѣе и землистѣе. Стоя въ одномъ бѣльѣ, онъ казался маленькимъ, худымъ и жалкимъ старикомъ съ сердитымъ и злымъ лицомъ. Кряхтя и бурча, онъ надѣлъ принесенное ему платье; въ военной формѣ со шпорами онъ казался моложе и выше ростомъ. Не глядя по сторонамъ, твердой походкой онъ прошелъ неутныя и холодныя комнаты, которыя изъ экономіи велѣно было топить черезъ день, спустился въ вестибюль и, не отвѣчая на поклонъ дежурнаго у входной двери лакея, надѣлъ теплую шинель въ рукава, плотно запахнулся, нахлобучилъ сильно выцвѣтшую фуражку и отправился на прогулку.

Моисей Борисовичъ послѣ доклада направился въ верхній этажъ. Тамъ лакей объявилъ ему, что баринъ вернулся въ шесть часовъ утра и раньше одиннадцати не велѣлъ себя будить.

— Скажи барину, что имѣю до нихъ дѣло и буду ждать явиться къ нимъ. А что печи дымятъ?

— Вчера дымили, а сегодня какъ рукой сняло. Какъ затопили и по сейчасъ топятся.

— Экъ ихъ!—досадливо поморщился управляющій,—а я докладывалъ, что дымятъ.

— Эка важность! Сегодня не дымили, а завтра напустимъ дыму—вотъ-те и дымятъ,—засмѣялся молодой лакей.—Печи дрянь,—сколько дровъ ни вали,

толку мало: совсѣмъ тепла не держутъ. Безъ печника не обойдемся.

— Ладно ужъ, самъ переговорю. Говоришь, поздно вернулся? А откуда?

— Откуда? Вотъ откуда...

Лакей краснорѣчивымъ жестомъ щелкнулъ себя пальцемъ по воротнику и оскалилъ съ веселой усмѣшкой зубы.

— Такъ, такъ...—задумчиво протянулъ Моисей Борисовичъ.—Частенько покучиваетъ.

— А пошто имъ не кутить? Красавецъ изъ себя, молодецъ хоть куда и нравъ веселый. Такимъ-то и надо весело жить. Не съ вашего ли сыча примѣръ брать?

— Такъ... Такъ...—опять протянулъ Моисей Борисовичъ.—А барыня что?

Лакей съ досадой махнулъ рукой:

— Что ей дѣется! Все ту же канитель ведетъ: одинъ день плачетъ и бѣснуется, другой день на шею супругу вѣшается. Шальная баба! Нонче до четырехъ утра спать не шла, дожидаясь барина. Сидитъ въ гостиной на кушеткѣ, книгу читаетъ да свѣчи жжетъ, а онъ, знай себѣ, не ѣдетъ да не ѣдетъ. Въ пятомъ часу кличетъ меня, а у самой лицо зеленое-презеленое. «Иди, говоритъ, Тимофей, спать, дверь открой,—вѣрно сейчасъ баринъ домой вернутся». Какъ же, думаю, жди! Закатитъ она ему сцену сегодня. Ночью небось не посмѣла: онъ страсть не любитъ, чтобы приставали къ нему, когда хмеленъ. Гаркнетъ, такъ весь домъ разбудитъ.

Моисей Борисовичъ, побесѣдовавъ еще нѣкоторое время съ лакеемъ, ушелъ къ себѣ, ожидая, чтобы Михаилъ за нимъ прислалъ.

II.

Было позднее утро, когда Михаилъ, проснувшись, надавилъ пуговку звонка и, въ темнотѣ спущенныхъ драпировокъ, шаря рукой на ночномъ столикѣ, отыскалъ папиросы и, чиркнувъ спичку, закурилъ. Онъ прислушался и, по тишинѣ, царившей въ сосѣдней комнатѣ, понялъ, что Натали уже вышла изъ своей спальни. Пока лакей приносилъ платье, подымалъ драпировки и готовилъ въ смежной уборной ванну, Михаилъ лежалъ съ закинутыми подъ голову руками, курилъ и соображалъ, какъ бы наладить день такъ, чтобы помѣшать женѣ устроить обычную послѣ его позднихъ возвращеній сцену. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ пріятно проведенный вчера вечеръ у генералъ-губернатора. Сперва его засадили за карты, но оказался свободный партнеръ, и дамы настояли, чтобы онъ присоединился къ нимъ. Онъ былъ очень въ ударѣ: пѣлъ цыганскія пѣсни и чувствовалъ, какъ его присутствіе и его пѣніе электризовали атмосферу салона, въ которомъ было нѣсколько хорошенькихъ женщинъ. Безъ тѣни фатовства и безъ усилій Михаилъ покорялъ женскія сердца. Онъ зналъ это и съ веселымъ, легкомысленнымъ добродушіемъ отдавался этой силѣ, влекущей его къ побѣдамъ. Съ удивленіемъ и очень скоро онъ узналъ на практикѣ, что красивыя, казавшіяся ему недоступными, женщины легко и скоро уступали его желаніямъ... За эти два года семейной жизни Михаилъ чувствовалъ въ себѣ большую перемѣну. Къ Натали онъ охладѣлъ, но старался не думать объ этомъ и скрывать отъ нея. Несмотря на охлажденіе, онъ бы сумѣлъ не тяготиться семейной жизнью, если бы Натали не мучила его сценами ревности. Его

сильный и здоровый организмъ, бодрость духа и любовь къ жизни создавали вокругъ него ту пріятную атмосферу, въ которой легко жить самому и окружающимъ. Всѣ невольно подчинялись этому царившему возлѣ него закону легкости и радости жизни кромѣ Натали, которая затрудняла жизнь себѣ, отравляла свѣтлую жизнерадостность мужа и тѣмъ отдаляла его отъ себя все дальше и дальше.

Послѣ вечера у генералъ-губернатора поѣхали компаніей къ пріятелю Михаила, гдѣ играли въ азартныя игры и пили только что полученное изъ-за границы вино. Компанія была интересная, и всѣмъ было весело. Сегодня день предстоялъ тоже хорошій: пріѣхалъ изъ Петербурга его другъ Чагинъ, котораго вчера онъ позвалъ къ себѣ обѣдать, потомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ относительно покупки лошадей. Все было хорошо и весело... и какъ пятно—всплывала неминуемая сцена съ Натали.

Гуракинъ поморщился и тутъ же рѣшилъ избѣгать жену до обѣда, то есть до пріѣзда Чагина, а тамъ, онъ надѣялся,—какъ-нибудь само уладится. Внезапно ему припомнился вызывающій разговоръ, который вела съ нимъ за чайнымъ столомъ у генералъ-губернатора одна изъ красивѣйшихъ дамъ того круга. Невольная улыбка радости мелькнула на губахъ Михаила. Эта женщина нравилась ему, и послѣ вчерашняго вечера онъ понялъ, что онъ ей интересенъ... Михаилъ, не переставая улыбаться, потянулся, почувствовалъ свое молодое, мускулистое, эластичное тѣло и однимъ прыжкомъ вскочилъ съ кровати и накинулъ халатъ.

Въ уборной его ждала ванна, о которой онъ думалъ съ тѣмъ же чувствомъ удовольствія, съ какимъ онъ думалъ обо всемъ, что входило въ кругъ его бодрой и здоровой жизни.

III.

Натали Гуракина, съ поблѣднѣвшимъ отъ безсонной ночи лицомъ, такая же красивая и стройная, какъ два года тому назадъ, но съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ лицѣ, вошла въ столовую, гдѣ былъ поданъ завтракъ и гдѣ двухлѣтняя Мими, сидя на высокомъ креслицѣ рядомъ съ сухощавой бонной англичанкой, нетерпѣливо тянулась къ яйцамъ и кашкѣ.

— Надо ждать папа и мама,—монотоннымъ голосомъ повторяла англичанка, удерживая пухлыя ручонки.

Мими вырывала и царапала большую руку англичанки, мѣшавшую ей схватить яйцо.

— Баринъ приказали сказать, что выйдутъ сейчасъ и просятъ ихъ не ждать,—доложилъ лакей, бесѣдовавшій утромъ съ Моисеемъ Борисовичемъ.

Натали заняла свое мѣсто, вслѣдъ за ней сѣла англичанка. Появилась пожилая и благообразная няня въ крахмальномъ чепцѣ, коричневомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ и, обвязавъ шейку крошки салфеткой, стала ее кормить, что-то приговаривая ей вполголоса.

— Боби кормили?—обратилась Натали къ англичанкѣ.

— Когда мы шли завтракать, кормилицы еще не было,—отвѣтила та по-англійски.

— Боби кормятъ сейчасъ,—вмѣшалась въ разговоръ няня.

Натали молча и неохотно принялась за завтракъ, бросая взглядъ на дверь, ведущую въ залъ. Когда издали послышался густой, сочный смѣхъ мужа, въ лицѣ Натали что-то дрогнуло.

— У барина кто-нибудь есть?—обратилась она къ лакею.

— Моисей Борисовичъ пришли-съ полчаса тому назадъ.

Слышно было, какъ распахнулась дверь кабинета, ведущая въ залу, и вслѣдъ затѣмъ громкій веселый голосъ Михаила:

— Такъ я зайду на конюшню послѣ завтрака, а оттуда отъявлюсь къ дядѣ. Относительно саней и кареты вы ему ничего не говорите, Моисей Борисовичъ. Сперва покончимъ дѣло съ лошадьми, а то, чего добраго, старикъ не дастъ ни того, ни другого. Завтра утромъ зайдите ко мнѣ, а еще лучше сегодня послѣ обѣда.

— Мое почтеніе,—донесся голосъ управляющаго.

Въ столовую вошелъ Михаилъ.

Онъ былъ въ адъютантской формѣ. Сильно за эти два съ половиной года возмужавшій, онъ сталъ еще красивѣе, еще представительнѣе была его высокая, статная фигура. Жизнерадостный, полный веселья взглядъ его устремился на крошку Мими.

Привѣтливо кивнувъ англичанкѣ и нянѣ, поцѣловавъ мимоходомъ руку жены, онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и, запустивъ два пальца за воротъ ея бѣленькаго платья, сталъ тихонько щекотать шейку. Дѣвочка закинула русую головку и залилась звонкимъ смѣхомъ, сощуривъ глазки и дрыгая полуголыми ножонками.

— Ты мѣшаешь ей кушать,—сказала Натали непріязненнымъ голосомъ.

Она едва коснулась губами лба мужа въ то время, какъ онъ цѣловалъ ей руку.

Михаилъ, не обращая вниманія на замѣчаніе жены, снялъ Мими съ креслица, высоко поднялъ надъ головой, любовно глядя на ея болтающіяся въ воздухѣ пухлыя ножонки въ бѣлыхъ носочкахъ и туфель-

кахъ, потомъ прижалъ къ себѣ и, нѣсколько разъ поцѣловавъ ее, бережно усадилъ на мѣсто.

— А Борька здоровъ?

— Малютка здоровъ и спалъ хорошо,—степенно отвѣтила няня.

— Ты къ дядѣ идешь послѣ завтрака?—обратилась по-французски Натали къ мужу, чтобы не быть понятой прислугой и англичанкой.

— Да, иду.

— Онъ за тобой прислалъ?

— Нѣтъ, я иду безъ зова.

— Но... онъ тебя не приметъ. Зачѣмъ нарушать его привычки и раздражать старика?

— Ты отлично знаешь, что я съ нимъ еще ни разу не поссорился и сумѣю, если мнѣ это надо, быть принятымъ ласково и безъ зова.

— Сомнѣваюсь. Зачѣмъ тебѣ надо его видѣть?

— Чтобы о лошадяхъ договориться.

— Онъ соглашается ихъ тебѣ дать?

— Не дать, а продать, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, онъ не говоритъ ни да, ни нѣтъ. Я знаю эту манеру: будетъ тянуть хоть до весны. Il faut forcer la main. Я ему предлагаю хорошую сумму. Если тебѣ нужны деньги, то рублей пятьсотъ можешь спросить у Моисея Борисовича,—прибавилъ Михаилъ, не замѣчая или дѣлая видъ, что не замѣчаетъ дурного настроенія жены.

— Эта особа,—Натали незамѣтно указала взглядомъ на англичанку,—опять поссорилась сегодня съ горничной изъ-за горячей воды. Я вижу, что ее всетаки придется прогнать; я тебѣ говорила, что не надо уступать ей и прибавлять эти десять рублей.

Михаилъ брезгливо и досадливо поморщился:

— Какъ тебѣ, наконецъ, не надоѣстъ цѣпляться

къ боннѣ! Что тебѣ за дѣло до ея ссоръ съ прислугой? Я ей прибавилъ десять рублей, а если надо будетъ, то и еще прибавлю, такъ какъ ребенокъ ее любитъ, весело съ ней играетъ, и она за нимъ прекрасно смотритъ.

— Но я слышу на нее жалобы отъ горничной каждый день.

— Прогони горничную.

— Ты съ ума сошелъ! Феня при мнѣ десятый годъ.

— Спокойствіе ребенка дороже всякой Фени, и кончится тѣмъ, что скоро я самъ разнесу твою Феню за эти сплетни... Оставь, пожалуйста, свои придирки и дай англичанкѣ покой.

— Очевидно, ты не выспался,—криво усмѣхнулась Натали.

— Я?! Великолѣпно спалъ и чувствую себя прекрасно. А вотъ, имѣй въ виду, что у насъ сегодня обѣдаютъ Чагинъ и Рыхловъ.

— Сегодня у насъ ложа въ оперѣ, развѣ ты забылъ? Обѣдаетъ Алина, и мы ѣдемъ вмѣстѣ.

— Одно другому не мѣшаетъ,—отвѣтилъ Михаилъ, наливая полный стаканъ краснаго вина и выпивая его залпомъ.

— Ты вѣдь знаешь, что я терпѣть не могу къ обѣду гостей въ тотъ день, когда у насъ театръ... въ особенности этого твоего Рыхлова... Органически не переношу его...

Натали съ наростающимъ раздраженіемъ передернула плечами.

— А я органически не переношу этой твоей Алины, однако, не только молчу, но еще и въ театры и на балы въ ея компаніи ѣзжу. Пожалуйста, не порти мнѣ хорошаго настроенія и уволь отъ безмысленныхъ

капризовъ. Становится скучнымъ видѣть изо дня въ день твое недовольное лицо.

— Если это такъ, то вини себя же. Я не могу быть веселой, когда у меня нѣтъ покоя.

Михаилъ промолчалъ. Онъ закурилъ сигару и, выпуская дымъ и щуря глаза, что-то обдумывая пріятное, смотрѣлъ въ сторону, какъ будто не слыша послѣднихъ словъ жены.

Лакей подалъ кофе и удалился; Мими, сѣменя ножонками, подбѣжала къ отцу. Онъ погладилъ ее по головѣ и досталъ изъ кармана плитку шоколада; дитя, получивъ свое обычное любимое лакомство, дало руку англичанкѣ, и онѣ вышли изъ столовой. Натали и Михаилъ остались одни. Нѣсколько минутъ оба молчали, Михаилъ—не замѣчая этого молчанія, Натали — ища предлога заговорить о томъ, что ее раздражало.

— Что сегодня идетъ въ оперѣ?—обратился къ женѣ Гуракинъ.

— Ахъ, почемъ я знаю...

— Да вѣдь ты же посылала за ложей?

— Посылала и все-таки не знаю. Не все ли равно что.

— Для меня не все равно. Я ѣду въ оперу, чтобы слушать то, что мнѣ нравится, а не для того, чтобы встрѣчать знакомыхъ.

— Я слышала это сто разъ, пожалуйста не повторяйся. Лучше ѣздить въ оперу, чтобы встрѣчаться со знакомыми, чѣмъ пьянствовать до утра,—неожиданно злобнымъ голосомъ проговорила Натали.

Михаилъ молча скосилъ зрачки въ сторону жены и опять промолчалъ.

— Я не повѣрю, чтобы ты до шести утра игралъ въ карты у генералъ-губернатора.

— Да я, кажется, тебя въ этомъ и не увѣрялъ,— спокойно отозвался Михаилъ.

— Зачѣмъ же ты солгалъ, что ѣдешь къ нему?

— Натали, перестань.—Михаилъ значительно посмотрѣлъ на жену.—Лгать я не умѣю и не вижу въ этомъ надобности, такъ какъ сто разъ повторялъ тебѣ, что не допускаю надъ собой ничьей опеки.

— Отчего же ты не желаешь сказать, гдѣ ты вчера былъ?—въ глазахъ Натали зажглись злобные огоньки.

— Да вѣдь ты меня объ этомъ еще и не спрашивала.

— Такъ вотъ теперь я спрашиваю.

— Это можно было сдѣлать безо всякихъ колючихъ предисловій,—пожалъ плечами Михаилъ.

Стряхнувъ съ сигары пепелъ и секунду помолчавъ, онъ отвѣтилъ:

— Поѣхали отъ генералъ-губернатора играть въ карты къ Зорину и тамъ слегка кутнули.

— Конечно, съ женщинами... Безъ женщинъ не обошлось. Что же ты молчишь? Значитъ, я отгадала?

— Значитъ, мнѣ надоѣли эти глупѣйшія догадки, и я прекращаю съ тобой разговоръ.

Михаилъ всталъ и, не взглянувъ на жену, прошелъ въ дѣтскую. Натали одну минуту осталась одна. Она съ силой поборола душившія ее слезы.

— En voilà un caractère infernal,—прошептала она и, съ досадой отодвинувъ стулъ, направилась въ свою комнату.

Побывъ нѣсколько минутъ въ дѣтской, Гуракинъ пошелъ въ конюшню. Въ стойлахъ стояли лошади, приведенныя изъ деревни для продажи. Михаилъ долго осматривалъ и похлопывалъ по сытымъ бокамъ пару отличныхъ вороныхъ коней. Затѣмъ велѣлъ конюху открыть сарай и также обстоятельно

осмотрѣлъ сани и карету, стоявшія среди немалаго числа всевозможныхъ экипажей.

— Какъ заказали въ Вѣнѣ, такъ ни разу и не употребляли кареты,—говорилъ конюхъ, сметая метелкой пыль съ щегольской двухмѣстной каретки.—Сани много-много разъ пять закладывали. Такъ вотъ безъ дѣла и стоятъ вещи третій годъ. Чего имъ еще здѣсь дожидаться? Въ самый разъ для васъ, Михаилъ Владиміровичъ.

Михаилъ, щедро раздававшій на-чаи, вышелъ изъ сарая, сопровождаемый низкими поклонами конюховъ, и направился въ нижній этажъ къ Иларіону Захарьевичу.

Дунайскій въ это время сидѣлъ въ кабинетѣ на диванѣ передъ овальнымъ столомъ и раскладывалъ гранъ-пасьянсъ,—это было его обычное занятіе послѣ завтрака отъ двухъ до трехъ. Въ три онъ открывалъ стоявшій въ углу секретеръ и до пяти работалъ надъ составленіемъ мемуаровъ Севастопольской кампаніи, въ которой участвовалъ и имѣлъ за храбрость знаки отличія. Обладая прекрасной памятью, старикъ воспроизводилъ точную копію пережитаго и всего, что слышалъ, что имѣло отношеніе къ неудачной эпохѣ, стоившей Россіи потоковъ крови. Раскладывая пасьянсъ, старикъ обдумывалъ то, что предстояло внести на страницы мемуаровъ, и раздражался неудержимымъ гнѣвомъ, если его въ эти часы безпокоили.

Осторожно постучались въ дверь. Старикъ исподлобья поглядѣлъ на дверь и молчалъ. Постучались во второй разъ. Дунайскій со злобой швырнулъ на столъ колоду картъ.

— Что надо?—крикнулъ онъ.

Дверь осторожно пріотворилась, и просунулась сѣдая голова лакея:

— Михаилъ Владиміровичъ по неотложному дѣлу-съ.

— Болванъ!.. Сколько разъ говорилъ тебѣ... Пошелъ вонъ!.. Коли хочу видѣть, зову самъ...—тусклый старческій голосъ злобно сорвался на высокой нотѣ.

— Дядя, ради Бога, примите. Я на пять минутъ. До зарѣзу надо васъ видѣть.

На порогѣ стоялъ Гуракинъ и, какъ будто не замѣчая гнѣвнаго лица, улыбался широкой привѣтливой улыбкой.

— Входъ разрѣшенъ? Сложите гнѣвъ на милость.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ вошелъ. Старикъ, насупивъ брови, что-то продолжалъ бурчать вполголоса. Неохотно подставивъ для поцѣлуя щетинистую щеку и не глядя на Михаила, онъ сталъ сбивать въ кучу разбросанныя карты. Михаилъ поднялъ съ полу двѣ карты и положилъ на столъ.

— Что надо?—рѣзко спросилъ Дунайскій, продолжая нетерпѣливо сбивать карты костлявыми пальцами. Дрожаніе рукъ въ вязаныхъ красныхъ напульсникахъ выдавало неулегшійся гнѣвъ.

— Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ, дядя; вашъ мудрый совѣтъ. Нуженъ сейчасъ же, такъ какъ до вечера я долженъ дать опредѣленный отвѣтъ. Натали ничего не знаетъ; сдѣлаю, какъ посовѣтуете... Вчера вечеромъ я игралъ въ карты у генералъ-губернатора, и онъ конфиденціально объявилъ мнѣ, что въ Петербургѣ освобождается вакансія при военномъ министрѣ. Если я согласенъ, то сегодня же онъ дастъ ему телеграмму, чтобы пристроить меня на эту вакансію. Не знаю, что дѣлать?

Дунайскій слушалъ насупившись. Если бы онъ внимательно посмотрѣлъ на лицо Михаила, то могъ бы усомниться въ серьезности его словъ: въ глазахъ

молодого адъютанта искрился шаловливый смѣхъ и, едва сдерживаемый, кривилъ его губы. Удачно пришедшая въ голову выдумка его забавляла. Онъ зналъ напередъ все, что скажетъ старикъ, и впередъ забавлялся его словами Онъ предвидѣлъ, что угрюмый старикъ будетъ настолько польщенъ довѣріемъ къ его мудрости, что гнѣвъ его утихнетъ, и цѣль визита благополучно достигнется.

— Чего же зѣвать!.. Хватай руками и ногами пріятную возможность вернуться въ Петроградъ, благо общество еще не остыло отъ скандала вашей амурной исторіи... Да и съ Волынскимъ, я думаю, и тебѣ и Натали будетъ радостно встрѣчаться... Въ матеріальномъ отношеніи тоже соблазнъ великъ... Квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, пожалуй, министръ выхлопочетъ тебѣ за высокій ростъ, коли другихъ заслугъ еще не имѣешь... Предложеніе лестное... Какъ не согласиться!..

Старикъ говорилъ язвительно и насмѣшливо. Несмотря на постоянное брюзжаніе на племянницу и ея мужа въ глаза и за глаза, онъ радъ былъ не сознавать своего одиночества съ тѣхъ поръ, какъ верхній этажъ, по его настойчивому требованію, былъ занятъ семьей Гуракина, котораго онъ не только полюбилъ, но и чувствовалъ къ нему слабость за то, что онъ одинъ не боялся ни его гнѣвныхъ рѣчей, ни его злого лица. Всегда безпечно-оживленный, онъ вносилъ давно угасшій въ его старческой жизни лучъ здороваго мужского веселья, гдѣ вино, женщины, товарищество и служба сплетались въ общій узелъ. Михаилъ не только не скрывалъ отъ старика своей любви къ радостямъ жизни, но говорилъ о нихъ съ такимъ откровеннымъ увлеченіемъ, что тотъ, сурово осуждавшій всякія излишества, часто съ благосклоннымъ вниманіемъ выслу-

шивалъ его разсказы. Подъ язвительными и насмѣшливыми словами старикъ хотѣлъ скрыть огорченіе при мысли, что Михаилъ переѣдетъ въ Петроградъ, домъ его опустѣетъ, и опять имъ завладѣетъ тяжелое сознаніе полнаго одиночества. Онъ давно пересталъ выѣзжать и къ себѣ принималъ неохотно и очень немногихъ.

— Вижу, дядя, что проектъ новаго назначенія вы не одобряете...

— Какъ не одобряю?!—фыркнулъ старикъ.

— Я понялъ, дядя. А посему дѣло это, значитъ, на смарку, и я остаюсь подъ вашей кровлей, чтобы мучить васъ моимъ присутствіемъ.

Михаилъ улыбнулся и посмотрѣлъ на старика глазами, въ которыхъ всегда было непроизвольное выраженіе привѣтливости и ласки.

Онъ поднялся съ мѣста, какъ будто хотѣлъ уходить.

— Что Натали?—спросилъ старикъ, давая понять, что желаетъ продлить визитъ.

— Натали не въ духѣ,—улыбнулся Михаилъ.

— Нездорова, что ли?

— Здорова, но на меня дуется за то, что вчера поздно вернулся и немного dans les vignes du Seigneur. Засидѣлись у Зорина: собралась хорошая партія для ландскнехта.

— Чего же тутъ дуться... Глупо... А ты кути поменьше.

— Да много ли я кучу?—Михаилъ весело разсмѣялся.—Какъ разъ въ мѣру pour la noblesse qui oblige... Вчера я видѣлъ графа Палена, онъ много разспрашивалъ о васъ, дядя... Вспоминалъ вашу былую страсть къ лошадямъ, вашихъ прекрасныхъ рысаковъ, бравшихъ призы.

Дунайскій молчалъ, но по чуть мелькнувшей на губахъ улыбкѣ Михаилъ видѣлъ, что его новая выдумка пришлась по душѣ и разогнала недавнее раздраженіе.

— А вотъ кстати о лошадяхъ: Зоринъ продаетъ хорошую пару для упряжки. Откровенно говоря, ваши вороныя гораздо рѣзвѣе. Если бы вы, дядя, уступили ихъ мнѣ за восемьсотъ—я бы охотнѣе взялъ вашихъ.

— Ты что же, наслѣдство получилъ?

— Тетка къ Рождеству въ подарокъ прислала мнѣ тысячу,—опять сочинилъ Михаилъ.

— Воронымъ цѣна тысяча двѣсти. Бери за восемьсотъ. Деньги передай Моисею Борисовичу.

— Разрѣшите, дядя, оставить ихъ у васъ на столѣ, я то боюсь, что вы раздумаете,—пошутилъ Михаилъ и положилъ на столъ часъ тому назадъ взятыя у Моисея Борисовича деньги.

— Что сказалъ, того не мѣняю.

— Однако, я злоупотребилъ вашей добротой, дядя, и просрочилъ свои пять минутъ. Благодарю васъ за совѣтъ еще разъ.

— Благодарить нечего. Передай отъ меня Натали, что коли по собственной волѣ промѣняла сановнаго супруга на вертопраха и мальчишку, то надо выучиться прощать его проказы. А ты все-таки кути, да мѣру знай.

Гуракинъ поднялся къ себѣ въ верхній этажъ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа. Удачная покупка лошадей и перспектива обѣда съ товарищемъ, пріѣхавшимъ изъ Петрограда, облегчили сознаніе неизбѣжной сцены съ Натали, которую ему удалось отвратить за завтракомъ.

IV.

— Натали, къ вамъ можно?

— Конечно, chère Алинъ, я очень рада.

— Oh, que nous sommes belles!.. Вамъ удивительно къ лицу couleur pêche... Великолѣпно сидитъ. И какъ сшито!

— Что вы говорите, Алинъ! Этому платью три года. Я его заказывала въ Парижѣ. Тогда я не признавала нашихъ русскихъ портныхъ, да и теперь, сознаюсь, заказываю имъ à contre coeur. Приходится во многомъ сокращать и урѣзывать себя.

— Ахъ, Натали, у васъ такое количество парижскихъ туалетовъ, что вы вездѣ побиваете рекордъ и всегда самая нарядная и интересная. Вы избалованы, Натали, и не знаете, что значитъ таскать одно и то же платье на всѣ визиты, а другое на всѣ балы. Вы не знаете этого и потому не поймете, что переживаю я каждый разъ, когда мнѣ приходится куда-нибудь ѣхать...

У Алинъ сорвался голосъ. Она бросила на маленькій столикъ свой шелковый сакъ и сѣла на диванъ, въ то время, какъ Натали, стоя передъ громаднымъ трюмо, оканчивала свой туалетъ. Шелковое платье цвѣта персика очень шло къ ея яркому цыганскому типу. Длинная нитка крупнаго жемчуга дважды обвивала шею; на груди и на пальцахъ сверкали брилліанты. Алина—высокая, очень стройная, худощавая блондинка, съ волосами льняного цвѣта, пышно зачесанными назадъ, вся гибкая, нервная, съ большими голубыми глазами и прозрачной нѣжной кожей—была очень интересна. Въ узкомъ черномъ шелковомъ платьѣ, съ вырѣзомъ на груди и спинѣ, она казалась

сошедшей съ полотна Генсборо. Въ ея внѣшности все было стильно и отчетливо. Кромѣ брилліантовой брошки на груди, другихъ украшенiй у нея не было, и они казались бы излишними.

— Послушайте, chère Алинъ, я вамъ повторяю въ сотый разъ, что, на вашемъ мѣстѣ, я никогда ничего не носила бы кромѣ именно этого чернаго платья. Для вашей фигуры, для вашего стиля другого не надо.

— Мерси, мерси за такое утѣшеніе... Это хорошо говорить вамъ, имѣющей въ своемъ распоряженіи роскошный гардеробъ. Нѣтъ, нѣтъ, я устала, мнѣ надоѣло, надоѣло все... Я хотѣла прислать сказать вамъ, что я не ѣду въ театръ, до такой степени мнѣ опротивѣло это платье, эти туфли, это dessous, эта единственная брилліантовая брошка... О-о-о!!! Я задыхаюсь, Натали, я готова все, все это швырнуть въ печь и сидѣть дома въ халатѣ, нечесанная и неодѣтая, никого не видя и ни о комъ не слыша...

Алина, при послѣднихъ словахъ, вскочила съ дивана и, съ гримасой брезгливаго негодованія, двумя пальцами встряхивала юбку своего платья и шелковый въ кружевахъ чехолъ.

— Поглядите, Натали, на эти туфли: c'est démodé... Онѣ уродуютъ мою ногу, и я должна ихъ носить, потому что у меня нѣтъ десяти рублей, чтобы купить новыя.

Алина быстро отвернулась и, доставъ изъ шелковаго мѣшечка носовой платокъ, прижала его къ глазамъ.

— Пожалуйста, не подумайте, Натали, что я вамъ завидую. Мнѣ надо, мнѣ необходимо вылить передъ кѣмъ-нибудь мое горе... Всегда одна, всегда предоставленная этимъ унизительнымъ мыслямъ, какъ бы вывернуться, какъ бы къ концу мѣсяца свести концы

съ концами!.. Согласитесь, что нервы могутъ расшататься.

— Не плачьте, Алинъ. Повѣрьте, что я не разъ желала бы помѣняться съ вами судьбой. Ваши лишенія гораздо легче...

— Глупости, глупости!.. Не вѣрю, не вѣрю я этимъ фразамъ. Вы роскошно одѣты, вы въ жемчугахъ и брилліантахъ, вы ѣздите на балы, пикники и обѣды, у васъ красавецъ мужъ, котораго вы обожаете...

— Да, да, именно я его обожаю—и въ этомъ все мое страданіе.

— Перестаньте, ради Бога!—Алина досадливо передернула плечами,—вы страдаете потому, что вы избалованы жизнью, потому что вы капризны. Мой мужъ былъ деспотиченъ, грубъ, третировалъ меня, какъ дѣвчонку, но у меня не было матеріальныхъ заботъ, я была хорошо одѣта, имѣла брилліанты, чувствовала себя красивой и притягательной, и среди забавъ и ухаживаній легко забывала домашнія сцены. Нѣтъ, Натали, такія избалованныя женщины, какъ вы и я,—мы не можемъ жить однѣ, безъ денегъ, безъ всего того, что даетъ женщинѣ рамку для ея красоты. Хотя мой мужъ былъ деспотиченъ и грубъ, но все же я чувствовала его ласку, чувствовала, что онъ любилъ меня, ну, хоть какъ женщину.

— Онъ не давалъ вамъ поводовъ къ ревности.

— Какъ не давалъ? Онъ мнѣ на зло уѣзжалъ ужинать съ дамами... Я была глупа, я плакала... О, теперь я стала умнѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла, я столкнулась съ жизненной холодной прозой и на все смотрю иначе... У васъ есть дѣти, Натали, у васъ есть все, все, и вы искушаете судьбу, жалуясь на нее.

— У меня есть все, кромѣ душевнаго спокойствія,

то есть кромѣ счастья... Мишель дѣлаетъ все, чтобы отравлять мнѣ жизнь... Я ночи не сплю... я...

— Натали, что вы говорите? Что же онъ дѣлаетъ? Объ немъ, я слышу, всѣ такъ хорошо отзываются; да и правда—онъ такой славный.

— Со стороны, конечно, все очень хорошо. Если я высказываюсь наконецъ, то въ первый разъ и только вамъ по старой дружбѣ... Мишель кутитъ, является часто подъ утро домой, ѣздитъ по ночамъ въ рестораны и навѣрное еще Богъ знаетъ куда...

— Ну, такъ что же, что онъ кутитъ? Пусть себѣ ѣздитъ по ресторанамъ. Вѣдь онъ отъ васъ это не скрываетъ. Не забывайте, Натали, что намъ съ вами переваливаетъ за тридцать, а ему и двадцати пяти еще нѣтъ. Въ его годы то ли еще продѣлываютъ! Вы должны быть снисходительны къ нему и на многое смотрѣть сквозь пальцы.

— Что это значитъ, сквозь пальцы?! Мириться съ его кутежами, съ тѣмъ, что навѣрное на этихъ кутежахъ бываютъ всякія женщины?!

У Натали затрепетали ноздри и гнѣвно заблестѣли глаза.

— Если даже онѣ и бываютъ на этихъ кутежахъ... Les femmes de cette espèce—ça ne compte pas.

— Только не для такихъ горячихъ и увлекающихся натуръ, какъ Мишель. Онъ вѣчно во власти какого-то кипѣнія, у него въ головѣ какой-то сумбуръ фантазій и желаній, онъ ничего не умѣетъ дѣлать спокойно и уравновѣшенно.

— У вашего Мишеля слишкомъ широкая и артистическая натура; ему трудно мириться съ жизненной прозой, изъ которой онъ всегда будетъ такъ или иначе вырываться. Что-жъ... я его понимаю.

— Понимаете?! А вотъ вы бы попробовали семей-

ную жизнь съ такимъ человѣкомъ. Вѣчная тревога, вѣчный страхъ...

— Оставьте его въ покоѣ, откиньте ревность и увидите, что жизнь съ нимъ совсѣмъ не такъ ужъ тяжела. Ахъ, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, какъ бы я наслаждалась жизнью!—Алина, сидя на диванѣ, вся выгнулась, закинула голову на спину и сплела пальцы длинныхъ, тонкихъ рукъ у затылка.—Я бы возилась съ дѣтьми, цѣловала бы, прижимала ихъ къ себѣ, наряжала бы ихъ, сама бы наряжалась, отдалась бы, какъ культу, уходу за своимъ тѣломъ, холила бы его, обтирала всякими душистыми помадами и духами, наслаждалась бы видомъ самой себя, облеченной въ тончайшее бѣлье съ кружевами, въ шелковые халаты, чтобы матерія спадала такими мягкими длинными складками... У меня были бы халаты всѣхъ цвѣтовъ, и я носила бы ихъ какъ пеплумы... Чулки, туфли—все нѣжное, душистое... Красота женщины вянетъ и утрачиваетъ свой блескъ безъ этихъ необходимыхъ аксесуаровъ...

— А мужъ? Если бы все это вы дѣлали для мужа, значитъ вы бы его любили, а если бы любили, то и страдали бы, какъ страдаю я.

— Вы все приводите къ страданію, Натали, а я такъ устала страдать отъ пошлыхъ мелочей реальной жизни, что, освободившись отъ нихъ, считала бы себя счасгливѣйшей изъ смертныхъ.

— Это совсѣмъ не такъ трудно. Если у васъ нѣтъ запросовъ любви, почему же вы столько лѣтъ терпите лишенія? Выходите замужъ за богатаго или найдите себѣ друга съ толстымъ кошелькомъ.

— Кто вамъ сказалъ, что у меня нѣтъ запросовъ любви? Я вамъ этого никогда не говорила. Если терпѣть лишенія, то надо любить, чтобы забывать ихъ, а

если даны радости роскошной жизни, то надо умѣть пользоваться ими; вы же хотите все, все имѣть. Да вы и имѣете все: вы можете прижаться къ груди любимаго человѣка, можете ласкать и цѣловать своихъ дѣтей... А я? О, иной разъ въ глухія тоскливыя ночи я мечтаю о крошечномъ ребенкѣ, котораго я готова была бы взять на воспитаніе, чтобы прижиматься къ нему и плакать, не быть одинокой, никому не нужной... Но развѣ я это могу? У меня самой едва-едва достаетъ на жизнь. Я готова хоть на сцену идти... въ кафе-шантанѣ пѣть, все что угодно, но только не эта сѣрость, не эта пошлость, не это прозябаніе...

— Нѣтъ, chère Алинъ, я вижу, что сегодня вы невмѣняемы, а я сама такъ разстроена, что не могу васъ успокоить.

— Не надо, пожалуйста, не надо... Я и сама успокоюсь... Ну, вотъ, я и смѣюсь... Не стоитъ, это вѣрно, что не стоитъ отдаваться печали... все пройдетъ и слава Богу, что все проходитъ...

Алина, смахнувъ слезы, стояла у зеркала и изъ маленькой карманной пудренницы пудрила слегка покраснѣвшія вѣки глазъ.

— Право, Алинъ, вы истеричка. Мишель на дняхъ еще говорилъ, что вы истеричка.

— Вотъ это забавно!—Алина звонко расхохоталась.—Съ чего же ему это въ голову пришло? Почемъ онъ знаетъ?

— Не знаю, а только, пожалуй, онъ правъ. Однако пойдемте въ гостиную; сегодня обѣдаютъ Рыхловъ и Чагинъ; скоро пріѣдутъ, уже шестой часъ.

Заслышавъ въ гостиной голоса жены и ея пріятельницы, Михаилъ вмѣстѣ съ Чагинымъ вышли къ нимъ изъ кабинета. Чагинъ былъ высокій и худой, какъ трость, блондинъ лѣтъ подъ тридцать, съ большимъ

тонкимъ носомъ и близорукими сѣрыми глазами. Онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ холостъ, имѣлъ состояніе, обладалъ очень мягкимъ характеромъ и эстетической натурой и очень добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ.

— Какъ пріятно видѣть васъ и Мишу такими цвѣтущими,—обратился Чагинъ къ Натали, усаживаясь подлѣ нея въ то время, какъ Михаилъ разговаривалъ съ Алиной,—мы часто вспоминаемъ васъ и ждемъ съ нетерпѣніемъ, когда вы оба вернетесь опять на берега Невы.

— Что новаго тамъ у васъ, Саша?! Кто въ модѣ? Кто въ кого влюбленъ? Что герцогиня? Я знаю, что вы скажете правду.

— Въ модѣ? Да, право, не знаю, такъ какъ для меня больше всего въ модѣ Гарина и герцогиня; Гарина—очаровательная красавица, а герцогиня—красивая очаровательница.

— Послушайте, Саша, прошу васъ une fois pour toutes: je ne veux jamais entendre parler de cette Гарина. C'est une ennemie à moi et je la déteste.

— Да, да, я и забылъ... Совсѣмъ забылъ про эту исторію, то есть про эту вашу фантазію,—засмѣялся Чагинъ.—Дѣло прошлое, Наталія Георгіевна, и теперь повѣрьте мнѣ, что Миша былъ ни при чемъ: Гарина была и до сихъ поръ продолжаетъ быть l'amie tendre du duc Voldemar.

— Одно не мѣшало другому... Значитъ, герцогъ становится постояннымъ? Не ожидала этого. А что же герцогиня? Я въ перепискѣ съ ней, но она говоритъ въ своихъ письмахъ много о другихъ и ничего о себѣ.

— Герцогиня? Она много измѣнилась...

— Въ какомъ смыслѣ?

— Гм... Я думалъ, вы знаете...

— Да что за тайна?

— Вы имѣете свѣдѣнія о вашемъ ех-супругѣ—Волынскомъ?

— А-а-а!—протянула Натали,—я догадываюсь: онъ влюбился въ герцогиню?

— Представьте себѣ, что это она влюблена въ Волынскаго, follement amoureuse. Послѣ развода онъ на цѣлый годъ уѣзжалъ за границу, а она съ ума насъ сводила своимъ очаровательнымъ кокетствомъ, а теперь мы ея не узнаемъ: всѣ улыбки для него, никого знать не хочетъ. Я думаю, что это нѣчто серьезное.

— А Волынскій?

— Его не разгадать. Figé et superbe.

Въ то время, какъ Натали бесѣдовала съ Чагинымъ, Михаилъ, стоя подлѣ рояля, поддразнивалъ Алину.

— Если бы я былъ скульпторомъ, я бы изобразилъ васъ какъ бога Януса—á deux faces: одно лицо было бы омрачено тоской и слезами, другое—озарено радостной улыбкой. У васъ, Александра Васильевна, все вмѣстѣ: и слезы, и смѣхъ, и огорченіе, и радость.

— Да почемъ вы знаете? Вы со мной знакомы какихъ-нибудь полгода. Натали меня тоже знаетъ мало, потому что съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, то есть почти восемь лѣтъ, я очень измѣнилась. Замужество и вдовство на меня наложили глубокую печать... Нѣтъ, вамъ кажется, что вы меня знаете. Вы даже окрестили меня истеричкой... Хорошо, очень хорошо!..

— Такъ что же, что окрестилъ? Истерички очень интересны: въ нихъ все неожиданно, все непроизвольно...

— Ужъ нечего оправдываться... Лучше скажите мнѣ, кто этотъ Чагинъ?

— Это мой большой пріятель; я его очень люблю

и очень уважаю. Прекрасной души человѣкъ. Натали онъ зналъ еще дѣвушщой; бывалъ, какъ свой, въ домѣ ея родителей. Отличный музыкантъ, обожаетъ сцену, словомъ, на всѣ руки мастеръ. У насъ есть въ Петербургѣ небольшой кружокъ ярыхъ поклонниковъ искусства во всѣхъ видахъ; мы часто тамъ собирались и возвращались зачастую подъ утро, и никто не бывалъ пьянъ. Чагинъ былъ организаторомъ и остался во главѣ кружка.

— Ахъ, какъ это хорошо! Какъ я всегда мечтала о чемъ-нибудь подобнымъ! — всплеснула руками Алина,—а вмѣсто этого я сижу четвертый годъ въ глухой деревнѣ съ глухой тетерей-теткой, читаю ей житіе святыхъ, Патерикъ Печерскій, штопаю чулки, зашиваю дыры на платьяхъ, выдаю по вѣсу масло, муку и творогъ, вожу тетку по субботамъ въ деревенскую церковь, гдѣ гнусный псаломщикъ читаетъ какую-то белиберду, а плюгавый попъ харкаетъ и плюетъ въ алтарѣ... О-о! какъ я сама себѣ противна, и какими свѣтлыми и счастливыми богами всѣ вы кажетесь мнѣ, вы—далекіе отъ моей сѣрой и омерзительной жизни.

— Такъ бросьте къ чорту это вашу тетку. Живите иначе.

— Не могу, понимаете ли, не могу. Развѣ можно жить на семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ?.. Ахъ, не надо, не надо про это говорить! Простите меня... Это глупо и глупо. Я хочу забыться... Будемте говорить о васъ, объ Чагинѣ, объ оперѣ, о чемъ хотите, только не обо мнѣ.

— Слушайте, Александра Васильевна, мнѣ жаль васъ. Натали никогда не говорила мнѣ о томъ, что вы... То есть о томъ, что...

— Ну, да, я понимаю: о томъ, что послѣ мужа кромѣ колоссальныхъ долговъ, семидесяти рублей и

глухой и глупой тетки у меня ничего не осталось... Ха-ха-ха!...—нервно расхохоталась Алина—стоило ли говорить о такихъ скучныхъ вещахъ... Я хочу хоть на часъ, хоть на два забыть о нихъ... Вотъ въ оперѣ, въ мірѣ звуковъ все забудется.

— Кстати: что идетъ сегодня? Натали со своимъ вопіющимъ безразличіемъ къ музыкѣ и искусству посылаетъ за ложей и не знаетъ, на какую оперу.

— Да, да, я ее въ этомъ узнаю,—разсмѣялась Алина,—она и дѣвушкой была такая; мой учитель пѣнія итальянецъ прозвалъ ее cuore senza anima.

— Это хорошо схвачено,—задумчиво проговорилъ Михаилъ,—Натали отдаетъ всю себя только запросамъ сердца... А все-таки что же сегодня идетъ въ оперѣ?

— Риголетто, чудный Риголлето. Я просто съ ума схожу всякій разъ послѣ этой музыки. La donna e mobile...—вполголоса запѣла Алина.

— ...Qual' pium al vento...—подхватилъ Гуракинъ.

Алина откинула крышку рояля, въ одну минуту отыскала болѣе низкій тонъ по голосу Михаила и съ мастерствомъ начала аккомпанировать.

— Нѣтъ, постойте... Я сейчасъ подберу вамъ арію Риголетто... Ну вотъ, кажется, такъ... Пойте...

Михаилъ запѣлъ сперва вполголоса, потомъ далъ волю звукамъ, и мягкій и сочный тембръ его голоса наполнилъ комнату. Чагинъ на полусловѣ оборвалъ разговоръ съ Натали и, щуря добрые глаза и покачивая маленькой головой на длинной шеѣ, сталъ съ видимымъ удовольствіемъ его слушать. Алина, оборвавъ арію Риголетто, взяла дуэтъ второго акта. Неожиданно ея голосъ зазвенѣлъ яркими, теплыми нотами и слился съ голосомъ Михаила въ одну вибрирующую волну. Чагинъ всталъ со своего мѣста и, надѣвъ пенснэ на длин-

ный худой носъ, подошелъ къ роялю; ставъ напротивъ поющихъ, онъ глядѣлъ на Алину, какъ будто до этой минуты не видалъ ее. У Алины лицо стало блѣднѣе, глаза расширились и устремились куда-то поверхъ.

— Однако, у васъ дивный голосъ, Александра Васильевна, и аккомпанируете вы мастерски.—Михаилъ смотрѣлъ ей въ глаза съ нескрываемымъ восхищеніемъ.—Я и не подозрѣвалъ! Что же ты, Натали, молчала? Сколько времени потеряли... Теперь спойте однѣ.

Алина протестовала, но Чагинъ взялъ ее подъ руку, насильно вернулъ къ роялю и усадилъ. Смѣясь и нерѣшительно перебирая клавиши, она не знала, что пѣть.

— Травіату, арію съ кубкомъ.... пожалуйста,—просилъ Чагинъ.

Алина запѣла. Михаилъ и Чагинъ одобрительно переглянулись.

Въ это время въ дверяхъ гостиной появился новый гость и, поклонившись издали, остался у порога, ожидая конца аріи. Склонивъ вбокъ гладко расчесанную, красивую голову, онъ стоялъ въ позѣ человѣка, увѣреннаго въ своей неотразимой красотѣ, дающаго другимъ возможность любоваться собой. Казалось, онъ, какъ и всѣ присутствовавшіе, былъ поглощенъ пѣніемъ, однако, оно не мѣшало ему внимательно разсматривать острые лакированные носки собственныхъ ботинокъ безупречной формы. Скосивъ глаза, онъ провѣрилъ бѣлизну жилета, привычнымъ жестомъ поправилъ усы, оглядѣлъ блескъ розоватыхъ ногтей и, принявъ опять неподвижно-картинную позу, стоялъ, не шевелясь, пока не кончилось пѣніе.

Павелъ Георгіевичъ Рыхловъ, котораго мужчины называли la belle Pachette, былъ красивъ; лицо его выражало самоувѣренность, холодность и небрежность; онъ считалъ себя представителемъ тонкой породы, былъ

ограниченъ и необыкновенно много и легко лгалъ. Къ женщинамъ былъ равнодушенъ, страстно любилъ только охоту, говорилъ металлическимъ голосомъ и любилъ, чтобы его слушали и на него смотрѣли.

— А я прямо къ тебѣ съ охоты,—громко заговорилъ Рыхловъ, обращаясь къ Михаилу такъ, чтобы всѣ его услышали,—облава была не особенно удачная, мнѣ попался скверный номеръ, однако на меня вышло три матерыхъ волка и ни одинъ не ушелъ.

Рыхловъ поднялъ тонкія прямыя брови и строго оглядѣлъ присутствующихъ, какъ бы запрещая имъ сомнѣваться въ истинѣ сказаннаго.

— Сегодня такой холодъ—я бы за деньги не согласилась мерзнуть на охотѣ,—проговорила Натали, чтобы нарушить на минуту воцарившееся молчаніе.

— Помилуйте, что за холодъ: всего восемь градусовъ. Въ лѣсу великолѣпно. Я стоялъ въ ожиданіи звѣря че-ты-ре часа,—отчеканилъ Рыхловъ, — и не замѣтилъ холода...

Рыхловъ завладѣлъ хозяйкой дома, не выносившей разговоровъ объ охотѣ, и, отчеканивая каждое слово, разсказывалъ небылицы, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ. Михаилъ, Чагинъ и Алина, стоя у рояля, говорили о музыкѣ. Лакей доложилъ, что обѣдъ поданъ, и всѣ прошли въ столовую. Гуракинъ любилъ угощать своихъ гостей хорошими обѣдами и дорогими винами, былъ радушнымъ и веселымъ хозяиномъ, и у него любили бывать. Натали, несмотря на страстную любовь къ мужу, попрежнему любила свѣтъ и поклоненіе мужчинъ и сумѣла здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, создать интересный салонъ. Послѣ обѣда прошли въ кабинетъ, гдѣ были поданы кофе и ликеры. Мужчины закурили сигары.

— А я пріѣхалъ къ тебѣ, другъ мой, въ качествѣ

посла отъ имени нашего артистическаго кружка,— обратился Чагинъ къ Михаилу.

Его длинная и худая фигура, утонувшая среди мягкихъ подушекъ широкой оттоманки, казалась безъ костей; скрестивъ худыя ноги и лѣниво куря сигару, онъ щурился на кольца синяго дыма.

— Герцогиня желаетъ къ концу поста устроить что-нибудь въ пользу бѣдныхъ города; на нашъ кружокъ, какъ и всегда, палъ жребій организатора. Рѣшено поставить спектакль и концертъ. Пьеса выбрана. Намъ нужны теперь актеры и артисты. На тебя возлагается обязанность актера и артиста.

Михаилъ быстро поднялся со своего кресла и опустился на тахту рядомъ съ Чагиномъ.

— А-а! Вотъ это прекрасно... Ты говоришь, къ концу поста? Времени немного... Однако... Конечно, мы успѣемъ.

— Ну, вотъ и молодецъ!—Чагинъ хлопнулъ Михаила ладонью по колѣну.—Что за талантливый у васъ мужъ, Наталія Георгіевна! На всѣ руки.

Натали не отозвалась на шутливыя похвалы Чагина; ея брови судорожно сдвинулись, она нервно кусала нижнюю губу.

— Имѣй въ виду, Мишель, что участвующихъ я вербую съ большимъ выборомъ; мы хотимъ поразить публику талантами. Спектакль будетъ во дворцѣ. Надѣюсь, перспектива репетицій и всей этой подготовительной возни тебѣ не непріятна? Опять подышешь нашимъ столичнымъ воздухомъ. Я его возьму подъ свою опеку, Наталія Георгіевна, и буду за нимъ строжайше слѣдить.

— О, ему дана полная свобода,—принужденно отозвалась она,—и онъ можетъ дѣлать, что ему угодно.

— Выбраны три пьесы; въ одной изъ нихъ главныя роли предназначены тебѣ и Нелли Ивановнѣ Га-

риной; вы оба будете великолѣпны въ этихъ роляхъ, но... есть большое «но». Cette adorable Гарина не блещетъ французскимъ accent, и меня это смущаетъ. Если ей дать роль въ пьесѣ «Дачный мужъ», то кого же на ея мѣсто?

— Comme toujours vous cherchez midi à quatorze heures, мой милый Саша,—съ волненіемъ заговорила Натали,—вотъ вамъ прекрасная артистка,—она указала на Алину,—и играетъ и поетъ, за поясъ заткнетъ всѣхъ вашихъ столичныхъ куколъ.

— Боже мой, да конечно, конечно!

Чагинъ быстро всталъ и въ просительной позѣ остановился передъ Алиной.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Ни за что! Не просите! Я совсѣмъ ото всего отстала, четыре года нигдѣ не бываю... Я не хочу бередить себя... Нѣтъ... Нѣтъ...

Алина сорвалась съ мѣста и махала руками. Ее обступили и уговаривали. Настойчивѣе всѣхъ, упорнѣе всѣхъ просила Натали.

— Господи, Натали, неужели вы сами не понимаете, что я не могу согласиться?—съ чувствомъ неподдѣльнаго отчаянія воскликнула Алина.

— Ну, хорошо, погодите, пойдемте ко мнѣ привести себя въ порядокъ, такъ какъ пора въ оперу ѣхать, и тамъ мы съ вами еще посовѣтуемся.

Съ этими словами Натали увлекла ее за собой. Войдя въ будуаръ и заперевъ дверь, Натали, вся поблѣднѣвшая, бросилась къ Алинѣ.

— Я васъ умоляю, Алинъ, во имя нашей дѣвичьей дружбы, я васъ умоляю согласиться... Для моего спокойствія, для моего счастья... Опять угаръ петербургской жизни, опять всѣ соблазны.. Я знаю Мишу... Я не хочу, я не могу, чтобы онъ тамъ былъ все время съ этой Гариной... И всѣ эти дамы...

Натали говорила быстро, прерывисто. Въ голосѣ дрожали слезы. Алина широко открытыми, удивленными глазами смотрѣла на свою пріятельницу.

— Но что же я могу? Чѣмъ я могу помочь? Вы преувеличиваете, Натали. Наконецъ, чтобы принять участіе въ этомъ великосвѣтскомъ спектаклѣ, надо истратить не менѣе тысячи рублей: вѣдь у меня нѣтъ туалетовъ, у меня ничего нѣтъ...

— Алинъ, soyez donc une vraie amie. Вы только что жаловались, что вы никому не нужны; ну, вотъ теперь вы нужны мнѣ, не отворачивайтесь, сдѣлайте эту жертву, позвольте мнѣ взять на себя всѣ расходы вашей поѣздки и туалетовъ...

— О-о! Натали... Развѣ я могу это?..

Но Нтатали не дала ей говорить. Она ее обнимала, цѣловала, зажимала ей рукой ротъ, наконецъ расплакалась. Алина кончила тѣмъ, что уступила, хотя все еще не понимала, для чего требуется ея участіе въ этомъ спектаклѣ.

— Милая, благодарю, благодарю васъ. Я знаю, что вы добрая и честная, я знаю, что вы мнѣ поможете. Я видѣла, когда вы сегодня пѣли, какъ блестѣли глаза у Мишеля. Онъ готовъ увлечься вами за то, что у васъ артистическая натура... Ахъ, не перебивайте, я его знаю... Вы будете съ нимъ играть, пѣть, vous aurez des toilettes chics... Увлеките его немного, и онъ ни на кого, кромѣ васъ, не будетъ тамъ смотрѣть,—а я буду спокойна; я знаю васъ и вашу порядочность.

— Сумасшедшая!.. Сумасшедшая!..—хохотала теперь Алина,—выходитъ, что истеричка вы, а не я... Участвовать одновременно въ двухъ комедіяхъ, играть двѣ роли?!. Вѣдь это смѣшно... Да я и не сумѣю.

— Сумѣете, я научу васъ.

Онѣ вошли въ кабинетъ съ оживленными, смѣю-

щимися лицами. Согласіе Алины было встрѣчено Чагинымъ и Михаиломъ съ шумнымъ и шутливымъ восторгомъ.

— Пожалуйста, Натали,—обратился Михаилъ къ женѣ,—поѣзжайте въ оперу безъ насъ. Павелъ Георгіевичъ будетъ вашимъ кавалеромъ, а мы съ Сашей подождемъ васъ здѣсь, приготовимъ вамъ ужинъ и поболтаемъ по душѣ.

Рыхловъ стоялъ въ живописно-выжидательной позѣ. Натали, скрѣпя сердце, любезно поблагодарила его за готовность сопровождать ихъ; она была недовольна внезапной перемѣнй плана. Черезъ нѣсколько минутъ они уѣхали въ театръ. Михаилъ съ Чагинымъ уютно расположились на мягкой тахтѣ. Огня зажигать было не велѣно. Затопили каминъ, и кабинетъ потонулъ въ мягкомъ полусумракѣ.

V.

— Ну вотъ, дружище,—заговорилъ Чагинъ, когда они остались вдвоемъ,—я очень радъ, что мнѣ наконецъ удалось видѣть твой уютный «home». Ты выглядишь отлично, Наталія Георгіевна тоже, значитъ—все обстоитъ прекрасно?

— Прекрасно—c'est trop dire.

Михаилъ вытянувъ ноги, чуть слышно позвякивалъ шпорами и задумчиво слѣдилъ, какъ въ каминѣ синіе языки вырывались изъ ярко-алаго пламени, то исчезая, то вновь рождаясь на обуглившихся частяхъ полѣньевъ.

— По крайней мѣрѣ, я бы хотѣлъ слышать отъ тебя, что ты ни о чемъ не сожалѣешь... Надѣюсь, что, на правахъ друга, я могу задать тебѣ этотъ вопросъ?

— Можешь, конечно, можешь. Видишь ли, я очень

радъ, что ты пріѣхалъ и что намъ представился случай вотъ такъ уютно посидѣть и поболтать. У меня за эти два года многое накопилось въ душѣ. Ты знаешь мой характеръ: я всегда бодръ и веселъ, а все же является потребность разобраться въ самомъ себѣ и подѣлиться сомнѣніями. Ты спрашиваешь, не сожалѣю ли я о чемъ-нибудь? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я очень сожалѣю о потерянной свободѣ. Съ Натали я не могу быть самимъ собой. Ты долженъ ее хорошо знать; въ ней слишкомъ много односторонней нетерпимости, она отрицаетъ все, что не свойственно ея натурѣ, она деспотична, а главное, Саша, она ревнива до абсурда, до дикости. Меня ты тоже знаешь: лгать я не люблю, но, увѣряю тебя, она меня научитъ лгать.

— Да, Миша, все это я предвидѣлъ, потому что хорошо знаю и ее, и тебя. Н-да...—продолжалъ Чагинъ, полулежа съ закинутой на подушки головой,— я это предвидѣлъ и не разъ намекалъ тебѣ, что если Наталія Георгіевна не вполнѣ счастлива съ Волынскимъ, то съ другимъ мужемъ она будетъ вполнѣ несчастлива. Это характеръ, требующій тугой узды опытнаго и серьезнаго человѣка. Ты слишкомъ молодъ для такой женщины... Однако ce qui est fait—est fait. Уступай ей въ чемъ можешь.

— Тутъ дѣло не въ уступкахъ. Натали это—сама проза. Ты не повѣришь, до чего она лишена всякихъ порывовъ, всякаго стремленія въ области красоты и искусства. Она до такой степени terre-à-terre, что кромѣ тряпокъ, дѣтей, прислуги, денегъ, визитовъ, баловъ и придворныхъ сплетенъ—она ни о чемъ не думаетъ. Музыки и пѣнія она не понимаетъ и не любитъ, литература ее не интересуетъ, она ничего никогда не читаетъ, драма, опера, циркъ и оперетка для нея сливаются въ одно общее понятіе. У меня нѣтъ желанія

дѣлиться съ ней ни моими впечатлѣніями, ни моими маленькими, но дорогими мнѣ вдохновеніями. Недавно получаю отъ Матлина очень остроумное описаніе съ стихахъ ихъ полкового праздника. Я отвѣтилъ ему тоже въ стихахъ и, знаешь ли, очень учачно вышло. Пришелъ къ ней, прочелъ одно и другое, она даже не улыбнулась. «Охота вамъ, говорить, такими глупостями заниматься! Матлинъ сдѣлалъ бы лучше, если бы былъ хорошимъ мужемъ вмѣсто того, чтобы дурацкіе стихи писать».—Ну, а Пушкинъ что долженъ былъ бы дѣлать вмѣсто того, чтобы стихи писать?—спрашиваю. «Пушкинъ—поэтъ, а Матлинъ дуракъ»,—отвѣчаетъ. Согласись, что возьметъ злость и хочется плюнуть и не разговаривать. Ты знаешь, до чего я люблю музыку, но, если я засаживаюсь за рояль, то предпочитаю дѣлать это, заперевъ предварительно дверь. Написалъ какъ-то маленькій вальсъ, онъ мнѣ нравился, я съ удовольствіемъ игралъ его, и всѣмъ онъ нравился; одна Натали не нашла сказать ничего другого, какъ только то, что «вальсъ дурацкій» и что я написалъ его, чтобы понравиться какой-то тамъ дѣвицѣ... Вообще, по ея понятіямъ, достойный мужъ и серьезный человѣкъ ничѣмъ не долженъ увлекаться, ничего любить, кромѣ своей законной супруги, своихъ дѣтей и своего хозяйства. Вѣдь это чортъ знаетъ что за понятіе о супружеской добродѣтели! Но этой почвѣ у насъ бываютъ ссоры. Я не согласенъ уступить ей ни одной іоты моихъ, можетъ быть, и безсмысленныхъ, но дорогихъ порывовъ. Я готовъ хоть каждый день ссориться, но въ угоду ей не отрѣшусь отъ того, что составляетъ лучшую сторону нашего существованія. Нѣтъ ужъ, за это благодарю покорно! Пусть бѣсится... Je reste ce que je suis.

— Бѣдный Мишукъ! Вотъ и позналъ сладости узъ

Гименея,—улыбнулся Чагинъ.—Не унывай. Мы изъ Питера будемъ поддерживать тебя; вѣдь нашъ кружокъ очень тебя цѣнитъ,—ты у насъ въ почетѣ; жаль только, что ты изъ Питера уѣхалъ. Въ этомъ году наши собранія были очень, очень интересны: Чайковскій бывалъ, Апухтинъ...

— Ну да, вотъ тоже и это! Согласись, что я принесъ не малую жертву, выйдя изъ полка и бросивъ столицу. Ты думаешь, она сознаетъ, чего мнѣ это стоило? Нисколько! «Люди,—говоритъ,—вездѣ есть, а для тебя провинція полезнѣе: будешь меньше кутить». Выведетъ она меня когда-нибудь изъ терпѣнія, такъ я ей покажу чорта въ стулѣ...

— Нѣтъ, ужъ лучше ничего не показывай,— разсмѣялся Чагинъ.

— Эхъ, Саша, сознаюсь тебѣ: иной разъ во мнѣ такой чортъ сидитъ, такъ и подмываетъ выкинуть что-нибудь совсѣмъ несообразное... И вѣдь какъ на зло мнѣ это: я всегда терпѣть не могъ ревнивыхъ женщинъ, такъ вотъ же: на̀ тебѣ!

— А дѣти какъ? Ты нѣжный отецъ?

— Дѣти у меня славныя. Мимишка мою я обожаю. Чудная дѣвчонка: шустрая и необыкновенно ласковая.

— Ну, а каковы у тебя отношенія съ Дунайскимъ, avec ce vieux sac d'or?

— Представь себѣ, что я какимъ-то чудомъ обошелъ старика и отлично съ нимъ лажу. Чудакъ и скряга... Приходится иной разъ невинно надувать его. Онъ, кажется, скоро согласится покрывать мои проказы и защищать онъ нападокъ Натали. Восьмой десятокъ на исходѣ, а умирать и не собирается,—здоровье желѣзное. Пора бы старику и на покой: его милліоны были бы намъ теперь очень кстати. Въ ожи-

данiи сихъ благъ мы съ Натали изрядно въ долги влазимъ.

— Въ теперешнее время, мой другъ, каждый приличный человѣкъ долженъ имѣть долги,—усмѣхнулся Чагинъ.

— Князя Алексѣя давно видѣлъ?—спросилъ Михаилъ послѣ короткаго молчанiя.

— Передъ отъѣздомъ я былъ у него. Кого мнѣ искренно жаль—такъ это его. Отвратительно сложилась его жизнь. Княгиня Анна Валерiановна чудитъ съ этимъ пролазой попомъ; вся эта затѣя монастыря—его продѣлки; онъ ей втираетъ очки, а бѣдный князь совсѣмъ въ подчиненiи у Петровой. Она обираетъ его и, гдѣ можетъ, афишируетъ связь. Княгиня, я слышалъ, хочетъ оставить Петербургъ и совсѣмъ къ вамъ сюда переселиться, чтобы управлять монастыремъ; пожалуй, еще въ монахини пострижется! Чепуха какая-то выходитъ: люди жить не умѣютъ.

— А ты, Саша? Какъ твоя жизнь?

— Да я что?—Прозябаю.

— Вотъ ужъ тебѣ стыдно такъ говорить. Ты свободный поэтъ и мечтатель, можешь жить, какъ хочешь.

— Я-то могу жить, какъ хочу, но вокругъ меня такая пошлость и грубость, такое непониманiе красоты, что поневолѣ, живя съ людьми, приходится отрѣшиться отъ своихъ боговъ. Глубокой культуры нѣтъ. Что тамъ ни говори, а христiанство обратило вспять теченiе утонченной культуры. Люди забыли красоту и героическiе порывы. Служенiе древнимъ богамъ было прекрасно, а наши обрядности безсмысленны и скучны. Жестокость осталась все та же, что и у язычниковъ, только форма ея измѣнилась. Развѣ наши войны гуманнѣе древнихъ? Идея Божества у народовъ культурныхъ всегда будетъ являться олицетворенiемъ мудрой и могучей силы, а

форма этой идеи во времена Рима и Греціи была прекраснѣе, богаче, давала просторъ творческой фантазіи, рождала источники для созданія неувядаемой красоты. Что и говорить! Я идолопоклонникъ въ душѣ и никогда не умилялся, читая житіе святыхъ, ихъ затворническіе подвиги и отрѣшеніе отъ міра. Кому это надо? Для чего? Чтобы проповѣдовать воздержаніе и презрѣніе къ плоти, любовь къ самоистязанію и къ мученичеству? Это какой-то садизмъ, совершенно чуждый здоровому и сильному организму. Вмѣсто того, чтобы укрѣплять, любить и совершенствовать свое тѣло— христіанство учитъ его уродовать. О, боги Олимпа!!. Ихъ неувядаемая, поэтическая, вдохновляющая красота!

Говоря это, Чагинъ поднялся съ дивана и остановился среди комнаты, поднявъ руки, какъ бы взывая къ невидимымъ божествамъ. Длинная тѣнь отъ его фигуры протянулась по стѣнѣ и потолку; отъ разгорѣвшагося камина въ аломъ полусвѣтѣ комнаты онъ казался неестественно высокъ. Михаилъ, слушавшій его молча, съ интересомъ слѣдилъ за его мыслію и не сразу прервалъ молчаніе.

— Нѣтъ, Саша, ты неправъ. Древніе боги убивали духъ, а христіанство его воскресило и возвысило.

— Въ чемъ же выразилось это его воскрешеніе въ исходѣ двухъ тысячелѣтій? Древніе устраивали красивыя вакханаліи въ честь своихъ боговъ, а мы пьянствуемъ и развратничаемъ грубо и некрасиво; у нихъ для любви были воздвигнуты храмы и любовь возвеличена въ культъ, у насъ—процвѣтаютъ отвратительные дома терпимости, гдѣ личность женщины неизвержена до состоянія скотскаго; мы ее толкаемъ въ эти вертепы, мы ею пользуемся и мы же ее топчемъ въ грязь. Они имѣли рабовъ и распоряжались ихъ жизнью, а мы создали такое положеніе для нашего народа, что его

существованіе не лучше рабскаго. Они любили жизнь и были сильны духомъ, мы ничего не любимъ и идемъ къ вырожденію физическому и духовному.

— Мнѣ трудно спорить съ тобой; ты больше меня и читалъ и думалъ, но я увѣренъ, что ты неправъ... Христіанство смиряетъ человѣка, рождаетъ духовные идеалы... Вотъ, напримѣръ, загробная жизнь: вѣдь ты не вѣришь въ нее?

— Ошибаешься—я вѣрю въ безсмертіе духа, но разумѣется, иначе, чѣмъ вѣришь въ это ты. Ты говоришь о смиреніи, а я тебѣ на это замѣчу, что натура добрая и культурная по природѣ останется такой и въ язычествѣ; человѣка злого, грубаго по натурѣ религія не смягчаетъ. Примѣровъ сколько угодно: Іоаннъ Грозный, не уступавшій Нерону и Калигулѣ, Малюта Скуратовъ, помѣщики, засѣкавшіе своихъ крѣпостныхъ безъ счету; наконецъ, припомни инквизицію съ ея утонченной жестокостью, почитай исторіи пытокъ у всѣхъ христіанскихъ народовъ, наши застѣнки, наши расправы во имя закона... Почитай исторію Франціи и ея утонченный и жестокій развратъ до революціи, и тебѣ станетъ ясно, что человѣчество не подвинулось въ развитіи своего духа. Я знаю, что ты, какъ и вся ваша семья, глубоко вѣрующій; знаю, что ты находишь утѣшеніе въ молитвѣ, ходишь въ церковь и подчиняешься обрядностямъ. Я—въ церковь не хожу, праздниковъ не чту, поповъ органически не выношу и давно перезабылъ всѣ молитвы, а развѣ я ужъ такой скверный человѣкъ, Миша?

Чагинъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на Гуракина добрыми, близорукими глазами. Михаилъ разсмѣялся, не находя словъ для отвѣта, настолько очевидно была его мысль: добрѣе, отзывчивѣе и мягче Чагина трудно было найти.

— Вотъ ты молишься Господу Богу, Божіей Матери, Спасителю, Николаю Чудотворцу, Ангелу Хранителю, празднуешь дни Іоанна Предтечи, Ильинъ день, а я возношу духъ мой только одному Божеству Мудрой Силы. Красотѣ древнихъ божествъ я поклоняюсь какъ эстетъ. Я, знаешь ли, рѣшилъ, что человѣкъ рождается или съ сознаніемъ отвѣтственности своего духа, и тогда онъ стремится къ добру и любви своего ближняго, или же въ немъ отъ рожденія отсутствуетъ это сознаніе, и тогда никто и ничто не въ силахъ обратить его къ понятію о добрѣ. Княгиня Анна Валеріановна только и говоритъ, что о Богѣ и заповѣдяхъ Христа, а я, право, не встрѣчалъ болѣе черствой, холодной и нетерпимой натуры, чѣмъ у нея. Что такое наша религія? Одинъ мундиръ. Давно пора бы все это бросить. Покланяйся кому и какъ хочешь—это не важно... Душу свою сбереги и донеси чистой къ смертному часу—вотъ что надо и что важно.

Чагинъ умолкъ и опять опустился на диванъ рядомъ съ Михаиломъ. Въ комнатѣ было тихо, только дрова потрескивали въ комнатѣ.

— Скажи, Саша, вѣдь, правда, жизнь хороша?— тихо спросилъ Михаилъ, не отводя задумчиваго взгляда съ перебѣгающаго въ каминѣ огня.

— Конечно, хороша! И еще лучше она для тѣхъ, кто умѣетъ жить, не усложняя ее и не коверкая въ угоду людямъ.

— А я-то ее и усложнилъ,—вздохнулъ Михаилъ.— Тебѣ я могу сознаться, что очень меня тяготитъ эта супружеская лямка... главное, это отсутствіе свободы и непрестанный контроль. Ты ужъ, пожалуйста, Саша, поскорѣе выпиши меня въ Петербургъ по дѣламъ спектакля. Я прогощу съ мѣсяцъ и отдохну отъ узъ Ги-

менея. Натали побоится оставить дѣтей и пріѣдетъ только къ спектаклю.

— Изволь, изволь, я сейчасъ же вызову тебя телеграммой, но если ты напроказишь, то знай, что Наталія Георгіевна не проститъ мнѣ этого спектакля и разсорится навсегда. А знаешь ли, эта красивая блондинка—Алина, кажется, хорошая для нашего спектакля находка. Голосъ у нея отличный, фигура и наружность очень сценичны и, мнѣ кажется, она должна хорошо играть.

— Никакихъ тебѣ свѣдѣній о ней дать не могу, такъ какъ лишь недавно она пріѣхала изъ деревни, чтобы провести тутъ зиму; знаю, что она была подругой Натали до замужества, что мужъ ея былъ богатый генералъ, разорился и умеръ, что она витаетъ въ эмпиреяхъ, чего-то жаждетъ, проклинаетъ свою судьбу, выѣзжаетъ мало, но успѣхъ имѣетъ. Натали, кажется, желаетъ ее имѣть въ роли своей повѣренной,—усмѣхнулся Михаилъ.

Въ дружеской бесѣдѣ съ Чагинымъ, Гуракинъ облегчалъ свою душу. Перспектива предстоящей поѣздки въ столицу, гдѣ онъ окунется въ такъ недостающую ему угарную жизнь знакомаго общества,—сообщила ему радостное и игривое настроеніе, и когда послышались голоса вернувшихся изъ театра, онъ, обнявъ Чагина и благодаря его за неизмѣнную дружбу, вышелъ на встрѣчу женѣ веселый и ласковый, забывъ ея дурное настроеніе и желаніе найти предлогъ ссоры съ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней Михаилъ получилъ изъ Петербурга телеграмму, извѣщавшую, что его присутствіе необходимо, такъ какъ должны начаться репетиціи спектакля. Натали была, по выраженію ея мужа, d'une humeur massacrante. Она изыскивала сотни

причинъ и предлоговъ, чтобы заставить мужа отказаться отъ спектакля, но чѣмъ раздражительнѣе она становилась, тѣмъ болѣе спѣшилъ Михаилъ уѣхать. Въ день отъѣзда онъ пошелъ проститься къ Дунайскому. Старикъ принялъ его ласково, просилъ не засиживаться въ Петербургѣ и, узнавъ, что Натали сильно не въ духѣ, обѣщалъ переговорить съ ней. Вслѣдъ за отъѣздомъ Михаила, Натали начала торопить Алину скорѣе ѣхать въ Петербургъ; она написала баронессѣ Кернъ, прося ее ласково принять пріятельницу и перезнакомить со всѣмъ обществомъ.

Алину слегка угнетала мысль о денежномъ одолженіи, которое ей дѣлала Натали, однако, жажда жизни и веселья, которыхъ она со смерти мужа была лишена, заняли въ ея мысляхъ первое мѣсто, и она съ упоеніемъ ѣздила по магазинамъ и модисткамъ, мечтала объ успѣхахъ, подолгу разглядывала себя въ зеркало, оставалась довольна собою и нисколько не заботилась о той роли, которую возлагала на нее Натали. Она мечтала о какой-нибудь блистательной побѣдѣ и, глядя на себя въ зеркало, отражавшее ея гибкую фигуру въ нарядномъ черномъ туалетѣ, въ большой черной шляпѣ съ такими же перьями—нарядъ, предназначенный для первой репетиціи—была увѣрена, что побѣдитъ кого захочетъ. Алина была изъ тѣхъ женщинъ, психика которыхъ зависѣла исключительно отъ сознанія своихъ чаръ, которыя, въ свою очередь, получали полный расцвѣтъ и силу не иначе какъ въ соотвѣтствующей оболочкѣ: чѣмъ изысканнѣе туалетъ,—тѣмъ сознаніе силы собственныхъ чаръ прочнѣе, тѣмъ увѣреннѣе пользованіе этими чарами. Алина была неузнаваема: она похорошѣла, состояніе взвинченности сообщало новый блескъ ея глазамъ, улыбка не сходила съ устъ. Она

чувствовала себя обаятельной и оттого еще больше хорошѣла.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда мужа Натали получила отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ ее переговорить съ Моисеемъ Борисовичемъ по поводу нѣкоторой суммы денегъ, необходимой ему для приличнаго пребыванія въ столицѣ, гдѣ предвидѣлись немалые расходы. Михаилъ не написалъ женѣ, что его бабка Гуракина, зная, чего стоятъ великосвѣтскія забавы, въ первый же день встрѣчи съ нимъ подарила ему тысячу рублей. Натали призвала Моисея Борисовича и просила его достать сумму вдвое болѣе той, что писалъ мужъ: надо было поскорѣе вручить деньги Алинѣ, чтобы не задерживать ея отъѣздъ. Моисей Борисовичъ, какъ всегда, молча выслушалъ просьбу Натали и деньги достать обѣщалъ. Не прошло и двухъ дней, какъ указанная ему сумма была въ рукахъ Натали. Алина, нарядная и оживленная, сопровождаемая просьбами подруги писать ей какъ можно чаще и подробнѣе, уѣхала въ Петербургъ, чтобы окунуться въ жизнь, о которой она столько лѣтъ тосковала и мечтала.

VI.

Первая репетиція была назначена въ домѣ баронессы Шельманъ, всѣми признанной красавицы, не щадившей ни своей, ни чужой репутаціи. Распорядителемъ и режиссеромъ спектакля—всѣми любимымъ «Сашà» Чагинымъ было воспрещено являться кому бы то ни было сверхъ участвующихъ. Исключеніе было сдѣлано, по желанію герцогини, для очень небольшого числа лицъ. Къ девяти часамъ всѣ должны были собраться, однако, было уже половина десятаго, а пріѣхало не болѣе пяти-шести человѣкъ. Чагинъ, поми-

нутно вынимая большой золотой хронометръ, близко поднося его къ близорукимъ глазамъ, неодобрительно качалъ гладко расчесанной на проборъ маленькой головой, отмѣряя громадными шагами гостиную и залъ, заглядывалъ въ переднюю и видимо начиналъ волноваться. Хозяйка дома, кокетливо кутаясь въ бѣлую мѣховую пелеринку, то поддразнивала, то ласкала его.

— Сашà, voulez-vous rester tranquille dix minutes? Сядьте подлѣ меня и разскажите, отчего у васъ стали ноги еще длиннѣе и худѣе... Кромѣ шутокъ, присядьте здѣсь. Если вы будете избѣгать меня, то я начну вѣрить тому, что мнѣ кажется...

Баронесса лукаво смѣялась, глядя исподлобья на Чагина, остановившагося передъ ней.

— Что же вамъ кажется, chère baronne? Я не такъ довѣрчивъ, какъ prince Alexis, et on ne me taquine pas aussi facilement.

— Значитъ, вы не сдаетесь, cher Сашà?

— Не сдаюсь...

— Прекрасно. Donc vous êtes invulnérable?

— Je le suis.

— Я знаю почему!—баронесса звонко разсмѣялась, пряча лицо въ мѣхъ до самыхъ глазъ, блестѣвшихъ шаловливымъ и задорнымъ весельемъ.—Зачѣмъ вы ѣздили въ Москву, mauvais garnement?

— Mais vous le savez aussi bien que moi: звать Мишеля Гуракина для участія въ нашемъ спектаклѣ.

— Это можно было сдѣлать по почтѣ... А какъ поживаетъ la belle Pachette Рыхловъ?

Баронесса въ упоръ посмотрѣла на Чагина, лицо котораго на одно едва уловимое мгновеніе чуть-чуть покрылось краской. Онъ снялъ пенснэ, опять надѣлъ его и молчалъ, будто не находя отвѣта.

— Vous êtes méchante et indiscrète et je ne vous

aime plus,—наконецъ проговорилъ онъ, собираясь отойти.

— Сашà, вы обидѣлись? Ну, помиримтесь; будемте добрыми друзьями. Вотъ вамъ обѣ руки для поцѣлуя... Вотъ такъ! Нечего было обижаться: on dit que c'est de la dernière mode...

— Вы опять начинаете?

— Не буду, клянусь вамъ глазами de la belle Pachette, что не буду...

Въ это время одинъ за другимъ стали съѣзжаться запоздавшіе участники спектакля. Гостиная быстро наполнялась оживленной публикой. Мелькали сюртуки и фраки, у всѣхъ въ рукахъ были свернутые въ трубочку листки ролей. Чагинъ суетился, его рвали на части. Баронесса Кернъ пріѣхала вмѣстѣ съ Алинъ, вслѣдъ за ними—Мишель съ красивымъ молодымъ свитскимъ генераломъ, у котораго онъ только что обѣдалъ. Генералъ былъ баловнемъ дамъ и судьбы. Его звали Борисъ Алексѣевичъ, но въ высшемъ свѣтѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ prince Bibiche. Репутація неотразимаго ловеласа вкоренилась за нимъ такъ сильно, что стоило ему протанцовать съ дамой лишній туръ вальса, какъ за спиной этой дамы общество обмѣнивалось многозначительными улыбками, и на другой день салоны облетала сплетня о новой побѣдѣ князя Бибишъ.

Въ залѣ все было приготовлено для репетиціи и ждали только пріѣзда герцогини. Лакеи разносили на подносахъ чай, фрукты и конфекты. Въ гостиной и залѣ стоялъ гулъ громкаго смѣха и блестящей французской рѣчи.

— Ecoute, mon vieux,—обратился князь Бибишъ къ Михаилу Гуракину, отводя его въ сторону отъ небольшой группы дамъ и кавалеровъ, съ которыми

Мишель оживленно болталъ,—qui est cette belle blonde aux yeux passionnés?

— Право, не знаю...—разсѣянно отвѣтилъ Михаилъ, продолжая однимъ ухомъ слѣдить за прерваннымъ разговоромъ.

— Какъ не знаешь? Я самъ видѣлъ, какъ она десять минутъ тому назадъ сняла перчатки и дала ихъ тебѣ спрятать.

— Ахъ, ты про эту спрашиваешь! Это пріятельница моей жены.

Михаилъ назвалъ имя и фамилію Алины.

— Mariée?

— Elle est veuve.

— А-а-а!—одобрительно протянулъ генералъ,—пожалуйста, представь меня ей при первой возможности.

Алина разговаривала въ это время съ Чагинымъ, который, согнувъ чуть ни пополамъ свою высокую и худую фигуру, на скорую руку указывалъ купюры роли. Она внимательно слѣдила за указаніями Чагина и въ то же время отъ нея не ускользнулъ направленный въ ея сторону пристальный взглядъ красиваго свитскаго генерала; она слегка покраснѣла и поняла, что генералъ говорилъ съ Михаиломъ о ней. Женское чутье подсказало, что князь Бибишъ любуется ею. Она подняла голову и будто случайно бросила въ сторону наблюдавшаго за ней князя ласковый и искристый взглядъ.

— Ça y est...—играя глазами, сказалъ про себя блестящій генералъ.

— ...Вотъ оно... Вотъ оно... Наконецъ!..—съ бьющимся сердцемъ подумала Алинъ; глаза ея блеснули, нѣжный румянецъ живѣе заигралъ на молочно-матовомъ овалѣ лица, и она стала еще интереснѣе.

— Какъ же это васъ жена отпустила, Мишелинь-

ка?—спрашивала въ это время Нелли Гарина Михаила,—я держала пари, что она васъ не отпуститъ, и проиграла Матлину и князю Бибишъ по двѣ бутылки шампанскаго. Пріѣзжайте завтра обѣдать,—мы ихъ разопьемъ. Вы, Мишелинька, чертовски похорошѣли, и я зла на Чагина, что онъ вашей партнершей сдѣлалъ не меня, а эту сногсшибательную блондинку. За это я оттаскаю его за длинный носъ, и если замѣчу, что вы съ ней кокетничаете, то сейчасъ же насплетничаю вашей Натали.

— Нѣтъ ужъ, Нелли Ивановна, что хотите, но только не это. Увольте, дайте подышать на свободѣ столичнымъ воздухомъ.

— А-а, взмолились, Мишелинька!.. Ну, такъ и быть, проказничайте, но только не по секрету отъ меня.

Въ это время лакей доложилъ, что пріѣхала герцогиня. Хозяйка дома пошла ей на встрѣчу.

Чагинъ просилъ не задерживать начала спектакля и сталъ отгораживать стульями часть зала, предназначеннаго для репетиціи.

Герцогиня, уже о чемъ-то смѣясь и весело разговаривая съ хозяйкой дома, быстрой и легкой походкой вошла въ залъ. Здороваясь со всѣми, она быстрымъ и неуловимымъ взглядомъ окинула комнату и что-то дрогнуло въ ея лицѣ.

— Если всѣ пріѣхали, то можно начать репетицію,—произнесла герцогиня.

— Кромѣ Волынскаго, всѣ налицо,—отвѣтила баронесса Шельманъ,—онъ прислалъ сказать, что немного запоздаетъ.

Лицо герцогини прояснилось.

— Такъ какъ онъ не актеръ, а только зритель, то мы его ждать не будемъ,—замѣтилъ Чагинъ и захлопалъ въ ладоши.

— Господа, пожалуйте на сцену. Князь, прошу васъ,—обратился онъ къ князю Бибишъ,—Нелли Ивановна, вамъ начинать. Гдѣ суфлеръ?.. Прошу васъ. Messieurs et mesdames, un peu de silence. Мы начинаемъ.

Репетиція началась. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, сказанныхъ Гариной и княземъ Бибишъ на сценѣ, всѣ умолкли и съ интересомъ слѣдили за дѣйствующими лицами, взявшими вѣрный тонъ. Чагинъ нѣсколько разъ прерывалъ репетицію, указывая мѣста и прося повторить.

Пьеса была прорепетирована живо и весело.

— Charmant!.. Très bien, très bien,—говорила герцогиня, пожимая руку Гариной,—но отчего бы не вставить morceau de musique? У васъ такой чудный голосъ, Нелли Ивановна; что-нибудь цыганское... Что вы на это скажете, monsieur le régisseur?

— Я думаю, ваша свѣтлость, что пьеса очень выиграетъ, если Нелли Ивановна согласится спѣть. Вставить будетъ очень удобно. Аккомпанементъ за сценой...

Гарина сейчасъ же для выбора спѣла нѣсколько цыганскихъ романсовъ. Низкій контръ-альтовый голосъ красавицы наполнилъ теплыми бархатными нотами большой залъ. Апплодировали, спорили, выбирали романсъ. Въ это время вошелъ Волынскій. Когда онъ подходилъ къ герцогинѣ, она на секунду бросила на него горячій взглядъ.

— Наконецъ-то!..—прошептала она въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку. —Мишель Гуракинъ здѣсь. Vous a-t-on prévenu? — скороговоркой добавила она, и Волынскій почувствовалъ крѣпкое и нѣжное пожатіе.

Михаилъ Гуракинъ и Волынскій поклонились другъ другу, какъ мало знакомые люди, безъ малѣйшей аффектаціи. Наканунѣ баронесса Кернъ заѣзжала къ Во-

лынскому и предупредила о предстоящей встрѣчѣ съ Гуракинымъ.

— En quoi peut-il me gêner, ce Гуракинъ, une fois qu'il est le mari de Натали,—спокойно пожалъ плечами Волынскій.

Послѣ развода, проведя годъ за границей, онъ вернулся помолодѣвшимъ, еще болѣе интереснымъ и непроницаемымъ для дамъ. Весь этотъ сезонъ его часто видѣли подлѣ герцогини, но никто не могъ отгадать, что чувствуетъ онъ къ ней. Герцогиня подчеркивала свое къ нему вниманіе; безъ него ей казались скучными балы и вечера. Все свое неистощимое кокетство она сосредоточивала на немъ. Волынскій, какъ бы исполняя долгъ истиннаго царедворца, отгадывалъ всѣ ея желанія, былъ подлѣ нея, когда она этого желала, но оставался спокойнымъ и ровнымъ въ обращеніи съ ней. Чѣмъ спокойнѣе былъ онъ, тѣмъ болѣе нервной и возбужденной становилась она. Подъ полузакрытыми вѣками онъ умѣлъ маскировать свой взглядъ, когда слѣдилъ за ея классически-прекрасной фигурой въ бальномъ залѣ. Онъ хотѣлъ и ждалъ ея любви, а не скоропроходящаго увлеченія, взвѣшивалъ каждое ея слово и взглядъ и ревниво оберегалъ и скрывалъ свое чувство до того часа, когда, увѣренный въ ней, онъ откроетъ ей свое сердце.

Теперь на сценѣ была Алина. Двухъ-актная французская пьеса начиналась бравурнымъ пѣніемъ. Ея сочный, хорошо обработанный голосъ лился звучными и полными волнами...

— Браво, браво!..—послышались одобрительные возгласы.

— Très belle voix,—вполголоса произнесъ Волынскій, обращаясь къ рядомъ сидѣвшей съ нимъ баронессѣ Кернъ.

— Elle est bien jolie,—также тихо отвѣчала баронесса.

— Она вамъ нравится?—спросила герцогиня, слышавшая его замѣчаніе.

— Я съ ней не сказалъ и двухъ словъ, mais de vue elle me parait très bien: въ ней есть что-то особенное, я бы сказалъ типъ настоящей лэди.

Герцогиня, которой Алина была только что представлена, сразу оцѣнила ее, какъ интересную женщину; теперь же, послѣ замѣчанія Волынскаго, она принялась ее внимательно разсматривать въ золотой лорнетъ.

— ...J'effeuillerais les roses sous tes pas, et je mourrais si c'était ton envie...—пѣла въ это время Алина и, будто невзначай, ея глаза съ поволокой остановились на князѣ Бибишъ.

Князь стоялъ въ концѣ зала, облокотясь о колонну. Онъ зналъ наперечетъ всѣхъ красивыхъ дамъ петербургскаго свѣта и всѣхъ кокотокъ; Алина, какъ интересная новинка, его живо заинтересовала. Онъ еще не былъ ей представленъ, но чувствовалъ, что невидимая нить протянулась отъ него къ ней. Отыскавъ глазами Гарину, сидѣвшую въ сторонѣ съ Матлинымъ, и стараясь не звенѣть шпорами, князь осторожно обошелъ залъ за колоннами и нагнулся къ самому ея уху:

— Нелли Ивановна, у меня къ вамъ просьба..

— Ахъ, сумасшедшій... Вотъ испугалъ...

Гарина тихонько вскрикнула и залилась смѣхомъ, пряча лицо въ соболью муфту и стараясь заглушить смѣхъ.

— Нелли Ивановна, вы исполните?

— Говорите, въ чемъ дѣло, неотразимый ловеласъ.

— Послушайте, я васъ очень прошу, позовите завтра къ себѣ обѣдать cette belle blonde.

— Какъ?.. Уже?.. Нѣтъ, mon général, вы просто невозможны. Едва увидѣлъ...

— ...И влюбился,—подсказалъ князь.

— Знаю я ваше—влюбился. Грѣхопаденіе и ничего больше. Извольте, позову, но съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда ѣхать на тройкахъ къ цыганамъ. Идетъ?

— Ваше желаніе—законъ. Все будетъ приготовлено. Vous êtes une vraie amie; дайте поцѣловать вашу ручку.

Предвкушая удовольствіе слѣдующаго дня, князь Бибишъ мысленно составлялъ планъ романической компаніи и, вставивъ монокль, внимательно, по всѣмъ статьямъ, оцѣнивалъ движущуюся по сценѣ Алину.

Послѣ репетиціи, закончившейся очень поздно, гостей просили въ столовую. Баронесса Шельманъ была чуткой хозяйкой дома и отгадывала съ одного взгляда, что нравилось ея гостямъ. Она умѣла такъ разсаживать за столомъ, что сосѣди всегда оставались довольны другъ другомъ. Герцогиня имѣла своимъ сосѣдомъ Волынскаго, Гарина—лысаго и тонкаго дипломата, увѣрявшаго ее, и не безъ основанія, que l'Espagne et l'Italie n'ont jamais été le berceau d'une beauté pareille à la sienne. Сосѣдомъ Алины оказался князь Бибишъ; подлѣ хозяйки сидѣлъ Михаилъ Гуракинъ, находившійся съ самаго пріѣзда своего изъ Москвы подъ ея чарами. Какъ бываетъ на всѣхъ любительскихъ репетиціяхъ, настроеніе царило самое оживленное. Свободное общеніе на сценѣ переносилось въ гостиную, вино, обильно подливаемое, поддерживало и подогрѣвало настроеніе. Когда встали изъ-за стола, было очень поздно, но хозяйка дома велѣла перенести вино, ликеры и кофе въ гостиную и залъ, и гости, не замѣчая поздняго времени, продолжали веселиться. Михаилъ, слегка подкутившій,

наотрѣзъ отказался сѣсть къ роялю, чтобы аккомпанировать Алинѣ, увѣряя, что ни секунды не въ силахъ прожить вдали отъ баронессы. Между тѣмъ всѣ настойчиво просили Алину пѣть, избѣгавшую въ большомъ обществѣ самой себѣ аккомпанировать. Волынскій поднялся со своего мѣста, подошелъ къ Алинѣ, съ поклономъ предложилъ ей руку и подвелъ къ роялю.

— Браво!.. Браво!..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Никто не ожидалъ, что Волынскій сядетъ за рояль, такъ какъ онъ никогда и никому не аккомпанировалъ, хотя многіе знали, что онъ былъ недурной музыкантъ. Алина, польщенная вниманіемъ блестящаго сановника, взволнованная виномъ и успѣхомъ, пѣла отлично. Послѣ перваго же романса къ ней присоединилась Гарина, и онѣ спѣли нѣсколько дуэтовъ. Подъ звуки красивыхъ голосовъ и страстныхъ мотивовъ въ отдаленныхъ уголкахъ гостиной тихо перешептывались пары. Герцогиня не спускала золотого лорнета съ Волынскаго и Алины. Чувство непреодолимой ревности овладѣло ею, и она дѣлала усиліе, чтобы подъ маской дѣланной улыбки скрыть накипавшія слезы. Первый разъ въ жизни она испытывала это унизительное чувство, первый разъ въ жизни кто-то оставался глухъ къ ея чувству и намѣренно не понималъ ея желаній. Она—привыкшая, чтобъ ея улыбку считали за счастье, привыкшая мучить, заставлять страдать и сгорать отъ ревности, она томится сама и ждетъ каждой новой встрѣчи. Два года тому назадъ послѣ разговора съ Волынскимъ о разводѣ она была такъ увѣрена въ побѣдѣ, но склоненная въ почтительномъ поклонѣ голова обаятельнаго царедворца не склонялась ниже поклона и добиться, что онъ чувствовалъ и что думалъ—герцогиня не могла. Теперь, смущенная необычной го-

товностью Волынскаго сѣсть за рояль, она съ учащенно бьющимся сердцемъ слѣдила за каждымъ его жестомъ и взглядомъ. Она видѣла, какъ онъ, перебирая ноты, о чемъ-то говорилъ съ Алиной и, казалось ей, улыбался ей той особенной улыбкой, которая, онъ зналъ, притягивала къ нему... Потомъ, что-то тихо наигрывая одной рукой, онъ смотрѣлъ на Алину въ то время, какъ она, звонко смѣясь, что-то ему разсказывала.

«...Онъ забылъ обо мнѣ... Забылъ, что я существую...»—думала герцогиня, не слыша того, что въ эту минуту говорила ей баронесса Кернъ.

— Je crois que Павликъ est en train de lui faire la cour,—вдругъ разслышала герцогиня слова баронессы,—et réellement elle est bien jolie et pleine de talents.

— Развѣ monsieur Волынскій способенъ на увлеченіе?..

Герцогиня дѣлала усиліе, чтобы казаться спокойной.

— Avec ces hommes, votre altesse, on ne sait jamais rien...

Послѣ пѣнія, гусаръ Матлинъ декламировалъ комическіе стихи. Свѣчи въ канделябрахъ стали гаснуть, когда гости поднялись со своихъ мѣстъ. Князь Бибишъ просилъ у Алины разрѣшенія довезти ее въ своей каретѣ.

— Ахъ, Боже мой, но гдѣ же мои перчатки?—заторопилась она,—я ихъ сняла и не помню куда сунула.

— Съ момента вашего появленія я не спускалъ съ васъ глазъ и видѣлъ, что вы ихъ дали на храненіе Гуракину, за что я васъ къ нему ревную,—вполголоса договорилъ князь.

Алина разсмѣялась и пошла разыскивать Мишеля. Ни въ залѣ, ни въ гостиной его не было. Она быстро

вбѣжала въ маленькую угловую китайскую комнату и, какъ ужаленная, отшатнулась за портьеру: Михаилъ, стоя на колѣняхъ, нѣжно цѣловалъ хозяйку дома, въ небрежной позѣ раскинувшуюся на низенькомъ диванчикѣ. Михаилъ стоялъ лицомъ къ двери и, хотя въ комнатѣ царилъ полумракъ, но онъ видѣлъ, что вошедшая была Алина. Баронесса Шельманъ въ угарѣ поцѣлуевъ не разслышала шаговъ, заглушенныхъ мягкими коврами. Алина уѣхала безъ перчатокъ. Князь Бибишь боялся, что онъ простудитъ руки, и всю дорогу согрѣвалъ ихъ поцѣлуями. Алина чувствовала себя, какъ въ волшебномъ снѣ. Недѣля, проведенная въ Петербургѣ, пролетѣла какъ одинъ день. Визиты, туалеты, новыя знакомства поглотили все ея вниманіе. Она была занята одной собой, съ Михаиломъ видѣлась вскользь и не только не заботилась увлечь его, но даже и думать о немъ забыла. Она была счастлива окунуться въ радости жизни, и ей ни до кого и ни до чего не было дѣла. На письма Натали, полныя тревожныхъ вопросовъ, она отвѣчала короткими записками, что все обстоитъ благополучно, что Мишель большую часть времени проводитъ у своей бабки или у князя Алексѣя.

Она отлично знала, что Гуракинъ ежедневно или кутилъ съ товарищами въ ресторанахъ, или разъѣзжалъ на балы и обѣды, куда его звали на-расхватъ. Усталая и счастливая, Алина легла спать, радуясь тому, что завтра ее ожидалъ интересный обѣдъ у Гариной, гдѣ она опять встрѣтится съ княземъ Бибишъ. Засыпая, она вспомнила сцену въ китайской гостиной и сквозь сонъ засмѣялась.

«..Вотъ, если бы Натали узнала...—мелькнуло у нея,—съ ума бы сошла. Нельзя такого красавца мужа держать на привязи. А этотъ Волынскій тоже очень

интересенъ... Князь лучше... Влюбленъ или только замѣтилъ, что я имъ интересуюсь?.. Ахъ, какъ хорошо, какое счастіе!.. Завтра надѣну платье mauve; оно очень идетъ ко мнѣ... Въ обтяжку и плечи открыты... Что за красавица эта Гарина!.. А герцогиня какъ сложена... А я? Князь увѣряетъ, что у меня глаза томные и страстные... Vous êtes d'un chic parisien,—сказалъ онъ... Милый князь... Онъ мнѣ нравится безумно... Я влюблена... «Si tu m'aimais... Si l'ombre de ma vie...»

Мысли Алины стали путаться, и она заснула, окутанная яркими мечтами о радостяхъ жизни и любви.

Когда герцогиня прощалась въ гостиной баронессы съ Волынскимъ, ея лицо было слегка блѣдно.

— Вы чувствуете себя хорошо, ваша свѣтлость? Вы блѣдны...—спросилъ ее Волынскій по-французски.

— Не совсѣмъ хорошо,—отвѣтила она.

Всегда жизнерадостные глаза были печальны. Волынскій участливо предложилъ ей руку и просилъ разрѣшенія сопровождать ее. Онъ отлично зналъ женскую психологію. Любезность, оказанная Алинѣ, была имъ сдѣлана съ расчетомъ. Отъ него не ускользнула скрытая ревность герцогини, и онъ торжествовалъ. Ему хотѣлось съ горячей благодарностью цѣловать ея похолодѣвшія руки, но пока онъ продолжалъ быть сдержаннымъ.

— Вы слишкомъ переутомляетесь, ваша свѣтлость,—заговорилъ Волынскій по обыкновенію по-французски, едва они сѣли въ карету.—Вы поздно ложитесь, это разстраиваетъ ваше здоровье.

— Вы ошибаетесь,—я здорова.

— Но отчего же вы стали такъ блѣдны и такъ грустны?

Герцогиня молчала. Ей хотѣлось плакать. Нервы были натянуты и, боясь выдать себя, она молчала.

— Вы не хотите мнѣ отвѣчать?.. Je vous demande pardon pour l'indiscrétion, votre altesse.

— Ахъ, нѣтъ... Не извиняйтесь. Je me sens triste, triste, triste... Но что вамъ за дѣло до меня... Моя внутренняя жизнь вамъ чужда... Вы такъ заняты собой и другими...

— Я?!—тихо переспросилъ Волынскій. Онъ нагнулся къ ней и, осторожно беря ея руку, нѣжно поцѣловалъ ее.—«J'effeuillerais les roses sous tes pas...»—выразительнымъ шопотомъ повторилъ онъ слова только что слышаннаго романса.

— Vous?.. Les roses sous mes pas?!

Герцогиня быстро обернулась къ нему и нѣсколько секундъ смотрѣла какъ будто бы испуганными широко-открытыми глазами.

— Повторите, повторите... Я не вѣрю...

— «Si tu m'aimais...»—еще тише произнесъ Волынскій.

— Mais je vous aime...—сорвалось съ устъ герцогини горячее признаніе.

— Pour la vie? Pour toujours?—спросилъ Волынскій, крѣпко сжимая маленькія руки и пристально глядя въ глаза.

— Pour la vie...—страстно отвѣтила она, и слезы закапали изъ ея глазъ.

Карета подъѣхала къ дворцу, и лакей распахнулъ дверцу.

— До завтра?—спросила герцогиня.

— До завтра et... pour la vie...—отвѣтилъ Волынскій, горячо цѣлуя протянутую ему на всю жизнь руку.

VII.

Былъ двѣнадцатый часъ, когда на другое утро Алина, умывшись, съ распущенными до пояса волосами, въ бѣломъ капотѣ съ разрѣзными до плечъ широкими рукавами и голубыми бантами, велѣла подать себѣ утренній кофе. Она занимала двѣ комнаты въ одной изъ лучшихъ гостиницъ въ центрѣ города. Просматривая поданныя ей газеты, она потягивалась и зѣвала. До обѣда Гариной предстояло нѣсколько интересныхъ визитовъ.

«Надѣну сѣрое стальное и черную шляпу съ плюмажемъ... Передъ обѣдомъ заѣду переодѣться въ платье mauve... Парикмахеру надо дать знать...»—мелькали у нея мысли.

Въ это время постучали въ дверь.

— Войдите.

Алина думала, что это горничная. На порогѣ стоялъ Михаилъ Гуракинъ.

— Я въ такомъ туалетѣ...—слегка смутилась она,— да ужъ все равно входите, Михаилъ Владиміровичъ. Quel bon vent vous amène? Что вы такой сердитый? не выспались? А я отлично спала.

Михаилъ, насупивъ брови, сѣлъ на указанное ему мѣсто:

— Вы что же это: только что встали?

— Конечно. А вы-то сами? Довольно посмотрѣть на ваше лицо; видно, что едва съ кровати соскочилъ, оттого и сердитый,—засмѣялась Алина.

— Я сердитъ потому, что плохо спалъ.

— Бѣдненькій!

— Послушайте, Александра Васильевна, я къ вамъ, собственно говоря, по дѣлу,—перебилъ ее Михаилъ.

— Очень жаль—я совершенно не способна теперь ни на какія дѣла.

— Я ненадолго. Курить можно?

— Курите и поскорѣе о дѣлахъ; есть многое поинтереснѣе дѣлъ.

— Скажите, Александра Васильевна, вы сегодня писали Натали?

— Нѣтъ, не писала.

— Будете писать?

— Конечно, буду. Не сегодня, такъ завтра. А въ чемъ дѣло?

— О чемъ же вы будете ей писать?

— Господи, вотъ пристали! Да мало ли о чемъ...

— Гм...

Гуракинъ, поднявшись съ мѣста, сталъ нервно теребить усы.

— Voyons, cher ami, quelle mouche vous a piqué. Говорите толкомъ.

— Послушайте, Александра Васильевна, я знаю, что вы очень откровенны съ Натали, что она непремѣнно желала вашего участія въ этомъ спектаклѣ и что вамъ порученъ надзоръ за мной. Если бы не вчерашній случай въ китайской комнатѣ, я бы продолжалъ дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю и не подозрѣваю. Баронесса Шельманъ не предполагала, что, имѣя дѣло со мной, она зависитъ въ то же время отъ васъ и отъ вашего благосклоннаго участія въ моей судьбѣ. И вотъ я пріѣхалъ сказать вамъ, что если вы напишете Натали о томъ, что видѣли вчера, то я...

— Молчать, сейчасъ же извольте замолчать... Какъ вы смѣете! Какъ вы можете говорить мнѣ подобныя вещи...—неожиданно раздался гнѣвный окрикъ Алины.

По мѣрѣ того, какъ высказывался Михаилъ, глаза ея темнѣли отъ гнѣва, и она то краснѣла, то блѣд-

нѣла. При послѣднихъ его словахъ она вскочила съ мѣста и ударила кулакомъ по столу. Серебряный подносъ со стаканомъ допитаго кофе зазвенѣлъ, ложка упала. Алина отбросила ее кончикомъ туфли. Михаилъ, неожиданно прерванный на полусловѣ, удивленно поднявъ брови, смотрѣлъ на Алину...

— ...Надо самому быть мерзкимъ человѣкомъ, чтобы подозрѣвать меня въ такой низости. Кто вамъ далъ право такъ говорить со мной? Вы думаете, что я вамъ это позволю? Никому не позволю? Я васъ больше знать не хочу... Или нѣтъ... Подождите...

Алина бросилась къ туалету, достала изъ ящика карманный портфель, и, дрожащими пальцами вытаскивая изъ него сторублевыя бумажки, начала ихъ швырять въ сторону Гуракина.

Деньги падали на столъ и на полъ у его ногъ.

— Вотъ вамъ деньги Натали...—прерывающимся голосомъ, задыхаясь отъ подступившихъ слезъ, кричала Алина,—можете ихъ брать, я своей совѣсти не продаю. И это... И это... И это можете брать... Мнѣ ничего не надо, если вы смѣете подозрѣвать меня...

Теперь въ сторону Михаила летѣли картонки, которыя на-лету раскрывались, и изъ нихъ падали нарядныя шляпы, ленты, кружева. Алина впала въ какое-то дикое неистовство. Она открыла шкапъ и, злобно хватая шелковыя платья, швыряла ихъ на полъ къ ногамъ Гуракина. Слезы лились по блѣдному лицу не искажая его, громкія рыданія вырывались изъ груди, длинные волоса спутались и падали на лобъ.

— Александра Васильевна... Ради Бога успокойтесь. Простите, если я ошибся... Ей-Богу же я не зналъ... Не хотѣлъ... Какое мнѣ дѣло до денежныхъ одолженій, которыя вамъ дѣлаетъ моя жена. И я и не предполагалъ, чтобы вы...

— Лжете! Именно вы предполагали, что Натали мнѣ заплатила за роль шпіона. Это подлость и низость такъ унижать меня! Я знать васъ не хочу... Проклинаю этотъ вашъ спектакль. Не хочу, не буду участвовать въ немъ... Ни за что!.. Ни за милліоны!.. Съ вечернимъ же поѣздомъ уѣду въ деревню...

Михаилъ совершенно растерялся. Алина не давала ему сказать и двухъ словъ. Она бросилась на диванъ, уткнула лицо въ подушки и громко и неудержимо плакала. Тщетно Гуракинъ старался ее успокоить. Онъ хотѣлъ взять ея руку,—она вырвала ее съ силой и еще громче зарыдала.

— Вы не можете уѣхать, Александра Васильевна, это немыслимо. Все налажено... Чагинъ съ ума сойдетъ, герцогиня будетъ недовольна.

— Къ чорту мнѣ ваши Чагины и герцогини... Никого не хочу... Уѣду... Уѣду...

Гуракинъ чувствовалъ себя совсѣмъ смущеннымъ. Молча онъ смотрѣлъ на плачущую Алину. Она лежала на низкомъ диванѣ, золотые волосы падали на коверъ, стройное тѣло содрогалось отъ рыданій. Вдругъ она подняла голову. Лицо ея выражало горе и было красиво.

— Убирайтесь вонъ... Не смѣйте тутъ оставаться...— сквозь слезы проговорила она и опять упала на подушки.

— Какъ это я не замѣчалъ, что она такая красивая и интересная,—подумалъ Михаилъ, осторожно ступая по ковру, чтобы не задѣть разбросанныхъ шляпъ, платьевъ, перьевъ и лентъ. Онъ рѣшилъ сейчасъ же проѣхать къ Чагину, такъ какъ зналъ, что только Чагинъ съ его мягкимъ характеромъ и доброй душой сумѣетъ уговорить обиженную Алину. Съ той минуты, какъ ушелъ Гуракинъ, она продолжала

лежать все въ той же позѣ безнадежнаго отчаянія. Горькія и обидныя мысли смѣнялись одна другой. Еще утромъ ей казалось, что она стоитъ на порогѣ какого-то новаго и большого счастья, въ которомъ отражалось лицо блестящаго свитскаго генерала; теперь же все померкло и стало попрежнему сѣро и безнадежно тоскливо. Вечеромъ она должна оставить этотъ шумный, веселый городъ, чтобы опять очутиться въ глухой деревнѣ, читать по вечерамъ житія святыхъ старой и глупой теткѣ, съ одинокой свѣчей въ рукахъ осматривать всѣ двери и ставни послѣ ранняго ужина, утромъ, накинувъ на плечи ватную теткину кацавейку, бѣжать въ кладовую, чтобы считать яйца, отмѣрять масло, творогъ и сливки... О, какъ противно все это вспомнить и какъ быстро опять надвинулись на нее эти унылыя картины, въ которыхъ нѣтъ мѣста улыбающемуся образу кокетливой Алинъ, затянутой въ платье цвѣта mauve, съ открытыми плечами и нѣжными оголенными руками! Нѣтъ мѣста и фатоватому князю Бибишъ съ фамильнымъ перстнемъ на выхоленной рукѣ и блестящей грассирующей французской рѣчью.. И нѣтъ больше надежды, что эти обаятельныя картины могутъ войти въ ея жизнь, сдѣлаться привычными волей капризной, улыбавшейся ей судьбы. Она должна уѣхать съ вечернимъ поѣздомъ... А впереди ее ждали такіе блестящіе дни успѣха! Ея роль, ея чудная роль, кокетливая и зажигательная.. Остановившіяся на время слезы потекли съ новой силой. Алина слышала, какъ два раза постучали въ дверь, какъ осторожно она открылась и кто-то вошелъ, но продолжала неподвижно лежать. Чагинъ, стоя у порога со шляпой въ рукѣ и щурясь сквозь пенснэ, съ изумленіемъ разглядывалъ разбросанныя по полу платья, шляпки и деньги.

— Разрѣшите войти, Александра Васильевна; мнѣ необходимо васъ видѣть,—проговорилъ онъ, не разглядѣвъ близорукими глазами лежащую на диванѣ Алину.

— Войдите... Но у меня тутъ хаосъ,—упавшимъ голосомъ отозвалась она, подымаясь съ подушекъ и откидывая съ заплаканнаго лица пряди спутанныхъ волосъ.

— Chère petite Suzanne, въ какомъ видѣ я васъ застаю,—протягивая руку Алинѣ и называя ее именемъ роли, ласково заговорилъ Чагинъ.—Развѣ такіе свѣтлые голубые глаза должны ронять слезы! И ручки совсѣмъ холодныя. Soyez bonne, considérez-moi comme votre ami, позвольте мнѣ сѣсть вотъ тутъ, поближе къ вамъ. Я пріѣхалъ отъ имени Гуракина.

— Не говорите мнѣ о немъ... Это мерзкій человѣкъ.

— Вѣрьте мнѣ, я знаю его съ дѣтскихъ лѣтъ, у него прекраснѣйшая душа. Онъ мнѣ все разсказалъ и готовъ теперь на колѣняхъ вымаливать у васъ прощеніе. Онъ только что сознался мнѣ, что совершенно не зналъ и не понималъ васъ до сегодняшняго дня. Простите его. Онъ въ отчаяніи, что такъ оскорбилъ васъ, и умоляетъ васъ не уѣзжать, ничего не измѣнять, не лишать насъ вашего таланта и вашего милаго общества, а если вы прикажете, то онъ самъ сегодня же подъ какимъ-нибудь предлогомъ уѣдетъ въ Москву.

— Для чего же ему уѣзжать? Пусть веселится, я не хочу никому мѣшать. Уѣду я... Я ужъ рѣшила...

Чагинъ, успокаивая и отвлекая горькія мысли обиды, мало-по-малу добился того, что Алина могла хладнокровно слушать и говорить. Душевное отношеніе и сердечныя слова Чагина, наконецъ, привели къ тому, что Алина позволила Гуракину пріѣхать для объясненія

и обѣщала не уѣзжать. При этомъ обѣщаніи въ воображеніи ея мелькнули улыбающіеся глаза князя Бибишъ, и ей стало сразу легче на душѣ. Съ помощью Чагина она подняла съ полу свои туалеты, собрала разсыпанныя сторублевыя и двадцатипятирублевыя бумажки и простилась съ нимъ уже съ улыбкой на губахъ.

— Славный у васъ характеръ,—сказалъ Чагинъ, цѣлуя ея руку,—вы незлобливы и скоро возвращаетесь отъ унынія къ радостямъ жизни.

Съ визитами Алина не поѣхала. Отъ слезъ у нея слегка болѣла голова, и она хотѣла отдохнуть и успокоиться, чтобы къ обѣду Гариной быть въ авантажѣ, какъ выражалась ея старуха-тетка.

Гуракинъ пріѣхалъ къ ней въ то время, какъ она была совсѣмъ готова, чтобы ѣхать на обѣдъ. Отъ пролитыхъ утромъ слезъ глаза ея горѣли, шелковый открытый туалетъ couleur mauve какъ нельзя больше шелъ къ ея нѣжному цвѣту лица и золотымъ волосамъ. Глядя исподлобья на вошедшаго Гуракина, она старалась скрыть улыбку. Она хотѣла, чтобы онъ чувствовалъ свою вину. Михаилъ съ явнымъ раскаяніемъ приступилъ къ объясненію. Алина, стоя у простѣночнаго зеркала, больше любовалась своимъ отраженіемъ, чѣмъ слушала то, что онъ ей говорилъ.

— Ну, ужъ Богъ съ вами, злой человѣкъ, я васъ прощаю, но помните, что никто такъ не обижалъ меня, какъ обидѣли вы.

— Александра Васильевна,—ma belle Suzanne, каюсь. Я былъ такъ глупъ и вообразилъ себѣ, что изъ дружбы къ Натали вы способны...

— На подлость?! Плохо вы меня знаете. Я жить хочу, понимаете ли,—жить, хоть коротко, но шумно и больше мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла. Слѣдить за вами?..

Ха-ха-ха! Натали умоляла, чтобы я васъ влюбила въ себя и такимъ образомъ гарантировала бы ея спокойствіе, а я о васъ и думать забыла.

— Однако, я долженъ замѣтить, что планъ Натали былъ гораздо опаснѣе, чѣмъ мои маленькія мимолетныя шалости.—Гуракинъ подошелъ близко къ Алинѣ и горячимъ взглядомъ окутывалъ ея обнаженныя плечи.—Если бы я влюбился въ васъ, то, конечно, вамъ бы пришлось быть измѣнницей по отношенію къ Натали.

— Да вы съ ума сошли! Это еще что за дерзость...

Алина обернулась къ Гуракину и смотрѣла на него въ упоръ смѣющимися глазами.

— Внѣ всякаго сомнѣнія, petite Suzanne. Это дико, но я только сегодня разсмотрѣлъ, что вы очаровательная женщина.

— Истеричка, прошу вспомнить это ваше опредѣленіе.

— Да, истеричка. Развѣ нормальная женщина можетъ потерять самообладаніе въ такой мѣрѣ, чтобы зашвырять меня всѣмъ вмѣстимымъ своихъ картонокъ, бауловъ, шкаповъ и даже бумажника. C'était un tableau!

Воспоминаніе этой картины вызвало у обоихъ неудержимый хохотъ. Ссора была забыта, и они поѣхали вмѣстѣ на обѣдъ къ Гариной.

— Опять Мишель Гуракинъ?!—съ укоромъ прошепталъ князь Бибишъ, цѣлуя ея руку, когда Алина вошла въ гостиную въ сопровожденіи Михаила.—Я начинаю ревновать.

Обѣдъ былъ сервированъ для небольшого числа гостей, но прошелъ необыкновенно оживленно. Кромѣ хозяйки дома и Алины изъ дамъ была приглашена знаменитая опереточная артистка, въ которую была влю-

блена вся блестящая петербургская молодежь. Пикантная, живая и остроумная, парижанка умѣла быть въ гостиной настолько же воспитанной, насколько была скабрезна на подмосткахъ. Послѣ обѣда дамы съ ногами забрались на диванъ, кавалеры расположились на коврахъ и мѣховыхъ шкурахъ у ихъ ногъ, закуривъ сигары и продолжая пить шампанское. Начались вольныя шутки, смѣхъ и остроты. Нелли Ивановна, заложивъ подъ голову скрещенные пальцы рукъ, полулежа на диванѣ и выставляя маленькія ноги, запѣла цыганскій романсъ. Алина сейчасъ же подбѣжала къ роялю и подхватила дуэтъ: «Какъ люблю я васъ... Какъ боюсь я васъ... Знать увидѣлъ васъ я не въ добрый часъ...»—пѣла она и въ послѣднихъ грудныхъ нотахъ прозвучало что-то страстное изъ глубины души.

— Спойте что-нибудь для меня, я прошу васъ,— попросилъ князь Бибишъ въ то время, какъ всѣ апплодировали и громко говорили.

Алина пробѣжала пальцами по клавишамъ и взяла нѣсколько вступительныхъ аккордовъ.

«...Я помню чудное мгновенье...»—запѣла она, ни на кого не глядя, но звуки полились съ такой страстью, что всѣ поняли, что она поетъ для кого-то.— «Въ глуши, во мракѣ заточенья тянулись тихо дни мои...». Звуки лились теперь печальные и тихіе и вдругъ зазвенѣли ярко и восторженно. Глаза Алины, блестящіе и влажные, обратились въ сторону князя Бибишъ. ...«И вотъ настало пробужденье, и для меня воскресли вновь и Божество, и вдохновенье, и жизнь. и слезы и... любовь...»—Алина поднялась изъ-за рояля, какъ будто не сознавая, гдѣ она. Князь Бибишъ смотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ. Михаилъ былъ очень возбужденъ и казался занятымъ парижской дивой. Въ одиннадцать часовъ къ крыльцу подъѣхали

три тройки. Веселая компанія, заѣхавъ по дорогѣ за баронессой Шельманъ, за Мишкой Ковалевскимъ и за княземъ Васильковымъ, звеня бубенцами, помчалась на Острова. Комья сухого снѣга, падая въ сани, ударяли въ разгоряченныя лица; морозный вѣтеръ румянилъ щеки. Говоръ, смѣхъ, шутки, горячіе взгляды и пожатія рукъ втихомолку... Мимо троекъ неслись фонарные столбы, задремавшіе на облучкѣ Ваньки, рѣдкіе на набережной пѣшеходы... потомъ замелькали деревянныя домишки, заколоченныя дачи, опушенные снѣгомъ кусты и деревья, не заѣзжанная снѣжная дорога въ лѣсу. Кругомъ тишина и ночь. Поѣхали къ цыганамъ. Хоръ цыганъ собрался въ небольшой комнатѣ, на столѣ появилось опять шампанское и устрицы. Черныя и смуглыя цыганки сѣли въ рядъ, позади ихъ расположились цыгане. Зазвенѣли струны гитары и гортанные звуки цыганской пѣсни еще болѣе разожгли веселье и закипѣвшую кровь. Михаилъ оказался между Алиной и баронессой Шельманъ. Алина была какъ въ угарѣ. Князь Бибишъ не отходилъ отъ нея, нашептывая ей слова любви. Михаила она не замѣчала.

— На обратномъ пути Мишка Ковалевскій сядетъ съ баронессой, а я поѣду на тройкѣ съ вами, petite Suzanne,—неожиданно услышала Алина шопотъ у самаго уха.

— Я поѣду съ княземъ,—разсѣянно отвѣтила Алина.

— Одно не мѣшаетъ другому. Въ саняхъ мѣста много. Il vous fait trop la cour.

— Тѣмъ лучше!..

— Мнѣ это не нравится.

— А мнѣ нравится!

Алина засмѣялась, блеснула глазами и отвернулась отъ Мишеля, чтобы продолжать разговоръ съ княземъ.

Подкутившая и шумная компанія далеко за полночь спустилась внизъ ресторана; кавалеры закутывали дамъ въ мѣха, тройки звенѣли у крыльца. Мишка Ковалевскій пошептался съ Гуракинымъ, распахнулъ двери и съ возгласомъ: «Сцена похищенія сабинянокъ», маленькій, упругій и юркій, подхватилъ желѣзными мускулами рукъ баронессу Шельманъ и, при общемъ возгласѣ одобренія, вынесъ ее въ сани. Въ то же мгновеніе Михаилъ, поднявъ своими богатырскими руками Алину, сбѣжалъ двѣ ступеньки и понесъ къ другимъ санямъ. За нимъ бросился князь Бибишъ и Чагинъ. Прыгнувъ на ходу въ сани, они бѣшено помчались вслѣдъ за тройкой, уносившей баронессу, Ковалевскаго и Матлина. Михаилъ, незамѣтно просунулъ руку въ муфту Алины, сжималъ ей до боли пальцы каждый разъ, какъ князь Бибишъ слишкомъ близко наклонялся къ ея уху и что-то тихо нашептывалъ ей. Алина тщетно вырывала руку. Всю дорогу князь Бибишъ шепталъ ей о томъ, что онъ потерялъ разсудокъ и весь въ ея власти, и всю дорогу Михаилъ ломалъ ей пальцы и молча глядѣлъ на нее изъ-подъ козырька фуражки строгими и возбужденными глазами.

VIII.

Репетиціи слѣдовали одна за другой. Къ спектаклю было прибавлено три живыхъ картины и число участвующихъ возрастало, а потому репетиціи становились съ каждымъ разомъ оживленнѣе. Герцогиня, точно преобразившаяся, присутствовала каждый разъ; счастіе и радость будто излучались отъ нея, и ея присутствіе увеличивало общее оживленіе. Атмосфера влюбленности была разлита всюду, гдѣ собиралась компанія участвующихъ въ спектаклѣ. Послѣднія репетиціи были

назначены во дворцѣ герцогини. Въ громадномъ залѣ была устроена прекрасная сцена. За кулисами слышались нескончаемый смѣхъ и шутки. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствовалась влюбленная атмосфера. Михаилъ и Алина оказались лучшими актерами; Михаилъ, по роли влюбленный въ Алину, началъ это переносить въ жизнь. Князь Бибишъ ревновалъ и, чтобы не оставлять Алину за кулисами съ Гуракинымъ, взялъ на себя обязанности сценаріуса. Алина, жаждавшая услышать изъ устъ князя Бибишъ серьезное признаніе, поддразнивала его, слегка кокетничая съ Гуракинымъ. За два дня до спектакля Михаилъ получилъ отъ жены письмо, что она не можетъ пріѣхать, такъ какъ у маленькаго Бориса рѣжутся зубки, онъ боленъ, и она не рѣшается оставить своего любимца на рукахъ няни. Получивъ письмо, Михаилъ поѣхалъ къ старухѣ Гуракиной. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, его бабка и отецъ никогда ни однимъ словомъ не упоминали о его женѣ, какъ будто бы ея и не существовало. Внука своего старуха Гуракина любила не меньше прежняго, и въ своихъ молитвахъ поминала имена его дѣтой, но объ Натали ничего знать не хотѣла и не могла ей простить прошлаго. Ея дочь Мари была слишкомъ мягкаго характера и слишкомъ беззавѣтно любила племянника, чтобы оставаться чуждой его жизни. Она давно простила Натали и, если, исполняя волю матери, не видѣлась съ ней, то живо интересовалась всѣмъ, касающимся семейной жизни племянника. Заочно она крѣпко полюбила крошку Мими и, потихоньку отъ матери, посылала ей игрушки. Въ этотъ свой пріѣздъ, какъ и въ былое время, Михаилъ, посѣщая старуху-бабку, передъ тѣмъ какъ уходить, шелъ въ комнату Мари и тамъ откровенно дѣлился съ ней всѣмъ, что его огорчало или радовало. Мари понимала, что ревнивый до

крайности характеръ Натали отравляетъ жизнь племянника, съ которымъ болѣе уравновѣшенная и спокойная жена могла бы найти себѣ и дать ему полное счастіе. Не желая подливать масла въ огонь, Мари, какъ умѣла, успокаивала его, совѣтуя не рисковать счастіемъ семьи и не давать женѣ поводовъ къ ревности. Говоря эти слова, Мари сознавала ихъ безполезность; она понимала, что Михаилъ слишкомъ молодъ и не подготовленъ для семейной жизни, что его порывистый и увлекающійся характеръ плохая гарантія для спокойствія подозрительной Натали.

Старуха Гуракина и Мари живо интересовались предстоящимъ спектаклемъ, но о томъ, что Мари поѣдетъ во дворецъ, не было и рѣчи, такъ какъ старуха не могла допустить, чтобы ея дочь, встрѣтясь съ Натали, была поставлена въ неловкое положеніе.

Михаилъ прошелъ на половину старухи; онъ засталъ ее въ маленькой гостиной на бархатномъ chaise longue, съ ногами, закутанными плэдомъ.

Противъ нея сидѣлъ князь Алексѣй Васильевичъ. На маленькомъ столѣ былъ сервированъ до-обѣденный чай. Гуракина за эти два года сильно постарѣла. Хотя попрежнему она сохраняла свой гордый видъ и держалась прямо, но лицо ея пожелтѣло, появились новыя морщины, она стала чаще хворать, больше молиться и задумываться.

— Здравствуй, дружокъ, рада тебя видѣть,—обнимая голову внука, сказала Гуракина,—не хочешь ли чаю? Я вотъ опять что-то плохо себя чувствую... Лихорадитъ, и ночь плохо спала. Спасибо милому князю Алексѣю Васильевичу, что навѣщаетъ меня.

— Bonjour, Мишель. Съ репетиціи или на репетицію? Слышалъ, что у тебя настоящій сценическій

талантъ. Успѣхъ страшный... Дамы на части рвутъ,— улыбаясь говорилъ князь Алексѣй.

— Ну, я думаю, что онъ и самъ рвется на части. Dire que c'est un père de famille!—шутливо покачала головой Гуракина.

Своимъ появленіемъ Михаилъ внесъ въ старинную гостиную струю здороваго молодого веселья. Звеня шпорами и шумливо придвигая къ чайному столику кресло, онъ улыбался старухѣ и князю безпечной улыбкой молодости. Гуракина съ любовью смотрѣла на внука и любовалась имъ.

— Не находите ли вы, prince Alexis, qu'il commence à devenir trop beau garçon,—ласково кладя руку на обшлагъ рукава внука, проговорила Гуракина.—Что это у тебя за духи? Очень тонкій запахъ. И сколько стоятъ? Шесть рублей? Ты тратишь на духи шесть рублей? Mais c'est de la folie, cher enfant. Я никогда, даже смолоду, не позволяла себѣ такихъ тратъ. Изъ какихъ же денегъ ты тратишь такія суммы на духи?

— Вы же, grand'maman, подарили мнѣ деньги; изъ нихъ я и трачу,—засмѣялся Михаилъ.

— Я тебѣ, мой другъ, не на духи давала деньги.

— Извините, grand'maman, я обѣщаю вамъ впредь душиться только о-де-колономъ. Не сердитесь на меня.

— Ну хорошо, хорошо... Пей чай и налей еще князю.

— А я только что письмо изъ Москвы получилъ,— обратился Михаилъ намѣренно только къ князю,—у моего пузыря рѣжутся зубенки и онъ киснетъ, такъ что никто не пріѣдетъ изъ Москвы на спектакль.

Гуракина, какъ будто не слушая словъ внука, сосредоточенно расправляла на ногахъ плэдъ.

— Я привезъ для тети Мари билетъ перваго ряда

и надѣюсь, что вы, grand'maman, ничего не имѣете противъ того, чтобы тетя поѣхала.

— Если Мари захочетъ, то пусть ѣдетъ. Не знаю только, что она надѣнетъ. Il faut être en grande tenue на этомъ спектаклѣ.

— Да, конечно,—подтвердилъ князь,—весь дворъ будетъ: спектакль обѣщаетъ быть очень параднымъ.

Вскорѣ вернулась съ прогулки Мари. Она мало измѣнилась за эти два года. Въ темномъ платьѣ съ батистовымъ воротничкомъ и такими же манжетами, съ гладко на-проборъ расчесанными волосами, заложенными на затылкѣ въ косу, она, войдя въ гостиную, радушно протянула руку князю Алексѣю, котораго очень любила и жалѣла, расцѣловалась съ племянникомъ и заботливо освѣдомилась о состояніи здоровья матери.

Мать передала ей привезенный внукомъ билетъ на спектакль и посовѣтовала поспѣшить съ туалетомъ, если она желаетъ ѣхать. Мари, внутренно удивленная согласіемъ матери, сперва отказалась воспользоваться билетомъ, но вскорѣ уступила просьбамъ Михаила.

— А вы слышали,—обратился князь къ Гуракиной,—что моя княгиня переселяется совсѣмъ въ Москву? Она находитъ, что дѣла по монастырю такъ много, что ей необходимо самой тамъ жить. Я отговариваю, но такъ какъ несомнѣнно, что отецъ Федоръ ее подзуживаетъ, то вопросъ переселенія рѣшенъ окончательно.

При упоминаніи объ отцѣ Федорѣ лицо старухи Гуракиной приняло строгое выраженіе: «Comme il est maladroit ce cher prince»,—подумала она про себя.

— Что же,—сказала она вслухъ,—если княгиня находитъ утѣшеніе въ этомъ дѣлѣ, которое требуетъ

большого вниманія, то, разумѣется, ей лучше жить возлѣ монастыря.

— Чего добраго, еще въ монахини пострижется,— продолжалъ князь,—elle était toujours fantasque, и если заберетъ что-нибудь въ голову, то разубѣдить ее нѣтъ возможности.

— Что-жъ, пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ.

— Конечно, не мое дѣло препятствовать ей,—отвѣтилъ князь Алексѣй и, поднявшись во весь свой громадный ростъ, сталъ прощаться.

Михаила онъ повезъ къ себѣ обѣдать, съ тѣмъ, чтобы вечеромъ вмѣстѣ ѣхать во дворецъ на репетицію. Послѣ репетиціи князь долженъ былъ заѣхать въ балетъ за Петровой, чтобы, по обыкновенію, везти ее ужинать къ Дюссо. Ему хотѣлось доставить ей удовольствіе, и онъ просилъ Михаила собрать компанію и ѣхать туда же, чтобы потомъ, будто невзначай, соединиться для ужина.

Князь Алексѣй провелъ Михаила къ себѣ въ кабинетъ, чтобы показать только что полученные фотографическіе снимки своихъ заводскихъ скакуновъ.

Михаилъ, пересмотрѣвъ снимки, сталъ разглядывать на письменномъ столѣ новую серію фотографій Петровой во всевозможныхъ позахъ.

— Ecoute, mon garçon,—заговорилъ князь,—только что мнѣ сказалъ Тихонъ, что сегодня вечеромъ на половинѣ княгини какіе-то гости. Ужъ ты, пожалуйста, выгороди себя и меня, если на насъ съ тобой имѣются виды. Ври что хочешь, но выгораживай; я терпѣть не могу врать да и не умѣю, а княгиня отъ святыхъ дѣлъ стала невѣроятно раздражительна, pas moyen de causer avec elle. Но какъ бы тамъ ни было, я предпочитаю не угодить княгинѣ, которая всю жизнь ничѣмъ не была довольна, чѣмъ огорчить une

femme qui m'est attaché... Какъ она танцуетъ! За эти годы какую легкость пріобрѣла, какъ стала пластична! Качучу она исполняетъ... comme une déesse. Просто, я тебѣ скажу, пальчики можно расцѣловать. Quelle jambe! Quelle précision! Ты самъ теперь семейный человѣкъ, и многое можешь понять... Княгиня со всѣми ея качествами семьянинки всегда имѣла невыносимый характеръ, а на старости лѣтъ нельзя безъ уютнаго очага, безъ милой женской ласки. Здѣсь мой домъ, а тамъ мой очагъ и, сознаюсь тебѣ откровенно, будетъ для насъ обоихъ лучше, если княгиня переѣдетъ въ Москву. Во всѣ эти ея елейности я не вѣрю,—гордость и ханжество, но пусть ѣдетъ.

Князь закурилъ новую папироску и, затворивъ дверь кабинета, продолжалъ, слегка понизивъ голосъ:

— Помнишь Ольгу Онисимовну, эту начальницу пріюта? Это такая оказалась анаѳема, что ее повѣсить мало. Я же ея дочерей на казенный счетъ пристроилъ, а она, оказывается, такія тутъ сплетни разводитъ, что самъ чортъ ногу сломаетъ. Une triple canaille. Все пронюхиваетъ и княгинѣ доклады подноситъ. Какъ тебѣ это нравится?! Такія сцены я тутъ пережилъ за это время, что хоть вонъ бѣги.

Князь взволнованно шагалъ вдоль кабинета.

— Сергѣй держитъ сторону матери. Характеръ у него тяжелый. Ссорится со всѣми. Какъ видишь, mon garçon, судьба меня не побаловала. Дворъ тоже холодомъ меня обдаетъ, но это меня уже не тревожитъ, съ годами относишься хладнокровнѣе къ почестямъ, а я и въ молодости честолюбіемъ не отличался. Нѣтъ, мой милый, любовь женщины—это великое благо, это все въ жизни. Ты со мной не согласенъ?

— Вы правы, mon oncle.

— Нѣтъ, Мишель, ты еще очень молодъ и тебѣ

надо много перебѣситься pour apprécier la femme. А что же Натали?

— Натали все та же,—улыбнулся Михаилъ.

— Это я слышалъ. Говорятъ, хорошѣетъ, въ тебя влюблена попрежнему и ревнуетъ тебя тоже попрежнему. Это нехорошо. А какъ у тебя дѣла съ отцомъ? Крутой старикъ; однако, я могу тебя успокоить, что завѣщаніе написано на твое имя; золъ онъ на тебя за эту женитьбу до сихъ поръ; въ послѣдній пріѣздъ сюда онъ жаловался мнѣ, что хотѣлъ бы внуковъ увидѣть, да и не можетъ. Да, каждую семью свой червякъ гложетъ. Однако, пойдемъ туда, скоро къ обѣду позовутъ.

За обѣдомъ изъ постороннихъ былъ только главноуправляющій по княжескимъ имѣніямъ. Княгиня, сильно расплывшаяся, съ замѣтной аффектаціей въ излишней простотѣ туалета, съ закрученными на макушкѣ рѣдкими напомаженными волосами, весь обѣдъ говорила о дѣлахъ по своимъ имѣніямъ и о расходахъ по монастырю. Въ ея голосѣ еще болѣе звучали жесткія, властныя ноты; раздражительность увеличивалась съ годами и клала отпечатокъ на ея некрасивое лицо.

— Совсѣмъ мало видимъ тебя,—обратилась она къ Михаилу,—только слышу о твоихъ успѣхахъ въ мондѣ. Въ твои годы онъ еще можетъ занимать, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ отъ нашего монда хочется бѣжать подальше... Такъ вы находите, Августъ Львовичъ, что заводъ можетъ больше давать? А вотъ князь желаетъ его совсѣмъ упразднить. Tu entends, Alexis?

— Слышу, слышу. До сихъ поръ этотъ заводъ кромѣ дефицита ничего не давалъ,—равнодушно отвѣтилъ князь.

— Не угодно ли вамъ, ваше сіятельство, просмотрѣть смѣты, я ихъ привезъ..

«Однако же, тутъ и скучища»!—подумалъ Михаилъ и пожалѣлъ, что остался обѣдать.

— Не зайдете ли вы на мою половину послѣ десяти часовъ? J'aurai du monde. Можетъ быть въ твою честь и князь Алексѣй Васильевичъ заглянетъ къ моимъ гостямъ,—обратилась къ Михаилу княгиня, когда онъ прощался послѣ обѣда.

Михаилъ увѣрилъ ее, что ни онъ, ни князь Алексѣй ранѣе двухъ часовъ ночи не освободятся, такъ какъ...— и тутъ онъ наговорилъ такъ много, что князь поспѣшилъ выйти изъ столовой.

— Ну, мой другъ, ты, я вижу, привыкъ выкручиваться. А я, вотъ, двадцать пять лѣтъ учусь и все-таки не выучился...

— Скажи, пожалуйста, ты слышалъ la grande nouvelle относительно Волынскаго?—спросилъ князь, когда они садились въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ герцогини на репетицію.

— Слыхалъ. А вы думаете, это правда?

— Похоже, очень похоже на правду. Говорятъ, что послѣ Пасхи они вмѣстѣ ѣдутъ заграницу. Il a un goût raffiné ce Волынскій: comme femme il avait Nathalie, comme amante—герцогиня...

IX.

Состоявшійся во дворцѣ герцогини парадный спектакль въ пользу бѣдныхъ столицы прошелъ блистательно. Присутствовалъ большой дворъ, сборъ оказался свыше ожидаемаго, исполнители имѣли большой успѣхъ. Наиболѣе овацій выпало на долю Алины и ея партнера—Михаила. Алина въ роли grande coquette была неотразимо интересна, и отъ похвалъ, апплодисментовъ и восторженныхъ поцѣлуевъ ручекъ

у нея кружилась голова. Послѣ спектакля былъ балъ. Герцогиня, блещущая радостью и брилліантами, Гарина, баронесса Шельманъ и Алина были по красотѣ и туалетамъ царицами бала. Каждая со своимъ блистательнымъ кавалеромъ—герцогиня съ Волынскимъ, Гарина съ герцогомъ Владиміромъ, баронесса Шельманъ съ Михаиломъ и Алина съ княземъ Бибишъ—были центромъ вниманія, любопытства и догадокъ. Михаилъ, чтобы возбудить искру ревности у Алины, не отходилъ отъ баронессы, но Алина была всецѣло поглощена своимъ кавалеромъ и ни на кого не обращала вниманія. Князь Бибишъ умолялъ ее не уѣзжать въ Москву, чтобы провести праздники въ Петербургѣ; Алина соглашалась на все, не зная въ то же время, какъ она это устроитъ, такъ какъ ея финансы истощились и у нея оставалась лишь сумма, необходимая на обратный путь. Она не хотѣла туманить радости бальнаго настроенія и откладывала на слѣдующій день заботу, гдѣ достать денегъ, чтобы продлить счастье своей и князя влюбленности. Она надѣялась, что князь Бибишъ отъ увлеченія перейдетъ къ любви, и была счастлива слышать его горячія просьбы не уѣзжать, не разрушать очарованія.

Князь Алексѣй Васильевичъ, сейчасъ же послѣ спектакля, протискиваясь сквозь блестящую толпу и отвѣчая на почтительные поклоны, привѣтствія и рукопожатія, отыскивалъ глазами скромную фигуру Мари Гуракиной. Только что адъютантъ почтительно передалъ ему записку отъ княгини: «Старуха Гуракина плоха, пусть Мари сейчасъ же возвращается домой».

Мари, затертая толпой, стояла въ углу залы и, слѣдя за Михаиломъ, что-то нашептывавшимъ баронессѣ, не сразу замѣтила князя Алексѣя, издали дѣ-

лавшаго ей знаки. Онъ передалъ ей записку жены и предложилъ подозвать племянника, но Мари просила не смущать его веселья. Съ измѣнившимся лицомъ, взявъ подъ руку князя, Мари спѣшно направилась къ выходу. Князь велѣлъ подать свою карету и поѣхалъ съ ней вмѣстѣ.

Старуха Гуракина послѣ отъѣзда дочери вдругъ почувствовала себя хуже и изъ гостиной, гдѣ она послѣдніе два дня полулежала на chaise longue, перешла въ свою спальню и легла. Къ полуночи у нея сильно поднялась температура и сдѣлался бредъ. Миссъ Іонстъ послала за докторомъ, которыя нашелъ больную въ опасномъ положеніи. Миссъ Іонстъ распорядилась немедленно дать знать въ домъ князя Алексѣя. Когда Мари вошла въ спальню матери, англичанка, стоя у постели больной и придерживая на ея головѣ пузырь со льдомъ, приложила палецъ къ губамъ, давая понять, что больная забылась сномъ. Мари тихо подошла къ матери и осторожно нагнулась надъ ней: старуха дышала тяжело и порывисто; горячая рука лежала поверхъ одѣяла, и пальцы шевелились въ безпрестанномъ судорожномъ движеніи. Мари, съ глазами, полными слезъ, вышла къ себѣ, чтобы сбросить нарядный туалетъ. Въ это время князь Алексѣй бесѣдовалъ съ высокимъ, худымъ и сѣдымъ старикомъ-докторомъ—Карломъ Ивановичемъ Линдесомъ, пользовавшимъ четверть вѣка семью Гуракиныхъ.

— Медицинъ не дѣлайтъ чудеса,—ломанымъ языкомъ высказывался врачъ, качая сѣдой головой съ длиннымъ красноватымъ носомъ.—Преклонный возрастъ, и сердце ошинь слябо работайтъ.

Князь Алексѣй и докторъ уѣхали въ пятомъ часу утра. Мари услала спать англичанку, сама же ни на

минуту не оставляла больную, лежавшую въ томъ же неподвижномъ состояніи. Къ утру бредъ утихъ, но глаза были закрыты; жаръ спалъ, лицо осунулось, покрылось сѣроватой блѣдностью, на вискахъ и щекахъ появились впадины. Вмѣстѣ съ дыханіемъ изъ полуоткрытыхъ запекшихся губъ вылеталъ слабый стонъ.

— Мама, милая, дорогая мама, вы слышите меня? Я здѣсь, я съ вами...—гладя руку матери, тихо спрашивала Мари, но старуха оставалась неподвижной и Мари, глотая слезы, прижимая платокъ къ губамъ, съ тяжелымъ вздохомъ опускалась опять на кресло у изголовья больной и, не спуская съ нея глазъ, продолжала сторожить ея дыханіе, ея малѣйшее движеніе.

Утромъ опять пріѣхалъ докторъ; покачалъ головой, прописалъ новыя лекарства, велѣлъ больную не тревожить и обѣщалъ заѣхать въ три часа. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Михаилъ. Чуть ступая по ковру и сдерживая звонъ шпоръ, онъ подошелъ къ кровати бабки и, нагнувшись, осторожно дотронулся губами до ея странно-блѣдной, пухлой руки.

— Мишенька... Ты?..

Неожиданно старуха открыла глаза, съ видимымъ усиліемъ подняла руку и опустила ее на голову внука.

— Я все ждала тебя и Мари... Отчего ея нѣтъ?.. слабо проговорила она, не сводя пристальнаго взгляда съ лица внука, опустившагося передъ ней на колѣни.

— Мама, вѣдь я же здѣсь... Я все время здѣсь, я ни на секунду васъ не оставляю... Посмотрите на меня... Голубушка мама...

Слезы струились изъ глазъ Мари. Она опустилась на колѣни рядомъ съ Михаиломъ и осторожно переложила руку матери на свою голову. Гуракина ме-

дленно перевела взглядъ на лицо Мари и остановила его на ней съ той же жуткой неподвижностью.

— Теперь я вижу тебя, моя милая... Не плачь... Не надо... Мнѣ очень трудно... но я спокойна... Батюшку позовите... Я готова...

Старуха закрыла глаза и умолкла. Казалось, она заснула. Михаилъ послалъ за священникомъ и вмѣстѣ съ Мари сѣлъ подлѣ ея кровати. Прошло около получаса.

— Вы здѣсь?..—чуть слышно спросила Гуракина и слабо повела рукой въ ихъ сторону.—Не отходите... будьте со мной...—прошептала она.

Сдерживая рыданія, Мари приникла лбомъ къ рукѣ матери, которую Михаилъ взялъ въ свои руки. Когда пришелъ духовникъ-священникъ, старуха попросила приподнять ее на подушки. Она исповѣдовалась и причастилась въ полномъ сознаніи. Силы ея замѣтно слабѣли. Лицо стало неузнаваемо; неуловимая, но грозная тѣнь окутывала его черты. Въ комнатѣ было тихо. Приходили князь Алексѣй и баронесса Кернъ; молча постоявъ у постели умирающей, обмѣнявшись грустнымъ взглядомъ со взглядомъ убитой горемъ Мари, они такъ же молча выходили изъ комнаты, гдѣ, казалось, уже рѣяли крылья смерти. Послѣ исповѣди больная лежала безъ движенія, и ея плечи и голова уходили все глубже въ высоко поднятыя подушки. Когда стало смеркаться, Мари зажгла въ другомъ концѣ комнаты свѣчи и, подойдя къ изголовью матери, тихо приникла губами къ ея волосамъ. Больная открыла внезапно глаза и свѣтлымъ взглядомъ посмотрѣла въ лицо дочери.

— Подойдите ближе... Мари... Мишенька.. Благословлю тебя и тебя именемъ Господа... Миша... отцу передай мое благословеніе... и береги мою... мою...—

языкъ не слушался, больная перевела глаза на дочь и еще разъ повторила,—береги ее.—Съ большимъ усиліемъ она сотворила въ ихъ сторону крестное знаменіе, закрыла на минуту глаза и еще тише, еле внятно добавила:—ты, милая, утѣшай его... Отче... на... нашъ...—несвязно залепетали ея губы.

Михаилъ понялъ желаніе умирающей и, ставъ на колѣни, внятно началъ читать молитву. Мари зажгла прошлогоднюю страстную свѣчу у большого кіота, стоявшаго въ углу противъ умирающей, и вслѣдъ за племянникомъ стала вслухъ читать молитву. Въ дверяхъ показалась высокая фигура миссъ Іонстъ. Сосредоточенно шевеля губами, боясь нарушить покой смерти, она у порога опустилась на колѣни и, сквозь слезы глядя на неузнаваемыя черты отходящей, мысленно благодарила ее за покой, которымъ она окружила ея одинокую жизнь. Безъ стона, безъ страданій, тихо скончалась старушка, всѣми уважаемая и горячо любимая въ своей семьѣ. Нескончаемыя скорбныя слезы текли изъ глазъ ея дочери, но она не нарушила воплями и рыданіями покоя отходящей. Михаилъ тоже плакалъ. Когда все было кончено, онъ бережно отвелъ Мари въ ея комнату, уложилъ и остался подлѣ нея, пока она, изнуренная безсонной ночью и слезами, не уснула.

X.

Послѣ похоронъ старухи Гуракиной Михаилъ сталъ собираться въ Москву. Натали въ письмахъ настойчиво требовала возвращенія домой и между строкъ сквозило раздраженіе. Гуракину не хотѣлось оставлять убитую глубокимъ горемъ тетку, но отпускъ приходилъ къ концу и оставаться дольше было нельзя.

Было рѣшено, что осенью Мари переѣдетъ жить въ Москву, чтобы быть ближе къ племяннику. Ее пугала одинокая жизнь, и послѣднія слова умирающей, обращенныя къ дочери и къ внуку, были поняты, какъ желаніе, чтобы они были близко одинъ подлѣ другого. Михаилъ рѣшилъ, что его любимая тетка будетъ жить вмѣстѣ съ ними, но онъ не высказалъ своей мысли, желая, чтобы Натали первая написала ей объ этомъ. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ Алинѣ и засталъ ее въ странно-возбужденномъ состояніи. Она много говорила, то порывисто смѣялась, то задумывалась и казалась разсѣянной.

— Что съ вами случилось, petite Suzanne?—спросилъ Гуракинъ.

Алина настолько хороша была въ своей роли, что въ обществѣ ее въ глаза и за глаза называли теперь petite Suzanne.

— Я васъ не узнаю сегодня и не могу разобрать, радостны ли вы или печальны.

— Со мной ровно ничего. Я такая, какъ и всегда. А, впрочемъ, нѣтъ.. Вы отгадали, со мной что-то случилось. Самое ужасное, что въ такія минуты я одна, что не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ душу отвести, спросить совѣта.

Алина заломила руки надъ головой,—это былъ ея привычный жестъ.

— А князь Бибишъ? Вѣдь онъ у вашихъ ногъ,—насмѣшливо проговорилъ Гуракинъ.

— Оставьте князя. Въ эту минуту мнѣ надо другое, мнѣ надо добраго, отзывчиваго друга. Послушайте, Михаилъ Владиміровичъ, за что вы дуетесь на меня? Вѣдь у васъ доброе сердце, и вы должны меня понять: если бы даже я и не была увлечена княземъ, я не могла бы, не смѣла бы увлечься вами. Мы были

подругами съ Натали, вмѣстѣ мечтали, вмѣстѣ строили радужные планы на жизнь, вмѣстѣ выѣзжали. Развѣ я могла бы уворовать хотя клочокъ ея счастья?! Она васъ любитъ до обожанія, до болѣзни. Обмануть ее заодно съ вами—вѣдь это была бы низость съ моей стороны,—согласитесь, что я права.

— Ужъ это конечно: если становиться на почву душеспасительныхъ вопросовъ, то выхода нѣтъ: вы сдѣлаете низость, я сдѣлаю подлость; Натали святая женщина, а я извергъ-мужъ.

— Совсѣмъ вы не извергъ, а милѣйшій человѣкъ. Но оставимъ теперь эти разговоры; повторяю вамъ, что мнѣ надо сейчасъ кому-нибудь излить мою душу. Будьте моимъ другомъ и помните, что я могу быть вѣрнѣйшимъ и преданнымъ другомъ. Жизнь велика... Кто знаетъ, что ждетъ каждаго изъ насъ...—горестно проговорила Алина.

— Васъ, конечно, ждетъ князь Бибишъ... Ну, простите, простите: я пошутилъ. Вижу, что вы дѣйствительно разстроены. Что же могло случиться? Со мной, petite Suzanne, не бойтесь откровенности, я васъ не выдамъ.

— Я вамъ вѣрю; я чувствую, что вы хорощій. Ахъ, какъ мнѣ тяжело говорить... Начало всего вы знаете сами. Я говорю о встрѣчѣ съ княземъ, о томъ, что я не только увлечена имъ, но я его полюбила, понимаете—такъ полюбила, что не могу себѣ представить возможности жить и не видѣть, не слышать его. Онъ умолялъ меня остаться здѣсь до весны, да мнѣ и самой казалось чудовищнымъ уѣхать. И куда же? Въ эти омерзительные «Мотыги» къ дурехѣ-теткѣ, въ глушь, къ коровамъ и телятамъ... Нѣтъ, нѣтъ! Лучше утопиться... я не въ силахъ больше... Все, что угодно, но не «Мотыги»...

— Конечно, князь Бибишъ лучше, чѣмъ «Мотыги»...—лукаво улыбнулся Гуракинъ.

— Да, вы улыбаетесь, потому что понятія не имѣете объ этой глухой, животной жизни съ капризной старухой. Я рѣшила не уѣзжать, остаться еще, заставить князя понять, что я серьезно его люблю, на всю жизнь. Я не знала, куда мнѣ обратиться за помощью: вѣдь для васъ, вѣроятно, не секретъ, что мои средства очень скудны. Откровенно я все написала Натали, умоляя ее достать мнѣ денегъ. Сегодня утромъ я, наконецъ, получила отъ нея отвѣтъ. Прочтите ея письмо и скажите, что же мнѣ дѣлать? У меня путаются мысли, я просто съ ума схожу!—Алина протянула Гуракину письмо его жены.—Прочтите внимательно, и если вы что-нибудь знаете—будьте откровенны. Лучше знать правду, чѣмъ ходить впотьмахъ.

«Дорогая Алина!

«Ваше письмо—сплошной бредъ. Мишель правъ, что вы истеричка. Я никакъ не ожидала, что вы способны такъ быстро влюбляться. Князь Бибишъ, конечно, очень интересный и всѣмъ извѣстный въ Петербургѣ любитель женщинъ. Повѣрьте мнѣ, что онъ ни одну интересную женщину безъ вниманія не оставляетъ. Но, увѣряю васъ, о женитьбѣ онъ и не помышляетъ. Красавица Гончарова была отъ него безъ ума, будучи дѣвушкой. Партія была для него прекрасная, и родители ея очень желали этого брака. Онъ сбѣжалъ за границу. Княгиня Валицкая готова была для него развестись съ мужемъ,—онъ внезапно уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Не довѣряйте ему, будьте осторожны, милая Алина. Князь Бибишъ любитъ женщинъ для забавы и остается холоденъ къ страданіямъ, которыя эти забавы причиняютъ женскому сердцу. Деньги

я вамъ высылаю, но еще разъ умоляю васъ головы не терять. О себѣ говорить не буду: я измучена и совершенно больна съ тѣхъ поръ, какъ Мишель вдали.

«Ваша Натали».

Гуракинъ прочелъ письмо и передалъ его Алинѣ.

— Что же вы скажете?—съ тревогой спросила она.

— Натали права, я не хочу васъ обманывать. Быть можетъ, князь и очень влюбленъ въ васъ, но я не разъ слышалъ, какъ онъ высказывался противъ брака и вообще c'est un homme qu'il ne faut pas prendre au sérieux въ дѣлахъ любви.

— Нѣтъ, я съ ума сойду, съ ума сойду... Еще вчера онъ мнѣ говорилъ... Значитъ, все ложь, кругомъ одна ложь... Нѣтъ, я не могу такъ... Это выше моихъ силъ...

Алина, сжимая пальцами виски, металась по комнатѣ.

— Но вѣдь въ данномъ случаѣ мы оба можемъ ошибаться,—поспѣшилъ успокоить ее Гуракинъ,—быть можетъ, съ нимъ случился переворотъ. Все можетъ быть. Не отчаивайтесь, petite Suzanne, обдумайте свое положеніе и дѣйствуйте разумно.

— Ахъ, что я могу сдѣлать! У меня теперь нѣтъ воли, я отдалась его обаянію, я такъ вѣрила всему, что онъ говорилъ.

Алина, закрывъ лицо руками, заплакала.

— Но, можетъ быть, онъ и не лгалъ. Возьмите себя въ руки, вызовите его на серьезное и откровенное объясненіе. Когда вы съ нимъ увидитесь?

— Сегодня мы условились вмѣстѣ обѣдать у Дюссо... Но я не поѣду... я не могу видѣть его теперь.

— Какъ разъ наоборотъ: поѣзжайте, будьте, какъ всегда, обаятельны и вынудьте его высказаться опре-

дѣленно. Въ любви откровенность необходима. Съ этого и начните.

— Ахъ, не знаю, ничего я теперь не знаю... Ради Бога, скажите мнѣ только одно, но правду скажите: считаете ли вы князя дурнымъ человѣкомъ?

— Конечно, нѣтъ! Онъ милѣйшій человѣкъ, но фатъ большой руки, избалованъ до крайности успѣхомъ у женщинъ и любитъ свободу. Вы напрасно такъ трагично приняли мои слова. Заберите его хорошенько въ руки, быть можетъ, онъ и сдастся. Вѣдь я же сдался,— улыбнулся Михаилъ.

— Если бы вамъ было столько же лѣтъ, сколько теперь князю, то, разумѣется, Натали не удалось бы покорить вашу свободу

— Я думаю, что вы правы, и сознаюсь вамъ откровенно, что не могу не сожалѣть объ этомъ.

— Да, потому что Натали ревнива до безразсудства. Что касается меня, то вы не повѣрите, какъ я могу быть удобна въ семейной жизни, какъ я уважаю мужскую свободу... Князь могъ бы быть такъ счастливъ со мной!..

Михаилъ простился съ Алиной, убѣдивъ ее не откладывать объясненія съ княземъ. Она сильно нравилась ему и въ душѣ ему хотѣлось, что она, разочарованная, поскорѣе вернулась въ Москву.

Алина, оставшись одна, нѣсколько разъ принималась писать князю Бибишъ, но, не дописавъ письма, рвала его и начинала новое. Не находя словъ для выраженія своего тревожнаго состоянія духа, Алина съ досадой отошла отъ письменнаго стола. Теперь она рѣшила ничего не писать князю, но, когда онъ заѣдетъ за ней, сказаться больной, чтобы не ѣхать съ нимъ къ Дюссо. Но прошло немного времени, оставалось полчаса до свиданія съ княземъ, и Алина вдругъ

испугалась своего рѣшенія. Весь день не видѣть князя, не говорить съ нимъ—показалось ей настолько мучительнымъ, что она съ лихорадочной поспѣшностью принялась одѣваться, обдумывая, какъ начать тяжелое объясненіе. Минута въ минуту, какъ было условлено, ей доложили, что князь проситъ ее внизъ. Никогда князь Бибишъ не казался ей такимъ красивымъ, какъ въ ту минуту, когда она, спускаясь съ лѣстницы отеля, увидѣла его стоявшимъ въ вестибюлѣ въ ожиданіи ея. Онъ улыбался, дѣлая ей на встрѣчу нѣсколько шаговъ вверхъ по ступенямъ.

— Quel chic épatant! Ravissante comme toujours!— сказалъ, онъ, цѣлуя ея руку и оглядывая ея плюшевое манто, подбитое яркимъ шелкомъ. У подъѣзда ждала щегольская карета князя, запряженная парой вороныхъ коней. Какъ только карета тронулась, князь завладѣлъ рукой Алины.

— Сегодня я цѣлую ночь пилъ за ваше здоровье. Что вы со мной сдѣлали? Я спать не могу. У меня было безумное желаніе въ два часа ночи пріѣхать къ вамъ, разбудить васъ и куда-нибудь увезти, но я взялъ себя въ руки и вмѣстѣ этого поѣхалъ къ Борелю. Но я не забывалъ васъ ни на одну минуту... А вы, petite Suzanne, думали ли обо мнѣ?

— О слишкомъ, слишкомъ много думала... И рѣшила высказать вамъ всѣ мои мысли.

— Très bien, я васъ слушаю.

— Нѣтъ, не сейчасъ. За обѣдомъ будетъ уютнѣе, и за бокаломъ шампанскаго я буду краснорѣчивѣе.

— Покоряюсь вашей волѣ и весь въ вашей власти,—отвѣчалъ князь Бибишъ, глядя на Алину глазами, въ которыхъ чувствовалась сила и сознаніе не чужой, а собственной власти.

— Послѣ обѣда мы поѣдемъ прокатиться на Остро-

ва,—входя въ отдѣльный кабинетъ и помогая Алинѣ скинуть манто, говорилъ князь Бибишъ.—Я велѣлъ кучеру заѣхать за нами на саняхъ и захватить плэдъ для васъ. Скоро санный путь испортится, имъ надо пользоваться. Вы согласны?

— Это будетъ зависѣть отъ нашего разговора, prince charmant. Или мы поѣдемъ на Острова или вы доставите меня домой и тогда... тогда я уѣду завтра же въ Москву.

— Вы въ Москву? Завтра же? Quelle drôle d'idée. Для чего вамъ ѣхать въ Москву? Этого не будетъ...

— А можетъ быть и будетъ...—тихо вздохнула Алина.

— Не печальте меня... Зачѣмъ? Je vous adore tant, je suis capable de tout pour vous plaire,—говорилъ князь, усаживая Алину въ уголъ дивана къ столу и самъ садясь подлѣ на стулъ. Когда обѣдъ былъ поданъ и лакей, наливъ шампанское, вышелъ, князь придвинулся ближе и заглянулъ Алинѣ въ глаза.

— Сегодня въ васъ есть что-то чертовски обаятельное. Что за глаза у васъ сегодня! Вы хотѣли говорить. Я весь вниманіе. Буду ловить каждое ваше слово и любоваться вами... Курить можно?

Князь досталъ золотой портсигаръ и бѣлыми, выхоленными пальцами, съ отточенными розовыми ногтями, осторожно, словно боясь что-то задѣть, взялъ папироску, захлопнулъ портсигаръ, положилъ въ карманъ, закурилъ папиросу о свѣчу и, отмахивая дымъ отъ Алины, облокотился о столъ и, улыбаясь одними глазами, смотрѣлъ на нее.

— Князь, милый князь, скажите мнѣ правду. Вы очень любите меня?—начала Алина съ дикой рѣшимостью?

— Люблю ли я васъ?! Je vous adore.

— Но какъ, какъ вы меня любите?

— Ma foi. Я васъ люблю очень сильно... Я готовъ на все, чтобы добиться вашей полной взаимности.

— Милый князь, но если это только для забавы, то я рѣшила уѣхать... Я не могу, не могу такъ мучиться... Я сама люблю васъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ вы это думаете.

— Что значитъ—для забавы или не для забавы? Я этого совсѣмъ не понимаю. On aime tant qu'on aime?

— Да, конечно, сердцу не прикажешь, но вотъ я, напримѣръ, чувствую, что люблю васъ навсегда. Что бы ни случилось, любовь къ вамъ останется въ моемъ сердцѣ. А вы?

— Я никогда не ручаюсь за будущее, но сознаюсь, что ни объ одной женщинѣ такъ не думалъ много, какъ думаю о васъ, и потерять васъ я не согласенъ... О нѣтъ!

Алина, чувствуя, какъ сильно забилось ея сердце, полузакрыла глаза и съ трепетомъ ждала, что скажетъ князь дальше. Минуту длилось молчаніе. Князь Бибишъ вынулъ папиросу изо рта, бережно положилъ ее на край пепельницы и, пересѣвъ на диванъ рядомъ съ Алиной, взялъ ее за обѣ руки.

— Я понимаю, для чего вы начали этотъ разговоръ, petite Suzanne. Выслушайте меня. Я буду съ вами чистосердеченъ, я не солгу вамъ ни одного слова. Я васъ люблю и люблю сильнѣе, чѣмъ любилъ до сихъ поръ, но сдѣлать васъ своей женой я не могу. Я ненавижу бракъ, потому что я въ него не вѣрю. Я столько разъ въ своей жизни обманывалъ мужей съ ихъ самыми милыми и любящими женами, что я потерялъ всякое уваженіе къ браку. Я знаю, что если я женюсь, то моя жена обманетъ меня такъ же, какъ обманывали со мной другія женщины зачастую интерес-

нѣйшихъ и красивѣйшихъ мужей. Если вы меня разлюбите, то бросите, но не обманете, и я не перестану уважать ни себя, ни васъ, но рисковать собой и вами, связать взаимную свободу, чтобы бояться быть обманутымъ—нѣтъ, сто разъ нѣтъ. Я не спорю, что, быть можетъ, именно вы, будучи моей женой, никогда не измѣнили бы мнѣ, но съ той минуты, какъ вы стали бы моей женой, я пересталъ бы вамъ вѣрить только потому, что въ моемъ воображеніи мелькали бы тѣ милыя женщины, которыя, часто любя своихъ мужей, лежали въ моихъ объятьяхъ. Вы свободны, красивы, дѣтей у васъ нѣтъ—отчего же вы боитесь свободной любви? Je suis homme du monde et je saurai ne jamais vous compromettre.

— Я боюсь свободной любви такъ же, какъ вы боитесь брака, князь,—упавшимъ голосомъ отвѣтила Алина.

— Вы были такъ счастливы съ вашимъ мужемъ?

— О, нѣтъ! Я была очень несчастна.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я васъ не понимаю.

— Развѣ я могу быть спокойна за свое счастье, если каждую минуту я знаю, что вы можете меня бросить...

— А вы думаете, что, будучи вашимъ мужемъ, я бы не бросилъ васъ, если бы разлюбилъ? Petite Suzanne, вы меня мало знаете. Для меня нѣтъ узъ кромѣ узъ любви. Мужемъ я могу быть очень сквернымъ; другомъ же любимой женщины я могу быть очень преданнымъ. Требуйте отъ меня что хотите, я готовъ на всякія жертвы, кромѣ брака... Хотите, я возьму годовой отпускъ, и никто не будетъ знать, какъ и куда мы съ вами спрячемся за границу... Хотите, я вамъ дамъ клятву вѣрности, не буду смотрѣть ни на одну женщину... Что хотите, petite Suzanne, но только не бракъ.

Если вы добьетесь своего и заставите меня сдѣлать васъ своей женой, то, вѣрьте мнѣ, это будетъ могила нашей любви.

Алина тихо плакала, положивъ голову на скрещенныя на столѣ руки. Князь осторожно обнялъ ее за талію и вкрадчивымъ шепотомъ говорилъ ей о своей любви, о своей готовности исполнить всякое ея желаніе. Алина плакала надъ рушившимися мечтами. Она знала, что сумѣла бы сдѣлать князя счастливымъ мужемъ, знала, что за уютъ семейной жизни она отдала бы ему всю свою душу, все сердце, всѣ мысли. Въ то же время въ словахъ князя, въ звукахъ его голоса слышалось непритворное, искреннее признаніе. Алина не въ силахъ была вырвать изъ сердца разгорѣвшееся чувство любви. Согласно рѣшенію ей слѣдовало завтра же уѣхать и больше не встрѣчаться съ нимъ, но она предвидѣла, что у нея не станетъ силъ разстаться съ нимъ, и она плакала горькими, тяжелыми слезами.

— Неужели я такой скверный человѣкъ, неужели у васъ нѣтъ ко мнѣ и тѣни довѣрія, что любить меня, какъ друга, вамъ кажется такимъ ужаснымъ... Боже мой, не плачьте такъ... Я не могу видѣть вашего страданія. Ну, испытайте меня, какъ хотите... Я васъ умоляю, chère enfant, перестаньте такъ плакать. Je suis tout bouleversé, я теряю нить мыслей.

Мало-по-малу Алина успокоилась. Князь нѣжно обѣими руками взялъ ея голову и, положивъ себѣ на грудь, гладилъ ея волоса, и, какъ отдаленный ропотъ, до нея доносились его слова любви и ласки. Мысли ея летѣли вихремъ. Вернуться къ постылой жизни, бросить князя она не могла, и въ то же время страхъ, что онъ ее можетъ разлюбить и бросить—туманилъ ея мозгъ. Выхода не было. Ей не оставалось ничего больше какъ идти на путь, который указывало ей ея слабое

сердце. Она знала, что борьба будетъ безполезна, что она не выдержитъ разлуки. Измученная печалью, она теперь чувствовала себя убаюканной нѣжными словами вкрадчиваго голоса; его рука такъ любовно касалась волосъ, такъ сладко было забыть всѣ унылыя тяготы скучной, одинокой жизни. Ей хотѣлось счастья. Оно было тутъ, оно ее манило къ себѣ, звало вкрадчивыми рѣчами, и она, роняя слезы о несбывшейся мечтѣ, дала убаюкать себя и въ страстномъ порывѣ обвила руками голову князя.

XI.

Вернувшись въ Москву, Михаилъ Гуракинъ засталъ свою жену похудѣвшей и съ сильно разстроенными нервами.

Встрѣтивъ его на вокзалѣ, она зарыдала, бросившись ему на шею.

— Нѣтъ, Миша, я не могу больше такъ надолго разставаться съ тобой,—говорила она, ласкаясь къ нему,—я совершенно измучилась... Мнѣ, Богъ знаетъ, что чудилось. Я плакала чуть не каждый день, а ты тамъ веселился и мало думалъ о насъ. Подумай, вѣдь ты уѣзжалъ на цѣлый мѣсяцъ!

— Ну, много ли это, Натали!—добродушно улыбался Михаилъ.

— Для тебя немного... Ты былъ занятъ другимъ, а для меня этотъ мѣсяцъ показался безконечнымъ. Кромѣ того дядя что-то чудить сталъ. Не понимаю, что сдѣлалось со старикомъ: рветъ и мечетъ. Моисей Борисовичъ съ ногъ сбился. Говоритъ, если такъ будетъ продолжаться—онъ уйдетъ. Ни съ того, ни съ сего вздумалъ устроить ревизію; придирается ко всѣмъ отчетностямъ, кричитъ на весь домъ. Просто силъ нѣтъ.

Требуетъ, чтобы я ему помогала свѣрять отчеты. Это такая тарабарщина, что у меня дѣлаются мигрени послѣ двухъ часовъ работы.

— Съ чего-жъ это онъ началъ?

— Изъ-за глупости. Усмотрѣлъ, что приписали въ счетъ лишнихъ два фунта свѣчей. Разсчиталъ эконома, оштрафовалъ лакея. Доглядѣлъ лишнія траты на конюшню и обрушился гнѣвомъ на Моисея Борисовича. Съ этого пошло дальше. Тутъ теперь такія сцены, что я хотѣла телеграфировать тебѣ. Пренесносный старикъ. Всѣхъ выводитъ изъ терпѣнія. Онъ два раза присылалъ вчера узнать, когда ты пріѣдешь.

Натали посвящала мужа во все, что происходило въ его отсутствіе. Дѣтей онъ засталъ здоровыми; маленькая Мими съ крикомъ радости бросилась отцу на шею, и не было возможности увести ее въ дѣтскую. Онъ усадилъ на колѣни свою любимицу, и она такъ и заснула.

На другое утро Михаилъ не успѣлъ еще допить утренній кофе, какъ за нимъ прислалъ Дунайскій съ приказаніемъ притти немедля; онъ бросилъ кофе и поспѣшилъ внизъ. Старикъ его ждалъ, стоя посреди кабинета, что-то бормоча и жестикулируя. Не успѣлъ Гуракинъ переступить порога комнаты, какъ онъ закричалъ визгливымъ, раздраженнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, ты подумай только! Они меня обворовываютъ. Мошенники! И этотъ проклятый жидъ Моисей Борисовичъ заодно съ ними... Безтолковщина во всѣхъ отчетахъ. Я ихъ всѣхъ въ шею прогоню... Приказалъ, чтобы доставилъ конторскія книги по имѣніямъ... Мошенникъ!.. Мерзавецъ!... Воръ!..Четвертыя сутки изъ-за него не сплю. Натали сущая дура: не можетъ провѣрить простыхъ счетовъ... Что же ты стоишь? Садись. Предстоитъ не мало дѣла. Я думалъ,

ты тамъ и останешься. Слышалъ, бабку свою похоронилъ. Вотъ скоро и меня туда же свезете. А Наталія твоя совсѣмъ шальная: ревѣла тутъ безъ тебя, хочетъ, чтобъ ты къ ея юбкѣ пришитъ былъ... Письмо какое-то изъ Петербурга получила, что ты неотразимый Донъ-Жуанъ.

Старикъ улыбнулся и вдругъ все его морщинистое землисто-желтое лицо просвѣтлѣло и стало привлекательнымъ.

— Если надо, то я самъ напишу генералъ-губернатору и попрошу продлить твой отпускъ, а ты, сдѣлай милость, объѣзди мои имѣнія и провѣрь по всѣмъ книгамъ эту жидовскую шельму—Моисея Борисовича.

При упоминаніи имени управляющаго брови старика опять наморщились, и лицо приняло озлобленное выраженіе. Онъ зашагалъ по кабинету, нервно запахивая полы сѣраго суконнаго халата и нюхая табакъ изъ табакерки, подаренной императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

— Достань счетныя книги изъ того шкапа и садись сюда, а я сейчасъ пошлю за этой шельмой. Такого навралъ по отчетамъ саратовскаго имѣнія, что я во весь вечеръ вчера разобраться не могъ.

Черезъ часъ явился Моисей Борисовичъ, хмурый и блѣдный. Старикъ Дунайскій сурово посмотрѣлъ на него поверхъ очковъ, раскрылъ толстую шнуровую книгу и молча сталъ тыкать пальцемъ на цифры, означенныя внизу страницы.

— Это ты что же тутъ наставилъ? Что это за суммы? Откуда ты ихъ высосалъ?—заговорилъ онъ почти шопотомъ, сдерживая гнѣвъ.

— Я докладывалъ вашему высокопревосходительству, что тутъ общіе итоги, что...

— Докладывалъ... Ты мнѣ докладывалъ... шельма ты... Мошенникъ... Христопродавецъ... Нажился...Нажился, старый чортъ...—вдругъ затопалъ ногами и хрипло завизжалъ Дунайскій, срываясь на высокихъ нотахъ.

Моисей Борисовичъ въ отчаяніи вытиралъ носовымъ платкомъ потъ со лба, хотѣлъ возражать, но Дунайскій не давалъ ему времени объясниться и, перелистывая страницы и тыкая скрюченнымъ отъ ревматизма пальцемъ по столбцамъ счетовъ, выкрикивалъ безъ устали упреки и брань.

— Михаилъ Владиміровичъ, войдите вы, ради Бога, въ мое положеніе, уясните счеты...—отчаяннымъ голосомъ обратился къ Гуракину Моисей Борисовичъ.

— Вотъ онъ войдетъ въ твое положеніе, погоди... Онъ войдетъ... Завтра же поѣдетъ ревизовать всѣ имѣнія. Ты думалъ, я старъ—такъ тебѣ и удержу не будетъ карманы набивать. Погоди, братъ, погоди... Послѣ ревизіи я тебя упеку...

Весь день Дунайскій продержалъ Михаила за счетными книгами. Не будучи въ курсѣ дѣлъ, не понимая соотношеній счетовъ, Михаилъ почувствовалъ, что къ вечеру у него начала кружиться голова. Старикъ не отходилъ отъ него и только мѣшалъ, безпрестанно прерывая и впадая въ безсмысленный и неудержимый гнѣвъ по адресу управляющаго. Вечеромъ Дунайскій его отпустилъ, взявъ слово, что съ утра онъ поѣдетъ хлопотать объ отпускѣ и немедля отправится ревизовать имѣнія. Гуракинъ поднялся къ себѣ усталый отъ работы и отъ крика старика.

— Конечно, нашъ генералъ запоролъ горячку и бѣснуется не въ мѣру,—говорилъ Михаилъ женѣ, садясь за чайный столъ,—но что Моисей Борисовичъ не совсѣмъ чистъ, это мнѣ тоже ясно.

— Во всякомъ случаѣ это не мошенникъ,—замѣтила Натали.—Дядя всю жизнь былъ такой: то довѣряетъ, то вдругъ всѣхъ начинаетъ подозрѣвать.

— Мошенникъ—не мошенникъ, а, кажется, вороватъ нашъ почтенный Моисей Борисовичъ. Ты бы видѣла его рожу.—Михаилъ залился звонкимъ смѣхомъ.—То сниметъ, то одѣнетъ очки, сопитъ, пожимаетъ плечами, обтираетъ потъ со лба и только отъ него и слышно: «ваше высокопревосходительство»...

Михаилъ удивительно схоже представлялъ управляющаго, и Натали смѣялась вмѣстѣ съ нимъ.

На другое утро, только что Гуракинъ вернулся отъ генералъ-губернатора, получивъ разрѣшеніе на продленіе отпуска, какъ вбѣжалъ лакей, прося поспѣшить, такъ какъ ихъ превосходительству худо. Михаилъ бросился внизъ, вслѣдъ за нимъ Натали. Дунайскій сидѣлъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ. Голова его свѣсилась на бокъ, глаза были стеклянные, одна рука безпомощно висѣла черезъ ручку кресла, другой онъ жалко и непроизвольно дергалъ по столу, на которомъ въ безпорядкѣ были навалены счетныя книги. Старика перенесли на кровать. Взглядъ его былъ безсмысленъ; онъ находился въ безпамятствѣ, и только лѣвая рука продолжала странно дергаться. Послали за докторомъ. Больному пустили кровь. Къ вечеру взглядъ его прояснился и глухими, еле-внятными звуками онъ началъ выражать свою волю. Послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій окружающимъ, наконецъ, удалось понять, что больной требуетъ, чтобы его кровать перенесли въ кабинетъ. Топоча ногами, шопотомъ переговариваясь, стараясь ни за что не задѣть, внесли узкую желѣзную кровать съ неподвижно лежащимъ маленькимъ, изсохшимъ старикомъ, безучастно глядящимъ въ одну точку, въ

громоздкій, унылый кабинетъ и поставили по его указанію возлѣ секретера, гдѣ хранились всѣ его бумаги. Къ ночи Натали расположилась на холодномъ кожаномъ диванѣ, но больной началъ безпокойно мычать и правая рука, парализованная слабѣе лѣвой, порывисто и нетерпѣливо заерзала по одѣялу. Натали, желая разгадать смыслъ неясныхъ отрывистыхъ звуковъ, нагнулась надъ больнымъ. Правый глазъ сердито уставился на нее, и щека конвульсивно дергалась отъ тщетныхъ усилій. Не скоро догадались, что Дунайскій требовалъ, чтобы подлѣ него оставался на ночь Михаилъ. Когда старикъ увидѣлъ, что вмѣсто Натали пришелъ Гуракинъ и, кутаясь въ теплый, подбитый шелкомъ халатъ, усѣлся подлѣ него въ большое кожаное кресло, онъ сразу успокоился и закрылъ глаза. На письменномъ столѣ горѣли подъ зеленымъ абажуромъ двѣ свѣчи, и громадный кабинетъ съ неуклюжей, темной громоздкой мебелью, казалось, тонулъ въ зловѣщемъ полумракѣ. Походная кровать съ полуживымъ старикомъ придавала комнатѣ еще болѣе жуткій видъ. Камердинеру Дунайскаго было приказано лечь въ сосѣдней комнатѣ. Михаилъ, сильно уставшій отъ тревогъ истекшаго дня, закинувъ голову на высокую спинку кресла и протянувъ ноги въ мягкихъ сафьяновыхъ туфляхъ, закрылъ глаза и началъ дремать. Въ комнатѣ стояла неподвижная, точно насторожившаяся тишина. Одна изъ свѣчей начала оплывать. Пламя ея, выростая и колеблясь, колебало тѣни по потолку и стѣнамъ. Гуракинъ тихо и ровно похрапывалъ. Старикъ открылъ глаза и медленно обвелъ взглядомъ всю комнату. На неподвижномъ сѣро-землистомъ лицѣ что-то дрогнуло, какъ будто бы тѣни пробѣжали по немъ. Глаза смотрѣли разумно и скорбно. Медленно они обрати-

лись въ сторону Гуракина и остановились на его спокойномъ спящемъ лицѣ. Правая рука, сухая, изсохшая и жилистая, дергаясь, дрожа и конвульсивно цѣпляясь за одѣяло, силилась приподняться и не могла. Послѣ долгихъ и безплодныхъ усилій рука замерла на мѣстѣ. Двѣ крупныхъ слезы медленно-медленно вытекли изъ глазъ и, омочивъ сморщенное старческое лицо, скатились на подушку. Взглядъ, полный скорбной тоски, устремленный на лицо Михаила, пробудилъ его. Онъ медленно, борясь со сномъ, открылъ глаза и услышалъ слабый стонъ. Онъ нагнулся къ старику и сразу очнулся, встрѣтивъ этотъ тоскующій взглядъ.

— Дядя, что съ вами? Не хотите ли вы что-нибудь?—тревожно спросилъ Михаилъ.

Старикъ на секунду закрылъ глаза, тяжело вздохнулъ и опять уставился на Гуракина скорбящимъ взглядомъ. Михаилу стало невыразимо жаль старика. Онъ взялъ его руку и началъ вполголоса говорить ему что-то ласковое и успокоительное. Къ утру больному стало какъ будто бы лучше. Долгимъ и невнятнымъ мычаніемъ онъ далъ понять, что желаетъ видѣть управляющаго. Моисей Борисовичъ подошелъ къ больному и неожиданно расплакался. Старикъ поднялъ на него грустный взглядъ и зашевелилъ рукой. Моисей Борисовичъ наклонился и поцѣловалъ безпомощную слабую руку, еще недавно гнѣвно указывавшую на спорные итоги счетныхъ книгъ. Больной, примирясь съ обиженнымъ имъ Моисеемъ Борисовичемъ, замѣтно сталъ спокойнѣе. Однако къ вечеру ему сразу стало худо. Онъ впалъ въ безпамятство. Пріѣхалъ докторъ, но состояніе больного было безнадежно. Не приходя въ себя, онъ къ ночи скончался.

Кромѣ Натали родныхъ у него не было, и никто

не плакалъ. надъ его гробомъ. Похороны были очень парадныя. За гробомъ шла масса публики, преимущественно военной; многочисленное духовенство въ богатомъ облаченіи провожало останки всѣмъ извѣстнаго заслуженнаго генерала, въ то время какъ звуки похороннаго марша торжественно и строго неслись къ яснымъ небесамъ.

XII.

Все свое состояніе въ нѣсколько милліоновъ Дунайскій завѣщалъ Натали съ тѣмъ, чтобы ея мужъ завѣдывалъ дѣлами. Несмотря на то, что Дунайскій былъ старъ, онъ лишь въ послѣдній годъ просидѣлъ все лѣто въ своемъ самомъ большомъ и любимомъ имѣніи Саратовской губерніи, не объѣздивъ остальныхъ; но за отчетами онъ слѣдилъ самъ, и не разъ Моисею Борисовичу приходилось переживать бурныя сцены и выслушивать брань, крикъ и упреки въ воровствѣ. Дѣла Дунайскаго не были разстроены, и имѣнія находились болѣе или менѣе въ порядкѣ.

Гуракинъ объѣхалъ помѣстья, принялъ всѣ отчеты, и, ознакомившись со всѣми конторскими книгами, усмотрѣлъ, что Моисей Борисовичъ нечистъ на руку. Первымъ его побужденіемъ было уволить управляющаго, но Натали горячо вступилась и уговорила мужа оставить его на мѣстѣ.

— Какъ бы тамъ ни было, а безъ Моисея Борисовича намъ теперь не обойтись,—говорила Натали мужу.—Онъ столько лѣтъ всѣмъ управлялъ и знаетъ дѣла, съ которыми тебѣ—новичку невозможно будетъ справиться. Кромѣ того не надо забывать, что онъ не мало денежныхъ услугъ сдѣлалъ намъ за эти годы...

— Положимъ, эти услуги онъ дѣлалъ, какъ видно, изъ кармана твоего же дяди,—возражалъ Михаилъ.

— Ну, мы этого не знали. Все же онъ не разъ выручалъ насъ. Ты ему дай понять, чтобы онъ впредь былъ осторожнѣе, но, пожалуйста, не отправляй его. Ужъ на что дядя былъ скупъ и подозрителенъ, однако сколько лѣтъ онъ у него служилъ.

Такимъ образомъ было рѣшено управляющаго пока оставить, при чемъ какимъ-то образомъ Моисея Борисовича увѣдомили, что если бы не заступничество Натали, то онъ лишился бы мѣста. Съ этой минуты Моисей Борисовичъ затаилъ противъ Михаила въ сердцѣ вражду, но затаилъ ее глубоко, наружно оставаясь все тѣмъ же услужливымъ и преданнымъ дому. Въ концѣ лѣта Гуракинъ съ семьей переѣхалъ въ большое родовое имѣніе Дунайскаго Саратовской губерніи «Ташуки». Шесть тысячъ десятинъ въ поляхъ и лѣсахъ тянулись безконечнымъ пространствомъ. Михаилъ, уѣхавшій впередъ, все приготовилъ для пріѣзда семьи и черезъ нѣсколько дней съ воdходомъ солнца поѣхалъ на станцію встрѣчать ихъ. Натали, усталая отъ дороги, но бодрая и веселая, бросилась къ мужу. Солнце косыми лучами золотило поля и стволы сосноваго лѣса. Четверка сытыхъ деревенскихъ коней быстро уносила коляску по укатанной дорогѣ. Дѣти съ няней и гувернанткой ѣхали позади въ каретѣ.

Натали чувствовала себя счастливой: предполагалось всю осень провести въ деревнѣ, и Натали съ радостью стремилась въ гнѣздо, которое хоть на короткое время дастъ ей возможность имѣть Михаила для себя. Никакіе вечера, балы и театры не будутъ его отвлекать отъ дому и тревожить ея ревниваго сердца.

Вскорѣ должна была пріѣхать изъ Петербурга Мари,

но ея присутствіе не могло помѣшать ихъ счастью. Натали предвидѣла, что Мари будетъ много возиться съ дѣтьми, о которыхъ она съ такой нѣжностью говорила въ письмахъ. Войдя въ домъ и осмотрѣвъ его, Натали обняла мужа и прижалась къ его плечу головой:

— Я чувствую, что мы будемъ здѣсь счастливы,— прошептала она.

Дворня съ хлѣбомъ и солью радушно привѣтствовала новую хозяйку и всѣмъ понравилась красавица-барыня, веселая и щедрая.

Черезъ недѣлю на томъ же полустанкѣ Гуракинъ встрѣчалъ свою тетку Мари. Она вышла вся въ черномъ, съ длиннымъ траурнымъ вуалемъ, сильно постарѣвшая, съ осунувшимся и грустнымъ лицомъ. Увидя Михаила, она заплакала. Ей вспомнилось ихъ послѣднее свиданіе у постели умирающей матери. Михаилъ съ братской нѣжностью обнялъ тетку. Онъ былъ счастливъ, что она согласилась пріѣхать къ нимъ, что ея сердце было открыто для любви къ его дѣтямъ и даже къ женѣ. Онъ зналъ, что она давно примирилась съ Натали и готова была полюбить ее. Пока они ѣхали въ коляскѣ, Михаилъ разсказывалъ ей о своихъ новыхъ дѣлахъ, и Мари видѣла, что хозяйство его интересовало, и онъ не скучалъ въ деревнѣ.

— Тутъ столько дѣла, тетя Мари, столько пользы можно принести, что, увѣряю тебя, скучать невозможно. Я занятъ съ утра до вечера. Натали тоже очень интересуется всѣми дѣлами, устраиваетъ домъ по своему вкусу, и мы не замѣчаемъ дня. На будущій годъ сдѣлаемъ визиты сосѣдямъ; здѣсь ихъ много и, говорятъ, есть очень милые.

Между тѣмъ коляска подъѣзжала къ усадьбѣ. Изъ длинной сосновой аллеи проѣхали мимо большого пруда съ покатыми берегами, крытыми газономъ, съ

живописной бесѣдкой на маленькомъ островкѣ. Мимо коляски мелькнулъ бѣлый мраморный обелискъ посреди зеленой лужайки, залитой восходящимъ солнцемъ. Вдали промелькнулъ бѣлый домикъ въ формѣ греческаго портика. Небольшія лужайки съ группами березъ, клена и елокъ были хорошо содержаны. Коляска по утрамбованной желтымъ пескомъ аллеѣ подкатила къ продолговатому двухъ-этажному каменному дому, архитектуры Александровской эпохи. Весь домъ еще спалъ, и только ожидавшій ихъ лакей въ бѣломъ передникѣ вышелъ на встрѣчу и внесъ въ вестибюль ручной багажъ. Осторожно ступая по коридору и перешептываясь, Михаилъ ввелъ Мари въ комнату, предназначенную для нея, осмотрѣлъ, все ли приготовлено для отдыха, еще разъ обнялъ ее и вышелъ, притворивъ дверь. Мари, какъ была, не снимая шляпки и дорожнаго пальто, устало опустилась въ кресло и оглянула комнату. Подлѣ кресла на столикѣ стоялъ большой букетъ свѣжихъ розъ; на листѣ почтовой бумаги, вложенной въ букетъ, было написано: «Soyez la bienvenue, chère Marie».

Мари улыбнулась и, нагнувшись къ букету, стала вдыхать нѣжный ароматъ цвѣтовъ. Ей было пріятно это вниманіе Натали. Комната выходила двумя окнами на парадную часть сада. Были видны большія клумбы цвѣтовъ, спускающаяся съ террасы лѣстница прямо къ пруду и яркія, усыпанныя желтымъ пескомъ, дорожки сада. Мари закрыла окно и стала раздѣваться. Въ комнатѣ, обставленной старинной мебелью, было уютно. Большой туалетъ, краснаго дерева, отдѣланный ручной рѣзьбой, такой же умывальникъ Туровской работы съ серебряной овальной миской и такимъ же кувшиномъ для воды, отдѣланными узорчатымъ накладнымъ серебромъ; нѣсколько старинныхъ гравюръ

на стѣнахъ, рабочій столикъ Екатерининскихъ временъ, невысокіе потолки, дубовыя двери и ставни на окнахъ—все говорило о достаткѣ и комфортѣ былыхъ обитателей родового помѣстья. Мари вспомнила деревенскій домъ, гдѣ провела первое дѣтство и гдѣ теперь почти безвыѣздно жилъ ея братъ—отецъ Михаила, вспомнила строгую и гордую по наружности мать, съ образомъ которой слилась вся ея прошлая жизнь изо дня въ день промелькнувшая такъ странно, такъ невѣроятно быстро, что иной разъ казалась ей сномъ... Мари въ одной сорочкѣ, съ распущенной косой, опустилась на кровать и, машинально перебирая пальцами конецъ еще густой косы, въ неподвижной позѣ глубоко задумалась. Теперь она осталась одна; схоронивъ мать, подъ крыломъ которой она прожила съ колыбели, не замѣчая, какъ шли годы и какъ день за днемъ отцвѣтала молодость, Мари вдругъ почувствовала, съ горькимъ изумленіемъ, что ея жизнь ушла, не давъ ей ни одного часа личнаго счастья, что въ прошломъ у нея нѣтъ воспоминаній и въ будущемъ не можетъ быть надеждъ. Протекутъ еще такіе же безцвѣтные годы, и она состарится въ роли любимой тетки, вложившей всѣ свои сердечные интересы въ чужихъ дѣтей. Что-то обидное и жалкое почудилось ей въ ея судьбѣ... Медленно - медленно скатилась слеза, потомъ другая по ея щекамъ и упала на колѣни. Гдѣ-то тихо скрипнула дверь и кто-то, осторожно ступая по коридору, прошелъ мимо ея комнаты. Въ окно было видно, какъ садовникъ мелъ дорожки... Все это были для Мари чужіе люди, чужой домъ, чужая по существу жизнь... Подавивъ тяжелый вздохъ, Мари, слѣдуя неизмѣнной съ дѣтства привычкѣ, опустилась на колѣни подлѣ кровати и стала молиться. Слова молитвы повторялись вяло. Творя

молитву объ упокоеніи души матери, Мари тѣсно сжала подъ подбородкомъ скрещенные пальцы и съ силой и вѣрой обратилась всѣмъ сердцемъ къ Богу... «Ты, милая, утѣшай его...» пронеслись въ ея умѣ послѣднія слова матери, и въ печальную душу ея проникъ лучъ свѣта.

— Мое назначеніе, моя судьба быть съ Мишей. Передъ смертью мама указала мнѣ цѣль, значитъ, такъ надо...—съ покорнымъ вздохомъ подумала Мари, ложась въ постель на свѣжее полотняное бѣлье. Утомленная дорогой, она быстро уснула и вышла изъ своей комнаты, когда всѣ давно уже отпили утренній чай. На порогѣ террасы на встрѣчу ей вышла Натали. Въ свѣтломъ муслиновомъ платьѣ, съ пунцовой розой, приколотой подлѣ уха въ волнистыхъ черныхъ волосахъ, съ яркимъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, съ привѣтливой улыбкой на губахъ—она показалась Мари еще красивѣе, чѣмъ была два года тому назадъ. Натали протянула ей обѣ руки и, прочтя въ глазахъ Мари доброе чувство, обняла и поцѣловала ее.

— Наконецъ-то мы свидѣлись. Я очень, очень рада, chère Мари, что вы захотѣли обрадовать насъ и пріѣхали. Будемте добрыми друзьями; я такъ этого хочу... Вѣдь я помню ваше доброе сердце.

Слова Натали звучали искренностью, и Мари почувствовала къ ней симпатію, которой раньше, встрѣчая ее въ обществѣ, какъ жену Волынскаго, не чувствовала

— Вамъ подадутъ чай сюда, chère Мари; садитесь. Миша давно ушелъ въ контору, а дѣтей намъ сейчасъ приведутъ.

Съ террасы, обвитой дикимъ виноградникомъ, видъ внизъ на садъ былъ чудесный. День былъ теплый,

небо было сине и солнце ярко. Вдали показалась няня съ двумя дѣтьми. Мари пошла имъ на встрѣчу. Годовой мальчуганъ съ толстыми ножонками, пухлый и румяный, какъ двѣ капли воды похожій на отца, недовѣрчиво протянулъ и отдернулъ ручку. Трехлѣтняя Мими, въ бѣломъ пикейномъ платьицѣ, съ краснымъ ведеркомъ въ рукахъ, стояла поодаль и, глядя изподлобья голубыми глазками, ласково улыбалась. Она довѣрчиво протянула ручку Мари, опустивъ глазки, дала поцѣловать себя и вдругъ что-то залепетала и стала тянуть Мари за руку:

— Маленькій, маленькій... вотъ такой маленькій... двумя пальчиками у самаго носика показывала она.

— Кто же маленькій, моя крошка?—спрашивала Мари, любуясь живостью жестикуляціи и милымъ лепетомъ.

— Теньчикъ маленькій... Вотъ такой...

Крошка потащила Мари вглубь сада, чтобы показать птенчика. Съ этой минуты между ними установилась тѣсная дружба, и Мари, очарованная малюткой, почувствовала въ первый разъ послѣ смерти матери, что солнце грѣло и сіяло ласково, что отъ цвѣтовъ шелъ ароматъ и что въ душу ея проникло что-то ласковое, что-то успокоительное.

— Ну, какъ тебѣ понравились, тетя, мои птенцы?—спросилъ ее Михаилъ за завтракомъ.—Какъ ты нашла мою баловницу Мимишку?

— Очаровательное дитя! Elle est ravissante, elle a quelque chose de touchant,—съ чувствомъ отвѣтила Мари.

— А на меня похожа?

— Да, очень похожа,—отвѣтила Мари безъ запинки, чувствуя, что утвердительнымъ отвѣтомъ доста-

витъ племяннику громадное удовольствіе, но въ душѣ она не находила ни малѣййшаго сходства между отцомъ и дочерью.

Натали, взявъ Мари подъ руку, показала ей весь огромный домъ. Нижній этажъ занимали они, а въ верхнемъ были парадная комнаты. Широкая дубовая лѣстница, крытая алымъ ковромъ, вела въ два поворота изъ вестибюля наверхъ. На стѣнахъ были большіе лѣпные гербы рода Дунайскихъ. На второмъ поворотѣ лѣстницы громадное золоченое бра было вдѣлано въ перила. Большой бѣлый залъ выходилъ многими окнами на лучшую часть сада и прудъ. Здѣсь въ былыя времена Дунайскій давалъ балы и обѣды; далѣе шла комната, въ которой были собраны полотна хорошихъ мастеровъ. За ней обширный кабинетъ-библіотека, затѣмъ угловая гостиная и рядомъ великолѣпная парадная розовая спальня съ широкой кроватью подъ балдахиномъ и зеркальными дверями.

— Я здѣсь бывала дѣвушкой на балахъ у дяди,— говорила Натали,—въ молодости онъ скупъ не былъ и отличался умѣньемъ устраивать пышные праздники. Посмотрите, Мари, на этотъ портретъ: вѣдь, правда, красавица? Это жена дяди, умершая молодой. Съ ея смертью онъ пересталъ устраивать балы и обѣды, и домъ замеръ. Мишель собирается на будущую весну сдѣлать визиты и воскресить домъ большимъ баломъ. Вы знаете Мишу: воображаю, что это будетъ! Поразитъ всю губернію... Его такъ интересуетъ все касающееся деревни, что я думаю, не лучше ли ему бросить военную службу и служить тутъ по выборамъ. У насъ теперь такое состояніе, что онъ вездѣ можетъ создать себѣ прекрасное положеніе.

— Не думаете ли вы, Натали, что Миша слишкомъ

молодъ, чтобы зарываться въ деревню?—нерѣшительно замѣтила Мари.

— Зачѣмъ же зарываться? Зиму мы можемъ проводить въ Москвѣ, благо у насъ теперь тамъ послѣ дяди и домъ остался. Вы не повѣрите, какъ на Мишу хорошо вліяетъ деревенская жизнь! Онъ, право, совсѣмъ иной сталъ съ тѣхъ поръ, какъ окунулся въ ея интересы. Лично мнѣ совершенно все равно, гдѣ жить, лишь бы только быть съ нимъ.

Мари понимала, что деревенская жизнь прельщала Натали потому, что здѣсь мужъ былъ ближе къ ней и дальше отъ причинъ ревности.

Въ мирной и однообразной деревенской обстановкѣ Гуракины прожили до начала октября и вернулись обратно въ Москву, гдѣ ихъ ждалъ заново отдѣланный домъ Дунайскаго, своими пышными аппартаментали мало напоминающій еще недавній сумрачный особнякъ съ громоздкой неуютной обстановкой. Теперь вездѣ блистали бронза и позолота, большія зеркала отражали легкую и изящную мебель, лѣпные потолки, статуи, картины и всевозможныя затѣи модной роскоши. Мари уступила просьбамъ племянника и его жены и переселилась на житье въ ихъ домъ, занявъ въ нижнемъ этажѣ пять комнатъ, изъ которыхъ одна была отдана миссъ Іонстъ. Англичанка по прежнему вязала канареечные и зеленые шарфы для бѣдныхъ, о которыхъ теперь думала и заботилась Мари.

VIII.

Жизнь Гуракиныхъ въ Москвѣ мало-по-малу стала принимать новый характеръ. Начались пышные обѣды и вечера. Кругъ знакомыхъ быстро увеличивался и

вскорѣ о домѣ Михаила и его блестящихъ пріемахъ стала говорить вся Москва. Красавецъ Гуракинъ былъ самымъ любезнымъ хозяиномъ и самымъ желаннымъ въ салонахъ кавалеромъ. Безъ него не затѣвался ни одинъ любительскій спектакль или благотворительный базаръ. Внося щедрый даръ, онъ въ то же время былъ душой и исполнителемъ задуманнаго дѣла. Ни одинъ великосвѣтскій пикникъ или тройки безъ него не обходились. Натали, блиставшая туалетами и своеобразной красотой, была всегда окружена толпой поклонниковъ и прихлебателей, которые ей были нужны какъ декорумъ, какъ противовѣсъ побѣдамъ мужа. Въ обществѣ она была ищущей веселья, кокетливой женщиной, тогда какъ въ душѣ она была только безгранично любящей женой, гнавшейся вслѣдъ затѣямъ мужа, чтобы не оставлять его одного въ водоворотѣ свѣтской жизни.

Помѣщеніе Мари казалось въ шумномъ, всегда полномъ гостей домѣ, отдѣльнымъ тихимъ мірком со своей правильной и строгой жизнью. Мало-по-малу дѣтскій мірокъ присоединился къ жизни тетки Михаила и въ то время, какъ въ пышныхъ аппартаментахъ танцовали, пѣли, устраивали спектакли и живыя картины, суетились, уставали, обращали ночь въ день, день въ ночь—въ пяти комнатахъ, убранныхъ уютной старинной мебелью, жизнь текла, какъ по шаблону, просто, разумно и бодро. Вставали и ложились рано, шли на прогулку, завтракали и обѣдали въ опредѣленные часы. Дѣти съ гувернанткой были тутъ же, такъ какъ Натали, ложась слишкомъ поздно, не могла выйти изъ спальни къ раннему завтраку дѣтей. Она не ревновала своихъ дѣтей къ заботамъ и ласкамъ Мари, потому что большая часть ея сердца была отдана мужу. Какъ первые уроки аз-

буки и первые молитвы Мари взяла на себя въ дѣтствѣ Михаила, съ такой же любовью она взяла на себя эту обязанность и теперь. Сидя подлѣ тетки на дѣтскомъ стульчикѣ, малютка Мими составляла слова изъ кубиковъ съ азбукой или, неловко перебирая пальчиками, училась вязать крючкомъ, путая шерсть и любуясь ея яркими цвѣтами. На лѣто уѣзжали въ имѣніе «Ташуки» и жили тамъ до начала октября, на зиму переѣзжали въ Москву. Михаилъ оставилъ военную службу и занялся хозяйствомъ. Очень быстро, входя самъ во всѣ детали, онъ усвоилъ премудрость сельскаго хозяйства и управлялъ имъ не хуже самого Моисея Борисовича, который, по желанію Натали, всетаки оставался на своемъ мѣстѣ. Михаилъ все болѣе и болѣе убѣждался, что Моисей Борисовичъ требуетъ строгой провѣрки и что положиться на него всецѣло было бы опасно, но Натали, защищая управляющаго, увѣряла мужа, что онъ преувеличиваетъ и что она такъ привыкла къ услугамъ Моисея Борисовича, что не можетъ себѣ представить кого-нибудь другого въ роли управляющаго. Бывали случаи, что Моисей Борисовичъ, чтобы добиться согласія Михаила въ дѣлахъ, выгоду которыхъ могъ оцѣнить только онъ одинъ, обращался предварительно къ Натали. Дѣлалъ онъ это умѣло и осторожно. Выходило всегда такъ, что Натали, понявъ неоспоримую выгоду дѣла, въ принципѣ соглашалась съ мнѣніемъ управляющаго, тогда какъ Михаилъ протестовалъ и не соглашался. Моисей Борисовичъ покорно пожималъ плечами:—«Какъ вамъ будетъ угодно, Михаилъ Владиміровичъ... Не смѣю настаивать»,—говорилъ онъ равнодушнымъ тономъ. Тогда Натали спорила съ мужемъ, настаивала, и планъ Моисея Борисовича удавался. Съ каждымъ годомъ Гуракинъ привязывался все болѣе и болѣе къ «Ташу-

камъ» и съ любовью вкладывалъ въ это имѣніе свои труды. Онъ любилъ лѣса, засаживалъ ими громадныя пространства и заботливо наблюдалъ, какъ съ каждой новой весной стройными рядами подымалась зеленѣющая площадь. Онъ заботился о благоустройствѣ крестьянъ, и они любили его и вѣрили ему. Для нихъ былъ выписанъ фельдшеръ, началась постройка школы.

— Очень широки въ своемъ размахѣ Михаилъ Владиміровичъ,—снисходительно улыбаясь и покачивая головой, говаривалъ Моисей Борисовичъ Натали.— Вотъ опять желаютъ новыя машины выписать, а старыя дарятъ крестьянамъ. Излишняя благотворительность! А когда я совѣтовалъ выгодно для крестьянъ продать ненужный намъ кусокъ земли—заупрямились.

Кусокъ земли, о которомъ говорилъ управляющій, наполовину былъ покрытъ болотомъ, и Гуракинъ запретилъ его продавать, не желая пользоваться мужицкой тупостью. Моисей Борисовичъ въ разговорахъ съ Натали подвергалъ критикѣ хозяйничанье Михаила, и хотя доходы не уменьшались, а увеличивались, Натали, сама того не замѣчая, довѣряла доводомъ управляющаго больше, чѣмъ фактамъ.

— Школу Михаилъ Владиміровичъ изволили затѣять преждевременно,—съ сокрушеніемъ говорилъ управляющій.—Куда намъ до школы! Мужики живутъ, какъ свиньи. Пусть раньше отъ грязи обчистятся, пусть избы въ порядокъ приведутъ, изъ скотовъ на людей пусть станутъ похожи, тогда и о грамотѣ можно думать. Денегъ на эту школу ухлопаемъ уйму, а ни толку, ни пользы отъ нея, даю честное слово, быть не можетъ.

Слушая доводы управляющаго, который умѣло под-

тасовывалъ крупныя цифры расхода на школу, Натали приходила къ заключенію, что онъ правъ и что ея мужъ слишкомъ легко относится къ тратамъ для сомнительной пользы крестьянъ.

— Прошу тебя, Натали, не раздражай меня сужденіями, въ которыхъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла,—горячился Михаилъ, когда Натали начинала выговаривать ему за непрактичность и, якобы отъ себя, приводила доводы, слышанные отъ управляющаго.—Чтобы вывести мужика изъ скотскаго состоянія, ему прежде всего нужна грамота. Освободили отъ рабства, сдѣлали святое дѣло, такъ надо поскорѣе доканчивать его, а не тормозить.

Случалось не разъ, что Михаилъ приходилъ къ теткѣ и жаловался ей на жену. Тогда Мари наводила Натали на нужную тему, и слово за слово ей иногда удавалось отстоять племянника въ дѣлѣ крестьянской пользы. Не то бывало въ городѣ. Зимой въ тихія комнаты нижняго этажа не разъ съ волненіемъ вбѣгала Натали и, запершись съ ней, подолгу изливала свои сердечныя обиды: Михаилъ слишкомъ много ночей проводитъ въ ресторанахъ, ухаживаетъ то за одной, то за другой изъ дамъ; Михаилъ является домой подъ утро сильно подкутившій, Михаилъ скрываетъ какую-то переписку и, конечно, романическаго характера; Михаилъ вмѣсто того, что возвращаться съ бала съ ней вмѣстѣ, поѣхалъ провожать madame... И безъ конца сыпались жалобы и вмѣстѣ съ ними слезы.

— Не плачьте, Натали, я поговорю съ Мишелемъ,—успокаивала Мари,—можетъ быть, это такъ, случайное. У Миши сердце очень доброе, и если съ нимъ говорить ласково, онъ сознаетъ свою вину и сожалѣетъ о ней. Вы бываете, Натали, слишкомъ вспыльчивы и не всегда его понимаете. Конечно, онъ виноватъ, я

не защищаю его, но, chère Натали, надо считаться съ его молодостью.

— Однако, ему двадцать восемь лѣтъ, пора бы остепениться,—раздраженно замѣчала Натали.

«А тебѣ за тридцать»...—думала про себя Мари и, отъ всей души сочувствуя обидамъ Натали, въ то же время жалѣла племянника. При первомъ же удобномъ случаѣ она звала его къ себѣ и кротко упрекала его за легкомысленное поведеніе по отношенію жены. Михаилъ сперва оправдывался, какъ умѣлъ, потомъ каялся теткѣ въ своихъ грѣхахъ, а потомъ повѣрялъ ей всѣ свои похожденія, которая оказывались гораздо болѣе серьезными, чѣмъ ожидала Мари.

— Ахъ, Миша, Миша! Ну, какъ это возможно! Какъ уживается въ тебѣ и доброе сердце, и умъ, и любовь къ Богу, и обманъ?

— А какъ же мнѣ быть иначе, тетя?

— Не обманывать, это такъ просто,—восклицала Мари, съ укоризной глядя на племянника.

— Нѣтъ, тетя, это невозможно. Бросить Натали я не могу, потому что у меня дѣти, и потому, что она не переживетъ разрыва со мной, а отдать ей всѣ мои чувства и мысли я тоже не могу, да и не хочу.

Михаилъ говорилъ не горячась, и въ словахъ его Мари чувствовала серьезную продуманность.

— Ты сама понимаешь, тетя, что Натали, какъ подруга жизни, мнѣ не пара. Я люблю жизнь и все, что въ нее включается; Натали любитъ только меня, а еще точнѣе, меня для себя. Если бы не Мимишка, то, конечно, я не женился бы на ней. Ты упрекаешь меня за большія траты, но, право же, тетя, я такъ много работаю надъ дѣлами Натали, такъ оберегаю и увеличиваю ея интересы, что лишнихъ десять или двадцать тысячъ, что

я бросаю на свои забавы—это ничтожная сумма въ ея колоссальномъ состояніи.

— Но какъ же ты можешь, мой другъ, говорить о своей любви къ другимъ женщинамъ, когда у тебя есть жена? Вѣдь это же грѣхъ и безчестно.

— Ахъ, тетя, оставь въ покоѣ богословіе и мораль: она сдѣлана для людей, а не люди для нея. Что мнѣ до морали, когда я не могу жить безъ увлеченій и страстей. Всѣ мои побужденія, всѣ мысли, всѣ силы, вся энергія—это любовь къ женщинамъ. Какъ язычникъ, я воздвигаю алтарь не одному, а многимъ богамъ. Равно передъ каждой, давшей мнѣ счастье любви, передъ каждой, родившей во мнѣ бурю страсти, я на колѣняхъ возжигаю ѳиміамъ и поклоняюсь ей. Если ты видишь во мнѣ бьющую ключомъ жизнь и энергію, то это потому, что я всегда нахожусь въ атмосферѣ любви. Безъ любви нѣтъ жизненнаго подъема. Если бы я могъ такой страстной любовью полюбить одну женщину и на всю жизнь—это было бы съ твоей точки зрѣнія не грѣшно, но не каждому дана одинаковая сердечная организація. Мое сердце сдѣлано такъ, что каждую новую женщину я люблю еще глубже и страстнѣе, какъ бы въ благодарность за то, что она открываетъ мнѣ все новый и новый міръ переживаній, настроеній и любви къ жизни.

— Что бы сказала мама̀, если бы услышала тебя?— грустно покачала головой Мари.

— Разсудкомъ она осудила бы меня, а душой, я думаю, что поняла бы. У grand'maman была глубокая душа, и она понимала то, что другіе осуждали; да вѣдь и ты, тетя, понимаешь меня. Твоя душа, я чувствую, близка моей,—говорилъ Михаилъ, цѣлуя руку тетки.

— Я жалѣю тебя, Миша. Я вижу, что ты безъ

удержу отдаешься страстямъ и не только не работаешь надъ собой, но даже наслаждаешься ихъ безудержной надъ тобой властью. Отъ этого страдаетъ семья. Натали, въ вѣчномъ страхѣ потерять тебя, отдаетъ тебѣ всѣ свои мысли и силы и на долю дѣтей остается очень мало. Мими не спускаетъ съ тебя глазъ; она очень чуткое дитя и, повѣрь мнѣ, скоро будетъ понимать больше, чѣмъ понимаютъ другія дѣти въ ея годы. Ты долженъ работать надъ собой ради дѣтей.

— Нѣтъ, тетя, ужъ ты, пожалуйста, не пугай меня дѣтьми, не дѣлай мнѣ пугала изъ ихъ милыхъ головокъ. Имѣя наставницей такую тетку, какъ ты, они выучатся любить своего отца, а не критиковать.

Увѣщеванія Мари такимъ образомъ оканчивались ничѣмъ, и жизнь Гуракиныхъ, снаружи полная блеска и веселья, таила въ себѣ грустныя стороны, которыя сильно терзали Натали. Михаилъ, боясь углубляться въ размышленія, боясь понять все увеличивающійся разладъ своей семейной жизни и въ то же время наединѣ съ самимъ собой страдая отъ этого разлада, заглушалъ укоры своей совѣсти и отдавался какъ во хмѣлю водовороту бурной жизни.

Послѣ смерти старухи-бабки онъ нѣсколько разъ видѣлся съ отцомъ. Владиміръ Гуракинъ помирился съ сыномъ, но видѣть его жену желанія не выражалъ. Сынъ былъ счастливъ, что ссора кончена, и, боясь раздражать отца, никогда не подымалъ этого вопроса. Черезъ четыре года послѣ смерти матери умеръ у себя въ деревнѣ Владиміръ Гуракинъ, оставивъ сыну довольно крупное состояніе. Съ полученіемъ наслѣдства Михаилъ почувствовалъ душевное облегченіе, такъ какъ милліонное состояніе жены ставило его въ какую-то зависимость, которая крайне тяготила его самолюбивую натуру. Теперь сознаніе своей независимости дѣлало

его болѣе счастливымъ и спокойнымъ, но въ то же время усилило въ немъ жажду къ жизненнымъ радостямъ, которыя теперь стали ему—матеріально свободному человѣку—еще доступнѣе.

Если Гуракинъ присоединялся къ какой-нибудь кутящей компаніи, то всѣ знали, что шампанское будетъ литься рѣкой; лакеи въ ресторанахъ получали бѣшеные на-чаи, оркестръ и цыгане угощались виномъ, за каждый лишній номеръ, исполненный по желанію кутящей компаніи—имъ высылалась радужная. За съѣденное и выпитое и за разбитую посуду баснословный счетъ посылался на домъ Михаилу и безъ провѣрки оплачивался изъ конторы. Вся Москва любила его и называла настоящимъ русскимъ бариномъ.

Однажды на масляной, выйдя навеселѣ изъ ресторана, Гуракинъ шелъ съ товарищемъ по Тверской. Издалека послышались крики; публика въ страхѣ разбѣжалась по сторонамъ; извозчики, нахлестывая лошадей, мчались во весь духъ, сворачивая въ боковыя улицы. Разгоняя все на своемъ пути, по Тверской бѣшено мчалась тройка. Лошади, закусивъ удила, взметая снѣжную пыль, несли сани безъ кучера. Обезумѣвшая отъ страха дама, судорожно уцѣпившись за высокую спинку саней, отчаянно кричала.

Въ одно мгновеніе Михаилъ перебѣжалъ съ тротуара на середину дороги. Тройка летѣла на него. Въ публикѣ, бѣгущей прочь, раздался крикъ ужаса. Въ эту же секунду бѣшеные кони налетѣли на Гуракина, смяли его, поднялись на дыбы и стали на мѣстѣ, храпя и дико вращая бѣлками. Михаилъ безъ шапки, съ оторванной полой, висѣлъ на поводьяхъ, держа лошадей желѣзной рукой подъ уздцы. На помощь бросились дворники и лавочники. Михаила освободили. У него было сильно зашиблено плечо и нога.

Къ вечеру полъ-Москвы знала о безумной смѣлости Гуракина, и его престижъ выросъ еще больше. Къ тридцати годамъ за нимъ закрѣпилась репутація веселаго, безшабашнаго товарища кутежей, добродушнаго и беззаботнаго мота, покорителя женскихъ сердецъ и богато-одареннаго поклонника искусствъ. Бѣдные артисты и музыканты безъ мѣстъ и безъ денегъ всегда находили поддержку Гуракина: онъ устраивалъ имъ мѣста, гастроли и помогалъ деньгами. Начинающіе пѣвцы, подающіе надежду, получали отъ него субсидіи или же онъ платилъ за ихъ уроки.

Натали протестовала и ссорилась съ мужемъ. Михаилъ, досадливо махнувъ рукой, исчезалъ изъ дому на весь вечеръ и ночь и продолжалъ дѣлать по своему. Моисей Борисовичъ, подводя за годъ итоги расходамъ на благотворительность, находилъ случай довести ихъ до свѣдѣнія Натали.

— Что ни годъ, то Михаилъ Владиміровичъ становятся щедрѣе,—начиналъ онъ какъ будто съ благодушной улыбкой.—Не говоря уже о крестьянахъ и всякихъ нашихъ попрошайкахъ, а сколько денегъ переводимъ на артистовъ—и сказать не рѣшаюсь!—продолжалъ онъ, переходя отъ благодушнаго тона къ соболѣзнующему.—Я бы совѣтовалъ вамъ, Наталія Георгіевна, хотя немного отвадить этихъ актеровъ и пѣвцовъ отъ нашей конторы, а то, если будемъ продолжать въ такомъ аллюрѣ, то немудрено будетъ и разориться.

— Ну что вы, Моисей Борисовичъ! При нашемъ состояніи развѣ ужъ такъ велики эти траты?—полунедовѣрчиво, полуозабоченно возражала Гуракина.

— Помилуйте, Наталія Георгіевна, вѣдь и милліоны истощаются. Загляните какъ-нибудь въ книгу.. За этотъ годъ расходы невѣроятные. Что съѣли одни

балы да рестораны! За эти три недѣли, что Михаилъ Владиміровичъ за границу ѣздили, болѣе пяти тысячъ изволили истратить... Теперь вотъ приказали мнѣ ежемѣсячно двѣсти рублей высылать въ Миланъ на жизнь и уроки молодому пѣвцу, который у васъ на собраніяхъ нѣсколько разъ пѣлъ. Я попробовалъ было запротестовать, они такъ и зыкнули на меня: «Ничего, молъ, не понимаете, говорятъ; такой голосъ, что грѣхъ не поддержать»... Мало ли всякихъ голосовъ и артистовъ. Наша контора вѣдь не консерваторія для нихъ.

— Разумѣется,—соглашалась Натали.—Я непремѣнно переговорю съ мужемъ...

— Только ужъ вы оградите меня, Наталія Георгіевна, а то опять выйдетъ непріятность. Скажутъ, что сую носъ, куда не велѣно.

— Можете быть спокойны, Моисей Борисовичъ, я васъ не выдамъ; скажу, что взяла книгу для провѣрки затеряннаго счета и случайно напала. А вы, пожалуйста, пришлите мнѣ изъ конторы книгу.

— Это сумасшествіе, это безуміе такъ тратить деньги,—говорила черезъ нѣсколько дней Натали мужу.—Кончится тѣмъ, что ты разстроишь наши дѣла... Мы не должны забывать, что у насъ дѣти. Посмотри пожалуйста: «по ресторанному счету—800 р., по ресторанному счету 630 рублей, по ресторанному счету 540 рублей, по ресторанному счету—680 рублей. Вѣдь это невѣроятно, Мишель!! А дальше?!

— Уволь, уволь меня, матушка, отъ этихъ рацей и не порти мнѣ хорошаго настроенія духа.

— Да у тебя вѣчно хорошее настроеніе духа,—раздражалась Натали.

— Такъ вотъ и цѣни это. Когда окажется, что твои доходы идутъ на убыль, тогда и затѣвай нраво-

ученія, а пока я держу все въ порядкѣ, до тѣхъ поръ ты уволь отъ надзора за мной, а лучше перенеси его на своего жида—Моисея Борисовича, который чуть было не спустилъ тройку заводскихъ коней. Теперь онъ выкручивается, да меня не такъ-то легко провести.

Для Натали было ясно, что между управляющимъ и мужемъ росла глухая вражда. Довѣріе Натали къ опытному управляющему, вѣдавшему дѣлами старика-дяди, отъ словъ мужа не колебалось; она не сомнѣвалась, что онъ раздражался противъ Моисея Борисовича за то, что тотъ не потакалъ его расточительности и всецѣло былъ преданъ ея личнымъ интересамъ. Тѣмъ болѣе она цѣнила и все чаще призывала къ себѣ для дѣловыхъ переговоровъ лукаваго еврея. Михаилъ подтрунивалъ надъ женой, но продолжалъ всѣ дѣла вести самъ, провѣрять во всемъ управляющаго и пользовался жизнью съ неутомимой жаждой.

XIV.

Въ двухъ верстахъ отъ Москвы стоялъ окруженный густымъ и большимъ садомъ Воскресенскій монастырь. Бѣлый, съ золоченными главами куполовъ, онъ былъ далеко виденъ издали. У большихъ воротъ съ желѣзной рѣшеткой сидѣла монашка на низенькой деревянной скамейкѣ и вязала чулокъ. Весеннее солнце пригрѣвало ее, и она, откладывая работу, подолгу смотрѣла вдаль мимо дороги, за которой начинала зеленѣть даль полей. Прикрывъ ладонью сощуренные отъ яркаго солнце глаза, она встала со скамейки и внимательно поглядѣла на вьющуюся мимо монастырской рощи дорогу. Наконецъ, за облакомъ пыли она отчетливо разглядѣла знакомую карету, за-

пряженную парой бѣлыхъ красивыхъ рысаковъ. Не проходило недѣли, чтобы эта карета не останавливалась въ праздничные дни у воротъ монастыря. Монашка съ привѣтливой улыбкой слѣдила, какъ двигался столбъ пыли, отлетавшей по вѣтру. Рѣзвые кони остановились у воротъ, и изъ кареты вышла Мари и вслѣдъ за ней, вся въ бѣломъ, хорошенькая бѣлокурая дѣвочка.

— Здравствуйте, ваше превосходительство,—поклонилась монашка поясным̆ъ низкимъ поклономъ,—я и то поджидаю; думаю, что-жъ это нынче не ѣдутъ... Къ обѣднѣ давно отзвонили.

— Марѳинька милая,—обнимая монашку, заговорила дѣвочка,—ты послѣ обѣдни зайди за мной, чтобы въ саду погулять.

— Какъ княгинюшка велятъ, душенька моя, а я рада зайти за тобой,—отвѣчала монашка, лаская дѣвочку.

— Я тебѣ пирожковъ яблочныхъ привезла; такіе вкусные!..—нагнулась къ уху Марѳиньки дѣвочка.

— Спасибо тебѣ, душенька, что про меня вспомнила. Иди, иди теперь, вонъ тетя дожидается.

Мими догнала тетку и, по аккуратно расчищенной широкой дорожкѣ, огибающей чистый мощеный дворикъ, онѣ прошли въ монастырскую церковь. Съ клироса неслось стройное пѣніе монашекъ. Проходя мимо ихъ рядовъ, онѣ привѣтливо отвѣчали на поклоны и, ставъ на свое обычное мѣсто впереди, опустились на колѣни. Отецъ Федоръ съ кадиломъ въ рукахъ вышелъ изъ царскихъ вратъ. Синій дымъ ладана легкими и прозрачными волнами несся вверхъ и таялъ въ косыхъ лучахъ солнца, лившихся золотымъ снопомъ изъ бокового окна купола. Впереди у праваго клироса, въ клобукѣ и черной до полу ман-

тіи, опираясь о толстую черную палку, стояла на малиновомъ коврикѣ полная пожилая настоятельница монастыря, княгиня Анна Валеріановна, въ схимѣ— мать Александра. Ея обрюзглое, пожелтѣвшее лицо было строго. Тонкія поджатыя губы и складка между бровей попрежнему выражали настойчивость воли и властолюбіе. Позади нея стояла молоденькая послушница и каждый разъ, какъ она становилась или вставала съ колѣнъ,—бережно и почтительно помогала ей, поддерживая за локоть. Княгиня, страдавшая въ послѣднее время ногами, получила почти полное исцѣленіе съ тѣхъ поръ, какъ приняла схиму. Княгиня Анна Валеріановна давно оставила Петербургъ и порвала съ нимъ всякую связь. Изрѣдка она ѣздила туда, чтобы навѣстить свой пріютъ, который теперь былъ всецѣло на рукахъ Ольги Онисимовны. Внѣ этихъ рѣдкихъ выѣздовъ, она жила отшельнической жизнью и видѣла лишь тѣхъ, кто пріѣзжалъ въ монастырь. Когда кончилась обѣдня, Мари съ племянницей подошли къ княгинѣ, и, послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія, всѣ вмѣстѣ прошли въ боковыя церковныя двери, ведущія въ длинный свѣтлый коридоръ съ высокими сводами и круглыми, наверху стѣны расположенными, окнами. Коридоръ велъ къ главному боковому крылу, гдѣ находилось помѣщеніе княгини и кельи монахинь, завѣдывающихъ хозяйственной частью монастыря. Помѣщеніе отца Федора было въ отдѣльномъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ крыломъ.

Отвѣчая медленнымъ наклоненіемъ головы на поклоны встрѣчныхъ монахинь, тяжело ступая мягкими башмаками и опираясь на палку, княгиня прошла съ гостями въ свое помѣщеніе, состоящее изъ скромныхъ, невысокихъ трехъ комнатъ. Первая комната

была кабинетомъ и пріемной, вторая—столовой и третья—маленькой спальней съ большимъ кіотомъ, полнымъ богатыхъ образовъ, перевезенныхъ изъ домовой молельни. Прошли въ столовую, гдѣ ожидалъ завтракъ: постный пирогъ, рыбьи котлеты и чай съ медомъ и вареньемъ. Восьмилѣтняя Мими, чинно усаживаясь къ столу, съ наслажденіемъ смотрѣла на простыя кушанья. Все, что подавалось за столомъ строгой княгини-монахини, казалось Мими необыкновенно вкуснымъ и совсѣмъ особеннымъ. Все нравилось ей въ тихой обители: и красивая церковь со стройнымъ пѣньемъ монахинь, и ихъ черныя рясы, и ихъ кельи, и веселая послушница Софья, и ласковая привратница Маринька, и густой садъ съ яблоками и вишнями, и пчельникъ, и рѣка въ саду, гдѣ самодѣльной удочкой она удила рыбу—словомъ, весь монастырь казался Мими чуднымъ міромъ, таившимъ въ себѣ особенныя радости. За завтракомъ велся общій разговоръ. Княгиня разсказывала Мари о тѣхъ больныхъ, которые выписались изъ лазарета, и о вновь поступившихъ, совѣтовалась о пріютской сироткѣ, умолявшей принять ее на послушаніе, вопреки желанію родственниковъ, жаловалась на одышку и сердцебіеніе.

— Можно, ma tante, пойти мнѣ въ садъ вмѣстѣ съ Марѳинькой?—спросила Мими, едва кончился завтракъ.

Когда Мими ушла, княгиня перешла вмѣстѣ съ Мари въ кибинетъ, гдѣ грузно опустилась въ низкое мягкое кресло и, протянувъ ноги, стала перебирать агатовыя четки.

— Такъ вы говорили, Мари, что завтра ѣдутъ,—продолжала княгиня начатый разговоръ,—а какъ же деревня?

— Они проѣдутъ въ «Ташуки» прямо изъ Парижа. А я съ дѣтьми и миссъ Іонстъ поѣдемъ туда послѣ Пасхи.

— Что бы они дѣлали безъ васъ, моя милая, или, вѣрнѣе, что дѣлали бы бѣдныя дѣти безъ васъ!

— Вѣдь я ихъ такъ люблю, княгиня, что не могу теперь представить своей жизни безъ этихъ милыхъ дѣтей. Если бы вы знали, что за сердце у этой дѣвочки, что за ласковость, quelle délicatesse d'âme... Обожаніе отца у нея доходитъ до крайнихъ предѣловъ и несмотря на то, что Миша ее балуетъ отчаянно, это дитя нисколько не портится. Есть минуты quand je l'admire,—столько въ этомъ ребенкѣ кротости и благоразумія.

— А къ матери она такъ же нѣжна?

— Конечно, она ее любитъ, но вы не можете себѣ представить, княгиня, какими странными глазами она смотритъ на мать, когда Натали при дѣтяхъ бываетъ раздражена и рѣзка съ Мишей. Съ ней надо быть такъ осторожной, я такъ боюсь за нее.

— Скажите, пожалуйста, Мари, а какъ же складываются дѣла на зиму? Какъ покупка дома?

— Миша окончательно рѣшилъ съ будущей зимы переѣхать въ Петербургъ, и покупка дома уже состоялась. Всю обстановку перевозятъ туда, а этотъ домъ Натали хочетъ сдать или продать.

— Если не очень дорого, быть можетъ, я его купила бы для пріюта. Отецъ Федоръ давно совѣтуетъ пріютъ перевести сюда, и я согласна съ нимъ; мнѣ очень тяжелы эти поѣздки въ Петербургъ, да и пріютъ безъ надзора. Вы скажите Натали, чтобы она подумала и прислала бы мнѣ для переговоровъ Моисея Борисовича. Конечно, и вы съ ними переѣдете изъ

Москвы?—продолжала княгиня послѣ минутнаго молчанія.

— Гдѣ они, тамъ и я,—улыбнулась Мари.

— Разскажите мнѣ, мой другъ, что это за исторія была съ Мишелемъ на балу у предводителя дворянства? На-дняхъ была у меня Орловская, упоминала что-то вскользь, но я не хотѣла ее разспрашивать. Что онъ опять начудилъ?

Мари съ сокрушеніемъ махнула рукой:

— Ахъ, княгиня, и вспоминать грустно. Мишѣ море по колѣни.

— Разскажите, мой другъ; вы знаете, вѣдь, я не болтлива.

— Да не отъ кого и скрывать: вся Москва знаетъ.

— Тѣмъ болѣе раскажите.

Княгиня поправилась въ креслѣ, приготовляясь услышать нѣчто интересное.

— Какъ и всюду, Миша долженъ былъ дирижировать на балу у предводителя. Вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо туда, онъ поѣхалъ куда-то кутить. Знаю, что компанія была большая, что нѣкоторые изъ этой же компаніи должны были также ѣхать на балъ. Разумѣется, Миша не въ мѣру пилъ, потому что, уѣзжая на балъ, подержалъ съ племянникомъ генералъ-губернатора скандальное пари.

Мари на минуту запнулась.

— Какое же пари? Могу себѣ представить!—слегка улыбнулась княгиня.

— У одной изъ кутящихъ съ ними дамъ была взята Мишей часть туалета, отдѣланная кружевами и лентами... Вы понимаете, про что я говорю... Онъ держалъ пари, что за бальнымъ ужиномъ у предводителя вмѣсто салфетки il s'en servira, а во время котильона вынетъ изъ кармана и обмахнетъ лицо.

Подумайте, княгиня, что за скандальное пари и гдѣ же? На такомъ блестящемъ балу! Все, что было условлено, онъ продѣлалъ за ужиномъ, при чемъ Аннетъ Волжская, сидѣвшая противъ Мишеля, увѣряетъ, что она замѣтила, что у него въ рукахъ вмѣсто салфетки было что-то странное. Но можете себѣ представить, какой вышелъ скандалъ, когда во время котильона, именно въ моментъ, когда онъ обмахивалъ лицо, кто-то его толкнулъ, la chose en batiste lui glissa des mains и зацѣпилась за чью-то шпору. Общій конфузъ и недоумѣніе. Натали, узнавъ, что это продѣлка Мишеля, была въ отчаяніи и, конечно, сейчасъ же уѣхала съ бала, а онъ въ восторгѣ, что выигралъ крупное пари, и нисколько не удрученъ скандаломъ. Потомъ ѣздилъ ко всѣмъ извиняться и, конечно, съ присущимъ ему добродушіемъ сумѣлъ все уладить.

— Ахъ, какой скандалъ!—закачала головой княгиня.—Воображаю, какъ это непріятно Натали. Бѣдоды́й онъ и, право, я нахожу, что съ годами у него дурь изъ головы не выходитъ, а приходитъ. Вы бы его удерживали, chère Мари, вѣдь вы всегда имѣли на него вліяніе, онъ такъ друженъ съ вами.

— Мало ли я съ нимъ говорю, княгиня. Пока говорю—слушаетъ и молчитъ и какъ будто даже самъ сокрушается, а едва кончу—онъ уже смѣется и увѣряетъ, что у него изъ всѣхъ поръ черти лѣзутъ. Теперь эта поѣздка въ Парижъ! Я упрашиваю Натали не ѣздить съ нимъ, оставить его одного мѣсяца на два; ужъ пусть тамъ перебѣсится. Нѣтъ-таки, на своемъ настаиваетъ, увѣряетъ, что сумѣетъ удержать его отъ бросанія денегъ. А я знаю Мишу: если ему дѣлать наперекоръ, онъ еще хуже.

— Да, очень это жаль,—сочувственно произнесла княгиня и задумалась.—Повѣрьте мнѣ, Мари, что вы

ничего не потеряли, оставшись въ дѣвушкахъ,—прервала она черезъ минуту молчаніе.—Примѣры у васъ передъ глазами. Вы сами говорите, что Мишель и добрый и честный человѣкъ, а развѣ вы можете его назвать хорошимъ мужемъ, и что выиграла Натали, бросивъ Волынскаго? Мы не знаемъ, что еще дальше будетъ... Я не предвижу ничего хорошаго. А князь Алексѣй!... Какую жизнь устроилъ онъ и мнѣ, и себѣ?

При воспоминаніи о своемъ супругѣ княгиня пришла въ волненіе. Четки упали на колѣни, пальцы задрожали и легкая судорога скривила ротъ.

— Всю жизнь я терпѣливо переносила уколы самолюбію и даже оскорбленія,—продолжала княгиня, по старой привычкѣ въ минуты раздраженія оправляя воротъ платья.—Я думала, что хоть къ старости онъ вернется къ семьѣ... Я не ропщу на Бога, я теперь всецѣло посвятила себя молитвѣ и дѣламъ монастыря, но я не пожелала бы никому кончать жизнь съ такими горькими воспоминаніями, какъ у меня. А вѣдь князя Алексѣя считаютъ и добрымъ, и мягкимъ, и честнымъ человѣкомъ... Всѣ его достоинства повели лишь къ тому, что онъ разстроилъ дѣла, рушилъ семейное счастье и запятналъ свое имя, связавшись съ этой...—у княгини чуть было не сорвалось бранное слово, но она во-время удержалась и нервно, быстро стала перебирать четки.

Мари молчала. Она знала, что всякій разъ, какъ княгиня вспоминала о мужѣ, она сильно волновалась.. Очевидно, ни постъ, ни молитва, ни монастырскія дѣла не могли заглушить кипѣвшую въ ея сердцѣ обиду, а быть можетъ и затаенную любовь къ мужу.

— До меня дошли слухи,—снова зоговорила княгиня,—что теперь онъ открыто ѣздитъ съ ней за границу и живетъ тамъ съ ней. Je n'ai jamais eu cet

honneur,—желчно улыбнулась княгиня.—Еще въ молодости я узнала отъ него глупѣйшую поговорку, что со своимъ самоваромъ въ Тулу не ѣздятъ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ Мими, и вскорѣ Мари стала прощаться.

— Такъ вы скажите Натали относительно ея дома; можетъ быть, мы и сойдемся въ цѣнѣ,—еще разъ напомнила княгиня.

Вернувшись домой, Мари прошла въ свою столовую, гдѣ ее ожидалъ завтракъ. Миссъ Іонстъ, Мими, маленькій, страшно живой Борисъ и гувернантка были тутъ же. Дѣти весело болтали, миссъ Іонстъ усердно и сосредоточенно питалась, Мари была задумчива. Наканунѣ у нея былъ повѣренный по ея личнымъ дѣламъ и между прочимъ сообщилъ ей, что онъ слышалъ, будто управляющій Гуракиныхъ ведетъ переговоры о продажѣ части лѣса рязанскаго имѣнія, о чемъ онъ узналъ стороной и по нѣкоторымъ даннымъ предполагаетъ, что переговоры эти ведутся безъ вѣдома Гуракина. Мари знала, что въ послѣднее время бывали случаи, когда управляющій дѣйствовалъ съ вѣдома Натали, но Михаилъ узнавалъ объ этомъ послѣдній. Обыкновенно это случалось, когда дѣло заключало въ себѣ крупную выгоду для Моисея Борисовича и сомнительную для Гуракиныхъ. Въ данномъ случаѣ опять-таки управляющій могъ дѣйствовть съ согласія Натали, и тогда всякое вмѣшательство Мари могло привести только къ лишней ссорѣ супруговъ. Мари, стоявшая совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ племянника, въ то же время невольно наблюдая за тѣмъ, что происходило, не разъ имѣла случай заключить, что за послѣдніе годы управляющій проявлялъ все большую и большую самостоятельность и не столько считался съ мнѣніемъ Михаила, сколько

искалъ черезъ посредство Натали дѣйствовать помимо него. Мари знала, что крестьяне его не любили и что служащіе, обожавшіе Михаила, ненавидѣли его и называли ловкимъ мошенникомъ. Послѣ долгихъ размышленій и сомнѣній, Мари рѣшилась молчать и не вмѣшиваться, такъ какъ, если управляющій имѣетъ дерзость продавать лѣсъ, цѣнимый Михаиломъ и помимо свѣдѣнія его жены, то, разумѣется рано или поздно это дойдетъ до ихъ свѣдѣнія и откроетъ глаза Натали на недобросовѣстность управляющаго.

За нѣсколько дней до отъѣзда, въ одинъ изъ рѣдкихъ вечеровъ, что Гуракины были дома и безъ гостей, они пришли пить чай къ Мари. Разговоръ велся на тему близкаго отъѣзда и перешелъ на предстоящіе сборы дѣтей въ деревню. Мари осторожно навела разговоръ на рязанское имѣніе, о красотѣ котораго она много слышала.

— Отчего бы вамъ его не продать, Натали?—намѣренно спросила она.

— Что вы, Мари, такое великолѣпное имѣніе!

— Но вѣдь вы туда совсѣмъ не ѣздите, къ чему оно вамъ?

— Да вѣдь «Ташуки» и рязанское—это лучшія имѣнія. Нѣтъ, я его ни за что не продамъ. «Ташуки» послѣ нашей смерти я отдаю Борѣ, а рязанское—получитъ Мими.

— Я слышала, тамъ у васъ лѣса очень хороши и очень ихъ много.

— Чудные лѣса. Но въ общемъ рязанское на полторы тысячи десятинъ меньше саратовскаго и со временемъ я имѣю въ виду прикупить земли или лѣсу, такъ что о продажѣ даже клочка я и думать не хочу.

Теперь Мари была вполнѣ освѣдомлена относительно мошеннической затѣи Моисея Борисовича и

тѣмъ болѣе рѣшила молчать, чтобы дать возможность совершиться продажѣ.

Вскорѣ Михаилъ, очень недовольный, что жена ѣдетъ съ нимъ, отдавъ послѣднія распоряженія по хозяйству, нѣжно простившись съ дѣтьми и теткой, уѣхалъ за границу. Натали, первый разъ разставаясь съ дѣтьми, плакала и горячо поручала ихъ Мари, хотя отлично знала, что подъ крыломъ тетки они въ большей сохранности, чѣмъ были бы съ ней.

XV.

Гуракины, проѣхавъ черезъ Вѣну, Тріестъ и Венецію, остановились въ Миланѣ на Piazza del Duomo и только что вышли изъ отеля, какъ sotto i portici носъ къ носу наткнулись на Чагина. Изумленіе, взрывы радостныхъ возгласовъ, рукопожатія, поцѣлуи и вопросы: Какъ? Когда? Куда и откуда?

— Ну и сюрпризъ!—улыбаясь, говорилъ Чагинъ и въ то же время щурился на прохожихъ, съ любопытствомъ разглядывавшихъ иностранца, необыкновенно высокаго и тонкаго, какъ жердь.

— Вы куда ѣдете, Сашá?—спрашивала Натали, очень довольная этой встрѣчѣ, такъ какъ чувствовала, что Михаилъ скучалъ съ ней.

— Поѣдемъ-ка вмѣстѣ, милый другъ,—перебилъ Михаилъ, также довольный встрѣчѣ.

У него мгновенно родилась счастливая мысль увлечь Чагина вмѣстѣ и такимъ образомъ получить нѣкоторую свободу, оставляя иногда жену въ компаніи друга, а иногда въ компаніи же друга самому слегка покутить.

— Если вы двигаетесь на югъ, то я съ удоволь-

ствіемъ присоединяюсь къ вамъ,—отвѣчилъ Чагинъ къ большой радости Гуракина.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Миланѣ,—единственный въ Италіи городъ, который Чагинъ не любилъ за его артистическую меркантильность, низводящую искусство на ступень торгашества,—они безъ системы, безъ заранѣе рѣшеннаго плана стали двигаться на югъ, проѣхавъ сперва по озерамъ. Для Михаила, обожающаго природу и искусство, встрѣча съ Чагинымъ была очень счастливой случайностью. Чагинъ не пропускалъ года, чтобы не побывать въ Италіи, и потому зналъ ее всю вдоль и поперекъ. Онъ любилъ эту страну солнца и красоты трогательной и благоговѣйной любовью.

— Мой духъ обиталъ всегда въ этой странѣ. Въ Россіи онъ воплотился впервые,—часто говорилъ Чагинъ,—и потому моей душѣ чужда и тяжела эта сѣрая, ничего мнѣ не говорящая природа. Русскій по рожденію, я люблю нашу націю, нашу прекрасную славянскую натуру, благородную, широкую, лѣнивую и безшабашную, но Россію, какъ страну, я не люблю и даже тягощусь ею. Я бросилъ свое имѣніе, потому что меня давила близость деревень съ ихъ унылыми сѣрыми избами, похожими на такихъ же сѣрыхъ, безцвѣтныхъ мужиковъ... Меня душили эти грязныя дороги, по которымъ я ѣздилъ въ роли хозяина, эти непросыхающія лужи, оборванные ребятишки со вздутыми животами, чахлые и некрасивые, валяющіеся въ грязи подъ гнилыми и покосившимися заборами. Сколько могъ, я старался внести хоть слабые признаки культуры, но я былъ безсиленъ побороть вѣковую апатію къ скотской жизни. Я бросилъ имѣніе, чтобы безцѣльно не мучить себя. Я завидую вашему мужу,—говорилъ Чагинъ, обращаясь къ Натали,—у

него глаза горятъ, когда онъ начинаетъ мнѣ разсказывать о своихъ хозяйственныхъ нововведеніяхъ. Чувствуется любовь къ землѣ, а я бѣгу отъ нея и чувствую себя счастливымъ вполнѣ только подъ этими горячими лучами, только у береговъ вѣчно синихъ, теплыхъ волнъ итальянскаго моря.

Когда останавливались въ маленькихъ приморскихъ городкахъ, Чагинъ часто уходилъ одинъ, подальше, садился къ самому берегу и, снявъ шляпу и подставляя маленькую голову жгучему солнцу, сидѣлъ неподвижно, глядя на синюю даль, несущую къ берегамъ теплыя, ласковыя волны. Онъ прислушивался къ ихъ ропоту, къ ихъ всплескамъ у подножья сѣрыхъ скалъ, къ ихъ журчанію между покрытыхъ зеленой плѣсенью расщелинъ, и онѣ говорили ему что-то глубокое, что-то трогательное и прекрасное, чего совсѣмъ не могла понять Натали. Когда они бродили по узенькимъ, какъ коридоры, уличкамъ какого-нибудь маленькаго городка, Чагинъ умилялся, и его чуткая къ красотѣ душа искала словъ, чтобы излить свои переживанія.

— Нѣтъ, ты только погляди,—говорилъ онъ негромкимъ проникновеннымъ голосомъ, беря Михаила подъ руку,—ты проникнись этимъ языкомъ красокъ и тоновъ! Ты видишь эти разноцвѣтныя, отъ солнца выгорѣвшія ткани бѣлья, развѣшанныя безпечной рукой... эти игрушечные домики съ деревянными балкончиками, съ облупившимися стѣнами, съ ползущими по нимъ розами, съ навѣсомъ изъ лиловыхъ глициній... Или эта крошечная піацетта съ портиками, съ лавками, завѣшанными отъ жара желтыми полосатыми тканями... эта низкая колонка съ бьющими струями воды въ мраморную вазу... эта облупившаяся въ маленькой расписной нишѣ Santa Madonna, и тутъ же дивный

старинный соборъ съ мраморными колоннами, съ кружевной рѣзьбой на пилястрахъ, съ альфресками на стѣнахъ, съ неподражаемой мозаикой. И все это залито благодатными лучами горячаго и яркаго солнца!...Все поражаетъ красотой линій и красокъ, естественно группирующихся, естественно выливающихся въ неподражаемую гамму сочетаній. Здѣсь царствовали боги Олимпа, здѣсь народилась несокрушимая вѣками идея красоты... Натали, взгляните вокругъ себя, неужели вамъ не хочется благоговѣйно сложить руки и передъ чѣмъ-то, передъ кѣмъ-то склонить колѣна?.. Oh Italia!.. Thou who hast the fatal gift of beauty... сказалъ Байронъ, и всегда повторяю я.

— Конечно, Сашá, все это очень красиво, но...

— Но ваша душа молчитъ,—докончилъ Чагинъ— Вамъ ничего не говорятъ эти низенькіе портики, этотъ журчащій фонтанчикъ, эти полуголые загорѣлые ребятишки, красивые и сильные, обожженные солнцемъ и пропитанные соленой влагой... А этотъ запахъ моря, запахъ устрицъ!... Сколько разъ на балахъ, въ душныхъ салонахъ я, закрывая глаза, переношусь сюда и, потянувъ въ себя воздухъ, чувствую этотъ опьяняющій морской запахъ и вижу ослѣпительныя отъ жгучихъ лучей улички, колонки, столики подлѣ маленькихъ кафе, съ томящимися отъ жары лѣнивыми итальянцами. Какъ я люблю все это, какое все это для меня близкое и дорогое!...

Михаилъ раздѣлялъ восторги своего друга, но далекъ былъ отъ пониманія тѣхъ утонченныхъ переживаній, которыя испытывалъ Чагинъ всякій разъ, какъ ступалъ на родную его духу почву Италіи. Онъ щедро награждалъ кочующаго итальянца съ большой шарманкой, которую послушно тащилъ сѣрый оселъ, останавливаясь передъ каждымъ кафе, передъ ка-

ждымъ открытымъ окномъ... «Lu mare ride... l'aria serena... Santa Lucia...» пѣлъ итальянецъ, бросая теплому ароматному воздуху и горячему солнцу яркіе бархатные звуки неаполитанской пѣсни.

— Ecco il gran' signore!...—улыбаясь и блестя черными глазами и бѣлыми зубами, говорилъ итальянецъ, принимая изъ рукъ Чагина щедрую подачку.

Натали надоѣло бѣгать по піацеттамъ, по соборамъ и жечься на солнцѣ, а потому она согласилась недѣлю отдохнуть въ Болоньѣ, въ то время какъ Михаилъ съ Чагинымъ спустятся внизъ по Адріатическому морю. Чагинъ повезъ Гуракина на могилу Данте въ Равенну. Въ этомъ городкѣ, будто застывшемъ въ вѣковомъ снѣ, Михаилъ испыталъ нѣчто похожее на то, что переживалъ его другъ. Нетронутые временемъ памятники отдаленныхъ вѣковъ краснорѣчиво вѣщали изумленному путешественнику о могуществѣ красоты, вкоренившейся въ народъ съ его ранней колыбели. Соборъ св. Аполлинарія—чистѣйшая базилика, неподражаемой красоты и легкости бѣлыя мраморныя колонны и богатая мозаика по всѣмъ стѣнамъ. Соборъ св. Виталія въ видѣ ротонды, сплошь отдѣланный мозаикой на золотомъ мозаичномъ же фонѣ. Мавзолей древней царицы Галліи Плачиды—верхъ искусства. Построенный изъ желтаго мрамора, онъ не имѣетъ отверстій для оконъ. Вмѣсто пяти оконъ мраморъ въ этомъ мѣстѣ выдолбленъ пальца на два, три толщины; при запертыхъ дверяхъ получается сказочное розовато-опаловое освѣщеніе. Три мраморныхъ великолѣпной рѣзьбы саркофага хранятъ въ себѣ останки царицы и ея двухъ мужей. Начиная съ половины стѣнъ кверху все покрыто тончайшей, неподражаемой мозаикой, въ яркости и тонкости исполненія могущей поспорить съ масляной краской.

— Вотъ что творилъ этотъ народъ еще въ IV и V вѣкахъ! Какая тонкость художественнаго вкуса, какая техника!—съ гордостью говорилъ Чагинъ, убѣжденный, что его духу близки эти отдаленные, засыпанные вѣковыми могилами великіе итальянскіе мастера.

Передъ мавзолеемъ Теодориха Великаго, обвитымъ по стѣнамъ ползучими розами, Михаилъ остановился, пораженный странной, импонирующей красотой и величіемъ.

— Обрати вниманіе, что весь верхъ—это цѣльный кусокъ камня, имѣющій въ діаметрѣ восемнадцать метровъ,—указалъ Чагинъ.

— Изумительно!

— Да, во второмъ вѣкѣ строили титаны, а не люди.

На ступеняхъ мавзолея Данте Чагинъ въ глубокой задумчивости склонилъ голову. Въ висячей рѣзной лампадѣ—даръ Флоренціи—теплился огонекъ.

— Я пришелъ къ заключенію, что Данте обладалъ медіумическими способностями, и ему было дано видѣть то, чего мы, простые люди, видѣть не можемъ. Полетъ одной творческой фантазіи не можетъ создать такихъ картинъ... Великій Данте великой Италіи!..— тихо прошепталъ Чагинъ.

— Нѣтъ, Сашá, ты дѣйствительно какой-то вырванный изъ далекихъ вѣковъ человѣкъ,—говорилъ Чагину Гуракинъ, когда они возвращались послѣ недѣльнаго странствованія.—Душа у тебя наша родная—славянская, а духъ, ты правъ, явился отсюда. Благодаря тебѣ я многое оцѣнилъ глубже, понялъ вѣрнѣе; но для меня нашъ Василій Блаженный, Успенскій соборъ, наши лѣса, степи, матушка-Волга, нашъ тѣнистый садъ съ прудомъ, нашъ старинный домъ въ «Ташукахъ»—право же ближе сердцу и дороже

и милѣе мавзолея Данте и лѣниваго журчанья фонтана на сонной, залитой солнцемъ піацеттѣ.

— Да, да, конечно, ты правъ,—отвѣчалъ Чагинъ,— потому что тебѣ все это чуждо, а для меня это родное. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я впервые увидѣлъ Италію. Неизвѣстно почему, съ очень ранняго дѣтства я мечталъ о странѣ, къ которой меня безотчетно тянуло.

Гуракины и Чагинъ поѣхали въ Римъ, Неаполь, Флоренцію, останавливались въ лучшихъ отеляхъ и вели такой grand train, что хозяева гостиницъ провожали ихъ съ букетами цвѣтовъ и низкими поклонами. Въ Віареджіо они разстались. Чагинъ остался на берегу Средиземнаго моря, а Гуракины поѣхали дальше.

XVI.

Прошло двѣ недѣли, промелькнувшихъ для Михаила какъ одинъ день. Въ Парижѣ его жизненная энергія удесятерилась. Онъ цѣлый день бѣгалъ по бульварамъ и по музеямъ, безъ передышки скакалъ верхомъ по Bois de Boulogne и до утра веселился и кутилъ на Monmartr'ѣ. Натали начинала тосковать о дѣтяхъ, и ей уже хотѣлось промѣнять сутолоку и блескъ Парижа на мирную деревенскую обстановку. Въ Парижѣ она не могла всюду слѣдовать за Михаиломъ, какъ это было въ Италіи; здѣсь, встрѣтивъ кое-кого изъ петербургскихъ знакомыхъ, они должны были бывать часто врозь. За послѣдніе дни Михаилъ, по какимъ-то непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не попадалъ на условленныя rendez-vous и въ то время, какъ Натали съ компаніей, занявъ ему кресло, поджидала его въ театрѣ, Гуракинъ оказывался въ иномъ

мѣстѣ и возвращался въ отель такъ поздно, что Натали, не въ силахъ побороть сна, чтобы его дождаться и сдѣлать сцену, засыпала. На слѣдующее утро, едва она открывала ротъ, желая выразить свое неудовольствіе, какъ Михаилъ перебивалъ ее и съ неистощимымъ запасомъ веселья разсказывалъ происшествія минувшей ночи.

— Представь себѣ, Натали, какая встрѣча!—возвѣстилъ онъ ей однажды, предупреждая неминуемую сцену за исчезновеніе съ утра и до утра.—Отгадай, кого я встрѣтилъ вчера на Boulevard des Italiens?.. Алину! Ничуть не измѣнилась, d'un chic parisien, веселая, довольная... Ждетъ тебя сегодня къ себѣ въ четыре часа. Какъ встрѣтила, сейчасъ же къ себѣ потащила. Отлично устроилась возлѣ Champs Elisés, всегда живетъ въ Парижѣ, продолжаетъ обожать князя Бибишъ и увѣряетъ, что чувствуетъ себя самой счастливой женщиной въ мірѣ.

— И онъ здѣсь?—спросила Натали.

— Нѣтъ, онъ пріѣзжаетъ нѣсколько разъ въ зиму, а лѣтомъ они путешествуютъ. Великолѣпно, я тебѣ скажу, устроился этотъ князь,—усмѣхнулся Гуракинъ.

— Онъ-то хорошо, а Алинѣ я не завидую.

— А вотъ она сама заявила мнѣ, что счастлива вполнѣ и что князь съ каждымъ годомъ привязывается къ ней сильнѣе.

— Это все прекрасно, но жить въ такомъ щекотливомъ положеніи я не думаю, чтобы было пріятно.

— Отчего же? Въ Парижѣ ее считаютъ женою князя, а въ Петербургѣ она распустила слухъ, что тетка умерла и оставила ей наслѣдство.

— Мало ли что она разсказываетъ: никто этому

не вѣритъ и отлично всѣ понимаютъ, что она живетъ на средства князя.

— Въ концѣ концовъ я согласенъ съ твоей Алиной, что важнѣе всего въ жизни, это быть счастливымъ, а нравится или не нравится наше счастье людямъ, до которыхъ намъ никакого нѣтъ дѣла,—право, это все равно. Лично я очень радъ за нее. Дѣйствительно, ея жизнь, да еще съ ея вкусами, была не сладкая, а теперь, не говоря о полномъ довольствѣ, она нашла счастье въ любви.

— Послушать тебя, такъ самое лучшее жить внѣ брака,—раздраженно прервала Натали мужа.

— Что лучше, что хуже, судить трудно,—задумчиво проговорилъ Михаилъ,—пусть каждый находитъ свое счастье тамъ, гдѣ можетъ...

— Я не выношу этихъ твоихъ легкомысленныхъ сужденій,—неожиданно вскипѣла Натали,—мало ли какъ намъ вздумается устраивать собственное счастье; надо считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ, и съ чувствомъ долга.

— Уволь, уволь меня, матушка, отъ уроковъ нравственности,—замахалъ руками Михаилъ,—во-первыхъ, я уже переросъ для этого, а во-вторыхъ, я сегодня необыкновенно чувствую себя въ духѣ, и ты мнѣ не порти настроенія.

— Ты ужъ придумалъ бы что-нибудь другое вмѣсто обычнаго заявленія, что ты въ духѣ. Я думаю, что нѣтъ обстоятельствъ, могущихъ вывести тебя изъ этого хроническаго состоянія.

— Это, мой другъ, зависитъ исключительно отъ душевнаго равновѣсія. Я ни на кого не злюсь, ко всѣмъ отношусь доброжелательно, люблю жизнь, физически—чувствую себя превосходно, потому мнѣ и

весело, а ты всегда раздражена и ничѣмъ не интересуешься.

— Oui, oui, c'est connu: j'ai un caractère infernal я это сто разъ отъ тебя слышала...

Натали искала ссоры, чтобы высказать накипѣвшее за эти дни раздраженіе на мужа, но Мишель торопливо поднялся и, сдерживая смѣхъ, въ одну минуту оказался въ пальто и со шляпой въ рукѣ.

— Madame, je vous tire ma réverance,—дурачливо, какъ школьникъ, раскланялся онъ передъ женой.

— Да куда же ты, постой...—разсердилась Натали.

— Я очень спѣшу. Въ три часа у меня rendez-vous съ Валуевымъ въ café de Paris. Ты поѣзжай къ Алинѣ, оставайся у нея обѣдать, а я часовъ въ десять заѣду за вами съ Валуевымъ, и мы куда-нибудь всѣ вмѣстѣ отправимся покутить.

— Послушай, Миша, я должна тебя совершенно серьезно предупредить, что я адски устала такъ трепаться. Намъ пора въ деревню, да, кромѣ того, мы истратили такую массу денегъ, что...

— Опять у тебя на первомъ планѣ деньги! Чортъ съ ними! На то и деньги, чтобы тратить.

— Да, но не въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаешь ты.

— Ну, прекрасно. Въ другой разъ я обѣщаю выслушать до конца твои экономическія соображенія, а теперь я бѣгу...

— Миша, даю тебѣ слово, что если ты опять обманешь и въ девять часовъ не заѣдешь къ Алинѣ, то я завтра же соберу вещи и уѣду. Мнѣ надоѣло, я устала, я не желаю больше оставаться, если ты бѣгаешь весь день одинъ и неизвѣстно съ кѣмъ проводишь въ кутежахъ ночи. Ты слышишь, Мишель?

— Я слышу, Натали... Будь спокойна, ровно въ десять я буду съ Валуевымъ у petite Suzanne.

Весело напѣвая шансонетку, Михаилъ поцѣловалъ руку жены и счастливый, что легко отдѣлался, быстро исчезъ.

Въ четыре часа Натали поѣхала къ Алинѣ. Послѣ великосвѣтскаго спектакля, сыгравшаго такую важную роль въ ея жизни, она долгое время не давала о себѣ никакихъ вѣстей. Прошло больше года, когда Натали получила, наконецъ, отъ нея письмо съ приложеніемъ той суммы, которую однажды Натали ей одолжила. Въ письмѣ своемъ Алина писала пріятельницѣ, что жизнь ея совсѣмъ измѣнилась, что ея любовь къ князю Бибишъ такъ велика, что она рѣшилась идти на компромиссъ съ своей совѣстью. Натали отвѣтила на это письмо, но переписка скоро прекратилась, такъ какъ Натали терпѣть не могла писать писемъ. Теперь она была очень рада повидаться и поговорить отъ души съ давнишней пріятельницей. Этотъ день въ особенности она испытывала безотчетную тяжесть на душѣ; блескъ и сутолока пышнаго отеля, шумъ и движеніе на улицахъ разстраивали ее еще больше. Во время утренняго разговора съ мужемъ ей особенно бросилась въ глаза его цвѣтущая красота, его мощная фигура, его бьющая ключомъ жизненная энергія и радость. Когда онъ ушелъ, она уныло принялась за утренній туалетъ и долго смотрѣла на себя въ зеркало. Отъ переутомленія и внутренней тревоги лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, глаза потускнѣли и мелкія морщинки залегли подлѣ глазъ. Она чувствовала себя неинтересной, увядшей, и тѣмъ болѣе вызывающая красота Михаила будила въ ней острую и подозрительную ревность. Въ эти минуты она пожалѣла, что не послу-

шалась совѣта Мари и не осталась въ деревнѣ, предоставивъ мужу на два мѣсяца полную свободу. Тамъ она была бы спокойнѣе: ея не смущали бы и не сердили бѣглые и ласковые взгляды, которые бросали на ея мужа встрѣчныя женщины... Она перехватывала его отвѣтные взгляды, которыми онъ обдавалъ каждую хорошенькую женщину, и еле сдерживала себя отъ злобы и отчаянія. Въ этотъ день въ глазахъ мужа такъ и переливались искры безудержнаго веселья въ то время, какъ ей хотѣлось плакать, бѣжать изъ Парижа, спрятаться въ деревню, гдѣ Михаилъ бывалъ къ ней внимательнѣе и ласковѣе. Съ такими мыслями ѣхала Натали къ Алинѣ. Не успѣла она перешагнуть порога, какъ та вбѣжала въ переднюю и съ громкимъ крикомъ радости крѣпко обняла ее.

— Какъ я рада васъ видѣть, Натали! Ну, покажитесь мнѣ скорѣе, моя дорогая... У васъ утомленный видъ и вы блѣдны...

— Ахъ, я такъ разстроена, вы представить себѣ не можете.

— Опять!...—вырвалось у Алины.

— Не опять, а всегда. А вы все такая же, даже лучше. Какъ у васъ хорошо! Какая очаровательная квартира... Сколько вкуса... Какъ уютно вездѣ... un vrai nid pour les amoureux,—говорила Натали, проходя нѣсколько комнатъ и останавливаясь въ уютномъ голубомъ будуарчикѣ.

— Это, такъ и есть, Натали, ничего не измѣнилось; попрежнему nous sommes deux amoureux,—весело проговорила Алина.—Я совершенно счастлива и спокойна. Первый годъ я очень страдала и боялась за наше счастіе, теперь я вѣрю и даже не ревную.

— А моя жизнь все та же пытка,—грустно проговорила Натали, усаживаясь на низенькій диван-

чикъ, весь обложенный шелковыми подушками.—Вы видѣли вчера Мишу; скажите, какъ вы его нашли?

— Просто красавецъ! Онъ тутъ свернетъ головы всѣмъ француженкамъ,—расхохоталась Алина, не замѣчая, какъ отъ ея словъ болѣзненно поморщилась Натали.

— Какъ бы онѣ ему не свернули,—вотъ чего я боюсь...

— Я и въ этомъ не вижу большой бѣды, пусть повеселится.

— Нѣтъ, Алина, вы знаете, что на этотъ счетъ у насъ съ вами различные взгляды; не будемте говорить на эту тему, я и безъ того чувствую себя сегодня разстроенной и пріѣхала къ вамъ, чтобы подбодриться и успокоиться. Разскажите мнѣ лучше о себѣ и о своей жизни.

— О себѣ могу вамъ сказать, Натали, что я счастлива, что никогда жизнь не казалась мнѣ такой прекрасной, какъ теперь, и что я не жалѣю о томъ, что довѣрилась князю.

— Могло бы кончиться и иначе.

— То есть, вы хотите сказать, что онъ могъ бы меня давно бросить?

— Конечно, Алина. Подумайте, какъ бы это было для васъ ужасно.

— Но все же у меня были бы хоть воспоминанія о минувшемъ счастіи. Помню, въ какомъ отчаяніи я была, получивъ тогда ваше письмо, Натали...

— Но развѣ я не была права? Я знала, что князь всегда смотрѣлъ очень отрицательно на бракъ, и считала своей обязанностью васъ предупредить.

— Вы хорошо сдѣлали, и я знала, на что шла, и все-таки ни о чемъ не жалѣю.

Алина улыбнулась, глядя на Натали счастливыми глазами.

— Жизнь измѣнилась для меня, какъ въ сказкѣ... Мнѣ такъ хорошо, такъ радостно на душѣ. Дѣтей у насъ нѣтъ, зачѣмъ же лишать князя воображаемой свободы... Все равно, онъ дѣлаетъ теперь все такъ, какъ захочу я, и дѣлаетъ это съ наслажденіемъ. Если бы вы знали, Натали, какъ онъ умѣетъ быть нѣженъ и преданъ женщинѣ. Я быстро изучила его характеръ, и когда онъ понялъ, что я не хочу мѣшать ему жить и прошу только любви и ласки,—онъ привязался ко мнѣ еще сильнѣе. Онъ такъ балуетъ меня, такъ много думаетъ обо мнѣ.

— Еще бы! Вѣдь вы принесли ему въ жертву все.

— Полноте, Натали! Я не хочу преувеличивать. Что же я принесла ему въ жертву? Сѣренькую, скучную жизнь безъ радостей, лишенную всякихъ интересовъ? Это нельзя назвать жертвой.

— А ваше имя, ваша честь? Развѣ съ этимъ вы не считаетесь?

— Вы говорите: имя, честь... Послушайте, Натали, да вѣрно ли все это? У меня нѣтъ ни дѣтей, ни родныхъ, кромѣ глухой тетки, которой нѣтъ до меня ровно никакого дѣла. Неужели я запятнала свою честь тѣмъ, что полюбила князя самой глубокой, вѣрной и преданной любовью? Неужели вы и другіе мыслящіе люди могутъ считать меня менѣе честной, чѣмъ баронессу Шельманъ, безконечно мѣняющую свои привязанности, или Нелли Гарину, обманывающую добряка мужа сначала съ однимъ, теперь съ другимъ. Я много мучилась надъ этими вопросами, а потомъ рѣшила, что счастье мнѣ дороже всего.

— Если вы нашли то, что искали—я рада за васъ, Алина. Моя жизнь сложилась иначе, и чѣмъ дальше,

тѣмъ кажется хуже. Иногда мнѣ кажется, что Миша меня совсѣмъ разлюбилъ...

Натали долго, со слезами жаловалась на свою полную мучительныхъ сомнѣній и подозрѣній жизнь.

Алина нѣсколько разъ пробовала указывать на ошибки въ отношеніяхъ къ мужу, но Натали раздражалась еще больше, и Алина замолчала, давъ ей возможность облегчить душу. Время прошло незамѣтно и было около девяти, когда встали изъ-за обѣденнаго стола. Узнавъ, что Михаилъ съ товарищемъ заѣдутъ за ними, Алина вызвала къ вечеру еще двоихъ кавалеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ генералъ Тищевъ, товарищъ князя, только что пріѣхавшій изъ Петербурга, другой—богатый приволжскій помѣщикъ Панчинъ, всегда проводившій зимы въ Парижѣ. Когда пробило десять, а Михаила все еще не было, Натали начала замѣтно волноваться. Она сдѣлалась разсѣянна, отвѣчала невпопадъ на вопросы. Пробило одиннадцать. Натали, взволнованная и блѣдная, ежеминутно поглядывала на часы. Алина, чтобы разсѣять ея напряженное состояніе, предложила ѣхать съ тѣмъ, что консьержъ укажетъ опоздавшему Гуракину названіе ресторана, куда они отправятся. Помѣщикъ—интересный блондинъ, прекрасно знавшій Парижъ, предложилъ ѣхать въ недавно открывшійся испанскій ресторанъ. Благодаря окружающей сильно взвинченной атмосферѣ ночного ресторана и оживленію всей компаніи, Натали вскорѣ отвлеклась и съ интересомъ слѣдила за всѣмъ, что вокругъ нея происходило.

Большой овальной формы залъ былъ съ двухъ сторонъ по стѣнамъ уставленъ столиками съ лампочками подъ разноцвѣтными яркими абажурами. На бархатныхъ малиновыхъ скамейкахъ передъ столиками сидѣла публика: тутъ были дамы въ скромныхъ туа-

летахъ—пріѣзжія иностранки со своими знакомыми или мужьями, и вперемежку съ ними вызывающія, подрисованныя, сильно декольтированныя женщины полусвѣта въ яркихъ, кричащихъ туалетахъ. Хозяинъ ресторана—красивый и породистый испанецъ во фракѣ, любезно встрѣчалъ каждаго гостя и устраивалъ его у свободнаго столика. Сверху ярко падалъ свѣтъ изъ разноцвѣтныхъ лампіончиковъ, перевитыхъ гирляндами цвѣтовъ и зелени. Оркестръ, помѣщенный сбоку за колоннами, наполнилъ залъ мелодіями, захватывающими дикимъ весельемъ и разгуломъ. Посреди зала тонкая, гибкая, какъ змѣя, испанка, вся перевитая алой шалью съ бахромой, гремя кастаньетами, извивалась и кружилась вокругъ крѣпкаго, какъ изъ стали выточеннаго, испанца, обтянутаго въ черные панталоны съ широкимъ поясомъ. Ритмично и упруго онъ отбивалъ подошвами по паркету, и казалось, что въ каждомъ ударѣ его пятки скрыта затаенная не то бѣшеная ревность, не то бѣшеная страсть. Каждый его мускулъ, каждый нервъ принималъ участіе въ страстномъ танцѣ, и публика зажигалась однимъ общимъ наэлектризованнымъ подъемомъ. Нѣсколько паръ одна за другой исполняли «хоту», и каждая вносила что-то свое личное, но одинаково кипучее и неотразимо-страстное. Натали, не слушая, что ей разсказывалъ генералъ, не обращая вниманія на сидѣвшую рядомъ съ ней роскошную красавицу испанку въ громадной черной шляпѣ, съ великолѣпнымъ бюстомъ и глазами, напряженно слѣдила за танцами. Ея глаза разгорѣлись, щеки зарумянились, губы полуоткрылись. Алина, улыбаясь, смотрѣла на нее. Она была довольна, что Натали отдалась общему настроенію и забыла о мужѣ. Мимо столиковъ то и дѣло мелькали улыбающіяся женщины съ ярко алыми губами, съ

остро блестящими глазами. Онѣ неестественно шевелили бедрами и перебрасывались съ мужчинами вызывающими, многозначительными шутками. Въ залѣ стояла какая-то особенная экзотическая атмосфера. Слышалась испанская рѣчь. Женщины полусвѣта почти всѣ были испанки.

— Ахъ!..—неожиданно вскрикнула Натали.

Алина и оба собесѣдника взглянули на нее. Она была блѣдна, лицо выражала не то страданіе, не то испугъ, глаза неподвижно были устремлены въ сторону входа, гдѣ любезный хозяинъ-испанецъ, высокій и сухощавый, съ синими бѣлками какъ уголья горящихъ глазъ, склонивъ слегка голову вбокъ, улыбаясь, что-то говорилъ вошедшей парѣ. Алина взглянула по направленію взгляда Натали и вздрогнула: необыкновенно красивая, совсѣмъ юная женщина въ ярко-зеленомъ шелковомъ туалетѣ, сильно обнажавшемъ ея покатыя плечи, съ такимъ же страусовымъ перомъ, спускающимся ниже затылка, направлялась къ ближайшему столику. Вслѣдъ за ней шелъ Гуракинъ. Въ одной рукѣ у него былъ цилиндръ, которымъ онъ небрежно помахивалъ, въ другой—букетъ яркихъ розъ. Они прошли вглубь зала. Хозяинъ-испанецъ, опершись ладонями о столикъ, съ улыбкой выслушивалъ то, что ему говорилъ Гуракинъ. Когда онъ отошелъ, Гуракинъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ публику, очевидно, не замѣтилъ присутствія жены и, придвинувшись совсѣмъ близко къ своей дамѣ, принялся что-то говорить ей на ухо. Только Алина поняла все значеніе совершающагося. Оба кавалера съ удивленіемъ смотрѣли на измѣнившуюся въ лицѣ Натали, безмолвно и напряженно глядящую въ одну точку.

— Натали!...—тихо обозвала ее Алина.

Но та не слышала; пальцы, судорожно сжимавшіе бокалъ шампанскаго, замѣтно дрожали.

— Натали... Уѣдемте,—наклоняясь къ ея уху, прошептала Алина.—Ради Бога возьмите себя въ руки... вамъ нельзя здѣсь оставаться.

— Je vous prie de me laisser tranquille. Je ne bouge pas. Я буду здѣсь, пока они не уйдутъ,—дрожащимъ голосомъ отвѣтила Натали, слегка отстраняя Алину.

— Натали, я васъ умоляю... можетъ выйти страшный скандалъ.

— О, теперь мнѣ рѣшительно безразлично, что бы ни произошло...—нервно и неестественно разсмѣялась Натали.—Будьте спокойны, я справлюсь съ собой...—и съ этими словами Натали, продолжая неестественно смѣяться, подняла свой бокалъ.—За любовь, messieurs, я предлагаю тостъ за любовь.

Оба кавалера съ готовностью подняли свои бокалы.

— Хотя на моихъ вискахъ уже серебрится сѣдина, однако за этотъ тостъ я всегда готовъ сколько угодно пить,—проговорилъ генералъ Тищевъ, съ улыбкой подымая свой бокалъ.

— Алина, что же вы не пьете? Развѣ вы не согласны съ генераломъ?

Натали казалась съ каждой минутой все болѣе и болѣе возбужденной.

— Оставьте, Натали...—болѣзненно поморщилась Алина,—вы не искренни... лучше всего—уѣдемте.

— Ни за что! Здѣсь такъ весело... Такая пресыщенная любовью атмосфера. Здѣсь впервые я поняла всю силу истинной любви, всю цѣнность...

Натали громко расхохоталась. Красивая испанка, сидѣвшая за сосѣднимъ столомъ, обернулась и пристально посмотрѣла на Натали.

— Неправда ли, messieurs, что ради любви можно пожертвовать жизнью, можно умереть...

Голосъ Натали звучалъ какъ струна. Панчинъ началъ понимать, что что-то произошло. Теперь онъ внимательно прислушивался къ словамъ Натали и былъ насторожӗ.

— Отчего вы такъ смотрите на меня, monsieur Панчинъ? Развѣ я не права?

— Я не знаю, о какой любви вы говорите... Если о той, которая здѣсь,—онъ съ улыбкой окинулъ взглядомъ весь залъ,—то это любовь, не стоющая даже одной безсонной ночи.

— А вы не думаете, что здѣсь, именно здѣсь, съ этими женщинами, продающими себя, втаптываются въ грязь лучшія чувства женщинъ-женъ, готовыхъ жертвовать жизнью за любимаго человѣка... Нѣтъ, нѣтъ, Алина была права, упрекнувъ меня въ неискренности. Я больше не вѣрю въ любовь... Ея нѣтъ. А если она и существуетъ, то мужчины спѣшатъ потопить ее въ развратѣ... Любви нѣтъ, есть одинъ веселый и безпечный развратъ...

У Натали нѣсколько разъ срывался голосъ; она ни на минуту не спускала глазъ съ Михаила, продолжавшаго нѣжно бесѣдовать со своей дамой. Онъ казался очень увлеченнымъ и не обращалъ вниманія на то, что происходило вокругъ. Когда Михаилъ, чокаясь со своей дамой, обвилъ ея станъ рукой, Натали сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла сорваться съ мѣста, но Алина во-время успѣла остановить ее, положивъ ей руку на руку. Становилось поздно. Алина, сидѣвшая, какъ на иголкахъ, настаивала, чтобы ѣхать домой; Натали, все время возбужденная и напряженно веселая, упорно отказывалась. Слѣдя лихорадочнымъ взглядомъ за малѣйшимъ движеніемъ сво-

его мужа, она неожиданно на полусловѣ оборвала разговоръ, быстро поднялась съ своего мѣста и, минуя столики, направилась вслѣдъ за Михаиломъ, уходившимъ со своей дамой. Алина ахнула.

— Ради Бога, слѣдуйте издали за ней,—взволнованно обратилась она къ генералу Тищеву,—я предвижу скандалъ. Натали внѣ себя, вѣдь красивый господинъ съ дамой въ зеленомъ—это ея мужъ, le charmeur Гуракинъ.

Тищевъ всталъ и, быстро пройдя залъ, скрылся за тяжелой драпировкой вестибюля.

Когда Михаилъ накидывалъ на плечи Marion Doré роскошное манто изъ горностая, имъ самимъ подаренное блестящей львицѣ Парижа, и ласково улыбался, глядя въ ея зеленовато-сѣрые русалочьи глаза, кто-то рѣзко дернулъ его за обшлагъ. Михаилъ обернулся. Передъ нимъ стояла жена. Ни на одну секунду онъ не потерялъ самообладанія. Строгими, удивленными глазами онъ посмотрѣлъ на жену и хотѣлъ пройти мимо, но она загородила ему дорогу.

— Если ты сейчасъ, сію минуту, не оставишь эту мерзкую тварь и не вернешься со мной вмѣстѣ въ залъ, то я... то я...—задыхаясь, проговорила Натали.

— Quelle est cette dame?... Qu'est-ce qu'elle te veut?—полуиспуганно спросила Marion Doré, разглядывая Натали.

— Je te prie de monter dans la voiture et de m'attendre un instant; je te suis immédiatement,—быстрымъ шопотомъ отвѣтилъ ей Михаилъ.

Marion Doré, граціозно приподнявъ пышный трэнъ и до колѣнъ показывая стройныя ноги, кивнула Гуракину, бросила насмѣшливо-вызывающій взглядъ на Натали и не спѣша стала спускаться по лѣстницѣ,

отражавшей въ простѣночныхъ громадныхъ зеркалахъ ея воздушную и граціозную фигурку.

— Натали, я тебѣ приказываю сію секунду ѣхать домой. Черезъ полчаса я буду съ тобой, и мы переговоримъ. Здѣсь говорить мы не можемъ. Будь благоразумна.

Михаилъ проговорилъ эту фразу сдержаннымъ и вѣскимъ голосомъ. Его глаза горѣли гнѣвомъ, но онъ казался спокойнымъ.

— Нѣтъ, я домой не поѣду. Я здѣсь въ компаніи вмѣстѣ съ Алиной и весь вечеръ наблюдаю за тобой. Ты вернешься вмѣстѣ со мной въ залъ. Я требую этого... Миша, я не ручаюсь за себя...

— Натали... На насъ смотрятъ... Не забывай приличія...

— Мишель... Я говорю въ послѣдній разъ...

У Натали сорвался голосъ, лицо исказилось гнѣвомъ. Гуракинъ стиснулъ зубы, подалъ ей руку и молча пошелъ съ ней черезъ весь залъ къ столику, гдѣ сидѣла Алина. Испанка, сидѣвшая рядомъ и слѣдившая за Натали, громка хихикнула. Алина, глядя испуганными глазами на подошедшую пару, не нашла въ первую минуту что сказать. Гуракинъ подвелъ жену къ мѣсту, поцѣловалъ руку Алины, отвѣтилъ на поклонъ Панчина, потомъ сдѣлалъ общій поклонъ и, не проронивъ ни слова, повернулся и быстро вышелъ изъ зала. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что, когда Натали вскочила, чтобы бѣжать вслѣдъ мужу, онъ уже скрылся за портьерой. Алина крѣпко держала руку пріятельницы, мѣшая ей бѣжать и силясь выиграть время, достаточное, чтобы дать Гуракину возможность уѣхать.

— Стыдитесь, Натали... Къ чему этотъ скандалъ?

Возьмите же себя въ руки... Завтра вы объяснитесь съ нимъ...—говорила она ей вполголоса.

Натали, понявъ, что бѣжать за Михаиломъ было безполезно, сидѣла блѣдная, съ остановившимся взглядомъ.

— Я устала... Поѣдемте домой... Проводите меня, пожалуйста,—обратилась она къ Панчину.

Не проронивъ больше ни слова, она вернулась въ свой отель въ сопровожденіи Панчина. Тищевъ провожалъ Алину, которую все происшедшее въ ресторанѣ не столько взволновало, сколько разсердило. Она винила Натали за неумѣніе владѣть собой, за то, что она дѣлала постороннихъ людей свидѣтелями своей семейной интимной драмы.

Было позднее утро, когда горничная Алины осторожно вошла къ ней въ спальню и нѣсколько разъ обозвала ее, пока, наконецъ, та откликнулась:

— Il y a un monsieur qui désire voir madame.

— Quel monsieur? Quelle heure est-il?—лѣниво потягиваясь, спросила Алина.

— C'est le beau monsieur qui était chez madame l'autre jour... un Russe.

— Monsieur Гуракинъ?...

— Justement... Monsieur est très pressé à ce qu'il parait.

— Bon...aidez-moi vite.

Алина быстро вскочила съ кровати и стала спѣшно одѣваться.

«Конечно, Натали устроила ему хорошую сцену, и онъ придумалъ какую-нибудь штуку»,—мысленно смѣясь, думала Алина. Кое-какъ подхвативъ волосы и накинувъ элегантный шелковый пеньюаръ, Алина вышла къ Гуракину.

— Видно, вчерашняя эскапада вамъ досталась со-

лоно, cher ami, если вы уже на ногахъ. А, можетъ быть, Натали вамъ и совсѣмъ спать не позволила? Она на это способна... Ну, и попались же вы вчера! Сознаюсь, я больше волновалась за васъ, чѣмъ за Натали. Ну, что она?

Алина, при видѣ спокойнаго и бодраго вида Гуракина, говорила смѣясь.

— Я не знаю, что дѣлаетъ Натали. Я ее послѣ вчерашней выходки не видалъ и золъ на нее ужасно. Если я виноватъ, то и она невыносима. Разрѣшите сѣсть, Александра Васильевна; я ненадолго, такъ какъ боюсь, что Натали пріѣдетъ къ вамъ, а я не хочу встрѣчаться съ ней.

— Какъ, не хотите встрѣчаться? Пожалуйста, cher ami, не выдумывайте никакихъ поводовъ къ драмамъ. Вы знаете, что Натали сумасшедшая.

— Я затѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы вы ее успокоили и посовѣтовали бы ей сейчасъ же возвращаться въ деревню. Сегодня я уѣзжаю въ Ниццу съ моей пассіей и пробуду тамъ, пока она мнѣ не разонравится. Надѣюсь, что на мѣсяцъ ея шармы продержатъ меня въ плѣну. Натали вы скажете то, что сами найдете нужнымъ. Я считаю въ правѣ вознаградить себя мѣсячнымъ отпускомъ за вчерашній скандалъ. Посовѣтуйте ей оставить меня въ покоѣ, иначе моего терпѣнія можетъ не достать.

— Вашего терпѣнія?! — Алина расхохоталась.— Ужъ если говорить о терпѣніи, то сознайтесь, что всякое понятіе о терпѣніи вы игнорируете, такъ какъ всегда дѣлаете, что хотите.

— Я терпѣливъ по натурѣ, умѣю владѣть собою и потому не вызываю въ васъ сочувствія къ себѣ. Пусть будетъ такъ. Сочувствуйте Натали: въ данномъ случаѣ мнѣ это очень кстати. До свиданія, Александра Ва-

сильевна, я ѣду. Такъ какъ весь мой гардеробъ остался въ отелѣ, то до отхода поѣзда мнѣ предстоитъ бѣготня по магазинамъ. Я очень разсчитываю на вашу дружбу, chère petite Suzanne.

— Вы неисправимы, въ васъ сидитъ какой-то чортъ,—пожимая руку Гуракина, говорила Алина.— Я не завидую Натали.

— Будто!...— Гуракинъ веселыми, искрящимися глазами посмотрѣлъ на Алину.

— Впрочемъ, со мной это было бы иначе,—задорно отвѣтила Алина.

— Я тоже такъ думаю.

Гуракинъ поцѣловалъ руку Алины и уѣхалъ, оставивъ послѣ себя атмосферу жизнерадостности.

Не ожидая пріѣзда Натали, Алина рѣшила послѣ завтрака ѣхать къ ней сама. Мысль о предстоящемъ визитѣ ее тяготила; она предвидѣла отчаяніе и гнѣвъ Натали.

Однако, объясненіе была не такъ бурно, какъ она этого ожидала. Натали, очевидно, ожидала худшаго; она боялась, что Мишель не вернется совсѣмъ, и когда Алина дала ей честное слово, что онъ вернется, она истерически разрыдалась. Весь остатокъ прошлой ночи она провела въ безнадежномъ раздумьи. Мучимая ревностью и негодованіемъ, она въ то же время испытывала смертельный страхъ отъ мысли, что Мишель можетъ бросить ее совсѣмъ. Теперь ея напряженное состояніе души разрѣшилось слезами радости. Она заставила Алину нѣсколько разъ повторить данное честное слово, что та ее не обманываетъ и что Михаилъ вернется.

— А вдругъ онъ отдастся увлеченью и броситъ меня совсѣмъ?!—испуганными глазами глядя на Алину, спрашивала Натали.

— Полноте!... Вы забываете, что у вашего Мишеля широкая натура. Онъ спуститъ всѣ деньги и будетъ принужденъ ее бросить. У Marion Doré слишкомъ крупные аппетиты... А, можетъ быть, онъ броситъ ее и еще раньше. Вы знаете его порывистую натуру: сегодня нельзя поручиться за то, что будетъ завтра.

— Да, милая Алина, въ вашихъ словахъ есть доля правды; Мишель такъ избалованъ, такъ привыкъ швырять деньгами... Мнѣ иногда приходитъ въ голову, что если бы дядя не оставилъ мнѣ своихъ милліоновъ, я была бы счастливѣе, такъ какъ у Миши не было бы возможности бросать на кутежи и на женщинъ тѣ суммы, что онъ бросаетъ. Вы знаете поговорку: l'appetit vient en mangeant. Къ Мишѣ она очень примѣнима.

— А я думаю, что и тутъ вы заблуждаетесь и мало знаете его характеръ. Онъ, какъ я слышала, всегда отличался безудержностью въ своихъ желаніяхъ. Не было бы вашихъ милліоновъ—дѣлалъ бы долги. Такія натуры, какъ у вашего мужа, плохо дисциплинируются; съ ними надо имѣть много выдержки и терпѣнія; ни того, ни другого у васъ нѣтъ, милая Натали, и это главная причина вашихъ семейныхъ неурядицъ.

— Слышала я это, сто разъ слышала,—раздраженно воскликнула Натали, поднося къ носу хрустальный флакончикъ съ англійской солью.—Я не машина, я живой человѣкъ съ нервами и измученнымъ сердцемъ. Я не могу быть хладнокровной, когда я люблю и страдаю.

— Значитъ, все должно остаться по-старому: вы будете страдать, а онъ дѣлать по-своему,—улыбаясь проговорила Алина и собралась уходить.

Но Натали со слезами просила не оставлять ея и провести съ нею весь день. Она велѣла подать отель-

ный экипажъ, и онѣ отправились въ Bois de Boulogne. Въ толпѣ она надѣялась встрѣтить Михаила. Алина не нашла нужнымъ сказать своей пріятельницѣ, что онъ вмѣстѣ съ Marion Doré въ этотъ же вечеръ уѣзжалъ въ Ниццу. На вопросъ Алины, когда же она собирается уѣхать, Натали очень рѣшительно заявила, что она остается въ Парижѣ до тѣхъ поръ, пока къ ней не вернется мужъ. Она сегодня же сообщитъ о всемъ случившимся Мари, а такъ какъ не сомнѣвается, что Михаилъ не оставитъ свою тетку безъ вѣстей о себѣ, то черезъ нее онъ и узнаетъ о ея рѣшеніи ждать его въ Парижѣ.

— Не понимаю, что вамъ за охота, Натали, такъ усложнять и безъ того непріятную исторію,—пожала плечами Алина.—Я бы на вашемъ мѣстѣ немедля вернулась къ дѣтямъ и черезъ Мари дала бы ему понять, что я оскорблена его поведеніемъ...

— Не уговаривайте меня, Алина,—это безполезно. Пока Миша не вернется ко мнѣ—я не уѣду въ Россію.

Въ тотъ же вечеръ Алина безъ вѣдома Натали послала въ «Ташуки» письмо съ подробнымъ изложеніемъ всего случившагося. Она сообщила Мари, что ея племянникъ уѣхалъ въ Ниццу вмѣстѣ съ парижской львицей. Отправивъ это письмо, Алина успокоилась: она знала, что Мари найдетъ способъ повліять на племянника.

XVII.

Мари проснулась очень рано. Несмотря на то, что она пріѣхала изъ Парижа въ Ниццу поздно вечеромъ, она спала мало, занятая мыслями о предстоящемъ свиданіи съ племянникомъ. Получивъ письмо Алины, она рѣшила немедля ѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми сперва

въ Парижъ къ Натали, а оттуда одна въ Ниццу. Въ рѣшительные жизненные моменты Мари обладала унаслѣдованными отъ матери стойкостью характера и хладнокровіемъ. Въ нѣсколько дней сборы были готовы. Она застала Натали въ самомъ подавленномъ состояніи духа. Съ разбитыми отъ безсонныхъ ночей нервами, больная, она цѣлыми днями полулежала на кушеткѣ, предаваясь все тѣмъ же тяжелымъ сомнѣніямъ и страхамъ. Иногда ей казалось, что такъ пройдутъ недѣли и мѣсяцы, Михаилъ не вернется, и она будетъ напрасно ждать и страдать. Тогда она посылала за Алиной, чтобы не оставаться одной и не дойти до полнаго отчаянія. Внезапный пріѣздъ Мари и дѣтей оказалъ благотворное вліяніе, и она немного ободрилась. Со слезами благодарности обнимая Мари, она ни на шагъ не отпускала ея, и, какъ ребенокъ, искала ея защиты и поддержки. Пробывъ въ Парижѣ три дня, Мари уѣхала въ Ниццу. Проходя вечеромъ по коридору въ только что занятую комнату, она встрѣтила необыкновенно изящно одѣтую, очень красивую молодую женщину съ сильно подведенными глазами и чѣмъ-то неуловимымъ въ движеніяхъ, выдающимъ даму полу-свѣта. Мари пришло въ голову, что, быть можетъ, она встрѣтила Marion Doré, виновницу семейной передряги. Съ первыхъ же словъ живая и болтливая горничная разсказала Мари, что «la belle dame du numéro douze est une cocotte de Paris des plus chics... Et que le monsieur du numéro onze est un beau Russe très riche et très aristocrate...» и болтовня горничной, пока она разбирала дорожный сакъ и раскладывала вещи, полилась какъ веселый ручеекъ. Черезъ нѣсколько минутъ Мари была убѣждена, что le beau Russe du numéro onze былъ никто иной, какъ ея племянникъ.

Весь отель былъ еще погруженъ въ глубокій сонъ, выходить было слишкомъ рано. Мари открыла широкія стеклянныя двери балкона, выходящаго прямо на море, и вся ея комната залилась горячимъ свѣтомъ восходящаго солнца. Море, безконечно голубой, мѣрно дышащей гладью, искрилось, переливалось и тихо плескалось о берегъ. Облокотясь о перила балкона, Мари надолго задумалась. Она была послѣдній разъ въ Ниццѣ, когда Михаилъ, окончивъ Пажескій корпусъ, былъ только что произведенъ въ офицеры. Воспоминанія нахлынули волной. Уже тогда, будучи далеко не первой молодости, она примирилась съ мыслью, что она старая дѣва и что надеждъ на личное счастье у нея быть не можетъ. Въ отелѣ, гдѣ они остановились, она вскорѣ познакомилась съ полковникомъ конно-гвардейскаго полка Тищевымъ. По наслышкѣ и мать и она знали, что его считали въ Петербургѣ большимъ кутилой. Тищевъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ, bon causeur и милымъ человѣкомъ. Какъ-то незамѣтно и непонятно для самой Мари между ею и Тищевымъ установился особенный дружественный тонъ. Она была довольна, когда, сидя съ матерью на террасѣ отеля или на набережной, видѣла приближающуюся къ нимъ грузную фигуру Тищева. Когда Мари подымала на него глаза,—всякій разъ она встрѣчала ласковый, что-то говорящій взглядъ. Однажды Тищевъ сказалъ, что, познакомившись съ ней, онъ увѣровалъ въ идеалъ женской чистоты, къ которому онъ—пропитанный жизненной грязью—не смѣетъ близко подойти. Мари покраснѣла, хотѣла что-то отвѣтить, но мать вошла на террасу, и она ничего не отвѣтила. Какое-то новое чувство глубокой симпатіи и теплоты стало рождаться въ сердцѣ Мари по отношенію Тищева, который замѣтно искалъ

случаевъ видѣть ее и говорить съ ней. И вдругъ совсѣмъ неожиданно мать распорядилась укладывать вещи, и онѣ уѣхали. Съ Тищевымъ мать простилась холодно и не просила его бывать у нихъ въ Петербургѣ. Прошло много времени, когда однажды, вспоминая поѣздку въ Ниццу, Гуракина съ улыбкой обратилась къ дочери:

— Я считала бы себя несчастной матерью, если бы моя дочь согласилась на бракъ съ Тищевымъ—этимъ безсодержательнымъ и легкомысленнымъ кутилой.

Мари помнитъ, какъ она покраснѣла и смутилась отъ словъ матери. Она промолчала, но въ душѣ была другого мнѣнія о Тищевѣ. Утонченное чутье подсказывало ей, что Тищевъ могъ бы измѣниться, могъ бы перестать кутить, если бы онъ зналъ, что любящее существо страдаетъ и мучается отъ этихъ дурныхъ привычекъ. Отъ Натали Мари узнала, что теперь Тищевъ въ Парижѣ. Что-то всколыхнулось въ ея сердцѣ, встрѣча была возможна, но Мари, съ грустнымъ сознаніемъ своихъ лѣтъ, поборола желаніе сердца и уѣхала въ Ниццу.

Когда въ отелѣ зашевелились, Мари спустилась въ садъ, прошла на еще пустую набережную, нѣсколько разъ прошлась вдоль нея и вернулась къ себѣ. Велѣвъ подать въ комнату утренній кофе и прочитавъ нѣсколько страницъ «Imitation de Jésus Christ», она, обдумывая каждое слово, написала короткую записку племяннику, прося его прійти къ ней. Отправивъ записку съ лакеемъ, силясь быть совершенно спокойной, Мари принялась ждать. Не прошло и пяти минутъ, какъ одновременно съ легкимъ постукиваніемъ открылась дверь, и вошелъ Михаилъ съ улыбкой, радостно озарявшей его подвижное лицо:

— Тетя Мари, милая... Вотъ ужъ не ожидалъ! —

онъ крѣпко обнялъ Мари и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Ты радъ меня видѣть?—улыбаясь, спросила Мари, не ожидавшая такой горячей встрѣчи при данныхъ обстоятельствахъ.

— Конечно, радъ, ужасно радъ... А какъ же дѣти?

— Я ихъ оставила у Натали въ Парижѣ.

— А сама пріѣхала за мной... спасать блуднаго супруга...

Михаилъ весело и искренно засмѣялся.

— Не шути, Миша... Право же, все это и нехорошо и грустно. Натали стала на себя не похожа, она совсѣмъ больна... Мими тоскуетъ въ разлукѣ съ тобой и даже не разъ принималась плакать.

— Натали знаетъ, что я въ Ниццѣ?—спросилъ Михаилъ, сдѣлавшійся вдругъ серьезнымъ послѣ словъ Мари о тоскѣ дочери.

— Натали знаетъ, что я поѣхала къ тебѣ, но куда именно—я ей не сказала.

— Ты хорошо сдѣлала, тетя Мари. Положительно ты единственный человѣкъ, вполнѣ понимающій меня. Только съ тобой я могу быть какъ съ самимъ собой. Знаешь что? Я сейчасъ сойду внизъ, а черезъ полчаса велю подать намъ коляску, и мы на весь день поѣдемъ куда-нибудь. Я покажу тебѣ дивныя мѣста. Дорогой мы обо всемъ переговоримъ и непріятные разговоры скрасятся въ чудной рамкѣ здѣшнихъ красотъ.

Михаилъ вышелъ. Мари съ улыбкой провожала его глазами.

— Что за обаятельный человѣкъ!..—чуть слышно прошептала она,—и какъ все это жаль...

Вскорѣ Михаилъ вернулся обратно, и они спустились въ вестибюль. Лакеи почтительно сторонились,

уступая дорогу щедрому, богатому русскому аристократу, бросающему направо и налѣво золотые, какъ сантимы. Когда коляска въ англійской упряжи отъѣзжала по аллеѣ, усыпанной гравіемъ, отъ пышнаго въѣзда къ отелю, на балконѣ нижняго этажа, въ прозрачномъ розовомъ халатѣ, стояла красивая женщина съ подведенными глазами и яркими губами. Съ гнѣвнымъ огонькомъ въ зеленоватыхъ глазахъ она провожала взглядомъ удаляющійся экипажъ.

Черезъ два дня Гуракинъ, сведя бѣшеные счеты своихъ расходовъ, расплатился въ гостиницѣ, нѣжно простился съ Marion Doré и поѣхалъ въ «Ташуки».

Мари вернулась въ Парижъ, чтобы вмѣстѣ съ Натали и дѣтьми ѣхать туда же.

Между прочимъ, говоря съ племянникомъ о дѣлахъ имѣнія, Мари сообщила ему, что большой участокъ лѣса въ рязанскомъ имѣніи проданъ въ ихъ отсутствіе Моисеемъ Борисовичемъ; она взяла съ него слово, что Натали никогда не узнаетъ, что мошенническую продѣлку управляющаго онъ узналъ отъ нея. Михаилъ вскипѣлъ: становилось очевиднымъ, что Моисей Борисовичъ перешелъ всякія границы, и довѣрять ему управленіе дѣлами становилось опаснымъ.

Какъ только Гуракинъ сѣлъ въ поѣздъ, оставивъ позади себя Ниццу, Парижъ, Marion Doré, кутежи и легкомысленныя продѣлки,—съ него сразу соскочилъ угаръ заграничной поѣздки, и онъ всѣми мыслями стремился въ милые «Ташуки». Онъ подробно обдумывалъ планъ объясненій съ Моисеемъ Борисовичмъ, мысленно прикидывалъ, какіе участки земли надо взять подъ насажденіе лѣса, гдѣ построить новую мельницу и на какихъ условіяхъ сдать аренду. Ему самому казалось теперь страннымъ, что столько времени онъ могъ оставаться безразличнымъ къ люби-

мому деревенскому хозяйству. Объ Натали онъ упорно старался не думать. Мысли о ней рождали въ немъ какой-то протестъ и въ то же время сознаніе своей вины, тогда какъ образъ маленькой бѣлокурой Мими умилялъ его и будилъ раскаяніе. Пріѣхалъ онъ совсѣмъ неожиданно, не давъ знать, чтобы ему выслали лошадей. Взявъ бричку у почтово-телеграфнаго чиновника, онъ подкатилъ въ пять часовъ утра къ запертымъ воротамъ, отдѣляющимъ широкую аллею отъ въѣзда въ садъ къ парадному крыльцу. Кухонный мужикъ, увидѣвшій подъѣзжающаго барина, быстро побѣжалъ съ задняго крыльца къ сторожу, и не прошло и получаса, какъ вся дворня знала, что баринъ вернулся.

Просидѣвъ утро въ конторѣ и обойдя службы, Гуракинъ нашелъ все въ полномъ порядкѣ. Моисей Борисовичъ былъ, какъ и всегда, непроницаемо серьезенъ и полонъ собственнаго достоинства. Гуракину неоднократно хотѣлось въ разговорѣ съ нимъ уличить его во лжи и обманѣ, но онъ до поры сдерживалъ себя. На слѣдующій день онъ уѣхалъ въ рязанское имѣніе. Черезъ три дня Моисей Борисовичъ получилъ срочную телеграмму, немедленно вызывающую его туда же, а черезъ недѣлю по всей усадьбѣ и деревнѣ разнеслась новость, что Моисея Борисовича за мошенничество баринъ отставляетъ отъ должности. Гуракинъ потребовалъ, чтобы черезъ три дня онъ выѣхалъ изъ имѣнія. Моисей Борисовичъ спокойно подчинился требованію, очистилъ квартиру, сдалъ всѣ счеты и книги своему помощнику, холодно простился съ служащими и выѣхалъ въ Саратовъ.

Натали, ѣхавшая съ остановками, чтобы не слишкомъ утомлять дѣтей, пріѣхала на слѣдующій день послѣ отъѣзда Моисея Борисовича. Мари убѣдила На-

тали, что встрѣтиться съ мужемъ она должна просто, ни въ какомъ случаѣ не затѣвать никакихъ объясненій и предать все произошедшее въ Парижѣ полному забвенію. Натали послушалась совѣта, и встрѣча съ мужемъ прошла очень гладко. Она была счастлива, что заграничный кошмаръ разсѣялся, и опять они всѣ вмѣстѣ и до глубокой осени одни. У нея былъ какъ будто даже виноватый видъ, тогда какъ Михаилъ, высоко неся свою красивую породистую голову, былъ попрежнему безпечно веселъ и увѣренъ въ себѣ. Въ тотъ же день за обѣдомъ онъ объявилъ женѣ объ отставкѣ управляющаго. Натали, не донеся до рта вилку, опустила ее на тарелку и уставилась на мужа широко открытыми глазами:

— Ты шутишь! Этого не можетъ быть...

— Увѣряю тебя и вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляю, что мы избавились отъ этого ловкаго мошенника.

— Но, однако, позволь... Моисей Борисовичъ «мой» управляющій, и я понять не могу, какое ты имѣлъ право уволить его безъ моего согласія.

— Тутъ вопросъ не въ правѣ, а въ здравомъ смыслѣ, и, пожалуйста, Натали, не кипятись безъ толку, не зная, въ чемъ дѣло.

Михаилъ говорилъ спокойно, въ то время какъ Натали переставала владѣть собой. Услышавъ подробный разсказъ о тайной продажѣ лѣса, она все-таки продолжала отстаивать Моисея Борисовича, увѣряя, что тутъ кроется навѣрное не то, что вообразилъ себѣ Михаилъ.

Обѣдъ кончился бурно. Натали совсѣмъ вышла изъ себя, обвиняя мужа въ намѣренномъ желаніи отнять у нея дѣйствительно преданнаго ея интересамъ служащаго.

— А я рада, что папа прогналъ Моисея Борисо-

вича. Онъ очень гадкій, и ты напрасно сердишься на папу...—вдругъ раздался съ конца стола, какъ колокольчикъ, яркій голосъ десятилѣтней Мими, смотрѣвшей на мать блестящими возбужденными глазами.

— Это не твое дѣло, Мими. Изволь не вмѣшиваться!—строго оборвала ее мать.

— Вотъ видишь, и Мимиша думаетъ такъ же, какъ и я, и Мари со мной согласна, и миссъ Іонстъ, и вся дворня. Одна ты идешь наперекоръ общему мнѣнію, и совершенно непонятно, въ силу какихъ соображеній. Какъ бы тамъ ни было, а я этого жида и мошенника не верну, такъ какъ не желаю заниматься хозяйствомъ и всегда чувствовать себя опутаннымъ сѣтью обмана.

Съ этими словами Гуракинъ вышелъ изъ-за стола, не желая больше продолжать споръ. Натали была разстроена отставкой управляющаго такъ сильно, что нѣсколько дней не разговаривала съ мужемъ. Прошло не болѣе недѣли, какъ однажды утромъ, въ то время, какъ Михаилъ былъ въ конторѣ, Натали доложили, что ее желаетъ видѣть прежній управляющій. На террасу вошелъ Моисей Борисовичъ; съ достоинствомъ онъ поздоровался съ Натали и попросилъ у нея аудіенціи на полчаса.

Войдя въ кабинетъ, Моисей Борисовичъ долго и внушительно говорилъ о своихъ заслугахъ въ дѣлѣ процвѣтанія имѣній при жизни покойнаго генерала Дунайскаго и послѣ его смерти. Обвиненіе Михаила Владиміровича его такъ оскорбило, что онъ нашелъ унизительнымъ для себя всякія оправданія и ждалъ свиданія съ владѣлицей имѣнія, чтобы объяснить ей, въ чемъ дѣло. Онъ отлично зналъ, что она бережетъ для дѣтей рязанское имѣніе, и если онъ позволилъ себѣ втайнѣ продать кусокъ лѣса, то сдѣлалъ это,

желая порадовать ее ко дню ея имянинъ выгодной сдѣлкой: продавъ этотъ кусокъ лѣса по возвышенной цѣнѣ, онъ имѣлъ въ виду на эту же сумму прикупить къ другому участку гораздо большій кусокъ.. Моисей Борисовичъ очень ловко далъ понять Натали, что ея мужу непріятенъ бдительный контроль его крупныхъ тратъ въ лицѣ такого безкорыстнаго и преданнаго ей слуги, какъ онъ—Моисей Борисовичъ. Разговоръ кончился тѣмъ, что Натали просила его снова взять дѣла въ свое вѣдѣніе и переѣхать въ «Ташуки» какъ можно скорѣе. Узнавъ о такомъ рѣшеніи жены, Михаилъ сперва отдался неистовому гнѣву. Его громовой крикъ разносился далеко. Ударивъ мощнымъ кулакомъ по столу, онъ свалилъ нѣсколько цѣнныхъ севрскихъ статуетокъ и выбранилъ Натали безмозглой и упрямой дурой. На другой день онъ велѣлъ уложить свои вещи и вещи Мими и уѣхалъ съ ней въ свое имѣніе, гдѣ, къ большому огорченію Натали, пробылъ не недѣлю, а больше мѣсяца. Прямо оттуда онъ съ дочерью проѣхалъ въ Петербургъ въ новый домъ, уже отдѣланный и приготовленный для жизни въ столицѣ.

Въ Петербургѣ Гуракинъ выразилъ желаніе служить, и вскорѣ ему дали видное мѣсто. Жалованье свое онъ отдавалъ сполна двумъ младшимъ и бѣднѣйшимъ чиновникамъ министерства, въ которомъ служилъ. Натали считала это глупостью и съ гримасой пожимала плечами, говоря о широкихъ замашкахъ мужа:

— Семь тысячъ на улицѣ не валяются и крайне глупо не пользоваться ими,—говорила она.

Моисей Борисовичъ послѣ вступленія въ прежнюю должность пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы явиться Михаилу. Онъ выразилъ глубокое огорченіе по поводу произошедшаго «недоразумѣнія», просилъ забыть

объ этомъ и считать его своимъ преданнымъ слугой. Михаилъ, куря сигару, прищуривъ глаза и высокомѣрно поднявъ голову, выслушалъ увѣренія лукаваго еврея и, не входя съ нимъ ни въ какія объясненія, небрежно протянулъ на прощанье два пальца. Въ сердцѣ Моисея Борисовича еще глубже залегла обида противъ Гуракина, и онъ рѣшилъ терпѣливо ждать момента расплаты.

Въ петербургскомъ домѣ жизнь, какъ и въ Москвѣ, раздѣлилась на двѣ половины. Въ парадныхъ аппартаментахъ по-прежнему давались обѣды, балы, спектакли и рауты; на половинѣ же Мари жизнь, какъ заведенный механизмъ, шла изо-дня въ день разумнымъ и спокойнымъ теченьемъ. Мими, восторженно обожавшая отца, остальную долю любви, которую не сумѣла заслужить ея мать, перенесла на тетку. Отцомъ она восторгалась и гордилась, но вполнѣ откровенна была только съ теткой, которая бережно слѣдила за развитіемъ ея нѣжнаго, крайне хрупкаго духовнаго организма. Мими была болѣзненно впечатлительна и отъ пытливаго взгляда ея большихъ задумчивыхъ глазъ, казалось, ничто не ускользало. Не умѣя опредѣлить словами, она инстинктомъ вѣрно понимала психологію своихъ родителей.

— Бѣдная мама сегодня опять не въ духѣ,—говорила она иногда теткѣ,—я не пойду къ ней, я лучше съ тобой посижу, тетя, и буду вышивать, а когда папа вернется домой, я пойду къ нему въ кабинетъ... Папа всегда въ духѣ и возлѣ него всѣмъ хорошо. Онъ похожъ на солнце: такой же свѣтлый и ласковый. Его всѣ любятъ. Правда, вѣдь, мой папа чудный? Вѣдь и ты, тетя, его любишь больше, чѣмъ маму?

Мари осторожно отклоняла эти разговоры, но въ душѣ сознавала, что Мими инстинктомъ понимала

жизнь преждевременно и вѣрно. Маленькій Борисъ—любимецъ матери—росъ живымъ и шаловливымъ ребенкомъ, никому не доставляя особенныхъ хлопотъ. Мари съ каждымъ годомъ привязывалась сильнѣе къ дѣтямъ, и вся ея жизнь была исключительно полна заботами о нихъ. Какъ и при матери, годы, посвященные заботамъ о другихъ, пролетали надъ ея головой, не принося ея личной жизни никакихъ радостей; а между тѣмъ сѣдина начинала уже серебрить попрежнему просто и гладко зачесанные волоса, станъ начиналъ полнѣть и мелкія морщины давно легли вокругъ глазъ. Мари сознавала, что старость не за горами. Безропотно она ждала эту грустную осеннюю пору человѣческой жизни и смиренно и безропотно несла свою безрадостную долю.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошло десять лѣтъ. Мари Гуракина, пополнѣвшая, съ замѣтной сѣдиной, сильно напоминающая свою мать сидѣла въ большомъ креслѣ и неторопливо и аккуратно вшивала узкую бѣлую резинку въ края длинныхъ бальныхъ перчатокъ. Послышались быстрые легкіе шаги и въ маленькую гостиную, гдѣ работала у окна Мари, вошла раскраснѣвшаяся отъ мороза свѣжая, хорошенькая Мими. Она еще не сняла круглой собольей шапочки, очень шедшей къ бѣлокурымъ волосамъ. Въ синемъ англійскаго покроя костюмѣ, тоненькая, высокая—она была очень мила; въ движеніяхъ было много врожденнаго благородства, и синіе глаза смотрѣли мягко и задумчиво. Въ ней не было и тѣни сходства ни съ матерью, ни съ Михаиломъ Гуракинымъ, котораго Мими по-прежнему любила съ оттѣнкомъ обожанія.

При входѣ Мими Мари ласково окинула ее взглядомъ.

— Холодно, Мими?

— Нѣтъ, тетя, погода чудная. Я бы съ удовольствіемъ еще погуляла, но бѣдная миссъ Іонстъ со-

всѣмъ замерзла. Платье мое—одна мечта! Даже миссъ Іонстъ одобрила. Madame Жозефинъ дала слово, что къ пяти она его пришлетъ. На набережной мы встрѣтили Чагина; онъ говорилъ, что сегодняшній балъ обѣщаетъ быть блестящимъ. Знаешь, танточка, я очень рада потанцовать сегодня. Послѣ деревенской тишины такъ пріятно окунуться въ столичный блескъ.

— Ну, вотъ перчатки и готовы. Отнеси ихъ къ себѣ, Мимиша.

Мари протянула племянницѣ перчатки. Мими обняла тетку.

— Какъ жаль, танточка, что ты не ѣздишь со мной на балы,—мнѣ было бы еще веселѣе...

— Я бы заснула тамъ, мой другъ,—улыбнулась Мари.—Я рано перестала выѣзжать на балы: танцовать я не особенно любила...

— Ахъ, танточка, можно ли не любить танцы! У меня всегда какъ-то особенно бьется сердце, когда я вхожу въ бальный залъ. Музыка, яркій свѣтъ, цвѣты, бальные туалеты, всѣ такіе красивые, у всѣхъ блестятъ глаза, носишься по паркету, будто на крыльяхъ летишь, и лица, и слова, и все, все кажется совсѣмъ особеннымъ. Вотъ, напримѣръ, Чагинъ, танточка: вѣдь онъ некрасивъ, а на балахъ я смотрю на него и любуюсь: такой тонкій, высокій, свѣжій, элегантный, какой-то совсѣмъ новый.

— Ну, полно, Мимиша, что за вздоръ!—разсмѣялась Мари.—Если Александръ Александровичъ хорошъ на балахъ, то всѣ остальные писаные красавцы.

— Ну, вотъ ты не вѣришь, танточка, потому что на балы не ѣздишь, а спроси Кити Орлову—она то же самое говоритъ. А папа! Папа просто великолѣпенъ. Я отлично вижу, какъ всѣ на него смотрятъ. Когда

мама не ѣздитъ, и я съ нимъ вхожу подъ руку въ залъ—у меня мурашки бѣгаютъ по спинѣ отъ восторга и гордости.

— А сегодня мама ѣдетъ?—спросила Мари.

— Нѣтъ, я одна ѣду съ папой и скажу тебѣ на ушко, танточка, что очень этому рада.

Мари добродушно и укоризненно покачала головой.

— Было бы лучше, если бы съ тобой ѣздила мама.

— Это почему?

— Папа тебя слишкомъ балуетъ.

— А ты не балуешь?

Мими лукаво улыбнулась.

— Вотъ это и скверно, что всѣ тебя балуютъ.

— Не скверно, а очень хорошо, и ты, танточка, моя душка, и я тебя обожаю...

Мими поцѣловала тетку и опять, сѣвъ противъ нея на диванъ, взяла со стола начатую работу миссъ Іонстъ—все тѣ же нескончаемые шарфы оранжеваго цвѣта, и продолжала весело болтать:

— Танточка, скажи мнѣ правду: что ты думаешь про Чагина?

— Ну, что я могу про него думать, Мимиша? Славный, добрый человѣкъ и ничего больше.

— Нѣтъ, нѣтъ, скажи еще что-нибудь. Я знаю, что ты еще что-то думаешь и нарочно молчишь.

— Ничего не думаю... Нечего и думать.

— Неправда: есть, есть и есть. Ты нарочно сказать не хочешь.

— Что же я не хочу сказать?—улыбнулась Мари.

— А то, что Чагинъ въ меня влюбленъ и что ты боишься, чтобы и я въ него не влюбилась.

— Какія глупости! Если Чагинъ, какъ ты говоришь, влюбленъ въ тебя, то я ни одной минуты не думаю, что ты можешь имъ увлечься. Ce serait ridicule.

— Отчего же? Въ немъ есть что-то ужасно интересное.

При словѣ «ужасно» Мими на секунду даже закрыла глаза и, отложивъ работу, облокотилась обѣими руками объ столъ.

— Онъ не такой, какъ всѣ. Кити Орлова увѣряетъ, что онъ мистикъ и въ родѣ какъ масонъ.

— Все это прекрасно, но онъ старъ для тебя, мой другъ.

— Совсѣмъ не старъ. Ты сама недавно еще ему сказала, что у него юная душа. И это вѣрно.

— Если такъ, то выходи за него замужъ,—разсмѣялась Мари.

— Какъ, танточка,—ты на это согласна?

— Да, я согласна, такъ какъ не сомнѣваюсь, что Чагинъ любитъ тебя, какъ дочь своего друга, и никогда за эту черту не перейдетъ.

Въ дверяхъ появился лакей съ другой половины дома:

— Борисъ Михайловичъ приказали доложить, что на катокъ не поѣдутъ сегодня.

— Ахъ, это очень жаль...—протянула Мими недовольнымъ голосомъ.

— Братъ дома?—обратилась она къ лакею.

— Никакъ нѣтъ-съ: сейчасъ вышли-съ.

— Это ужасно. Боря теперь никогда дома не сидитъ,—обратилась Мими къ теткѣ, когда лакей ушелъ. И знаешь, тетя, этотъ противный Моисей Борисовичъ ужасно ему во всемъ потакаетъ.

— Какъ же это онъ можетъ потакать ему?

— Я тебѣ скажу, но только, пожалуйста, по секрету. Онъ ему достаетъ въ долгъ деньги, и я знаю отъ самого же Бори, что не такъ давно Моисей Бо-

рисовичъ досталъ ему тысячу рублей, которые Боря спустилъ въ двѣ недѣли.

— Неужели это правда, Мими? Куда же онъ тратитъ эти деньги? Вѣдь папа и мама даютъ ему съ осени пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ.

— Боря говорилъ мнѣ, что съ производствомъ въ офицеры у него явилось много необходимыхъ расходовъ.

— Однако, его отецъ, когда въ его годы служилъ въ этомъ же полку, получалъ тѣ же пятьсотъ рублей и обходился съ ними. Моисей Борисовичъ дѣлаетъ очень дурно, что даетъ Борѣ такія суммы потихоньку отъ родителей.

— Моисей Борисовичъ дѣлаетъ еще хуже: онъ возстанавливаетъ Борю противъ папы...

— Ахъ, какой ужасный человѣкъ!..—съ тревогой воскликнула Мари.—Что же онъ говоритъ ему?

— Онъ разсказываетъ ему, что папа всю жизнь бросаетъ деньги на кутежи, что если у насъ осталось что-нибудь, то только благодаря мамѣ и ея упорной борьбѣ съ папой изъ-за Моисея Борисовича, который яко бы всегда оберегалъ мамины интересы и спасалъ капиталы отъ папиной расточительности.

— Да какъ онъ смѣетъ это говорить! И какъ можетъ Боря выслушивать его!

— Я это говорила Борѣ. На-дняхъ онъ просилъ у папы денегъ, и папа далъ ему двѣсти рублей сверхъ выданныхъ. Боря разсердился, что папа не далъ пятисотъ, и сейчасъ же обратился къ Моисею Борисовичу. Тотъ, вмѣсто того, чтобы успокоить Борю, еще хуже настроилъ противъ папы и досталъ ему тысячу.

— Ахъ, какой ужасъ!

Мари была въ сильномъ волненіи.

— Я удивляюсь, что мама ровно ничего не видитъ

и такъ довѣряетъ этого противному еврею. Кромѣ того, что онъ неуважительно говоритъ о папѣ, онъ еще и лжетъ. Боря какъ-то просилъ у мамы денегъ, и она ему отказала. Моисей Борисовичъ увѣрилъ Борю, что мама отказала, потому что папа убѣдилъ ее не давать. А я знаю навѣрное, что это ложь, такъ какъ за завтракомъ папа при мнѣ убѣждалъ маму выдѣлить Борю, чтобы онъ со вступленіемъ въ полкъ чувствовалъ себя самостоятельнымъ. Мама возражала, и они поссорились. А Моисей Борисовичъ выставляетъ папу въ ложномъ свѣтѣ и увѣряетъ, что папа скоро промотаетъ состояніе.

— И это тебѣ говорилъ Боря?

— Да, третьяго дня говорилъ.

Мари сокрушенно покачала головой и нѣсколько минутъ молчала.

— Этого нельзя такъ оставить,—задумчиво проговорила она.—Моисей Борисовичъ сѣетъ въ семьѣ распрю. Борѣ необходимо открыть глаза. Завтра же вечеромъ я позову васъ пить чай ко мнѣ и наведу разговоръ на эту тему. Я всегда считала Моисея Борисовича вреднымъ человѣкомъ, но все же не ожидала, что онъ способенъ на такую низость.

Весь вечеръ Мари оставалась подъ впечатлѣніемъ разговора съ племянницей. Теперь ей стали припоминаться мелкіе, незначительные факты въ поведеніи Бориса, въ его сужденіяхъ, въ его критическомъ отношеніи къ поступкамъ отца. Мари мимоходомъ останавливала племянника, не придавая особеннаго значенія этимъ выходкамъ, которыя она приписывала легкомыслію молодости и несдержанной натурѣ, такъ отличавшей брата отъ сестры.

За послѣдніе годы Мари молча много страдала. Она видѣла, что семейная жизнь Михаила окончательно рас-

клеивалась. Натали попрежнему любила и ревновала мужа, но теперь ревность принимала острую, часто злобную форму. Михаилъ, умѣвшій въ прежніе годы отлично владѣть собой, теперь не только потерялъ способность сдерживаться во время ссоръ съ женой, но часто доходилъ до такихъ предѣловъ гнѣва, что Мари, выслушивая жалобы Натали, приходила въ ужасъ и тщетно умоляла ее не дразнить въ мужѣ звѣря. Наблюдая со стороны, она видѣла ясно, что Михаилъ теряетъ терпѣніе и, давъ волю своей безудержной натурѣ, сможетъ перейти границы, вернуться за которыя будетъ уже невозможно.

Для Гуракина, избалованнаго женщинами, придирчивая, мелкая злобность жены становилась невыносимой. Мало-по-малу за послѣдніе годы семья раздѣлилась на два лагеря: Натали и ея любимецъ Борисъ и съ другой стороны Михаилъ и беззавѣтно обожавшая его Мими. Въ ссорахъ родителей Борисъ всегда былъ на сторонѣ матери и часто подчеркивалъ свое неудовольствіе отцомъ хмурымъ молчаніемъ и взглядами исподлобья. Мими старательно скрывала свое страданіе и недовольство матерью и только чрезмѣрно-подчеркнутой нѣжностью къ отцу стремилась излить свое сочувствіе. Мари молча наблюдала этотъ горестный расколъ семьи, но никогда ей не приходило въ голову, что давнишнія враждебныя отношенія Моисея Борисовича къ Михаилу найдутъ себѣ примѣненіе въ раздуваніи вражды сына къ отцу. Борисъ, какъ двѣ капли воды походившій на отца съ виду, характеромъ очень напоминалъ мать. Онъ былъ мелоченъ и подозрителенъ. Привыкшій къ роскоши,—деньги тратилъ безъ расчета, но, расточительный для себя, былъ скупъ для другихъ; подолгу и часто велъ разговоры съ Моисеемъ Борисовичемъ, разузнавая исподволь денежныя дѣла

своихъ родителей; на сторонѣ матери былъ не столько въ силу чувства, сколько въ силу эгоистическихъ интересовъ расчета: Борисъ зналъ со словъ управляющаго, что состояніе отца едва ли составляетъ десятую долю огромнаго состояніи матери.

На слѣдующій день послѣ бала Мими и Борисъ пили вечерній чай у тетки. Мими съ увлеченіемъ разсказывала впечатлѣнія блестящаго праздника. Борисъ, плохо выспавшійся, зѣвалъ и говорилъ мало.

— А ты, Боря, веселился?—обратилась къ нему тетка.

— Очень. Балъ былъ удачный, и на меня дамы жаловаться не могутъ; я ни на минуту не присѣлъ.

— Въ особенности одна дама,—смѣясь, отозвалась Мими.—Онъ почти все время танцовалъ съ Микой Бестужевой.

— Что-жъ, она очень мила...—слегка сконфузился Борисъ.

— Ахъ, очень, очень... Такая красавица,—горячо подхватила Мими.—Ты знаешь, тетя, вѣдь ея мать влюблена въ папу; я это отъ многихъ слышала.

Борисъ нахмурилъ брови; Мари промолчала. Наивное замѣчаніе Мими затрагивало острый вопросъ частыхъ сценъ между отцомъ и матерью. Мими не знала, что съ нѣкоторыхъ поръ ея мать перестала ѣздить на тѣ собранія, гдѣ она предполагала встрѣтить красивую, моложавую, веселую кокетку—мать ея подруги Мики Бестужевой; Михаилъ Гуракинъ платилъ дань увлекательной свѣтской женщинѣ и въ частыхъ встрѣчахъ съ ней отдыхалъ отъ домашнихъ сценъ. Хотя Михаилъ былъ очень остороженъ, однако связь эта не осталась втайнѣ. Пріятельницы Натали изъ чувства дружбы поспѣшили освѣдомить ее о новомъ увлеченіи ея мужа. Натали, никогда не умѣвшая справляться съ

проявленіями своей ревности, на этотъ разъ пришла въ ярость: годы накладывали жестокой рукой неумолимую печать на ея внѣшность, тогда какъ Михаилъ, хоть и посеребренный сѣдиной, оставался все тѣмъ же красавцемъ, и Натали видѣла, что годы не уменьшали количества женскихъ сердецъ, готовыхъ горѣть яркимъ пламенемъ въ отвѣтъ ихъ обаятельному баловню. Мари давно знала объ этой новой сердечной драмѣ Натали, Борисъ узналъ недавно; онъ пристально посмотрѣлъ на сестру, желая отгадать, не скрывается ли болѣе глубокаго значенія въ словахъ сестры; но глаза Мими смотрѣли ясно и весело. О влюбленности Бестужевой она говорила, какъ о трофеяхъ отца, которыми она гордится.

— Мать Мими влюблена въ папу,—наивно продолжала Мими,—а Боря влюбленъ въ Мику.

— Влюбленъ—это много сказать,—усмѣхнулся Борисъ.

— Конечно, влюбленъ, да и Мика, кажется, влюблена въ тебя. Я бы совѣтовала современемъ жениться на ней; она такая душка. А что у нихъ мало средствъ, такъ это для тебя неважно — ты будешь богатый.

— Ну, это еще неизвѣстно,—вытягивая скрещенныя ноги и запрятывая руки въ карманы, насмѣшливо отозвался Борисъ.

— То есть, какъ же это неизвѣстно? Твои родители, безъ всякаго сомнѣнія, передадутъ вамъ свое состояніе,—спокойно возразила Мари, чувствуя въ словахъ племянника нехорошую мысль.

— И не отъ такихъ состояній, какъ наше, случалось, что ничего не переходило дѣтямъ,—не измѣняя позы, отвѣтилъ Борисъ, не глядя въ сторону тетки.

— Я положительно тебя, мой другъ, не понимаю.

— Какъ будто бы вы, тетя, мало папу знаете. Его расточительность всему Петербургу извѣстна.

— Расточительность—это невѣрно. Отецъ твой тратитъ очень много, потому что онъ можетъ это дѣлать, но если, проживя съ твоей матерью болѣе двадцати лѣтъ, онъ, какъ ты выражаешься, не «расточилъ» состоянія, то кто же можетъ предполагать и высказывать, что онъ сдѣлаетъ это теперь?

— Говорятъ тѣ, которыя его хорошо знаютъ.

— Однако, Боря, кто же, даже изъ хорошо его знающихъ людей, можетъ вести подсчеты его доходовъ и расходовъ, чтобы дѣлать подобные выводы? Ты едва вступилъ въ жизнь, едва началъ получать деньги на руки и уже тратишь болѣе пятисотъ рублей въ мѣсяцъ и даже дѣлаешь долги, живя на всемъ готовомъ, а осуждаешь отца, которому, ты отлично знаешь, какъ много стоитъ train вашей домашней жизни. У твоего отца богатая и незаурядная натура, и ты былъ бы болѣе правъ, если бы гордился имъ, а не осуждалъ бы его.

— По большей части такія незаурядныя натуры и спускаютъ милліонныя состоянія,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Борисъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Боря, такъ говорить про папу,—горячо вступилась Мими,—кто только папу поближе знаетъ—всѣ его обожаютъ.

— Ничего удивительнаго нѣтъ, когда онъ всѣхъ поитъ, кормитъ, веселитъ и безъ отдачи деньги взаймы даетъ.

— Ты говоришь глупости, и я не желаю ихъ слушать.

Мими простилась съ теткой и ушла въ свою комнату.

Мари осталась вдвоемъ съ Борисомъ и продолжала начатый разговоръ. Борисъ въ первый разъ высказывалъ теткѣ свои отношенія къ отцу. Онъ винилъ и упрекалъ его во всемъ: и въ озлобленномъ характерѣ матери, и въ расточительности, и въ постоянныхъ увлеченіяхъ и даже въ томъ, что онъ мало занимается дѣлами матери, свалилъ всѣ заботы о нихъ и объ имѣніяхъ на управляющаго. Мари слушала племянника съ возрастающей горечью. Месть Моисея Борисовича удалась: онъ сумѣлъ возстановить сына противъ отца такъ, что даже заступничество тетки, знавшей отца почти съ колыбели, не помогло. Мари старалась открыть ему глаза, старалась, насколько она это считала возможнымъ, объяснить довѣрчивыя отношенія его матери къ фальшивому и лукавому управляющему, понятную антипатію прямого характера его отца къ этому управляющему, возникшую на почвѣ злобы у послѣдняго, и всѣ ея послѣдствія.

Борисъ оставался глухъ.

— Ты, тетя, относишься къ отцу пристрастно и видишь его поступки въ выгодномъ свѣтѣ, а я стою всецѣло на сторонѣ матери, потому что понимаю отца такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ тебѣ кажется.

— Довольно, довольно, Боря,—Мари замахала руками,—ты говоришь ужасныя вещи. Не становясь ни на чью сторону, ты долженъ уважать и любить отца и мать. Ты слѣпъ и не видишь, какую страшную пропасть роетъ этотъ низкій, подлый еврей подъ ногами твоего отца, которому онъ служилъ болѣе двадцати лѣтъ.

— Онъ служилъ матери, а не отцу.

— Хорошо, довольно, Боря. Я глубоко потрясена

всѣмъ, что отъ тебя слышала, и вижу, что Моисей Борисовичъ не только твою мать, но и тебя сумѣлъ подчинить своему вліянію.

Борисъ криво усмѣхнулся, холодно простился съ теткой и ушелъ къ себѣ.

Мари всю эту ночь не смыкала глазъ.

II.

Въ большомъ отдѣльномъ кабинетѣ первокласснаго ресторана артистическая компанія, собранная Михаиломъ Гуракинымъ, была въ томъ приподнятомъ настроеніи, которое легче всего вызывается музыкой, виномъ и обществомъ интересныхъ женщинъ. На большомъ кругломъ столѣ стояли недопитые бокалы. Мужчины въ смокингахъ, дамы въ открытыхъ туалетахъ громкими взрывами смѣха и перекрестной рѣчью заглушали звуки оркестра, доносившагося изъ общаго зала. Михаилъ Гуракинъ, слегка пополнѣвшій, съ сѣдѣющими висками, съ тѣмъ же орлинымъ взглядомъ красивыхъ глазъ, съ нѣкоторой властностью во взглядѣ и манерахъ, сидѣлъ въ центрѣ собравшихся гостей и, откинувшись на спинку стула и заложивъ ногу на ногу, съ улыбкой выслушивалъ красочную и образную рѣчь пылкаго итальянца-пѣвца. Теноръ Spada, жестикулируя и мѣшая французскую рѣчь съ итальянской, указывалъ Гуракину наиболѣе выгодныя мѣста его теноровой партіи изъ музыкальной комедіи, написанной Гуракинымъ и отданной въ этотъ вечеръ на судъ аристической компаніи.

— Veramente un pezzo bellissimo! (Дѣйствительно, эта часть великолѣпна),—говорилъ теноръ Spada, чрезмѣрно восхищаясь нелишеннымъ искры дарованія произведеніемъ сановнаго мецената, всегда готоваго

выбросить сотни и тысячи рублей на артистическіе подмостки. Къ роялю подошелъ извѣстный концертный аккомпаніаторъ и сталъ перелистывать тетрадь рукописныхъ нотъ.

— Можно продолжать?—обратился онъ къ Михаилу.

— Сдѣлайте одолженіе. Signora Rizio,—обратился Михаилъ по-итальянски къ пышной и смуглой брюнеткѣ,—здѣсь сейчасъ будетъ меццо-сопрановая партія: вы намъ поможете?

Взглядъ Михаила съ мягкой улыбкой остановился на синьорѣ Rizio, и пылкая итальянка, почувствовавъ его магическую силу, слегка вспыхнула.

— Con piacere, caro signor (съ удовольствіемъ).

Она подошла къ роялю, взяла переданныя ей аккомпаніаторомъ ноты, наскоро просмотрѣла ихъ и просила начинать. Всѣ смолкли и внимательно слушали красивую легкую мелодію, льющуюся изъ устъ пѣвицы бархатными низкими звуками. Михаилъ, отложивъ недокуренную сигару, слегка откинулъ голову и съ выраженіемъ отсутствующаго, замечтавшагося человѣка, смотрѣлъ куда-то въ пространство, забывъ объ окружающемъ.

— Molto bene (очень хорошо),—громкимъ шопотомъ раздалось одобреніе тенора Spada, но Михаилъ не слышалъ его: его баюкала и куда-то уносила созданная имъ мелодія, и въ эту минуту ему былъ безразличенъ судъ надъ его произведеніемъ.

Изъ глубины комнаты два женскихъ глаза горячимъ, настойчивымъ взглядомъ окутывали Михаила. Это была только-что пріѣхавшая изъ Италіи, кончившая свое вокальное образованіе артистка, черезъ третье лицо приглашенная сюда, чтобы ознакомиться съ сопрановой партіей и впервые выступить въ ней

на большомъ вечерѣ, предполагавшемся въ скоромъ времени въ домѣ Михаила. Гуракинъ, и прежде не любившій посвящать равнодушную къ искусству Натали въ свои артистическіе замыслы, теперь держалъ ихъ въ полномъ секретѣ во избѣжаніе скучныхъ допросовъ и подозрѣній. Одной Мими было извѣстно, что отецъ собирается найти исполнителей своему произведенію. Мими, какъ и во всемъ остальномъ сочувствовала этой затѣѣ и знала чуть ли не наизусть лучшія мелодіи маленькой оперы. Натали мелькомъ говорила, что мужъ «что-то тамъ сочинилъ», но ни разу не поинтересовалась узнать, что именно. Михаилъ давно привыкъ къ равнодушію жены въ отношеніи его личныхъ интересовъ: съ холодной пренебрежительностью онъ игнорировалъ ее и не счелъ нужнымъ сообщать ей о приглашеніи артистовъ въ кабинетъ ресторана для ознакомленія съ музыкой. Къ себѣ въ домъ онъ ихъ не звалъ, предвидя надоѣвшія ему неудовольствія жены.

— Терпѣть не могу этихъ артистовъ въ моемъ домѣ,—не разъ говорила она мужу.—Это твое меценатство сумасбродная фантазія, слишкомъ дорого стоющая.

Каждый артистъ или артистка, приглашаемые Михаиломъ въ домъ, представлялись Натали піявками, высасывающими нѣкоторую сумму изъ ея состоянія. Чѣмъ болѣе увлекался ими Михаилъ, тѣмъ болѣе ненавидѣла ихъ она, а въ особенности женскій персоналъ, такъ какъ была убѣждена, что мужъ тратитъ на нихъ деньги, пользуясь ихъ благорасположеніемъ.

Пылкость Михаила съ годами не выдохлась. Какъ и въ первые годы, онъ ничего не дѣлалъ вполовину; онъ или не замѣчалъ людей, или любилъ ихъ широкой, щедрой любовью. Все, что имѣло соприкосно-

веніе съ искусствомъ, находило живой откликъ въ его душѣ; онъ тратилъ деньги на поддержку талантовъ безо всякой мысли о благодарности или популярности, и потому въ этой группѣ людей его боготворили.

Въ этотъ моментъ, отдавшись захватившему его настроенію, Михаилъ, въ безсознательно красивой позѣ, притягивалъ къ себѣ взгляды окружающихъ, симпатизирующихъ ему людей.

— Какой благородный профиль!...—наклоняясь къ уху восторженно смотрѣвшей на Михаила юной пѣвицы, чуть слышно проговорила ея подруга, жена аккомпаніатора.

— Поразительно!—не отрывая глазъ, отвѣтила та.

— Вотъ это настоящій герой романа, не правда ли?

— О, да! Для такого человѣка можно пойти на все. Я его вижу въ первый разъ и чувствую, что, скажи онъ слово, и я для него забуду всѣхъ и все...

Долетѣли ли эти слова до слуха Михаила или движеніе его было безсознательно, но онъ медленно повернулъ голову въ сторону говорившей и съ улыбкой посмотрѣлъ на нее:

— Вамъ нравится?—спросилъ онъ, подразумѣвая музыку.

— Не только нравится, я очарована...—пылко отвѣтила пѣвица, отвѣчая на собственную мысль.

Михаилъ слегка нагнулъ голову въ знакъ благодарности и еще разъ взглянулъ на красивую артистку. Глаза ихъ встрѣтились, горячія искры перебѣжали съ молніеносной быстротой отъ нея къ нему и обратно, и Михаилъ, съ нѣмымъ чувствомъ не то благодарности, не то ласки, на одну секунду краснорѣчивымъ, горячимъ взглядомъ отвѣтилъ на ея мысли. Онъ такъ

привыкъ къ этимъ нѣмымъ признаніямъ ласковыхъ женскихъ глазъ, такъ любилъ ихъ, такъ былъ имъ всегда благодаренъ!.. Въ своей жизни онъ не обидѣлъ ни одного женскаго сердца, кромѣ сердца жены.

Аккомпаніаторъ игралъ третій и послѣдній актъ. Было уже поздно. Михаилъ велѣлъ лакеямъ подать устрицъ и шампанскаго. Аккомпаніаторъ, взявъ финальный аккордъ, подошелъ къ Гуракину и протянулъ ему обѣ руки:

— Браво и браво, Михаилъ Владиміровичъ! Громадное музыкальное чутье, оригинальность и главное—красота мелодій.

— Михаилъ Владиміровичъ въ своихъ музыкальныхъ фантазіяхъ, какъ и во всемъ остальномъ, обаятеленъ,—смѣло глядя въ глаза Гуракина, произнесла жена аккомпаніатора, извѣстная оперная пѣвица.

— Вы слишкомъ щедры, я не стою этого...

Гуракинъ, на цѣлую голову выше окружившихъ его тѣснымъ кольцомъ гостей, съ добродушно-снисходительной улыбкой выслушивалъ сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ похвалы. Теноръ Spada высоко поднялъ бокалъ съ шампанскимъ и съ воодушевленіемъ провозгласилъ тостъ per il gran'signore russo, pieno di talento e di buonta (за русскаго большого барина, преисполненнаго талантовъ и доброты).

Среди смѣха и веселыхъ возгласовъ никто не замѣтилъ, какъ открылась дверь въ кабинетъ; на порогѣ ея стояла Натали Гуракина въ черномъ шелковомъ платьѣ съ перекинутымъ вокругъ шеи великолѣпнымъ мѣхомъ чернобурой лисицы. Приложивъ лорнетъ къ глазамъ, презрительно щурясь, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и вздрагивающими ноздрями, она стояла такъ съ минуту, никѣмъ не замѣченная. Первымъ увидѣлъ ее Михаилъ. Какъ молнія, про-

мелькнулъ въ его глазахъ гнѣвъ, но онъ сейчасъ же справился съ собой и, шумно отодвинувъ стулъ, пошелъ ей на встрѣчу.

— А-а!.. Натали... Это очень мило, что ты пріѣхала. Позволь тебѣ представить моихъ снисходительныхъ критиковъ и добрыхъ друзей.

Натали съ надменной улыбкой протягивала концы пальцевъ и упорно лорнировала дамъ.

— Я никакъ не подозрѣвала, что у моего мужа такая большая аудиторія,—съ дѣланной улыбкой проговорила она.

— О, Михаилъ Владиміровичъ такъ талантливъ! Онъ сегодня декламировалъ намъ свои чудныя стихотворенія!—съ пылающими отъ восторга глазами и не улавливая ворвавшагося въ общее настроеніе диссонанса съ появленіемъ Натали, воскликнула молодая артистка изъ Италіи. Вашъ мужъ такой необыкновенный, такой прекрасный человѣкъ!

У Натали еще замѣтнѣе стали вздрагивать ноздри, и глаза недружелюбнымъ и холоднымъ взглядомъ остановились на возбужденномъ лицѣ говорившей:

— Какъ вы восторженны! Или это вино, музыка и присутствіе моего мужа такъ вліяютъ на васъ?

Пѣвица хотѣла что-то отвѣтить, но запнулась и растерянно посмотрѣла въ сторону Гуракина, который не слышалъ словъ жены, однако по ея виду и тону былъ увѣренъ, что она находится въ томъ состояніи ревниваго возбужденія, которое влечетъ за собой желаніе всѣмъ и каждому говорить непріятныя и злыя вещи.

— Если вы вздумали говорить съ моей женой о музыкѣ, то рекомендую вамъ поскорѣе перемѣнить тему разговора,—облокачиваясь локтемъ о столъ и поворачиваясь всѣмъ корпусомъ въ сторону жены,

громко и значительно для Натали обратился Михаилъ къ растерявшейся пѣвицѣ.

— Послушайтесь моего совѣта, а то моя жена наговоритъ вамъ массу пренепріятныхъ вещей, такъ какъ она органически не выноситъ музыки.

Михаилъ съ доброй улыбкой посмотрѣлъ на пѣвицу, которая быстро подняла на него глаза и такъ же быстро ихъ опустила. Однако Натали успѣла что-то прочесть въ этомъ мимолетномъ движеніи рѣсницъ, и лицо ея изъ блѣднаго стало покрываться яркой краской. Въ это время отошедшая къ роялю группа упрашивала синьору Rizio что-нибудь спѣть.

Итальянка отнѣкивалась.

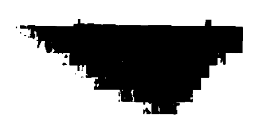
— Faites la chanter, cher monsieur, elle ne saura vous réfuser, car vous êtes irrésistible,—шутливо обратился къ Гуракину одинъ изъ артистовъ-итальянцевъ.

— Mais oui, mais oui, signore Rizio, faites-nous le plaisir d'entendre votre belle voix.

Съ этими словами Гуракинъ всталъ и направился къ стоявшей у рояля итальянкѣ. Въ то время, какъ она, любезно уступая просьбамъ Михаила, брала ноты и собиралась пѣть, Натали, сдѣлавъ видъ, что не видитъ артистки и аккомпаніатора, шумно поднялась съ кресла, граціознымъ жестомъ перекинула соскользнувшій съ плеча мѣхъ и, шурша шелкомъ величественнаго трэна, съ недобрымъ огонькомъ въ глазахъ подошла къ мужу.

— Уже поздно, и я думаю, что всѣмъ намъ пора домой, тѣмъ болѣе, что завтра въ девять часовъ выносъ тѣла княгини Юракиной, и мы не должны проспать.

Михаилъ со всѣхъ силъ стиснулъ лежавшій на роялѣ кулакъ и, казалось, хотѣлъ вдавить его въ де-

рево инструмента. Неуловимая судорога пробѣжала по его лицу и сейчасъ же потухла.

— Ты, очевидно, не слыхала, что синьора Rizio хочетъ доставить намъ громадное удовольствіе слышать ея великолѣпный голосъ.

Но синьора Rizio, съ вспыхнувшимъ отъ обиды огонькомъ въ большихъ черныхъ глазахъ, бросила ноты на рояль и быстро заговорила по-французски, обращаясь исключительно къ Михаилу:

— Пожалуйста, не безпокойтесь, я спою вамъ съ удовольствіемъ въ другой разъ и столько, сколько вы захотите. Я не люблю и не хочу пѣть въ присутствіи людей, не понимающихъ и не любящихъ музыки.

— Вы не совсѣмъ правы, сударыня,—надменно сверкая глазами и не сдерживая нахлынувшаго гнѣва, отвѣтила Натали,—я люблю музыку въ концертахъ и въ оперѣ, но не терплю ее въ трактирной обстановкѣ.

— Ecco la grand'dama! (Вотъ такъ аристократка)!—отчетливо донесся до ушей Натали насмѣшливый возгласъ тенора Spada.

Сдѣлавъ видъ, что она его не слышитъ, Натали едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы сдѣлала общій поклонъ и направилась къ выходу.

— Мишель, я буду ждать тебя въ каретѣ,—обернулась она, переступая порогъ кабинета.

Гуракинъ отошелъ отъ рояля и, тяжело дыша, опершись ладонями о накрытый скатертью большой круглый столъ, обвелъ присутствующихъ затуманившимися отъ гнѣва глазами.

— Господа, я извиняюсь... Я не ожидалъ этого визита, иначе сумѣлъ бы оградить васъ отъ этой... дикой выходки, внушенной, какъ и всегда, слѣпой и

безсмысленной ревностью. Извиняюсь еще разъ... Я оскорбленъ не менѣе васъ...

Гуракинъ судорожно сжатымъ кулакомъ хотѣлъ со всѣхъ силъ ударить по столу, но сдѣлалъ громадное усиліе воли и поборолъ это желаніе. Не давъ исхода накопившемуся гнѣву, Михаилъ почувствовалъ спазму въ груди и схватился за сердце. Въ одну минуту его окружили, пододвинули стулъ, налили въ стаканъ воды.

— ... Oh, povero caro signore... tanto gentile, tanto buono... (О, бѣдный, хорошій... всегда такой любезный и добрый)... Calmez-vous, cher monsieur... Ради Бога не волнуйтесь... Мы васъ отлично понимаемъ...—раздавались со всѣхъ сторонъ сочувственные голоса.

Понемногу Михаилъ приходилъ въ себя.

— Ваше превосходительство!..—раздался съ порога почтительный голосъ лакея,—ихъ превосходительство просятъ васъ пожаловать въ карету.

— Скажи генеральшѣ, чтобы онѣ ѣхали домой, а за мной пусть пришлютъ карету обратно.

Вскорѣ приглашенные Михаиломъ артисты стали разъѣзжаться. Еще разъ поданное шампанское оживило такъ неожиданно испорченное настроеніе вечера. Гости радушно прощались съ Гуракинымъ, и каждому изъ нихъ онъ находилъ сказать что-нибудь ласковое и любезное.

Возвращаясь домой поздней ночью, Михаилъ думалъ о томъ, что необходимо надо избѣгнуть возможной сейчасъ встрѣчи съ женой. Онъ чувствовалъ, что улегшійся гнѣвъ можетъ вспыхнуть до бѣшенства, если онъ увидитъ ее и начнутся обычныя ночныя объясненія. Сбросивъ на руки соннаго швейцара шубу, Михаилъ, сосредоточенно думая все о той же безтактной и злой выходкѣ жены, поднялся по слабо освѣщенной пышной лѣстницѣ къ себѣ во

второй этажъ. Въ нижнемъ помѣщались Мари, дѣти и запасныя комнаты. Осторожно ступая по паркету зала, стараясь заглушить звуки шаговъ, онъ направлялся къ себѣ въ кабинетъ. Его камердинеру былъ издавна данъ приказъ стелить постель въ кабинетѣ всякій разъ, какъ онъ съ вечера уѣзжалъ изъ дому. Затушивъ въ залѣ стѣнную лампу, оставленную зажженной до его возвращенія, Михаилъ въ темнотѣ вошелъ въ кабинетъ, натыкаясь на мебель, подошелъ къ письменному столу, нащупалъ въ бронзовомъ курильномъ приборѣ спички и зажегъ свѣчи. Большая, богато обставленная комната озарилась неяснымъ свѣтомъ, съ дрожащими, перебѣгающими тѣнями. Громадный низкій диванъ, застланный постельнымъ бѣльемъ, выплылъ бѣлымъ пятномъ изъ общаго полумрака. Михаилъ снялъ смокингъ, бросилъ его на сосѣдній стулъ, зѣвнулъ и потянулся. Его богатырская фигура отразилась гигантской тѣнью вдоль стѣны и по потолку. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ глубь комнаты и вдругъ остановился: въ низкомъ креслѣ, закутавшись въ тотъ же мѣхъ чернобурой лисицы, который она имѣла на себѣ весь вечеръ, въ бѣломъ кашемировомъ халатѣ, съ распущенными хорошо сохранившимися волосами, сидѣла Натали. Очевидно, она спала и проснулась отъ свѣта зажженной свѣчи. Михаилъ, уже нашедшій свое внутреннее равновѣсіе, хранилъ молчаніе, боясь потерять его.

— Я рѣшила дождаться тебя, Мишель, чтобы разъ навсегда mettre les points sur les i и оградить себя и свою семью отъ твоихъ безумствъ; кромѣ того, я...

— Уходи... сію же секунду уходи и не произноси больше ни одного слова...

Голосъ Михаила прозвучалъ глухо и въ его не-

естественной содержанности было что-то угрожающее, но Натали не поняла этого.

— Нѣтъ, нѣтъ, я рѣшила высказать тебѣ результатъ всѣхъ накопившихся за эти годы обидъ,— быстро заговорила она, нервнымъ движеніемъ руки сбрасывая съ плечъ чернобурую лисицу.

Михаилъ поднялъ мѣхъ и вдругъ съ неожиданнымъ бѣшенствомъ со всѣхъ силъ швырнулъ его на кресло.

— Уйди.. Ты понимаешь ли, что еще одно слово и я... и я...

— О, я давно привыкла къ этимъ неистовствамъ: меня не удивишь...—презрительно улыбнулась Натали.—Я буду говорить съ тобой во имя дѣтей, во имя ихъ будущаго благосостоянія...

— Натали!!.—хриплымъ, угрожающимъ шопотомъ вырвалось у Михаила.

Онъ стоялъ противъ нея, слегка нагнувъ голову, тяжело дыша и конвульсивно сжимая кулаки.

— Всѣ эти полудѣвки-полуартистки, вѣшающіяся тебѣ на шею и высасывающія бѣшеныя деньги изъ нашего капитала, наконецъ мнѣ надоѣли, и я найду возможность оградить себя отъ твоего распутства... Хотя бы во имя дочери, которую ты переманилъ на свою сторону и коверкаешь баловствомъ и всякими тратами, хотя бы во имя ея ты сдерживалъ свои гнусные инстинкты...

— Конечно... Конечно, если бы не Мими, то я давно бросилъ бы тебя и эту подлую жизнь подъ одной съ тобой крышей.

— Знаю... прекрасно знаю... Ты сумѣлъ свернуть ей голову и послѣднія крохи любви, оставшіяся на мою долю, ты отдалъ ей.

— Да, я отдалъ ей все, все, что было у меня въ душѣ любви и нѣжности. Благодаря твоему подлому характеру, для тебя у меня въ сердцѣ ничего не осталось... Ты мнѣ противна и жалка...

— Ты отдалъ все этой дѣвчонкѣ?! Ха-ха-ха!.. En voilà un amour sublime! Повтори, повтори это еще разъ...

Натали была внѣ себя. Истерическій смѣхъ прерывалъ ея возбужденную рѣчь. Она сдѣлала два шага впередъ и, близко подойдя къ Михаилу, настойчиво твердила:

— Повтори это еще разъ....

— Да, да, да... я отдалъ всю любовь моей дочери, а тебя... тебя начинаю ненавидѣть.

— Твоей дочери?!. Ты отдалъ всю любовь твоей дочери?. Какая насмѣшка судьбы!.. Мими дочь Волынскаго, а не твоя... Я тебя обманула... Волынскій это знаетъ такъ же, какъ и я...

Натали не успѣха договорить послѣднихъ словъ. Какъ раненый тигръ, съ налившимися кровью глазами, съ яростью исказившимся лицомъ, однимъ мощнымъ движеніемъ руки Михаилъ пригнулъ жену къ полу. Въ тщетномъ усиліи освободиться отъ его руки, желѣзными тисками сжимавшей ей шею, она разорвала кашемировый халатъ, который соскользнулъ до пояса. Видъ обнаженныхъ, отъ боли конвульсивно вздрагивавшихъ плечъ еще болѣе разжегъ ярость, дошедшую до крайнихъ предѣловъ безумія. Изъ стѣсненной груди Михаила вырывались хриплые, неопредѣленные звуки. Натали стонала, все ниже и ниже пригибаемая къ полу, съ разостланной на немъ громадной медвѣжьей шкурой.

— Пусти... или я буду кричать...

— Такъ кричи же, подлая, лживая женщина...

Въ одно мгновеніе онъ сорвалъ висѣвшій на стѣнѣ рядомъ съ рѣдкимъ оружіемъ хлыстъ для верховой ѣзды и, стиснувъ рукоятку, сталъ наносить Натали жгучіе, жестокіе удары. Удары сыпались по плечамъ, по спинѣ, по ногамъ. Натали извивалась, какъ змѣя, то ползая по мягкому пушистому мѣху и отъ дикой боли зарывая въ него лицо, то цѣпляясь за ноги обезумѣвшаго отъ гнѣва мужа, то силясь достать рукой хлыстъ... Но жгучія огненныя полосы безостановочно врѣзывались въ тѣло. Натали уже не кричала: она хрипло выла, теряя разсудокъ подъ этимъ неумолимымъ градомъ свистящихъ ударовъ. Михаилъ, наливвшимися кровью глазами, видѣлъ въ трепетномъ свѣтѣ мигающей свѣчи, какъ выступали и пухли на обнаженномъ тѣлѣ кровавые рубцы, и ударялъ все сильнѣе и сильнѣе, съ наслажденіемъ давая наростать опьянѣнію жестокости. Теперь Натали глухо хрипѣла; потерявъ силы сопротивляться, въ судорожномъ движеніи охвативъ ноги мужа, она билась о нихъ головой съ помутившимся отъ боли разсудкомъ. Разорванная сорочка упала съ плечъ, вспухшія, багровыя полосы покрывали все тѣло, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочилась кровь... А удары все сыпались и сыпались... Натали совсѣмъ замолкла и безъ движенія лежала у ногъ Михаила. Въ воцарившейся тишинѣ свистъ хлыста отрезвилъ его. Онъ разжалъ руку, сжимавшую затылокъ жены, отшвырнулъ хлыстъ и, запустивъ пальцы обѣихъ рукъ въ густые волосы, крѣпко стиснулъ ихъ, откинулъ голову назадъ и остался такъ стоять, не замѣчая, какъ бѣгутъ минуты. Мысли неслись дикимъ вихремъ, Все спуталось въ головѣ и въ сердцѣ. Мими— этотъ ребенокъ, ради котораго онъ женился, ради котораго онъ слишкомъ двадцать лѣтъ терпѣлъ семейный адъ, Мими—которую онъ обожалъ нѣжной и

гордой любовью отца, Мими—которая озарила его жизнь связующимъ звеномъ между нимъ и Натали, Мими—не его дочь!.. Онъ былъ грубо и цинично обманутъ въ самыхъ своихъ цѣнныхъ и глубокихъ чувствахъ отца... И Волынскій это знаетъ?! Вѣроятно, и не одинъ Волынскій... Онъ былъ одураченъ... Мими—дочь Волынскаго!!! Михаилъ застоналъ, его душилъ воротъ рубашки. Онъ дернулъ его изо всѣхъ силъ, и запонка вмѣстѣ съ крахмальнымъ воротомъ, оторваннымъ однимъ взмахомъ, отлетѣли далеко на коверъ. Опустившись въ кресло и склонивъ голову на руки, Михаилъ долго сидѣлъ, устремивъ неподвижный взглядъ въ одну точку... Натали слабо застонала и пошевелилась. Погруженный въ свои думы, переживающій острую душевную боль, Михаилъ не слышалъ этого стона и продолжалъ сидѣть въ той же позѣ глубокаго отчаянія. Между тѣмъ Натали, открывъ глаза и увидѣвъ неподвижно сидящаго мужа, сразу очнулась. Она хотѣла приподняться, но боль во всемъ тѣлѣ вырвала изъ ея груди стонъ, котораго не слышалъ Михаилъ. Она опять упала ничкомъ на медвѣжью шкуру, и весь ужасъ, весь страхъ и боль только что пережитаго охватили ее. Сдѣлавъ громадное усиліе воли, она осторожно приподнялась и сѣла. Невольный вздохъ ужаса вырвался изъ ея груди, когда при слабомъ мерцаніи свѣчи, тускло озарявшемъ громадную комнату, она взглянула на свое полуобнаженное тѣло: оно было ужасно, сплошь покрытое пересѣкающимися, вздутыми багрово-синими полосами, мѣстами разсѣченными до крови. Ея красивое, выхоленное тѣло имѣло теперь безобразный и страшный видъ. Натали тихо заплакала. Никогда, даже въ дѣтствѣ никто не подымалъ на нее руки. Она чувствовала себя совершенно уничтоженной, придавленной, обезсиленной и

обездоленной. Но вмѣсто взрыва негодованія и злобы, у нея, съ накипавшими въ сердцѣ слезами, родилось страстное желаніе обнять колѣни оскорбленнаго ею мужа, такъ безпощадно и сурово наказавшаго ее за это оскорбленіе. Пересиливая боль, она подползла къ креслу и обняла его ноги. Казалось, онъ не замѣтилъ этого прикосновенія и оставался попрежнему неподвижнымъ.

— Миша... Мишенька... Прости, прости меня...— глухо зарыдала Натали.

Михаилъ поднялъ голову. Его лицо какъ-то вдругъ осунулось и было блѣдно. Глаза, всегда блестящіе, были тусклы и полузакрыты. Онъ сдѣлалъ движеніе, желая высвободить ноги отъ рукъ Натали, но она еще плотнѣе обхватила ихъ и крѣпко прижалась къ нимъ головой.

— Дѣлай со мною все, что хочешь... Бей, мучь меня... Но только прости..

Михаилъ болѣзненно-брезгливо поморщился:

— Оставь!.. Отойди!..

— Мишенька, я у ногъ твоихъ прошу о прощеніи... Прости меня за то, что я тебя любила дикой, безразсудной любовью... Прости, что во имя это любви я рѣшилась солгать тебѣ и лгала всю жизнь...

— Ты преступна во лжи, но еше преступнѣе въ томъ, что обнажила передо мной эту ложь... Ты ее обнажила изъ желанія втоптать въ грязь мое единственное въ жизни цѣнное чувство—любовь къ дочери. И за это я тебя ненавижу, я тебя презираю... Твоя любовь ко мнѣ—низменная и подлая любовь: тебѣ нуженъ я—мужчина, самецъ, а не я съ моей душой и моимъ мозгомъ... Ты могла думать, что, втоптавъ въ грязь мое чувство къ дочери, ты вос-

кресишь хоть крупицу чувства къ себѣ... О нѣтъ!.. Твоя низменная и черствая натура мнѣ давно стала чужда.

— Миша... Миша... Пощади... Не говори этихъ ужасныхъ словъ. Я все снесу, все стерплю, но только не твою ненависть... Я покорюсь тебѣ, буду твой рабой, послушной рабой, но только прости меня, не отталкивай...

— Ахъ, уйди ты отсюда... Я не ручаюсь за себя; во мнѣ все кипитъ...

— Дай, дай волю этому гнѣву,.. излей его до капли на мнѣ... На, возьми этотъ ужасный хлыстъ, бей меня до смерти, я хочу терпѣть отъ тебя муку, боль, но только не ненависть и презрѣніе...

— Рабская натура!.. И какъ это я не понялъ тебя два десятка лѣтъ тому назадъ?! Очевидно, тебѣ всегда нуженъ былъ этотъ хлыстъ. Я не понялъ и поплатился всею жизнью.

Михаилъ рѣзкимъ движеніемъ освободилъ ноги отъ тѣсно сжимавшихъ его рукъ и поднялся съ кресла:

— Повторяю тебѣ—уходи... Я долженъ теперь остаться одинъ.

Натали ясно услышала непреклонную нотку и молча, покорно поднялась. Ежась и кусая губы отъ нестерпимой боли во всемъ тѣлѣ, она въ то же время готова была цѣловать слѣды ударовъ, нанесенныхъ ей рукой человѣка, котораго она въ порывѣ необузданной ревности ранила неизлечимой раной. Хватаясь за мебель, еле передвигая ноги, низко склонивъ голову, Натали, какъ тѣнь, неслышно вышла изъ кабинета.

III.

На слѣдующее утро Мими, совершенно взволнованая, вбѣжала на половину тетки и сообщила ей странную новость, что отецъ внезапно, ни съ кѣмъ не простившись, уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ, сказавъ лакею, что онъ ѣдетъ въ свое имѣніе. Мими хотѣла идти за объясненіемъ къ матери, но Настенька—сѣдая и заслуженная горничная Натали, передала ей, что мать больна, лежитъ въ постели и никого не велѣла къ себѣ впускать.

— Опять она папу чѣмъ-нибудь обидѣла...—тихонька всхлипнула Мими, вытирая по-дѣтски обратной стороной ладони катившійся изъ глазъ слезы.— Папа никогда не уѣзжалъ не простившись со мной. Случилось что-нибудь очень важное. Узнай, теточка милая, у мамы; тебя она навѣрное впуститъ. Господи, ну, что ей папа дѣлаетъ? Зачѣмъ она вѣчно ссорится съ нимъ... Я не знаю что готова сдѣлать для папы, чтобы онъ былъ счастливъ и спокоенъ. Ну, куда онъ теперь уѣхалъ? На сколько времени? И даже со мной не попрощался, не предупредилъ...

У Мими опять закапали изъ глазъ слезы.

Мари вздохнула. Такъ же, какъ и Мими, она поняла, что внезапный отъѣздъ племянника и болѣзнь Натали — слѣдствіе какой-нибудь крупной ссоры. «Бѣдная дѣвочка,—думала Мари, глядя на Мими, стоявшую у окна и безучастно устремившую заплаканные глаза на улицу.—Они ссорятся, а она страдаетъ».

— Танточка, ты пойдешь къ мамѣ?—не отрывая взгляда и не двигаясь съ мѣста, спросила Мими.

— Я пойду, дружокъ; сейчасъ же послѣ завтрака пойду,—отвѣтила Мари, переставляя пухлыми руками,

очень похожими на руки покойной матери, спиртовой кофейникъ съ огня на серебряный подносъ.—Садись, Мимиша, выпей кофе.

— Нѣтъ, танточка, я не могу... Мнѣ такъ грустно, такъ грустно...

Голосъ Мими оборвался, и она опять тихо всхлипнула.

— Не плачь же раньше времени: можетъ быть папа уѣхалъ по какимъ-нибудь дѣламъ...—неувѣреннымъ голосомъ попробовала Мари утѣшать племянницу.

— Даже не простился... Вотъ что больно...—сквозь слезы, прерывающимся голосомъ проговорила Мими.

Послѣ завтрака Мари отправилась наверхъ, гдѣ она бывала очень рѣдко. Сквозь стеклянную дверь, прежде чѣмъ надавить пуговку звонка, Мари увидала лакея, въ небрежной, очень удобной позѣ занятаго набиваньемъ папиросъ. Такое занятіе въ вестибюлѣ доказывало полную увѣренность лакея, что никто ему не помѣшаетъ. Наскоро прикрывъ газетой разсыпанный по столу табакъ и гильзы, онъ отперъ дверь и почтительно склонился передъ Мари, которую вся дворня очень чтила.

— Позовите мнѣ Настеньку,—приказала Мари.

— Онѣ дежурятъ-съ у генеральши подлѣ спальни. Пожалуйте-съ.

Лакей распахнулъ дверь въ залъ, запертую имъ изъ опасенія, чтобы запахъ табаку не проникъ въ нее. Черезъ залъ и двѣ гостиныхъ Мари прошла въ китайскую комнату. Сидѣвшая съ работой въ рукахъ пожилая, солидная Настенька поднялась при появленіи Мари.

— Что случилось, Настенька? Отчего Наталія Георгіевна заболѣла.

— Ничего не сказывали-съ, ваше превосходитель-

ство. Утромъ позвонили, шторы подымать не приказали, кофею не пили, про себя все стонутъ и какъ будто плачутъ. Никого не приказали къ нимъ впускать, и за докторомъ послать тоже не разрѣшили. А генералъ чуть-свѣтъ изъ кабинета вышли, велѣли Егору живо вализу дорожную уложить и на вокзалъ уѣхали. Егоръ говорилъ, что постель не тронута осталась, свѣча до краевъ сгорѣла.

— Не оставилъ ли генералъ письма на мое имя?— спросила Мари, изъ словъ горничной еще болѣе убѣждаясь, что произошло нѣчто серьезное.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство. Ужъ я и сама шарила на письменномъ столѣ, думала, нѣтъ ли какой записочки для барышни,—какъ есть ничего. Егоръ говорилъ, что генералъ очень изъ себя плохо выглядѣли—точно, говоритъ, съ тѣла за одну ночь спали... Просто ума не приложу, что такое произошло.

Настенька съ искреннимъ сокрушеніемъ замотала головой.

— Пойдите къ генеральшѣ, Настенька, и если она не спитъ, скажите, что я очень желала бы навѣстить ее.

Мари отошла въ глубь комнаты и, опустившись въ кресло, задумалась. Ея лицо было озабочено и грустно. Не столько внезапная болѣзнь Натали безпокоила ее, сколько странный отъѣздъ племянника.

— Пожалуйте-съ,—выйдя на цыпочкахъ изъ спальни, тихо пригласила Настенька.

Въ спальнѣ, съ плотно занавѣшенными тяжелыми драпировками, съ слабо мерцающей у образовъ лампадой, войдя изъ свѣтлой комнаты, казалось совсѣмъ темно.

Мари на секунду остановилась, чтобы привыкнуть къ темнотѣ. Она почти ощупью, шагъ за шагомъ, задѣвъ за вычурный рабочiй столикъ и что-то обронивъ на немъ, прошла черезъ всю комнату и, наконецъ, различивъ большую двухспальную кровать съ роскошнымъ шелковымъ балдахиномъ, подошла къ ней. Натали чуть слышно стонала. Привыкнувъ къ темнотѣ, Мари увидѣла ее, лежащую на спинѣ съ протянутыми поверхъ одѣяла вдоль тѣла руками. Она медленно повернула голову въ сторону Мари.

— Мари... Садитесь...—чуть слышно, совершенно слабымъ голосомъ произнесла она.

— Натали, что съ вами?—участливо спросила Мари, кладя свою пухлую и теплую руку поверхъ руки Натали.

— О Мари... я такъ... несчастна... я бы хотѣла не жить...

— Да что же случилось? Parlez au nom de Dieu.

— Случилось, chère Мари, нѣчто ужасное... Мнѣ страшно вспоминать.. Я не хочу вѣрить, что все это было и теперь непоправимо... Я боюсь... что Миша не вернется больше сюда...—Натали заплакала, хотѣла достать на ночномъ столикѣ носовой платокъ и громко застонала.

Мари подала ей платокъ и молча, съ тревогой ждала, когда Натали выплачется.

— Мари, je suis la plus... la plus malheureuse des femmes...—прерывающимся отъ рыданья голосомъ говорила Натали.—Теперь онъ возненавидѣлъ меня... А--а—а!!! Мари, Мари... qu'est-ce que je vais devenir...

— Натали, calmez-vous. Раскажите мнѣ, что случилось. Быть можетъ, это не такъ ужасно, какъ вамъ представляется.

— Мари... вчера ночью въ порывѣ гнѣва и рев-

ности... я сама не понимаю, какъ это случилось... я сказала ему ужасную тайну... что Мими не его дочь... а дочь Волынскаго...

— А—а!!!

Мари въ ужасѣ, прижавъ къ груди обѣ руки, точно приросла къ стулу. Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе. Мари была подавлена. Ей казалось, будто кто-то тяжелымъ кулакомъ ударилъ ее по головѣ.

— Вы ему... это сказали... Вы рѣшились это сказать, Натали?!—глухимъ, полнымъ отчаянія голосомъ, переспросила Мари.

— Да, да, Мари... Это была минута безумія... Да, я сказала...

— И что же онъ?—совсѣмъ тихо спросила Мари.

— Зажгите на минуту свѣчу. Теперь взгляните сюда.

Натали, подавивъ слезы и стонъ, откинула край одѣяла и обнажила часть тѣла, вспухшаго страшными сине-багровыми, какъ жгуты, сплошными полосами.

Мари ахнула и, закрывъ лицо руками, безсильно опять опустилась на стулъ.

— Я вся такъ изуродована, Мари... На мнѣ нѣтъ живого мѣста...

— Какой ужасъ!..

— Нѣтъ, Мари... Я ему это простила... Я готова хоть сейчасъ опять пережить эти муки, лишь бы онъ простилъ меня, лишь бы вернулся.

Мари молчала.

— Какъ вы думаете, Мари, онъ вернется?

— Я такъ потрясена услышаннымъ и увидѣннымъ, что теряю нить мыслей, chère Натали... Я ничего теперь не могу сказать вамъ. Я ожидала всего, но только не этого ужаса.

— И вы теперь презираете меня, Мари?

— Я васъ только жалѣю, Натали. Вы сдѣлали нѣчто ужасное и непоправимое.

Теперь Мари понимала, почему Михаилъ уѣхалъ, не простившись съ Мими, не оставивъ ей ни одной строчки.

— Мари, я умоляю васъ, напишите ему, верните его; вы всегда были моимъ добрымъ геніемъ.

Натали потянулась рукой къ Мари.

— Нѣтъ, Натали, это невозможно. Надо ему дать время пережить и перестрадать. Вѣдь вы перевернули въ немъ всѣ чувства. Я положительно не предвижу, какъ онъ переживетъ это ошеломляющее открытіе... Бѣдная Мими! Я боюсь, что вы вырвали изъ сердца Миши его нѣжную любовь къ дочери.

— Ахъ, Мари, развѣ я разсуждала въ тѣ минуты... А вы, Мари... Вы поражены... Вы негодуете... Вы оскорблены за Мишу.

— Не будемте говорить обо мнѣ, chère Натали, я давно свыклась съ этой мыслью.

— Какъ!.. вы догадывались?

— Я знала...

— Отъ кого? Кто могъ сказать вамъ?

— И я, и мама знали это отъ баронессы Кернъ. Я всегда мучилась страхомъ, чтобы какъ-нибудь эта тайна не коснулась бѣднаго Миши. Я была увѣрена, что болѣе всѣхъ оберегаете эту тайну вы сами, и вдругъ...

Пробывъ довольно долго подлѣ кровати Натали, Мари спустилась въ себѣ и заперлась въ спальнѣ. Она помнила, какія тягостныя предчувствія были на сердцѣ у всѣхъ, любившихъ Михаила, передъ его свадьбой. Всѣ предвидѣли, что онъ не будетъ счастливъ, и эти предчувствія сбылись, но чтобы несча-

стія его достигли такой мѣры,—этого ожидать было невозможно.

Несмотря на то, что Мари хорошо знала душу племянника, однако, въ этомъ страшномъ ударѣ, поразившемъ его мужское самолюбіе, его врожденную гордость, она не могла предвидѣть результатовъ и не знала, что надо предвидѣть. Внутреннее чутье подсказывало ей, что лучше всего оставить его на время въ полномъ одиночествѣ. На тревожные разспросы Мими, Мари отвѣчала, что дѣйствительно между родителями произошла крупная непріятность, что отецъ уѣхалъ на короткій срокъ и что лучше всего его не безпокоить ни телеграммами, ни письмами.

Мими, понуря голову, выслушала тетку и обѣщала терпѣливо ждать отца и безъ ея вѣдома ему не писать.

На другой день Мари рѣшила переговорить съ Чагинымъ,—лучшимъ другомъ Михаила. Она написала ему записку, прося навѣстить ее возможно скорѣе. Чагинъ отвѣтилъ, что вечеромъ будетъ. Весь день Мари обдумывала, какъ и что она скажетъ Чагину. Два раза она подымалась къ Натали и терпѣливо и кротко выслушивала все однѣ и тѣ же жалобы на свою долю, на свою несчастную любовь. Натали охала и стонала отъ боли незаживающихъ, еще больше вздувшихся рубцовъ, но ни однимъ словомъ не выразила своего негодованія или обиду за такую оскорбительную расправу. Мари удивлялась, какъ могла Натали, всегда гордая и своенравная, такъ покорно перенести это униженіе, какъ могла желать видѣть сейчасъ мужа. Она искренно жалѣла Натали, но страдала только за Михаила и за бѣдную Мими, горько обиженную непривычной и непонятной для нея холодностью отца.

Вечеромъ пріѣхалъ Чагинъ. Онъ засталъ Мари въ гостиной за большимъ круглымъ столомъ. Почти вся обстановка старухи Гуракиной была бережно перевезена ея дочерью сперва въ Москву, потомъ опять въ Петербургъ. Мари старалась разстановкой мебели сохранить то же расположеніе, что было въ квартирѣ ея матери. Въ ту минуту, когда вошелъ Чагинъ, она сидѣла, какъ и въ далекіе былые годы, подлѣ того же круглаго стола, покрытаго малиновой плюшевой скатертью, и вязала бѣдному больному ребенку шерстяную фуфайку. Та же бронзовая лампа въ видѣ колонки стояла посреди стола и озаряла изъ-подъ большого обажура «Empire» склоненное надъ работой озабоченное лицо Мари. Чагинъ, несмотря на промелькнувшіе годы, выглядѣлъ почти все такъ же. Высокій, сухощаво-худой, онъ держался прямо, ходилъ легко и почти не посѣдѣлъ. Только его маленькая голова какъ будто стала еще меньше и шея вытянулась больше. Та же мягкая, вкрадчивая манера въ движеніяхъ и голосѣ, тѣ же ласковые, всегда прищуренные близорукіе глаза.

— Я не слишкомъ ли поздно пріѣхалъ, Марія Аркадьевна?—спрашивалъ Чагинъ, протирая на ходу запотѣвшее пенснэ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Александровичъ, я васъ такъ ждала, столько мыслей и передумала, и отогнала.

— Случилось что-нибудь непріятное?

— Не непріятное, а крайне тяжелое...—у Мари дрогнулъ голосъ.

— Вы меня пугаете... Конечно, тамъ—наверху?

— Ну, конечно.

— Опять разладъ? Опять Натали?

— Какъ всегда—Натали... Миша вчера раннимъ утромъ уѣхалъ въ свое имѣніе.

— Ого!.. Alors c'est très grave. А Натали?

— Она второй день лежитъ больная.. Ахъ, Александръ Александровичъ, если бы вы только знали, какъ я удручена этой печальной жизнью Мишеля. Живешь какъ на вулканѣ. И вѣдь какъ это отражается на характерахъ бѣдныхъ дѣтей. Если бы вы видѣли, что за глаза были вчера у этой кроткой дѣвочки. Какъ она страдаетъ... Я знаю, что вы любите Мишу, да и всѣхъ насъ. Можетъ быть, вы найдете какой-нибудь исходъ... Но я, право, не знаю, какъ сказать вамъ... Я не сомнѣваюсь, что нашъ разговоръ останется тайной. Можетъ быть, вы сами мнѣ поможете? Сами догадаетесь?

— Думаю, Марія Аркадьевна, что я догадаюсь, если вы хоть слегка намекнете мнѣ.

— Самое ужасное, что только могла сдѣлать Натали—она сдѣлала. Она сказала... Она сказала Мишѣ... насчетъ бѣдной Мими...—Мари пытливо смотрѣла на Чагина:—«если онъ знаетъ тайну рожденія Мими, то онъ пойметъ, о чемъ идетъ рѣчь»,—сказала она себѣ.

— Что такое?!—Чагинъ въ волненіи поднялся съ мѣста.—Натали ему призналась... Теперь?!. Теперь?!. Нѣтъ, это выше моего пониманія... Или, быть можетъ, я не такъ понялъ, я ошибаюсь?!.

Мари печально наклонила голову.

— Вы поняли вѣрно.

— Что это за безумная натура! Выдать послѣ двадцати лѣтъ молчанія такую тайну—это... это...

Чагинъ не находилъ словъ и застылъ съ выраженіемъ глубокаго и скорбнаго недоумѣнія.

— И что же Миша? Что-жъ онъ на это?

— Не спрашивайте лучше... il a fait une chose horrible.

— Могу себѣ представить...

— Онъ уѣхалъ, очевидно, бѣжалъ изъ дому, боясь видѣть дочь. Что будетъ теперь? Я положительно теряю голову.

— Боюсь, что онъ не вернется больше въ этотъ домъ,—печально проговорилъ Чагинъ.

— И я боюсь того же, вы угадали мою мысль. Но вѣдь Мими ни за что не захочетъ жить безъ отца. Вы знаете ея болѣзненное обожаніе къ нему. Что же выйдетъ изъ всего этого? Ужасная драма. Если Натали рѣшилась разбить сердце Миши, то мы должны какъ-нибудь оградить душу бѣднаго ребенка. Чѣмъ она виновата. Ахъ, я за нее такъ боюсь, такъ боюсь!.. Она такая чуткая, такая нервная, отзывчивая. Бѣдное дитя! Сперва отняли отъ одного отца, а теперь отняли и другого.

— Да, положеніе создалось трагическое. Je suis stupéfait... и, признаюсь, не могу такъ сразу собрать моихъ мыслей.

Въ этотъ вечеръ Чагинъ долго сидѣлъ у Мари; Всегда замкнутая, ровная, непроницаемая Мари не смогла нести тяжелую многолѣтнюю ношу огорченій о неудавшейся семейной жизни любимаго племянника. Чагинъ очень многое зналъ объ этой жизни и облегчалъ признанія Мари односложными—«да, я это знаю» или «Миша мнѣ это разсказывалъ».

— Знаете, что я рѣшилъ?—послѣ долго царившаго молчанія сказалъ Чагинъ.—Я завтра же поѣду къ Мишѣ. За эти два дня острота боли немного притупилась. Тамъ, въ деревенской глуши, мы будемъ еще тѣснѣе связаны нашей дружбой, и Миша, я знаю, разскажетъ мнѣ все самъ. А затѣмъ я употреблю все

мое вліяніе, чтобы убѣдить его вернуться домой ради Мими. Я сумѣю дотронуться до благородныхъ струнъ его сердца.

— Да, да... Soyez éloquent, soyez un bon génie pour cette malheureuse enfant. У Миши такое доброе, такое благородное сердце, но всему есть предѣлъ, и я такъ боюсь, что предѣлъ этотъ насталъ.

Мари тихонько всхлипывала, сморкалась и поминутно нюхала англійскую соль изъ маленькаго хрустальнаго флакончика.

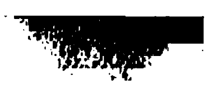
— Да, положеніе изъ рукъ вонъ какъ скверно. Русская пословица, что горбатаго могила исправитъ. Cette malheureuse Натали, какъ смолоду всегда была безразсудно-необузданна, такой и осталась. Непонятна мнѣ вся ея психологія! Любить человѣка до умопомраченія и вдругъ выпалить ему этакую штуку...

Чагинъ широко развелъ руками и недоумѣвающе сквозь пенснэ уставился на Мари.

— Какая тамъ психологія!—махнула рукой Мари.— Крайній эгоизмъ и невоспитаніе собственной воли. Мама все это предсказывала Мишѣ.

На нѣсколько минутъ опять воцарилось молчаніе. Чагинъ, что-то обдумывая, ходилъ взадъ и впередъ, неслышно ступая по ковру и, незамѣтно для самого себя, то слабо жестикулировалъ, то пожималъ плечами, то, машинально останавливаясь, въ задумчивости бралъ съ этажерки бездѣлушку и вертѣлъ ее въ рукахъ. Мари взялась за работу. Сдѣлавъ большимъ костянымъ крючкомъ нѣсколько рядовъ, она опять отложила ее на столъ и подняла голову.

— Знаете, что я рѣшила? Если Миша не сдастся на ваши увѣщанія и не вернется сюда, то я тоже уѣду изъ этого дома и Мими возьму къ себѣ. Это бу-

детъ для нея гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я думаю, что вы правы... Но не будемте загадывать впередъ, можетъ быть, все уладится, то есть для наружнаго вида жизни, потому что внутреннюю жизнь Наталія Георгіевна такъ сломала, что склеить ее невозможно.

— Танточка, къ тебѣ можно?—Въ гостиную вошла Мими.—А—а, Александръ Александровичъ! А я не знала, что вы тутъ. Я весь вечеръ у себя въ комнатѣ читала, даже глаза устали.

— Я думалъ, что вы у кого-нибудь изъ вашихъ многочисленныхъ пріятельницъ,—щурясь и ласковымъ взглядомъ присматриваясь къ Мими, сказалъ Чагинъ.

Мими тихо покачала головой:

— Нѣтъ. Я никого не хочу видѣть. Такая тоска...

— И меня не хотите видѣть?—улыбнулся Чагинъ, садясь въ кресло рядомъ съ Мими и близко наклоняясь къ ней.

— Васъ я очень рада видѣть. Вы знаете?.. Тетя вамъ сказала?..

Мими опустила голову, и углы ея рта дрогнули, какъ у маленькихъ дѣтей, готовыхъ заплакать.

— Да, я знаю.

Чагинъ продолжалъ смотрѣть на Мими, и было видно, что онъ въ это время что-то думалъ, большое и важное.

— Какъ вы думаете, папа надолго уѣхалъ?—тихо спросила Мими.

— Я увѣренъ, что онъ скоро вернется.

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ?.. Одинъ въ этой глуши, среди снѣговъ, въ пустомъ домѣ... Разстроенный... съ грустными мыслями... Бѣдный папа!.. Я не могу, не могу такъ...

Мими еще ниже наклонила голову и, закрывъ лицо руками, беззвучно заплакала.

Мари съ отчаяніемъ взглянула на Чагина:

— Vous voyez!—еле слышно прошептала она.

— Мими, мой маленькій, мой хорошій дружокъ, я понимаю вашу печаль, но, повѣрьте моему жизненному опыту: есть моменты въ жизни человѣка, когда ему лучше быть одному. Папа успокоится и вернется.

Чагинъ тихонько положилъ руку на плечо Мими, и его лицо съ большимъ худымъ носомъ выражало глубокое участіе къ горю этой нѣжной, тоненькой дѣвочки.

— За что же онъ меня наказалъ? Не простился даже. Я бы сумѣла его утѣшить, я бы сказала ему что-нибудь хорошее... Тетя и писать не совѣтуетъ...

— Лучше подождите. Быть можетъ, онъ самъ напишетъ.

— Александръ Александровичъ!.. тетя!.. А что, если бы мы поѣхали къ нему? Съ тетей... Съ тобой, танточка... Право, это было бы хорошо, очень хорошо. Мы бы тамъ были одни въ этомъ большомъ пустомъ домѣ, папѣ было бы тихо и спокойно съ нами, и все бы у него прошло...

Мари опять многозначительно посмотрѣла на Чагина и опустила глаза къ работѣ.

— Ну, что-жъ! Быть можетъ, это и возможно будетъ. Но не сейчасъ. Надо выждать немного,—успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ Чагинъ, и Мими съ благодарностью взглянула на него.

— Ты слышишь, танточка?

— Конечно, дружокъ. Вотъ мы и послѣдуемъ совѣту нашего друга: сперва подождемъ, а тамъ еще разъ посовѣтуемся, и если надо будетъ, то и поѣдемъ.

Александръ Александровичъ всю жизнь былъ связанъ тѣсной дружбой съ твоимъ отцомъ и знаетъ хорошо его характеръ.

Мысль о возможности поѣхать къ огорченному отцу ободрила Мими, и она съ полной довѣрчивостью кротко жаловалась другу ихъ семьи на несчастный характеръ матери.

— А потомъ мама сама страдаетъ и мучается,— говорила Мими, глядя на Чагина большими голубыми глазами.—Она совершенно больна теперь. Съ кровати не встаетъ, къ себѣ не пускаетъ, и Настенька говорила мнѣ сегодня, что все время плачетъ. Зачѣмъ же она такъ дѣлаетъ? Вѣдь папа такой, такой добрый...

«... И какъ это онъ не замѣчалъ, что это милое дитя ничего фамильнаго, общаго не имѣетъ съ нимъ?..»— думалъ Чагинъ, слушая Мими и въ то же время внимательно разглядывая ее. Бѣдный Миша... Бѣдная, милая дѣвочка...

IV.

Наступили Рождественскіе праздники. Для посторонняго зрителя наружная жизнь въ особнякѣ Гуракиныхъ оставалась той же самой: Натали ѣздила чуть ли ни ежедневно съ визитами и въ опредѣленные дни принимала у себя. Михаилъ ѣздилъ на охоту, вечера проводилъ или въ англійскомъ клубѣ, или у Бестужевой, или въ ресторанахъ. Но внутренняя жизнь роскошнаго особняка для всѣхъ членовъ семьи стала невыносимо тягостна съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ, пробывъ около двухъ недѣль въ деревенскомъ одиночествѣ, вернулся домой. Въ немъ произошла душевная ломка, сильно отразившаяся и въ его характерѣ и во внѣшности. Сѣдина еще больше посеребрила его волосы на вискахъ; въ манерѣ, въ поворотахъ

головы сквозило что-то слегка надменное, какъ будто бы онъ стремился дѣланной надменностью замаскировать вѣчно грызущее его гордость оскорбленное самолюбіе. Поперекъ лба обрисовалась морщина. Его взглядъ, который дамы называли орлинымъ, выражалъ теперь какое-то упорное тяжелое раздумье. Съ закинутой слегка головой и полузакрытыми глазами, онъ зачастую скользилъ взглядомъ по лицамъ присутствующихъ, не слыша обращенныхъ къ нему словъ. Съ женой онъ почти не разговаривалъ, не замѣчая ни ея присутствія, ни ея отсутствія; былъ холодно или небрежно вѣжливъ, изъ общей спальни переселился къ себѣ въ кабинетъ и, при малѣйшемъ со стороны Натали намекѣ на капризъ или раздраженіе, его лицо принимало такое суровое выраженіе, что Натали, взглянувъ на мужа, сразу какъ-то вся съеживалась и сокращалась. А Мими... Мими смотрѣла въ глаза отцу широко открытыми печальными глазами и ничего не понимала. Онъ казался ей еще прекраснѣе, еще лучше съ этой новой, едва уловимой надменной манерой, съ этимъ отсутствующимъ, что-то въ себѣ таящимъ взглядомъ. Его ласки къ ней стали мимолетны, онъ престалъ заходить въ ея бѣленькую дѣвичью комнату и все рѣже и рѣже выѣзжалъ съ ней. Мими не разъ ловила на себѣ его упорный, непонятный для нея взглядъ. Она какимъ-то тончайшимъ чутьемъ души поняла, что между ея любимымъ отцомъ и ею стала тѣнь, и радость, и счастье ихъ свѣтлыхъ отношеній омрачены; она поняла, что случилось это съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ на двѣ недѣли въ деревню, чтобы быть одному, чтобы перестрадать что-то такое, послѣ чего онъ такъ непонятно измѣнился не только къ матери, но и къ ней. Съ врожденной деликатностью чувства, Мими стала избѣгать отца, чтобы не

доставлять ему какихъ-то тяжелыхъ размышленій, которыя,—она чувствовала,—рождались въ ея присутствіи.

Однажды Михаилъ нашелъ у себя на письменномъ столѣ узкій розовый конвертъ, запечатанный цвѣтной облаткой. На сложенномъ вдвое, пахнущемъ фіалкой листкѣ, были написаны четкимъ, знакомымъ почеркомъ дочери слѣдующія строки:

«Милый, драгоцѣнный папа!

«Я чувствую, что ты за что-то разлюбилъ меня, вижу, что ты страдаешь. Я люблю тебя и буду до гроба любить тебя, милый мой папа, и молиться за тебя. Видишь, я ужъ не смѣю больше въ кабинетъ твой приходить и утѣшать тебя, какъ это всегда бывало раньше. Милый папа, люби меня хоть самую чуточку...

«Твоя, нѣжно тебя любящая дочь

Мими».

Гуракинъ, облокотясь о столъ и склонивъ голову на руки, долго просидѣлъ въ тяжеломъ раздумьи надъ этимъ письмомъ, которое своими немногими строками раскрыло ему тоскующую душу, уже тронутую жизнью, обиженную кѣмъ же?—Имъ—ея... отцомъ. Да, для нея онъ отецъ, который самъ съ первыхъ дней ея рожденія рождалъ въ ея сердцѣ отвѣтную, глубокую привязанность своей нѣжной, страстной любовью отца. Подъ горячими лучами этой чистой любви дитя росло и научилось отдавать ему сторицей его ласку и любовь. Онъ не можетъ теперь, узнавъ, что любимое дитя—не его дочь, не можетъ любить той любовью: ея источникъ потухъ. Почему? Развѣ Мими измѣнилась? Стала хуже? Нѣтъ, она все та же. Такъ въ чемъ же дѣло?—съ тоской спрашивалъ себя Михаилъ, ища разгадки

въ тайникахъ своего сердца, самому ему невѣдомыхъ и запутанныхъ. За что же, за что я разлюбилъ эту кроткую и нѣжную дѣвочку? Неужели за то, что ея мать лгала, а я вѣрилъ? Неужели я разлюбилъ ее за то, что она невольная причина моего глубоко оскорбленнаго самолюбія? Неужели за то, что, глядя теперь на нее, я вспоминаю Волынскаго? Но вѣдь Волынскій никогда не рождалъ во мнѣ злобныхъ и антипатичныхъ чувствъ... За что же, за что? Боже, помоги мнѣ разобраться; помоги мнѣ понять себя... Михаилъ страдалъ и не находилъ выхода. И вдругъ, точно острая игла пронизала его мозгъ: ты любилъ въ ней частицу самого себя... Съ той минуты, какъ онъ узналъ, что не онъ ея отецъ—она стала ему чужда.

— Да, это такъ!—проговорилъ Михаилъ, вставая и проводя рукой вдоль лба.

Трудная дилемма была разрѣшена, и онъ почувствовалъ относительное облегченіе. Переломивъ себя, онъ направился въ комнату Мими. Она сидѣла съ книгой въ рукахъ. Заслышавъ издали знакомые шаги, Мими въ трепетѣ сперва сорвалась съ кресла, потомъ опять опустилась на него и вдругъ, въ непонятномъ страхѣ и волненіи, крѣпко зажмурила глаза и зажала уши. Сердце билось, и она коротко и порывисто дышала. Большая, тяжелая и ласковая рука неожиданно коснулась ея головы и тихо провела по волосамъ. Мими вся съежилась, потомъ быстро, не открывая глазъ, схватила эту руку и, прижавъ къ губамъ, стала осыпать поцѣлуями.

— Папа, милый, драгоцѣнный папа... вѣдь я такъ тебя люблю... такъ тосковала, когда ты уѣхалъ... я просто жить безъ тебя не могу...—изъ зажмуренныхъ глазъ закапали на руку Михаила частыя и горячія слезы.

— Не плачь, Мимиша, я тоже тебя люблю. Ты не обращай вниманія... Это пройдетъ у меня,—говорилъ Михаилъ, ища прежнихъ простыхъ словъ и прежней нѣжности въ интонаціи голоса и не находя ея.

— Что пройдетъ, папа? За что ты разлюбилъ меня?

— Пройдетъ, все пройдетъ, голубчикъ... Ты только знай, что и я переживаю нѣчто очень тяжелое. Ты не думай, что я разлюбилъ тебя...

— Я чувствую это, папочка.

— Нѣтъ, мое дитя.

— Папа милый! Вѣдь я уже взрослая, я все могу понять: умоляю тебя, разскажи мнѣ, что случилось. Ты увидишь, что я пойму вѣрно и что намъ обоимъ будетъ легче.

Мими, крѣпко прижимая къ груди руку отца, подняла голову и смотрѣла умоляющимъ, затуманеннымъ слезами взглядомъ въ глаза стоявшему подлѣ нея отцу.

Михаилъ медленно покачалъ головой.

— Нѣтъ, милая, это невозможно.

Мими покорно опустила голову и тяжело вздохнула.

Михаилъ нагнулся, поцѣловалъ ее въ голову, крѣпко пожалъ сжимавшіе его руку тоненькіе пальчики и вышелъ изъ комнаты. Когда стихли удалявшіеся шаги, Мими, высоко поднявъ худенькія, острыя плечи и прижавъ руки къ лицу, долго и безутѣшно плакала...

Къ обѣду пришелъ Чагинъ. Послѣ послѣднихъ грустныхъ событій его присутствіе стало необходимо для всѣхъ членовъ семьи. Онъ облегчалъ всѣхъ тяготившее натянутое положеніе. При немъ свободнѣе говорилось о постороннихъ вещахъ, маскировавшихъ одну и ту же всѣхъ по-своему мучившую мысль. Чагинъ съ одинаковой мягкостью и сочувствіемъ выслушивалъ жалобы какъ Натали, такъ и Михаила и

благодаря его посредничеству взаимныя отношенія супруговъ хотя и были тяжелы, но все же допускали жизнь подъ одной крышей.

Мими, съ поблѣднѣвшимъ отъ слезъ лицомъ, сидѣла противъ Чагина и во весь обѣдъ не проронила ни слова. Казалось, она даже не слышала, что говорилось вокругъ нея. Занятая своими мыслями, она нѣсколько разъ устремляла на отца печальный и пристальный взглядъ, котораго тотъ не замѣчалъ, но Чагинъ ловилъ его. Послѣ обѣда онъ, какъ и всегда, сидѣлъ въ кабинетѣ Михаила. Гуракинъ, казавшійся за обѣдомъ спокойнымъ и разговорчивымъ, сразу измѣнился. Чагинъ понялъ, что произошло что-то новое и тяжелое. Нѣсколько минутъ оба молча курили.

— Ты сегодня никуда не собираешься?—первымъ прервалъ молчаніе Гуракинъ.

— Никуда. Если не гонишь, то съ удовольствіемъ у васъ проведу вечеръ.

— Очень кстати. Я очень, очень удрученъ.

Михаилъ помолчалъ, поднялся съ мѣста, взялъ съ письменнаго стола пепельницу и, пересѣвъ ближе къ Чагину, громко тяжело вздохнулъ:

— Я не думалъ, Саша, что это будетъ такъ трудно,—проговорилъ онъ, понижая голосъ.

— Ты про что говоришь?—спросилъ Чагинъ.

— Конечно, про Мими. Жена для меня перестала существовать. Я не умѣю притворяться, не могу быть прежнимъ и... на вотъ—прочти.

Михаилъ досталъ изъ бумажника розовый листокъ почтовой бумаги и передалъ его Чагину.

— Это ужасно!—прочтя письмо и возвращая, со вздохомъ проговорилъ Чагинъ.

— Да, это ужасно... Было бы лучше, еслибъ я не послушалъ тебя и не возвращался сюда. Мы жили бы врозь, и она страдала бы меньше.

— Было бы хуже: она не согласилась бы жить съ матерью...

Оба замолкли, думая объ одномъ и томъ же.

— Неужели же ты разлюбилъ ее, Мишель? За что? Ну, спроси самъ себя—за что?

— За то, что она дочь чужого мнѣ человѣка. За то, что въ ней нѣтъ моего «я». Я не виноватъ, что я такъ чувствую, но это несомнѣнно.

— Ну вотъ, Борисъ твой сынъ, въ немъ есть твое физическое «я» и что же? Ты его любишь больше, чѣмъ Мими?

— Борисъ?.. Борисъ весь въ мать.

— Это прекрасно, но то, за что ты разлюбилъ Мими, въ немъ же есть. И все-таки ты его любишь мало. Неужели ты не понимаешь, Мишель, что въ эту дѣвочку ты съ колыбели вкладывалъ свою душу, что въ ней больше твоего «я», чѣмъ въ Борисѣ. Клянусь тебѣ, я не могъ бы разлюбить существо, которое съ колыбели было слито съ моей душой силой любви.

— Я чувствую, Саша, что ты правъ, что въ твоихъ словахъ есть истина, но мой мозгъ бунтуетъ, мое сердце охладѣло, и я не могу логикой вернуть отлетѣвшихъ чувствъ. Мнѣ жаль, безконечно жаль это дитя и въ то же время ея присутствіе меня тяготитъ и мучаетъ. Я не ручаюсь, что смогу долго продолжать такую жизнь...

— Бѣдная Мими...—чуть слышно произнесъ Чагинъ.

— Ты хотѣлъ, чтобъ я вернулся сюда,—я вернулся, и вотъ видишь, что изъ этого вышло. Теперь постарайся найти выходъ.

Чагинъ молча пожалъ плечами и слабо развелъ руками.

— Какой?

— Женись на Мими...

Чагинъ вздрогнулъ и, не донеся сигары до рта, въ изумленіи уставился на Гуракина.

— Что ты сказалъ?

— Я сказалъ: женись на Мими.

— Послушай, Мишель... ты... ты...

— Что я? Я давно понялъ, что ты влюбленъ въ Мими, что ты ее любишь, что ты гонишь это чувство, что ты его скрываешь. Вотъ это я давно замѣтилъ и много думалъ надъ этимъ и раньше и теперь. Да, я знаю, что ты на много старше ея, что она тебѣ въ дочери годится, но, въ концѣ концовъ, счастье брака не зависитъ отъ нашихъ лѣтъ. И молоды—чепуха выходитъ, и стары—чепуха... тутъ не разберешься. Во всякомъ случаѣ характеръ Мими и ея кроткая, привязчивая натура—большая гарантія для счастія.

— Моего, да, но не ея.

— И ея тоже. Мими пора выходить замужъ, повторяю тебѣ—женись на ней.

— Я могъ ожидать всякихъ комбинацій насчетъ будущаго Мими, но услышать изъ твоихъ устъ то, что ты сейчасъ сказалъ, Мишель, сознаюсь, я не ожидалъ.

— Чему ты въ концѣ концовъ такъ поражаешься?— нетерпѣливо перебилъ Чагина Михаилъ.—Ты знаешь не хуже меня, что Мими можетъ полюбить только достойнаго человѣка: ни красота, ни блестящее положеніе ее не соблазняютъ. Въ настоящій моментъ ей нуженъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, душевно преданный, понимающій ее человѣкъ и твердая рука. Мало ли вертопраховъ возлѣ нея вертится! Она ихъ даже не

замѣчаетъ. О тебѣ она говоритъ, какъ о другѣ, она любитъ и уважаетъ тебя. Сдѣлай шагъ къ большему сближенію. Ты уменъ и тактиченъ и сумѣешь это сдѣлать такъ, чтобы завладѣть ея сердцемъ.

— Je suis interloqué… je suis bouleversé… Я не ожидалъ этого…

— Bouleversé de quoi?

Гуракинъ пожалъ плечами.

— Какъ будто бы то, что я говорю, тебѣ самому не приходило въ голову? Какъ будто бы ты самъ объ этомъ сто разъ не думалъ? Я только громко высказалъ твои мысли—ничего больше.

— Не буду лгать—я думалъ объ этомъ, но какъ думаютъ о вещахъ невозможныхъ.

— А оказывается, что это не только возможно, но и желательно. Пожалуйста, Саша, ты не подумай, что мной руководитъ желаніе сбыть Мими. Нисколько. Если бы я не щадилъ ея сердца, то проще всего было бы самому уѣхать отсюда. Я хочу найти тотъ исходъ нашимъ тяжелымъ отношеніямъ, который принесъ бы ей исцѣленіе и покой въ будущемъ.

— Я высоко цѣню твое довѣріе ко мнѣ, Мишель, и глубоко тронутъ, что твой выборъ палъ на меня, но… что скажетъ сама Мими?

— Думаю, что если ты подойдешь къ ней умѣло, она не скажетъ нѣтъ.

— А твоя жена? А Марія Аркадьевна?

— Ахъ, что жена?!.

Гуракинъ досадливо пожалъ плечами.

— Развѣ у нея есть чувство къ дочери? Развѣ ей не безразлично ея будущее?! А тетя Мари… Когда наступитъ время—я поговорю съ ней.

— Мими… эта дѣвочка и вдругъ моя жена! Это включить въ свой міръ полуизжившаго человѣка

этотъ нетронутый, чистый міръ дѣвичьей весны...— тихо проговорилъ Чагинъ.

— Не преувеличивай, пожалуйста. Со всѣмъ запасомъ жизненной энергіи, что во мнѣ была, я сейчасъ сравнительно съ тобой—старикъ. Ты вотъ влюбленъ въ Мими и волнуешься, и мечтаешь, а я такъ усталъ отъ всей этой жизненной ломки, что готовъ запереться въ деревнѣ и, какъ сдѣлалъ мой отецъ, порвать со всѣми.

— Ну, это у тебя пройдетъ. Перемелется и опять полюбишь жизнь.

— Ахъ, чортъ съ ней! Развѣ это жизнь! Прожить слишкомъ четыре десяка и въ итогѣ—тоска, душевный разладъ и обманъ.

Вошелъ лакей съ докладомъ, что Мари проситъ Чагина пить чай у нея. Чагинъ медлилъ отвѣтомъ. Онъ зналъ, что по обыкновенію встрѣтитъ тамъ Мими, пившую вечерній чай всегда у тетки. Послѣ разговора съ Михаиломъ, онъ какъ будто боялся этой встрѣчи, но Гуракинъ убѣдилъ его идти внизъ:

— Именно сегодня тебѣ надо ее видѣть и говорить съ ней: она такъ грустна, что твое участіе и дружба могутъ облегчить ее. Иди, пожалуйста, а я пойду въ Англійскій клубъ.

Михаилъ крѣпко пожалъ руку Чагина:

— Bonne chance. Завтра ты обѣдаешь у насъ, а потомъ въ оперу. Натали не ѣдетъ, значитъ я поѣду съ Мими.

Чагинъ спустился внизъ. Его сердце странно и непривычно забилось, когда, войдя въ столовую, онъ увидѣлъ за самоваромъ грустное личико Мими.

V.

Мари входила въ гостиную баронессы Кернъ въ то время, какъ та, стоя у порога, провожала уходившую гостью. Съ лицомъ, выражающимъ скорбное изумленіе, прижимая къ груди сухіе, пожелтѣвшіе кулачки, баронесса выслушивала свѣтскую скандальную сплетню, которую ея пріятельница—жена сановнаго генерала—передавала ей шепотомъ и скороговоркой на ухо.

— Это ужасно... ужасно,—повторяла баронесса Кернъ,—кутаясь отъ озноба въ соболью пелеринку.

Высокая, тучная генеральша, наклонясь къ самому уху пріятельницы, говорила, понизивъ голосъ настолько, что вырвались лишь отдѣльныя фразы:

— ... Ворвался въ спальню... elle demi-morte de peur... на него накинулся съ нагайкой... l'autre grimpa la fenêtre... въ одномъ бѣльѣ... городовой далъ шинель... въ званіи губернатора... вся губернія шепчется... tout le monde approuve ce rustre—le помѣщикъ... Министръ доложилъ...

— Ужасный скандалъ!..

Боронесса, щурясь, вглядывалась въ подходившую Мари и не узнавала ее. Генеральша оборвала рѣчь:

— До свиданія, chère barone. Я такъ засидѣлась у васъ. Берегитесь, вы такъ кашляете... погода отвратительная.

Генеральша бережно обняла тщедушную фигурку баронесы Кернъ, сильно состарѣвшуюся за эти годы. Она, казалось, стала ниже ростомъ и точно высохла, но попрежнему вездѣ бывала, много принимала у себя и всегда бывала въ хлопотахъ. Она пошла навстрѣчу Мари и протянула ей обѣ руки:

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали, я много имѣю вамъ сказать.

Взявъ ее подъ руку, баронесса направилась черезъ парадную гостиную въ такъ называемую маленькую гостиную.

Въ креслѣ сидѣлъ Волынскій и перечитывалъ какое-то письмо. При ихъ входѣ онъ аккуратно спряталъ его въ бумажникъ и поднялся навстрѣчу входившимъ. Увеличившаяся сѣдина и нѣсколько морщинъ на гладкомъ, непроницаемо-корректномъ лицѣ царедворца нисколько не умалили его притягательности.

— Вы слышали, Павликъ, что за скандальная исторія случилась съ племянникомъ Ратищевой—губернаторомъ?

— Нѣтъ, я ничего не знаю.

— Ахъ, что-то ужасное!.. Какой-то помѣщикъ, оскорбленный мужъ, при самыхъ скандальныхъ обстоятельствахъ побилъ его нагайкой. Онъ выпрыгнулъ въ окно въ одномъ бѣльѣ. Городовой одѣлъ его своимъ пальто, и въ такомъ видѣ онъ добрался до губернаторскаго дома. Все это произошло рано утромъ. Конечно, это облетѣло всю губернію. Подумайте, что за срамъ!

— По-дѣломъ,—улыбнулся Волынскій, и въ его тонкой улыбкѣ Мари почудилась скрытая мысль.

— А какъ здоровье Мими?—спросила баронесса, подавая Мари чашку чая и подвигая печенье въ серебряной массивной сухарницѣ.

— Благодарю васъ, ей лучше, но она попрежнему сидитъ дома и никуда не выѣзжаетъ.

— Марія Михайловна серьезно больна?—участливо спросилъ Волынскій.

— И да, и нѣтъ. Доктора говорятъ, что малокровіе, нервы...

Мари подавила вздохъ.

— То-то я обратилъ вниманіе, что ни на одномъ изъ послѣднихъ баловъ ея не было видно. Pauvre jeune fille.

— Да, она, бѣдненькая, очень похудѣла.

— Charmante enfant,—ни на кого не глядя, проговорила баронесса.

Волынскій черезъ нѣсколько минутъ поднялся и сталъ прощаться.

— Павликъ, au nom du ciel не забудьте пристроить моего протеже. Если вы этого не сдѣлаете, мнѣ ничего не остается, какъ поселить его у меня въ столовой. Семья голодаетъ...

— Это будетъ сдѣлано. Пришлите его въ канцелярію.

— Благодарю васъ, Павликъ. Въ среду увидимся? Вы будете тамъ?

— Да, конечно.

Волынскій вышелъ. Баронесса пересѣла ближе къ Мари.

— Вотъ кого жизнь совсѣмъ не тронула,—сказала она, сдѣлавъ движеніе головой по направленію только что ушедшаго Волынскаго.—Не старѣетъ, богатъ, знатенъ и пользуется къ тому же обожаніемъ такой очаровательной женщины, какъ герцогиня. Увѣряю васъ, она влюблена въ него, какъ и въ первые дни ихъ связи.

— Да, не всѣмъ одинаково улыбается жизнь,— вздохнула Мари.

— Послушайте, chère Мари, чѣмъ же все это, наконецъ, окончится? Положительно я начинаю думать, что лучше всего, если Мишель переѣдетъ; быть можетъ, тогда онъ успокоится. Вѣдь у него сдѣлался этотъ вопросъ неотступной idée fixe. Если бы вы видѣли его у меня вчера! Что онъ говорилъ?! Я просто

ушамъ своимъ не вѣрила... Теперь онъ винитъ Павлика въ этой лжи... Павликъ s'est conduit comme un gentleman, его винить не въ чемъ. Герцогиня?!. Ну да, я ея не защищаю, но вѣдь Натали была женщина и даже опытная женщина... Онъ обрушился и на меня—зачѣмъ я ему тогда же не открыла глазъ. C'est de la folie!.. И то я слишкомъ много тогда принимала участія въ этой нелѣпой исторіи. De quel droit могла бы я входить съ нимъ въ такіе интимные переговоры? Я намекала князю Алексѣю, я уговаривала Натали, наконецъ я вашей покойной мамà это сказала, какъ предположеніе. Онъ никого и ничего не хотѣлъ слушать, а теперь рветъ и мечетъ. Это слишкомъ поздно. La pauvre enfant не виновата, что у нея безразсудная мать... за что онъ ее разлюбилъ?..

Баронесса Кернъ сильно разволновалась и дрожащей рукой поправляла съѣхавшую съ плеча соболью пелерину. Мари молчала, горестно уставивъ глаза куда-то въ уголъ и отъ времени до времени тяжело вздыхала.

— Увѣряю васъ, chère Мари, будетъ всего лучше, если онъ переѣдетъ.

— А Мими? Что же будетъ съ Мими?

— Мими?..—баронесса еще ближе подвинулась къ Мари.—Объ этомъ я и хочу поговорить съ вами. Вы меня знаете: я не умѣю давать совѣтовъ, не обдумавъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Я все взвѣсила и нахожу, что въ данномъ вопросѣ Мишель правъ: Мими надо выйти замужъ...

— Какъ, и вы, chère baronne?

Мари всплеснула руками.

— Да, я того же мнѣнія.

— Но вѣдь онъ старъ для нея.

— Trouvez-moi un jeune pareil à Чагинъ... Его нѣтъ! У Чагина есть всѣ данныя для ея счастія, кромѣ его лѣтъ, у другихъ—молодость и никакихъ данныхъ. Мими не выздоровѣетъ, пока ее не вырвутъ изъ этой обстановки. Чагинъ сумѣетъ дать ей если не полное счастье, то полную иллюзію. Ахъ, мой другъ, гдѣ вы найдете это полное счастіе?! Не намъ съ вами объ этомъ говорить.

— Неужели нѣтъ иного выхода, какъ это супружество съ милѣйшимъ, но отжившимъ фантазеромъ и мистикомъ?

— И благороднѣйшимъ, прибавьте, человѣкомъ. Вы же сами понимаете, что совмѣстная жизнь Натали, Мишеля и Мими становится невозможной. Вы сами боитесь, что Мими не перенесетъ сознанія явнаго охлажденія къ ней отца, если онъ переѣдетъ и откажется взять ее къ себѣ?. Что же остается? Il faut être logique. Мишель говорилъ мнѣ, что Мими охотно просиживаетъ съ Чагинымъ цѣлые вечера.

— Мими нигдѣ не бываетъ и никого не видитъ, что-жъ тутъ удивительнаго, что она сидитъ съ Чагинымъ, который бываетъ ежедневно,—досадливо возразила Мари.—На все воля Божья, пусть будетъ, какъ Ему угодно, но я къ этой свадьбѣ руки не хочу прикладывать, потому что не сочувствую ей.

— А Натали не говорила съ вами объ этомъ?

— Съ Натали я не понимаю, что происходитъ: она то и дѣло повторяетъ, что сойдетъ съ ума, если Мишель не вернетъ ей своей привязанности, и въ то же время опять начинаетъ дѣлать ему всякія шпильки изъ-за расходовъ.

— Тутъ нѣтъ ничего непослѣдовательнаго: Натали увѣрена, что всѣ расходы Мишеля сводятся къ тратамъ на женщинъ. Она думаетъ, что, сократив сумму

его прихода, она тѣмъ самымъ отдалитъ его отъ женщинъ. C'est naif, mais c'est ainsi.

— Ахъ, какъ все это тяжело! — со вздохомъ шептала Мари.—Мамà была увѣрена, что такой бракъ счастія дать не можетъ, и она оказалась права.

Въ то время, какъ Мари сидѣла въ гостиной баронессы Кернъ, Борисъ Гуракинъ, съ явнымъ раздраженіемъ на молодомъ, красивомъ лицѣ, входилъ въ кабинетъ матери. Натали провѣряла какіе-то счеты у крытаго плюшемъ, отдѣланнаго инкрустаціей письменнаго стола.

— Намъ никто не помѣшаетъ?—спросилъ сынъ, хмуря брови.

— Вѣроятно, никто. А въ чемъ дѣло? Что ты такой хмурый?

— Я получилъ очень непріятное письмо. Прочти пожалуйста.

Борисъ досталъ письмо и подалъ его матери.

— Анонимное... значитъ, какая-нибудь гадость.

— Не гадость, а предостереженіе.

Натали прочла письмо и мгновенно на ея похудѣвшемъ лицѣ выступили красныя пятна:

— О комъ же это говорится? Кому же онъ могъ дарить брилліанты? Неужели Бестужевой?.. Или еще кто-нибудь есть?!..

Борисъ пожалъ плечами.

— Развѣ я знаю. Да и вообще развѣ кто-нибудь знаетъ опредѣленно, куда и сколько тратитъ отецъ. Я рѣшилъ показать тебѣ это письмо, такъ какъ, долженъ сознаться, меня начинаетъ серьезно тревожить его расточительность. Онъ свою жизнь прожилъ и прожилъ широко, передо мною же вся жизнь впереди.

— Не надо особенно довѣрять анонимнымъ письмамъ, Боря; часто они пишутся не изъ дружескихъ

побужденій, какъ тутъ говорится, а совсѣмъ изъ противоположныхъ чувствъ.

— Однако, ты же сама говорила, что о сборищѣ въ ресторанѣ тебя увѣдомило анонимное письмо.

— Тамъ было написано, что кутежъ устраивается для Бестужевой, а ея вовсе тамъ и не было.

— Это не важно, самый фактъ былъ вѣренъ.

— Да, конечно.

— Не далѣе какъ третьяго дня мнѣ разсказывали, что отецъ на-дняхъ кутилъ съ какой-то компаніей у «Медвѣдя» и въ такой мѣрѣ швырялъ деньгами, что лакеи ошалѣли отъ восторга. Tout ça c'est bel et bon, но остаться въ одинъ прекрасный день нищимъ—мнѣ совсѣмъ не улыбается.

— Очень это горестно и очень серьезно. Дай мнѣ письмо, Боря, я подумаю...

— Боюсь, что ты, мама, слишкомъ долго объ этомъ думаешь, а капиталъ плыветъ и плыветъ.

— Ахъ, ужъ хоть ты не мучь меня, не подливай масла въ огонь. Я такъ морально разбита, такъ больна душой и сердцемъ, что удивляюсь, откуда у меня берутся силы жить и мыслить.

— Знаю, что тебѣ тяжело, мама, но пойми, что и я не могу быть равнодушнымъ, получая подобныя предостереженія.

— Ахъ, Боже, мой, Боже мой! Вотъ опять сердцебіеніе... Накапай мнѣ лавровишневыхъ капель. Тамъ въ спальнѣ на полочкѣ.

Натали отъ письменнаго стола пересѣла на диванъ и закрыла глаза. Послѣ пріема капель она нѣкоторое время молчала. Борисъ, звеня шпорами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Не ходи, пожалуйса, какъ маятникъ, ça m'énerve,—поморщилась Натали.

Борисъ, заложивъ руки въ карманы рейтузъ, остановился у окна и, думая свое, сталъ смотрѣть на улицу.

— Вели позвать Моисея Борисовича: надо посовѣтоваться съ нимъ. Послушаемъ, что онъ скажетъ,—проговорила Натали послѣ продолжительнаго молчанія.

Борисъ послалъ лакея за управляющимъ и, вернувшись, сѣлъ поодаль, отбивая шпорами какой-то преслѣдующій его мотивъ. Вскорѣ послышалось обычное покашливаніе и вошелъ Моисей Борисовичъ, авторъ анонимныхъ писемъ, своевременно увѣдомляющихъ Натали о побочной жизни ея мужа и подливающихъ масла въ огонь, готовый разгорѣться пожаромъ.

— Здравствуйте, Моисей Борисовичъ. Садитесь, пожалуйста. Мнѣ надо поговорить съ вами.—Натали указала управляющему стулъ подлѣ себя.—Что вы думаете объ этомъ письмѣ?

Она подала ему анонимное письмо. Моисей Борисовичъ съ наружнымъ вниманіемъ, будто вникая въ смыслъ каждаго слова, прочелъ его, сложилъ и передалъ обратно. Съ минуту онъ молчалъ, какъ бы обдумывая что-то и въ то же время разглядывая на коврѣ узоры.

— Что-жъ тутъ новаго для васъ, ваше превосходительство? Продолженіе стараго.

Моисей Борисовичъ съ покорностью пожалъ плечами.

— Вы догадываетесь, о комъ тутъ идетъ рѣчь?

— Я кое-что слышалъ... Не знаю-съ, насколько вѣрно.

— Бестужева?—съ дрожью въ голосѣ спросила Натали.

— Слышалъ, что такъ.

— И дѣйствительно на сумму пяти тысячъ?

— Трудно провѣрить-съ.

— Но если такъ, то вѣдь это ужасно. Надо что-нибудь придумать, какъ-нибудь гарантировать капиталъ отъ этихъ безумныхъ тратъ.

Натали, силясь преодолѣть волненіе, взялась пальцами за виски и крѣпко сжала ихъ.

Моисей Борисовичъ молчалъ.

— Что же намъ дѣлать? Такъ оставить нельзя... Я просто съ ума сойду отъ всѣхъ волненій.

— Послушай, мама,—раздалось съ другого конца комнаты.

Управляющій внимательно уставился на Бориса.

— Vous cherchez midi à quatorze heures. Къ чему всѣ эти щепетильности тамъ, гдѣ надо разрѣшить вопросъ серьезной важности. Не проще ли всего назначить отцу опредѣленную сумму, свыше которой онъ не могъ бы тратить?

— Да вѣдь у него же всѣ полномочія,—возразилъ управляющій, подталкивая Бориса выразить завѣтную мысль, которую онъ шагъ за шагамъ исподволь внушалъ сыну противъ отца.

— Отнять эти полномочія,—горячо перебилъ Борисъ.—Законнымъ порядкомъ отнять. Данныхъ на это слишкомъ много.

Наступило общее молчаніе.

— Неужели нельзя придумать ничего другого?—скрещивая пальцы рукъ и стискивая ихъ до боли, упавшимъ голосомъ спросила Натали.

— Закономъ даны всѣ полномочія и только закономъ можно ихъ отнять,—спокойно отвѣтилъ Моисей Борисовичъ.

— Но что же это значитъ? Какъ это дѣлается?—морщась, какъ отъ физической боли, спросила Натали,

Управляющій неторопливо и обстоятельно сталъ ей разъяснять статьи закона для даннаго случая.

Между тѣмъ въ противоположной сторонѣ дома, въ кабинетѣ Мишеля Гуракина, забившись въ уголъ громаднаго дивана, съежившись и нервно вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ, сидѣла Мими въ неподвижной позѣ, ожидая прихода отца. Глаза, печальные и задумчивые, были устремлены въ одну точку. Кутаясь отъ нервнаго озноба въ большой бѣлый оренбургскій платокъ, она поводила худенькими плечиками и сильнѣе забивалась между двухъ шелковыхъ подушекъ, лежавшихъ въ углу дивана. Наконецъ отчетливо послышались тяжелые, знакомые шаги отца. Мими сорвалась съ мѣста и, прижавъ къ груди руки, ждала его появленія. Мишель Гуракинъ сразу увидѣлъ дочь и, давно отвыкнувъ отъ ея присутствія на своей половинѣ, удивленный, остановился у порога:

— Это ты, Мими? Я не сразу узналъ тебя...

— Я, папа... Послушай, папочка, я должна сказать тебѣ очень нужное... Я оттого и ожидала тебя здѣсь.

— Въ чемъ дѣло, мой другъ? Можетъ быть, до вечера можно отложить? Я буду свободнѣе.

— Нѣтъ, папа. Я должна сейчасъ же переговорить съ тобой.

— Изволь, я тебя слушаю.

Михаилъ былъ, повидимому, въ хорошемъ настроеніи.

— Папа, мнѣ очень тяжело говорить объ этомъ, но я чувствуя, что это необходимо. Сегодня утромъ я зашла къ Борѣ, его въ комнатѣ не было. Я сѣла къ столу, чтобы обождать, и мнѣ бросилось въ глаза лежавшее на столѣ письмо безъ подписи, начинавшееся словами «вашъ отецъ». Не думая, хорошо ли или худо, его я прочла...

Мими опустила глаза и, на секунду замедливъ, передала отцу содержаніе анонимнаго письма.

— Я вышла изъ комнаты, не повидавъ Бори и обдумывая, какъ мнѣ надо теперь поступить. Я пошла въ библіотеку, двери были закрыты; вскорѣ я услышала, какъ къ мамѣ вошелъ Боря, и они говорили объ этомъ письмѣ. Теперь тамъ и Моисей Борисовичъ. Ты самъ знаешь, папа, что онъ способенъ только на одно зло по отношенію тебя.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка, спасибо, милая. Ты сдѣлала очень хорошо, что сказала мнѣ.

Михаилъ нѣсколько минутъ стоялъ, сосредоточенно обдумывая только что услышанное.

— Да, ты сдѣлала отлично, что предупредила меня.

Принявъ какое-то рѣшеніе, Михаилъ шагнулъ къ двери.

— Папа, постой! Не иди такъ сгоряча... опять будетъ...

Мими запнулась.

— Ровно ничего не будетъ,—обѣщаю тебѣ,—улыбнулся Гуракинъ,—можешь быть совершенно спокойна.

Съ этими словами онъ быстро вышелъ изъ кабинета и направился на половину жены, чего онъ не дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ вернулся изъ деревни. Его неожиданное появленіе въ тотъ моментъ, когда Моисей Борисовичъ обстоятельно разъяснялъ уставы законовъ объ устраненіи отъ правъ владѣнія, смутило всѣхъ. Борисъ машинально поднялся навстрѣчу отцу, управляющій заметался взглядомъ отъ Натали къ Гуракину и обратно. Натали сдѣлала какое-то неопредѣленное движеніе всѣмъ корпусомъ, будто желая встать.

— Я не знала, что ты дома, Мишель...—произнесла она.

Эта фраза не имѣла никакого логическаго смысла и всѣми это почувствовалось, такъ какъ отсутствіе

или присутствіе Михаила въ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ не имѣло никакого отношенія къ жизни его жены. Гуракинъ, какъ будто не слыша словъ жены, даже не взглянулъ въ ея сторону.

— Моисей Борисовичъ,—обратился онъ къ управляющему, едва отвѣчая на его поклонъ,—я посылалъ за вами, мнѣ сказали, что вы здѣсь. Не хочу отрывать васъ отъ дѣловыхъ разговоровъ и скажу въ двухъ словахъ въ чемъ дѣло: потрудитесь къ завтрашнему утру доставить мнѣ изъ моего капитала,—подчеркнулъ Гуракинъ,—пять тысячъ. Мнѣ необходимо завтра же уплатить одинъ сдѣланный мною расходъ. Прошу васъ, сдѣлайте это безотлагательно. Больше ничего. До свиданія.

Гуракинъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

VI.

Чагинъ, возвращаясь къ себѣ домой послѣ разговора съ Гуракинымъ, былъ въ глубоко-сосредоточенномъ напряженномъ состояніи духа. Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ выучилъ себя подчиненію волѣ, умѣнью владѣть, не сердиться, не пугаться и не волноваться. Мало-по-малу его душевная атмосфера обрѣла то глубочайшее равновѣсіе, къ которому стремились древнѣйшіе мудрецы Востока и Индіи. Боги Олимпа, къ которымъ онъ всю жизнь питалъ благоговѣйное поклоненіе, отошли въ міръ забвенія, какъ дорогія тѣни давно умершихъ людей. Въ то время, какъ много лѣтъ тому назадъ онъ съ особенной утонченностью предавался культу обожанія римскихъ боговъ, ему однажды съ изумительной реальностью снился Сергій Радонежскій, будто вошедшій

въ его кабинетъ, уставленный античными статуями. Обративъ къ нему строгій ликъ, старецъ проговорилъ явственнымъ, проникновеннымъ голосомъ:

— Отойди отъ этихъ мертвыхъ божествъ, читай Четьи-Минеи, и ты обрѣтешь свѣтлое.

Въ ту же минуту Чагинъ проснулся. Имъ овладѣло странное безпокойство и продолжалось оно до тѣхъ поръ, пока онъ не принялся за чтеніе указанной ему книги. Узнавъ, что Сергій Радонежскій считается патрономъ мистиковъ, онъ отдался изученію оккультныхъ наукъ, ознакомился съ ложами мартинистовъ Востока, Англіи, Франціи и Германіи, велъ переписку съ Majata-Khan, розенкрейцерами, grand Orient и Штейнеръ. Онъ быстро усвоилъ и проникся таинственнымъ ученіемъ и изъ ученика сталъ учителемъ тайныхъ братствъ. Объ этой сторонѣ его жизни знали немногіе, да и то больше по догадкамъ, такъ какъ самъ Чагинъ никогда не затрагивалъ этой области и уклонялся отъ прямыхъ отвѣтовъ. Отъ природы доброжелательный и мягкій, теперь онъ еще болѣе проникся идеей добра и человѣколюбія.

За послѣдній годъ Чагину пришлось много надъ собой работать. Въ его сердце неожиданно ворвалась любовь. Онъ упорно работалъ надъ своей волей, заставляя себя подчинить эту любовь къ дочери друга силамъ духовнымъ, а не плотскимъ, и въ тотъ моментъ, когда ему казалось, что духъ начинаетъ одерживать побѣду надъ плотью, Гуракинъ разбудилъ уснувшія мечтанія, предложивъ ему бракъ съ дочерью. Ни минуты не теряя обычнаго равновѣсія, Чагинъ, оставшись одинъ, облегченно вздохнулъ. Пройдя круглую, сплошь обтянутую малиновымъ шелкомъ комнату, гдѣ въ неизмѣнномъ покоѣ пребывали преданныя забвенію мраморныя изображенія античныхъ боговъ,

Чагинъ, со свѣчой въ рукѣ, не видя ихъ, вошелъ въ кабинетъ, быстро сбросилъ «земныя одежды» и, доставъ одѣяніе изъ бѣлаго льна и лиловаго шелка, надѣлъ ее и вошелъ въ сосѣднюю, всегда запертую комнату. Его окружилъ таинственный и благовонный полумракъ. Металлическіе свѣтильники, съ неподвижно горящими лучистыми огоньками, были воздвигнуты въ четырехъ углахъ комнаты передъ освященными религіозными обрядностями образами христіанской религіи, буддійской и еврейской; въ четвертомъ углу свѣтильникъ теплился передъ амулетомъ. На стѣнахъ висѣли пентакли и агриппы—картины, изображающія герметическую философію. На небольшомъ столѣ, покрытомъ темнымъ бархатомъ, лежали кристаллы, то есть шары изъ горнаго хрусталя, предназначенные для упражненія въ ясновидѣніи. Рядомъ стояла древняго стиля курильница. Чагинъ бросилъ въ нее нѣсколько зеренъ сіамскаго ладана, и струя синеватаго дыма легкими ароматными волнами стала наполнять комнату. На другомъ столѣ лежала шпага, свинцовыя кольца, освященная соль и вода въ хрустальномъ сосудѣ. Посреди комнаты возвышался алтарь; на немъ лежали книги съ магическими формулами и старинныя клавикулы XII вѣка; вокругъ него былъ очерченъ краснымъ мѣломъ небольшой кругъ.

Сложивъ на груди руки крестомъ и полузакрывъ глаза, Чагинъ сталъ передъ алтаремъ, не переходя круга. Мало-по-малу усиліемъ и напряженіемъ воли онъ сознательно ощутилъ въ себѣ начало физическое и начало духовное. Раздѣляя все больше и больше эти два начала и сосредоточивая сознаніе въ естествѣ духовномъ, онъ влился въ него всецѣло и почувствовалъ невѣсомость и свободу своего сознательнаго я. Послѣднимъ усиліемъ воли духа онъ сталъ таин-

ственно соединяться съ астрально-ментальными планами. Высокій и неподвижный, въ широкихъ одеждахъ, съ поблѣднѣвшимъ, странно преобразившимся лицомъ, съ неподвижными, слегка отуманенными, раскрытыми глазами, въ таинственномъ полумракѣ и тишинѣ, Чагинъ казался легкимъ видѣніемъ, готовымъ каждую минуту исчезнуть въ волнахъ синеватаго ладана. Существо его, раздвоившееся и сосредоточенное въ духовномъ началѣ, стало медленно-медленно плыть кверху. Теперь онъ отчетливо видѣлъ самого себя, неподвижно стоящаго среди комнаты со сложенными накрестъ руками; его же невѣсомое существо въ таинственномъ и блаженномъ экстазѣ плыло все выше и выше. Тончайшая свѣтовая нить соединяла физическое существо Чагина съ его астраломъ Странные, гармоничные, не то голоса, не то аккорды, какъ отдаленное эхо, донеслись до него, послѣ того какъ онъ миновалъ темное царство видѣній, ларвъ и неясныхъ жуткихъ созданій злой мысли. Прозрачныя свѣтлыя тѣни рѣяли вдали, колебались воздушныя волны неуловимыми свѣтовыми тонами... безконечное пространство было жутко и прекрасно. Несмотря на отдаленную гармонію не то звуковъ, не то голосовъ, царила глубочайшая, неподвижная, таинственно-великая тишина... Все стало яснымъ: прошедшее, настоящее и будущее слилось въ одно кольцо. Земныя понятія исчезли, мысль отлетѣла... все слилось въ созерцаніи, въ пониманіи непонимаемаго... Сколько времени длилось это состояніе, Чагинъ не зналъ. Когда онъ вздохнулъ, онъ ощутилъ себя въ таинственной комнатѣ стоящимъ передъ алтаремъ. Онъ вздохнулъ еще разъ и почувствовалъ, что борьба окончена, что онъ побѣдилъ плоть и отнынѣ отдаетъ свою любовь Мими для служенія къ ея благу, для огражденія ее отъ горя, для

поддержанія въ ней силы въ борьбѣ съ жизнью. Онъ провидѣлъ, что мужемъ ея онъ не будетъ, хотя всѣ пути клонились къ этому.

Съ этого вечера Чагинъ со спокойной увѣренностью старался все ближе и ближе подойти къ Мими. Она не только не отстраняла его, но какъ будто искала его общества и охотно проводила съ нимъ всѣ вечера. Мари молча слѣдила за племянницей и, отдавъ будущее во власть Привидѣнія, ѣздила въ Казанскій соборъ и усердно молилась передъ чудотворной иконой. Она замѣтила, что послѣднее время Мими стала гораздо спокойнѣе; прекратились порывы тоски, доходящіе до отчаянія, она рѣже жаловалась на холодность отца, какъ будто возмужала, о чемъ-то строго и спокойно думала. Мари отгадывала, что это вліяніе Чагина, его долгихъ бесѣдъ съ ней, его умѣнья умиротворить волнующуюся душу.

Однажды, послѣ ухода Чагина, Мими пришла къ теткѣ и, ни слова не говоря, сѣла на свое любимое мѣсто у ея ногъ на мягкой табуреткѣ. Мари, не прерывая работы, внимательно посмотрѣла на Мими: ея личико было очень серьезно, она о чемъ-то напряженно думала.

— Ты опять грустишь, Мимишка?—тихо спросила Мари, проводя рукой по ея волосамъ.

— Нѣтъ, танточка, я спокойна. Танточка!..—послѣ продолжительнаго молчанія обратилась она къ ней,— Чагинъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе.

У Мари захватило дыханіе. Она опустила работу на колѣни и на минуту закрыла глаза. Она давно ждала этой фразы и все-таки, услышавъ ее, она почувствовала какъ бы ударъ въ грудь.

— Чагинъ сдѣлалъ предложеніе?.. И что же ты, Мимиша?..

— Завтра я дамъ ему отвѣтъ. Пусть рѣшитъ папа... Какъ папа скажетъ, такъ и будетъ.

— Дружокъ мой, кромѣ рѣшенія твоего отца ты должна сама себя провѣрить и дѣйствовать согласно указаніямъ сердца. Вѣдь это не на прогулку идти съ Чагинымъ: это на всю жизнь, навсегда соединиться съ нимъ. Ты должна сомостоятельно рѣшить этотъ важный шагъ, а не подъ давленіемъ совѣта хотя бы даже отца. Я знаю, что папа можетъ желать только твоего счастія, но кромѣ соображеній благоразумія и важнѣе ихъ—влеченіе твоего сердца.

— Чагинъ, танточка, чудесный человѣкъ, и если папа захочетъ, чтобы я вышла за него замужъ, я охотно пойду; если же папа не захочетъ, то я постараюсь отказать ему такъ, чтобы не обидѣть его.

— Помолись сегодня, мой дружокъ, какъ можешь усерднѣе и дѣлай, какъ Господь тебѣ на душу положитъ.

Мари вздохнула и двѣ крупныя слезы медленно скатились и упали на работу.

Больше Мими ничего не говорила, и Мари ни о чемъ ее не спрашивала. Облокотивъ голову о колѣни тетки, она долго сидѣла въ неподвижной позѣ. Мари дѣлала видъ, что продолжаетъ работу, но ея пальцы дрожали и петли спускались одна за другой.

На слѣдующее утро Мари поѣхала въ Казанскій соборъ и отстояла обѣдню. Вернувшись къ себѣ, она не могла ни за что взяться, и ея тревога росла съ каждымъ часомъ. Нѣсколько разъ она принимала лавровишневыя капли, бралась то за чтеніе газеты, то за потертый томикъ «Imitation de Jésus Christ» съ пожелтѣвшими отъ времени листками. Наконецъ послышались мелкіе шаги, легкое шуршанье шелка и, со спо-

койнымъ лицомъ и слабой улыбкой на губахъ, вошла Мими; вслѣдъ за ней шелъ Чагинъ. У Мари упало сердце.

— Тетя, милая, поздравь меня: я невѣста,—просто сказала Мими, подходя къ Мари.

Одну секунду длилось молчаніе. Мари хотѣла что-то сказать, растерянно улыбнулась и вдругъ, закрывъ лицо руками, зарыдала. Чагинъ и Мими бросились къ ней, но она быстро справилась съ собой и, молча обнявъ Мими, крѣпко прижала къ груди.

— Александръ Александровичъ, умоляю васъ, берегите это дитя,—срывающимся голосомъ проговорила она, протягивая Чагину руку.

— Марія Аркадьевна, княнусь вамъ: отнынѣ цѣль моей жизни быть другомъ и хранителемъ Мими. Вѣрьте мнѣ, я готовъ для счастья Мими пожертвовать жизнью.

Въ голосѣ Чагина было столько искренности и теплоты, что Мими съ благодарностью обняла и поцѣловала его голову.

— Мама уже знаетъ?—спросила она у племянницы.

— Папа пошелъ предупредить ее. Сейчасъ мы пойдемъ къ ней.

Чагинъ весь день провелъ въ домѣ Гуракиныхъ и такой безыскусственной теплой любовью вѣяло тотъ каждаго его слова, обращеннаго къ Мими, что Мари, сама того не понимая, къ вечеру совершенно успокоилась и уже находила въ своемъ сердцѣ порывы благодарности къ Чагину за то душевное спокойствіе, которое онъ сумѣлъ вселить Мими.

За обѣдомъ, на которомъ случайно присутствовали трое постороннихъ, подали шампанское, и Михаилъ громко поздравилъ жениха и невѣсту. Мари, изучив-

шая племянника съ дѣтства, подъ его наружной веселестью улавливала нервное возбужденіе. Натали была совершенно спокойна и казалась довольной выборомъ дочери.

Когда Чагинъ уѣхалъ, всѣ сразу почувствовали себя утомленными послѣ пережитаго дня, полнаго волненій, и разошлись по своимъ комнатамъ. Мари, въ темно-коричневомъ фланелевомъ капотѣ, съ закрученными на макушкѣ сѣдѣющими волосами, со свѣчой въ рукѣ, собственоручно, не довѣряя лакею, тушила у себя всѣ лампы. Послышался стукъ двери, тяжелые шаги, и неожиданно вошелъ Михаилъ.

— Можно?—спросилъ онъ, останавливаясь у порога.

— Конечно, можно. Садись, голубчикъ, поговоримъ,—ласково отвѣтила Мари.

Ее поразилъ удрученный видъ племянника. Не было и тѣни бодраго веселья, которымъ онъ весь день прикрывалъ свое душевное состояніе. Онъ грузно опустился въ кресло и, облокотясь о столъ, уставился на стоящую передъ нимъ свѣчу. Мари сѣла на свое обычное мѣсто подлѣ стола.

— Вотъ пришелъ поговорить съ тобой, душу отвести, а теперь не знаю, что и сказать... Тяжело мнѣ, тетя, очень тяжело...

— А я успокоилась теперь, Мишенька.

— Тоскуетъ моя душа... ахъ, эта неугомонная, тоскующая душа!..

Михаилъ схватился руками за голову. Въ этомъ возгласѣ было столько скорби, столько муки, что у Мари тревожно забилось сердце.

— Миша, Мишенька... Христосъ съ тобой...

— Эта милая дѣвочка, эта дочь Волынскаго, эта моя мука, которую она безсознательно растравляетъ

своей кроткой ко мнѣ любовью!.. Я не могу, тетя... я не нахожу себѣ мѣста... Теперь этотъ бракъ, на который я ее толкнулъ!.. Господи!.. Куда мнѣ уйти отъ самого себя...

Гуракинъ обхватилъ голову обѣими руками и, низко склонивъ ее надъ столомъ, моталъ ею изъ стороны въ сторону какъ отъ физической боли.

— Не мучься такъ, Мишенька... Чагинъ—чудный человѣкъ, и Мими не можетъ быть съ нимъ несчастна...

Мари старалась всячески успокоить племянника. Она знала, что его натура, всегда кипучая, всегда на все отзывчивая, переживаетъ и радость и горе въ крайнихъ предѣлахъ. Подъемы экстаза, бурнаго веселья и порывы благородства всегда раздѣлялись тончайшей чертой отъ мрачныхъ вспышекъ гнѣва, необузданной вспыльчивости, порывовъ отчаянія и скорби. И эту его живую, вѣчно волнующуюся душу Мари неизмѣнно, глубоко любила. Онъ долго молча, склонивъ на руки голову, слушалъ утѣшенія тетки и вдругъ глухо, страдальчески зарыдалъ...

— Зачѣмъ, зачѣмъ эта женщина разбила всю мою жизнь, все, что было для меня драгоцѣннаго!?.

Видъ сильнаго, громаднаго плачущаго мужчины былъ такъ ужасенъ, что Мари сама расплакалась. Дрожащими руками она накапала въ рюмку лавровишневыхъ капель, которыя за послѣднее время всегда были у нея подъ рукой, и, силясь приподнять его голову, называя ласковыми именами, она уговаривала его, какъ ребенка, выпить эти капли.

Весь домъ давно уже спалъ, когда Гуракинъ, ослабѣвшій и морально разбитый, ушелъ отъ тетки.

VII.

Натали, съ раздраженнымъ желчнымъ лицомъ, не соотвѣтствующимъ ея великолѣпному парижскому туалету, затканному серебромъ и охватывающему какъ перчатка ея не по лѣтамъ сохранившуюся фигуру, съ тройнымъ рядомъ крупнаго жемчуга на шеѣ, осторожно придерживая рукой, обтянутой въ бѣлую перчатку, длинный трэнъ, прошла черезъ анфиладу пустыхъ, ярко освѣщенныхъ комнатъ въ большой бѣлый залъ, гдѣ только что сѣдой камердинеръ затворилъ форточки и изъ большого хрустальнаго сифона направо и налѣво выдувалъ пыльную влагу ароматной эссенціи. Натали подъ горностаевой пелеринкой передернула плечами:

— Какого вы тутъ холода напустили. Заморозите гостей,—ворчливо проговорила она и прошла въ сосѣдній меньшій залъ, гдѣ былъ приготовленъ открытый буфетъ.

Лакеи уставляли вазы съ цвѣтами, торопливо доканчивая отдѣлку покоемъ разставленнаго стола, изобилующаго всевозможными сластями, фруктами и прохладительными напитками. Въ серебряныхъ жбанахъ былъ приготовленъ крюшонъ изъ шампанскаго.

Между тропическихъ, искусно разставленныхъ растеній, на маленькихъ круглыхъ столикахъ горѣли цвѣтныя лампочки. Громадный ледяной медвѣдь съ электрическими, ярко свѣтящимися глазами стоялъ въ нишѣ изъ зелени. Натали окинула все это бѣглымъ взглядомъ опытной хозяйки и пришла въ парадную столовую, гдѣ лакеи, гремя серебромъ и посудой, разставляли множество столовъ по четыре куверта.

— Тимофей,—обернулась Натали къ дворецкому,— вы распорядились, чтобы сверхъ полутораста кувертовъ было прибавлено еще двадцать пять?

— Такъ точно, ваше превосходительство. Который столикъ угодно будетъ вамъ занять?

— Это безразлично.

Натали поморщилась, продолжая испытывать нервную боль въ лѣвомъ вискѣ, и слегка прижала къ нему два пальца. Балъ, давно назначенный на этотъ вечеръ, пришелся сегодня какъ нельзя болѣе некстати для Натали. Съ утра она была раздражена. Во-первыхъ, предстоящій балъ, какъ оказалось, много превысилъ предполагаемую сумму, благодаря всевозможнымъ затѣямъ Михаила, а, во-вторыхъ, она случайно узнала, что Бестужева собирается пріѣхать на балъ, несмотря на явную безтактность такого поступка. Натали не скрывала своей антипатіи къ пріятельницѣ мужа и была увѣрена, что Бестужева на балъ не пріѣдетъ. Въ ней кипѣла злобная, желчная ревность, тѣмъ болѣе, что Бестужева, гдѣ бы она ни появлялась, вносила съ собой столько свѣжаго, искренняго веселья и остроумія, что, какъ избалованному ребенку, ей прощалось ея легкомысленное поведеніе; ее всюду звали, и выходило такъ, что она занимала первенствующее мѣсто. Натали догадывалась, что Бестужева пріѣдетъ по настоянію Михаила, который, какъ она слышала, увлекался ею все больше и больше.

Балъ давался въ честь помолвки Мими съ Чагинымъ; желающіе могли явиться костюмированными. Костюмъ боярышни, составленный для Мими пріятелемъ Михаила, знаменитымъ русскимъ художникомъ, обошелся баснословно дорого. Натали не выдержала и сдѣлала мужу сцену. Когда принесли нѣсколько часовъ тому назадъ костюмъ и цѣлую пачку счетовъ,

она отправилась къ Михаилу въ кабинетъ и, положивъ передъ нимъ возмутившіе ее громадностью суммы счеты, начала рѣзко выговаривать за придуманную имъ затѣю выполнить костюмъ дочери по указаніямъ знаменитости. Михаилъ, не глядя, отстранилъ счеты.

— Объ этомъ поговоримъ послѣ,—холодно прервалъ онъ сердитый потокъ словъ.

Но Натали, раздражаясь предстоящимъ свиданіемъ съ Бестужевой, которая, какъ она предвидѣла, будетъ премировать и на ея балу,—не въ силахъ была сдержать себя и съ злобной рѣшимостью, съ потемнѣвшими отъ гнѣва глазами и слегка скошеннымъ ртомъ, продолжала язвить.

Михаилъ оторвался отъ недоконченнаго письма, отложилъ перо, откинулся на спинку кресла и взглянулъ на жену. Въ ту же секунду ему захотѣлось зажмурить глаза и закрыть уши, такъ противна, физически противна показалась она ему съ перекошеннымъ отъ злобы ртомъ, съ утерявшими свѣжесть губами, съ вульгарной интонаціей взвизгивающаго голоса.

— Уходи... довольно... я уже слышалъ,—проговорилъ онъ, отводя глаза въ сторону.

Натали не унималась, хотя всѣмъ существомъ своимъ сознавала, что каждое новое слово, произнесенное ею, несетъ ее къ кошмарному ужасу, который она однажды пережила.

— Вонъ!!!—неожиданно раздался надъ самымъ ея ухомъ громовой окрикъ.

Она взглянула на мужа. Онъ стоялъ выпрямившись у стола съ налитыми кровью глазами. Она уловила какъ молнія брошенный имъ взглядъ на стѣну, гдѣ висѣлъ хлыстъ. Что-то острое и холодное сковало грудь и горло Натали. Она ахнула и, закрывъ лицо руками и втянувъ въ себя шею, выбѣжала изъ ка-

бинета. Этотъ холодный и острый комъ душилъ ее весь день, а къ вечеру перешелъ въ нервную боль лѣваго виска.

Михаилъ, быстро стряхнувъ съ себя волну подступившаго гнѣва, вернулся къ первоначальному спокойному настроенію, слегка приподнятому хлопотами о приготовленіяхъ къ балу, которыя онъ всегда очень охотно бралъ на себя.

Къ вечеру настроеніе приподнятости усилилось отъ ожидаемой встрѣчи съ обаятельной, веселой Бестужевой, умѣвшей сохранять съ мужчинами новизну и кокетливость отношеній.

Въ десять часовъ вечера Мими въ послѣдній разъ взглянула на себя въ зеркало и невольно улыбнулась прелестному отраженію боярышни, будто сошедшей съ полотна знаменитаго художника—пріятеля ея отца. Высокій кокошникъ, усыпанный жемчугами, держался легко и удобно на гладко зачесанной въ косу головкѣ, граціозно поставленной на гибкой дѣвичьей шеѣ. Сафьяновыя туфельки на высокихъ каблукахъ плотно облегали узкую ножку и весело постукивали при каждомъ шагѣ. Парчевый сарафанъ, зашитый спереди камнями, мягко шуршалъ, не скрадывая граціи стройнаго стана. Опушенный соболями шугай, легко накинутый на плечи, оттѣнялъ нѣжность кожи лица и шеи. Мими, четко отбивая новыми каблучками по вылощенному паркету, прошла черезъ залитые яркимъ свѣтомъ еще холодные залы и гостиныя и постучалась къ отцу. Во фракѣ, свѣжій, бодрый, со вспыхивающимъ огонькомъ въ глаазхъ, гладко выбритый, съ тѣмъ особеннымъ «бальнымъ» лицомъ, которое Мими отмѣчала у отца каждый разъ, когда онъ бывалъ на балахъ, Гуракинъ отперъ дверь кабинета и вышелъ въ залъ.

— Красавица-боярышня! Очень, очень хороша!— съ нескрываемымъ восхищеніемъ проговорилъ Гуракинъ, окидывая съ высоты своего громаднаго роста хрупкую фигуру Мими.—Хоть мать твоя и ворчитъ, что костюмъ дорогъ, зато наша невѣста сегодня всѣхъ затмитъ. Женихъ видѣлъ?

— Нѣтъ еще. Онъ у тети чай пьетъ. Я сейчасъ туда спущусь.

— Иди, иди... Только не прозѣвайте съѣзда гостей.

Гуракинъ весело и ласково обнялъ ее на минуту за плечи. У Мими вдругъ стало на душѣ легко и весело. Она видѣла, что отецъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ дней, когда отъ каждаго его взгляда, жеста и слова вѣяло неудержимой, бодрящей жизнерадостностью. Легкой, скользящей по блестящему паркету, походкой Мими перебѣжала залъ и направилась къ наружной лѣстницѣ, ведущей внизъ къ теткѣ.

— Тимофей...—разнесся зычный голосъ Гуракина— если музыканты пріѣхали, скажи, что пора итти на хоры.

Вскорѣ одна за другой стали подыматься нарядныя пары. Дамы были въ бальныхъ туалетахъ, сильно оголявшихъ плечи, или въ фантастическихъ пестрыхъ костюмахъ. Натали, побѣдивъ усиліемъ воли раздраженное и желчное выраженіе лица и смѣнивъ его на дѣланно-привѣтливую улыбку, стояла у входа въ залъ съ сильно раздробрѣвшимъ молодцоватымъ свитскимъ генераломъ—княземъ Бибишъ и, ежесекундно прерывая съ нимъ разговоръ, принимала дѣланно-искренніе и радушныя поздравленія гостей по поводу помолвки дочери, цѣловалась съ дамами, ласково кивала головой присѣдающимъ дѣвицамъ, на-лету чуть дотрогивалась губами до сановныхъ лбовъ или, съ не-

измѣнно вкоренившейся за всю жизнь кокетливой грацiей, протягивала для поцѣлуя юнцамъ кончики раздушенныхъ пальцевъ.

Мими, стоявшая неподалеку съ Чагинымъ, принимала поздравленiя съ улыбкой зараженнаго отъ отца веселья.

— Charmante... adorable... le vrai type de la beauté slave... vous dites d'après le dessin du fameux peintre?.. Où est-il?..—слышалось на устахъ всѣхъ отходившихъ отъ Мими или глядѣвшихъ на нее издали.

Окруженный нѣсколькими дамами, въ углу зала стоялъ статный господинъ съ великолѣпной головой, окаймленной волной сѣдыхъ, вьющихся густыхъ волосъ. Это былъ знаменитый живописецъ, посвятившiй свой громадный талантъ воспроизведенiю на полотнѣ яркаго живого типа русской женщины. Въ его сѣрыхъ глазахъ свѣтилась та неугасаемая сила жизни, которая отличаетъ талантъ изъ громадной толпы подобныхъ ему людей.

Гости прибывали. Съ хоръ мраморнаго зала полились свѣтлые звуки вальса. Изъ-подъ смычковъ скрипокъ мягко и плавно разростались и таяли свѣжiе звуки. На паркетѣ замелькали легкiе дѣвичьи ножки въ атласныхъ туфляхъ и ажурныхъ чулочкахъ. Не танцующiе размѣщались у стѣнъ. Борисъ, какъ двѣ капли воды схожiй съ отцомъ въ его годы, въ свѣжемъ съ иголочки кавалергардскомъ мундирѣ, на ходу застегивая перчатку, пробѣжалъ черезъ весь залъ, чтобы успѣть встрѣтить у самыхъ дверей и сейчасъ же пригласить на вальсъ хорошенькую, похожую на мать—Мику Бестужеву. Въ то время, какъ Натали церемонно протягивала руку ея матери, къ нимъ подошелъ Гуракинъ и, съ нескрываемой радостью въ игравшихъ искрами глазахъ, поцѣловалъ протянутую

ему руку и сейчасъ же, боясь какого-нибудь выпада со стороны жены, увлекъ Бестужеву, высокую, статную блондинку съ большими круглыми зеленоватыми глазами, въ противоположный конецъ зала, къ небольшой кучкѣ оживленно бесѣдующихъ дамъ и кавалеровъ.

— Герцогиня...—шепнулъ кто-то.

Гуракинъ, оборвавъ на полусловѣ разговоръ съ Бестужевой, высоко неся голову и лавируя, быстро прошелъ между танцующими и съ непринужденной почтительностью склонилъ голову передъ входившей парой. Герцогъ, улыбаясь и щурясь, направо и налѣво протягивалъ руку, ища глазами невѣсту.

— О!.. Какое солнце!.. Красавица-невѣстушка! Ручку дозвольте поцѣловать, боярышня!..—шутливо говорилъ герцогъ, любуясь Мими, нѣжная красота которой выступала въ новой неожиданной рамкѣ.

Мими все время безъ отдыха танцовала, и ей было весело отъ устремленныхъ на нее взглядовъ любующихся гостей. Она чувствовала, что отцу ея тоже было весело. Отъ времени до времени онъ бросалъ на нее одобрительные взгляды; и ей казалось, что опять и попрежнему она близка сердцу этого большого человѣка съ орлинымъ взглядомъ, котораго всѣ любили и который былъ ея отцомъ.

Балъ прошелъ благополучно, оказался самымъ блестящимъ изъ всего сезона, и о немъ много говорилось въ высшемъ свѣтѣ.

VIII.

Въ домѣ Гуракиныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ Мими была объявлена невѣстой, всѣмъ стало какъ будто бы легче дышать. Свадьба была назначена на Красной Горкѣ; Натали съ увлеченіемъ принялась хлопотать

о приданомъ и въ безконечныхъ обсужденіяхъ выбора фасоновъ, кружевъ и матерій она какъ будто ближе подошла къ жизни дочери. У Мими были такіе ясные глаза, такое ровное, спокойное настроеніе, что и на окружающихъ это дѣйствовало благотворно, рождая въ душѣ увѣренность, что она счастлива. Въ обществѣ новость о помолвкѣ Мими съ Чагинымъ вызвала всеобщее удивленіе: никто ее не ожидалъ, и исключительно занятые собираніемъ и распространеніемъ сенсаціонныхъ свѣтскихъ новинокъ негодовали на Гуракиныхъ за то, что эта новость вылетѣла прямо изъ ихъ семьи, а не черезъ ихъ посредство. Мими опять начала выѣзжать, и на балахъ снова замелькала ея головка на длинной нѣжной шейкѣ съ кокетливо подобранными кверху густыми золотистыми волосами. Танцуя или болтая съ молодежью, изъ которыхъ многіе завидовали жениху, она искала глазами его высокую, худую фигуру и, встрѣтившись взглядомъ, тихонько кивала ему и привѣтливо улыбалась. Съ баловъ, какъ бы это ни было поздно, она сперва заходила внизъ къ теткѣ и, внося въ ея спальню атмосферу только что покинутаго бала, сидя на краю кровати, съ оживленіемъ передавала ей всѣ свои впечатлѣнія; Мари слушала ее, радуясь, что къ ней возвращается прежнее оживленіе.

Послѣ свадьбы молодые должны были до осени уѣхать за границу, и Мими, уже заразившись отъ жениха любовью къ Италіи, мечтала объ этой поѣздкѣ, тѣмъ болѣе, что ко дню своего рожденія она получила въ подарокъ отъ него виллу на Средиземномъ морѣ, которая сдѣлалась предметомъ безконечныхъ бесѣдъ между женихомъ и невѣстой. Чагинъ рисовалъ ей подробный планъ виллы и сада, и Мими казалось, что она уже тамъ была и видѣла усыпанныя

гравіемъ дорожки, высокія пальмы и олеандры въ цвѣту, громадные колючіе кактусы, похожіе на гигантскихъ пауковъ, мраморную террасу, ведущую прямо къ морю и залитую золотымъ, ослѣпительнымъ блескомъ солнца.

«Villa Maria», отражающаяся въ голубыхъ теплыхъ волнахъ, манила ее къ себѣ, и Мими казалось, что тамъ, далеко, убаюканная плескомъ голубыхъ водъ и обожаніемъ будущаго супруга, она совсѣмъ успокоится и будетъ вполнѣ счастлива.

Была середина поста. Мими вмѣстѣ съ Чагинымъ собралась на великосвѣтскій базаръ, гдѣ у всѣхъ кіосковъ стояли знакомыя дамы или барышни, и въ кассу каждой изъ нихъ Мими собиралась вложить свою лепту. Громадный залъ, залитый огнями, съ движущейся нарядной публикой, кишѣлъ какъ муравейникъ. Звуки оркестра покрывали гулъ голосовъ, смѣха и возгласовъ. Въ безпорядочномъ встрѣчномъ теченіи отыскивались и терялись знакомые и не находили другъ друга. У кіосковъ хорошенькихъ женщинъ публика толкалась больше, слышался задорный смѣхъ, остроты и bons-mots. Мими заговорилась съ пріятельницами и не замѣтила, какъ, увлеченная теченіемъ толпы, она потеряла изъ вида жениха. Дойдя до перекрестка, она остановилась у колонны.

— А вы видѣли Мими Гуракину?—отчетливо донеслось до ея уха.

Она обернулась и увидѣла двухъ дамъ, стоявшихъ въ полуоборотъ къ ней и не замѣчавшихъ ея присутствія.

— Нѣтъ, не видала. А гдѣ она? Съ женихомъ?

— Она недавно съ нимъ здѣсь проходила. Очень мила. Понять не могу, что ей за фантазія пришла остановить свой выборъ на Чагинѣ! C'est un homme

charmant, но вѣдь онъ ей въ отцы годится. Ея руки многіе изъ молодежи добивались, не было недостатка въ женихахъ.

— Я слышала, что она никого не хотѣла, и что эту свадьбу состряпали ея родители.

— Можетъ быть, мать, но не отецъ: Гуракинъ всегда въ ней души не чаялъ.

— Говорятъ, что у нихъ за послѣднее время такіе нелады въ семьѣ, что необходимо было поскорѣе дочь выдать замужъ.

— Ну, все-таки, я, знаете, удивляюсь отцу: il aurait dû lui trouver quelqu'un de plus jeune.

— Que voulez-vous, ma chère! Не можетъ же Гуракинъ питать къ ней настоящія отцовскія чувства.

— Это почему?

Дама заволновалась и насторожила уши, предвидя нѣчто новое для нея и интересное.

— Какъ, вы не знаете?

— Mais non, rien de rien... Ахъ, какъ это интересно... Ну говорите же, chère amie, вы знаете, какъ меня все это интересуетъ.

— Развѣ вы не слыхали про исторію его женитьбы? C'est tout un roman. Мими не его дочь, а дочь Волынскаго. Vous le connaissez? Non? L'amant de la герцогиня...

— Да что вы?.. Первый разъ слышу.

— И говорятъ, что Гуракинъ только недавно узналъ объ этомъ. Quel drame!.. Когда вглядѣться, то въ ней много du vrai père: и фигура и выраженіе лица... Je plains ce pauvre Мишель Гуракинъ: такой красавецъ, такой даровитый, интересный человѣкъ, а жизнь его въ семьѣ, говорятъ, очень незавидная.. Ахъ, посмотрите налѣво!.. Это Гарина. Настоящая

Ninon de Lenclos—совсѣмъ не старѣетъ и всегда хвостъ мужчинъ за ней.

— Mais vous êtes myope, ma chère! Она намазана, а не то, что не старѣетъ... А кто рядомъ съ ней стоитъ, вы не знаете? Съ перьями на шляпѣ... Красивая?..

— Какъ не знаю: это Бестужева—l'amie de Мишель Гуракинъ. Мнѣ разсказывали, что у нея ослѣпительной бѣлизны кожа, и что она показывается своимъ поклонникамъ, лежа au naturel на шкурѣ чернаго медвѣдя.

— Какое безстыдство! Ну, скажите на милость, чѣмъ отличаются послѣ этого женщины общества отъ кокотокъ?

Дальнѣйшаго Мими не слыхала: Чагинъ, протискиваясь сквозь толпу, подошелъ къ ней и предложилъ ей руку. Она, ничего не видя и не слыша, оперлась на его руку, но идти не могла.

— Мими, что съ вами? Вы такъ блѣдны? Вамъ дурно?

— Да, мнѣ нехорошо... Сама не знаю что... Уѣдемте отсюда поскорѣе...

Чагинъ, поддерживая Мими, волнуясь, шагъ за шагомъ провелъ ее къ выходу, усадилъ въ карету и увезъ домой. Она всю дорогу молчала и, забившись въ уголъ кареты, сидѣла неподвижно съ закрытыми глазами. Такъ же молча поднялась она въ свою комнату, прося Чагина никому изъ домашнихъ не говорить о ея внезапномъ недомоганіи. Отъ сильнаго нервнаго озноба у нея стучали зубы. Чагинъ закуталъ ее какъ ребенка въ плэдъ, посовѣтовалъ прилечь и самъ сѣлъ подлѣ нея. Теперь Мими лежала съ напряженно-испуганными глазами, странно и неподвижно устремленными передъ собой. Чагинъ обозвалъ ее, она не слышала. Испуганный, онъ нагнулся

къ ней и тихонько дотронулся до ея лба; она вздрогнула, тяжело вздохнула и закрыла глаза.

— Мими, мой ангелъ, что съ вами? У васъ что-нибудь болитъ? Вы меня пугаете.

— Нѣтъ, ничего не болитъ,—беззвучно отвѣтила она.

— О чемъ же вы такъ думаете, моя дорогая?

— Я скажу вамъ послѣ... теперь я не могу говорить...—еще тише проговорила Мими.

Прошелъ часъ, другой, она продолжала лежать все въ той же жутко-неподвижной позѣ съ испуганными, открытыми глазами. Стало темнѣть. Вошелъ лакей, чтобы зажечь лампаду. Мими очнулась и вся заволновалась.

— Ради Бога, милый,—обратилась она къ Чагину,— пусть никто, никто ко мнѣ не входитъ, иначе я заболѣю, я сойду съ ума... Закройте дверь на ключъ...

Чагинъ старался ее успокоить, но волненіе росло. Онъ заперъ дверь, опять уложилъ ее, взялъ за руку и, тихо поглаживая ее, уговаривалъ уснуть и ни о чемъ не думать. Мало-по-малу она успокоилась и заснула. Тогда онъ спустился къ Мари и разсказалъ о всемъ случившемся.

Къ вечеру у Мими начался бредъ съ сильно повышенной температурой. Докторъ не могъ ничего опредѣлить: надо было ждать слѣдующаго дня. Ночью жаръ еще болѣе усилился: Мими стонала, металась, говорила безсвязныя слова, звала отца, плакала и только къ утру уснула отъ изнеможенія и потери силъ. Мими заболѣла воспаленіемъ мозга. Докторъ утверждалъ, что причина—неожиданное нравственное потрясеніе. Для всѣхъ это была загадка, только Чагинъ ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ, мысленно рѣшивъ, что съ Мими нѣчто произошло на велико-

свѣтскомъ базарѣ въ тотъ промежутокъ времени, когда они были раздѣлены толпой.

Натали, Мари, Михаилъ и Чагинъ одинъ за другимъ смѣнялись у ея постели. Жизнь ея была въ опасности, и страхъ потерять ее всѣхъ соединилъ на время однимъ звеномъ печали. Казалось, что больше всѣхъ страдалъ Гуракинъ. Больная безпрестанно звала его въ бреду, и Михаилъ, самъ не понимая за что, винилъ себя въ ея болѣзни. Бывали минуты, когда прежнее чувство нѣжной любви приливало къ его сердцу, и онъ цѣловалъ руки больной и тихо звалъ ее, но Мими, вся горячая, съ воспаленнымъ румянцемъ на исхудаломъ лицѣ, не слышала его словъ и продолжала жалобно стонать и на что-то кому-то жаловаться.

Такъ прошло около мѣсяца. Выздоровленіе стало наступать медленно. Организмъ оживалъ вяло, больная оставалась безучастной къ жизни, втихомолку плакала и надрывала душу окружающихъ. Она такъ исхудала, такая стала вся прозрачная и легкая, что Мари безъ труда переносила ее на рукахъ съ кровати въ кресло. Молчаливая и апатичная, она лежала или сидѣла въ креслѣ, безучастная ко всему, что вокругъ нея происходило. Она часто просила оставлять ее одну и только съ женихомъ находила о чемъ говорить. И Мари, и Михаилъ чувствовали, что даже къ нимъ она охладѣла. Не разъ они подмѣчали выраженіе скрытаго страданія въ устремленныхъ на нихъ глазахъ... Мари сильно посѣдѣла за этотъ мѣсяцъ, у Михаила прорѣзалась глубокая морщина поперекъ лба, дѣлавшая его лицо значительнѣе и строже.

Наконецъ насталъ давно всѣми ожидаемый день, когда докторъ позволилъ вывезти больную на прогулку. Уже наступала ранняя весна, и въ воздухѣ, въ

краскахъ природы чувствовалось ея приближеніе. Опираясь на руку жениха, Мими, шатаясь отъ слабости, спустилась по лѣстницѣ. Сѣвъ въ коляску, съ блѣдной улыбкой, она попросила Чагина ѣхать на Острова. При яркомъ блескѣ солнечнаго дня Мими казалась еще болѣе исхудавшей. Глядя изъ окна, какъ усаживали и закутывали ей плэдомъ ноги, Мари съ тоской замѣтила эту страшную перемѣну, особенно бросившуюся ей въ глаза въ эти минуты.

— Poor little girl!—вздохнула рядомъ стоявшая миссъ Іонстъ, какъ бы отвѣчая на мысли Мари.

На Островахъ было совсѣмъ безлюдно. Пахло влажной, уже согрѣтой солнечнымъ тепломъ, землей. Кое-гдѣ въ тѣни еще виднѣлись пласты залежавшагося почернѣвшаго снѣга. Деревья еще были голы, но сквозь черные сучья мелькало весеннее голубое небо, съ высоты котораго падали на землю теплые, оживляющіе лучи солнца. Мими вздохнула полной грудью и тихо пожала руку жениха:

— Какъ хорошо!..—вполголоса произнесла она,—подъ этимъ весеннимъ небомъ и теплыми лучами я чувствую, какъ моя душа оттаиваетъ. Я была нехорошая... Всѣ вы такъ много перестрадали изъ-за меня, а я была недобрая къ вамъ.

— Что вы, мой ангелъ, говорите!—взволнованно протестовалъ Чагинъ,—вы были ко всѣмъ безразличны, потому что вы были больны,—это такъ естественно...

— Нѣтъ, не только потому...—задумчиво отвѣтила Мими.

Чагинъ, боявшійся для нея всякаго волненія, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Съ этого дня Мими начала замѣтно крѣпнуть, и молодой организмъ заодно съ природой оживалъ и тянулся къ жизни.

Мими стала опять нѣжна съ теткой и отцомъ, довѣрчива и ласкова къ жениху, но всѣми ощущалась неуловимая въ ней перемѣна, какая-то замкнутость, что-то невысказанное. Съ выздоровленіемъ дочери къ Гуракину мало-по-малу вернулось отчужденіе къ ней; но Мими, казалось, совершенно смирилась съ охлажденіемъ отца и уже не подымала этого больного для нея вопроса въ бесѣдахъ съ женихомъ, не искала утѣшенія въ его успокоительныхъ, всепримиряющихъ доводахъ. Она молчала. Только въ глазахъ вспыхивалъ огонекъ радости, когда Михаилъ приходилъ къ ней въ комнату и былъ особенно ласковъ.

Свадьба была отложена до лѣта. Натали опять принялась за приданое дочери и съ удовольствіемъ копошилась въ своихъ многочисленныхъ картонкахъ, отбирая куски настоящаго кружева для отдѣлки парадныхъ платьевъ дочери.

— Не спѣши, мама, это еще успѣется,—говорила Мими, безучастно глядя на цѣнные куски фамильныхъ старинныхъ кружевъ, которые Натали приносила ей, ожидая возбудить радость и благодарность Мими.

— Какъ успѣемъ? Осталось всего шесть недѣль до свадьбы, это совсѣмъ немного. Теперь ты достаточно окрѣпла, и на дняхъ же мы съ тобой поѣдемъ къ мадамъ Жозефинъ для примѣрки платьевъ.

Мими молчала и, опустивъ глаза, что-то думала.

IX.

Съ тѣхъ поръ, какъ Мими окрѣпла, она каждый день послѣ завтрака выходила гулять на набережную. Теперь она выговаривала себѣ у тетки и матери право гулять безъ сопровожденія миссъ Іонстъ.

Надѣвъ цѣпь на шею большого породистаго дога,

Мими въ темно-синемъ, только что присланномъ англійскомъ костюмѣ, какъ будто еще выросшая за время болѣзни, съ едва замѣтнымъ румянцемъ на худенькомъ лицѣ, вышла изъ подъѣзда своего дома и, по обыкновенію, направилась къ набережной. Отъ того ли, что догъ сильно тянулъ цѣпь или отъ какихъ-то внутреннихъ переживаній, но рука Мими сильно дрожала, и она внимательно смотрѣла по сторонамъ, какъ будто бы ища или опасаясь встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Пройдя довольно большое разстояніе, она еще разъ внимательно окинула взглядомъ немноголюдную набережную и, убѣдившись, что никто на нее не смотритъ, быстро перешла улицу и взялась за ручку массивной двери барскаго дома. Швейцаръ посторонился и съ нѣкоторымъ любопытствомъ оглядѣлъ незнакомую посѣтительницу.

— Павелъ Константиновичъ дома? — срывающимся голосомъ спросила Мими.

— Ихъ высокопревосходительство сегодня никого не принимаютъ-съ до трехъ часовъ.

Мими на секунду смутилась, но сейчасъ же овладѣла собой.

— Доложите, что по нужному дѣлу ихъ желаетъ видѣть дочь Наталіи Георгіевны.

Черезъ минуту ушедшій съ докладомъ лакей вышелъ въ вестибюль и съ почтительнымъ поклономъ передалъ Мими, что ихъ высокопревосходительство просятъ пожаловать.

Мими, поблѣднѣвшая отъ чрезмѣрнаго волненія, вошла въ переднюю и едва сдѣлала шагъ въ большую свѣтлую пріемную, какъ изъ противоположной двери вышелъ Волынскій и направился къ ней:

— Mademoiselle Mimi, heureux de vous voir et surtout de vous voir bienportante.

Говоря это, Волынскій протянулъ ей руку и слегка склонилъ сѣдую горделивую голову.

Поднявъ на него голубые глаза, въ которыхъ было выраженіе какой-то проникающей или вопрошающей мысли, Мими молча внимательно смотрѣла на него и нѣсколько секундъ молчала.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, Павелъ Константиновичъ... только чтобы никто насъ не слышалъ.

— О! Что-то таинственное...—шутливо улыбнулся Волынскій и указалъ ей на дверь, изъ которой только что вышелъ.

— Благословляю таинственную причину, заставившую васъ перешагнуть порогъ этой комнаты. Такія милыя и чистыя дѣвушки, какъ вы, portent bonheur,—продолжалъ Волынскій, вводя Мими въ просторную комнату, убранную съ изысканнымъ вкусомъ сибарита.

У громаднаго венеціанскаго окна съ видомъ на Неву, пестрѣющую пароходами и баржами, съ виднѣющейся вдали Петропавловской крѣпостью и ея золоченымъ, ввысь стремящимся шпицемъ, стоялъ большой письменный столъ. Между массой разставленныхъ на немъ вещей, Мими бросилась въ глаза, въ роскошной золоченой рамкѣ, фотографія герцогини, подтверждавшая слышанное ею о Волынскомъ. Волынскій указалъ ей на кресло и самъ сѣлъ противъ. Его лицо, обыкновенно холодное и надменное, было привѣтливо и ласково.

«Съ какой бы гордостью я открыто назвалъ себя отцомъ этой милой дѣвушки»,—думалъ онъ, глядя на Мими.

— Павелъ Константиновичъ, я пришла къ вамъ, чтобы сказать, что я... что я... знаю все...—срывающимся, дрожащимъ шопотомъ проговорила Мими и,

опустивъ голову, совсѣмъ блѣдная, прижала руки къ сердцу.

— Все? Что—все?.. Я не понимаю...

— Я знаю, что вы—мой отецъ...

— Кто сказалъ вамъ это? Кто могъ сказать? Что вы говорите, chère enfant?..

Волынскій, въ порывѣ изумленія, близко нагнулся къ дѣвушкѣ и взялъ ея руку.

— Развѣ это не правда? Развѣ я не похожа на васъ? Развѣ не за это онъ разлюбилъ меня теперь, съ тѣхъ поръ, какъ узналъ?..

Мими смотрѣла на Волынскаго строгими, испытующими глазами. Онъ понялъ, что лгать было невозможно.

— Мими, кто сказалъ вамъ это?

— Я не знаю кто... Я узнала изъ разговора двухъ дамъ, которыя не видѣли, что я стояла тутъ же. Съ тѣхъ поръ я поняла очень многое. Я—ваша дочь... вы это знали и... все-таки такъ далеки были всегда отъ меня.

Волынскій грустно покачалъ головой и тяжело вздохнулъ.

— Вы никогда не любили меня?—чуть слышно спросила Мими.

— И любилъ и люблю васъ, милое мое дитя...

— Такъ зачѣмъ же меня окружали ложью? Зачѣмъ же вы допустили ее?

— Мими, я долженъ былъ такъ поступить, несмотря на то, что назвать васъ своею дочерью для меня было бы величайшимъ счастіемъ. Какъ вы только что сами сказали — Михаилъ Владиміровичъ недавно узналъ истину.

— Ему сказала мама?!—полувопросительно, полуутвердительно произнесла Мими.

Волынскій промолчалъ.

— Вы—мой отецъ... Какъ странно!.. Я узнала это до болѣзни... у меня путается въ головѣ, когда я думаю объ этомъ... а я думаю все время и не могу привыкнуть.

Волынскій поднялся съ мѣста, отошелъ въ сторону, налилъ стаканъ воды и выпилъ его. Только этимъ онъ выдалъ свое волненіе.

— Что же теперь будетъ?—тихо спросила Мими.

— Теперь все будетъ такъ, какъ захотите вы.

— Я не выйду замужъ за Чагина... теперь этого не надо. Я его очень люблю, но не какъ будущаго мужа.

— Зачѣмъ же, дитя, вы шли на это?

— Для папы... т. е. для него... Я видѣла, что онъ мучается и тяготится моей любовью и моимъ присутствіемъ, и я рѣшила освободить его. Теперь я все знаю и больше не останусь въ томъ домѣ, потому что теперь считаю себѣ въ правѣ сдѣлать, какъ я захочу. Боже мой, Боже мой... зачѣмъ я все это узнала?!.

Мими склонила голову на руки и громко разрыдалась.

— Милая, бѣдная... ma pauvre enfant... не плачьте... не плачь, моя Мими, которую я не смѣлъ даже приласкать... Полно же, крошка, полно, моя дочурка.

Волынскій обнялъ Мими за плечи и цѣловалъ ея голову, ласкалъ ея волосы и, казалось, не находилъ словъ для утѣшенія.

Мими, прижавшись головой къ его груди, тихо плакала.

— Какъ у меня изломано все въ душѣ... Я не умѣю передѣлать своего сердца. Вѣдь всю жизнь я его боготворила, я имъ гордилась... и до сихъ поръ все-таки я его такъ люблю!..

— Дитя мое, развѣ кто-нибудь можетъ помѣшать тебѣ продолжать любить его, какъ человѣка, замѣнявшаго тебѣ отца? Развѣ кто-нибудь можетъ насиловать твое сердце? Оно свободно, и я, менѣе чѣмъ кто-либо, имѣю права на это.

— Да, но вѣдь вы... вѣдь ты мой отецъ, а между тѣмъ, сколько я ни работаю надъ собой все это время, я все-таки не могу разлюбить его.

Мими говорила чуть слышно, и ея заплаканное лицо, со сбившейся въ сторону шляпкой и помятыми завитками у лба, выражало большое, недѣтское горе.

— Дитя мое бѣдное, страданіе, обрушившееся на тебя, больше, чѣмъ ты въ силахъ понять его и справиться съ нимъ. Ты еще слишкомъ молода. Не мучь и не насилуй себя. Михаилъ Владиміровичъ заслужилъ твою любовь—люби его. Если я ее заслужу,—быть можетъ, ты и меня полюбишь... Вотъ ты мнѣ сказала, что не выйдешь за Чагина, и доставила мнѣ этимъ громадную радость. Александръ Александровичъ милый и хорошій человѣкъ, но онъ слишкомъ на много старше тебя...

— Ахъ, онъ очень, очень хорошій... онъ чудный человѣкъ, и я знаю, что онъ пойметъ меня.

— Я увѣренъ въ этомъ.

— Можно мнѣ еще одну вещь спросить у васъ... у тебя?..

— Все, что хочешь.

— Маму... ты маму не любишь?

— Нѣтъ, я ея не люблю.

Въ лицѣ Волынскаго мелькнуло холодное выраженіе.

Мими хотѣла еще что-то спросить, но передумала. Поправивъ шляпку, она поднялась съ мѣста.

— Какъ же теперь будетъ? Научи меня... Прежній отецъ меня разлюбилъ, и съ мамой мнѣ тяжело оставаться... Я бы хотѣла съ тобой жить... я бы привыкла и полюбила тебя... папа.

Мими съ робкимъ и просительнымъ выраженіемъ подняла глаза на Волынскаго.

— Chère enfant, со временемъ—да, но сейчасъ это невозможно. Зачѣмъ давать обществу пищу для скандальныхъ пересудовъ? Переговори сперва съ Чагинымъ, а я поговорю съ твоей милой тетей Мари.

— Но вѣдь она же мнѣ не тетка больше...

На глазахъ Мими опять выступили слезы.

— Это не мѣняетъ ея чувствъ къ тебѣ. Я знаю, что она отдаетъ тебѣ всю душу.

— Я могу сказать ей, что была здѣсь?

— Конечно, и попроси ее отъ моего имени быть завтра у моей пріятельницы баронессы Кернъ. Мы обо всемъ переговоримъ, и ты обо всемъ отъ нея узнаешь. Пока же прошу тебя, мой дружокъ, справиться со своей тоской. Ты моя дочь, а потому должна умѣть владѣть собой, какъ это умѣю и я.

Въ тотъ же вечеръ Мими разсказала Чагину о своей душевной драмѣ и, робко сжимая его руку въ своихъ похолодѣвшихъ пальцахъ, просила возвратить ей данное слово и остаться ей вѣрнымъ и преданнымъ другомъ.

— Вы свободны, совершенно свободны, милая Мими. Мои чувства къ вамъ остаются неизмѣнны. Я не обиженъ и не удивленъ: я такъ это и предвидѣлъ; но зачѣмъ вы скрыли отъ меня ваше горе? Я бы помогъ вамъ пережить его.

Чагинъ смотрѣлъ на Мими преданными, добрыми глазами.

Долго въ этотъ вечеръ Мими бесѣдовала со своимъ

бывшимъ женихомъ, и когда они вышли къ вечернему чаю, въ ихъ отношеніяхъ не было замѣтно никакой перемѣны и никто не предполагалъ, что они больше не женихъ и невѣста. Между ними было рѣшено, что Чагинъ переговоритъ съ Михаиломъ и разскажетъ ему все, что узналъ отъ Мими.

— Только скажите ему, непремѣнно скажите, что я попрежнему люблю его и всегда, всю жизнь буду его такъ же любить,—говорила Мими Чагину съ горящими глазами въ то время, какъ онъ прощался съ ней, чтобы итти на половину Гуракина.

Чагинъ засталъ Михаила сидящимъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ съ протянутыми на стулъ ногами и курящимъ сигару.

За послѣднее время, даже будучи наединѣ съ собой, Михаилъ почти не страдалъ. Въ немъ что-то зачерствѣло, захолонуло, и онъ былъ доволенъ этому новому состоянію души, дающему ему силы жить фальшивой, неискренней жизнью, такъ чуждой его прямой натурѣ.

Гуракинъ былъ настроенъ въ этотъ день особенно благодушно. Утромъ онъ получилъ отъ приказчика по своему имѣнію письмо, что аренда сдана по возвышенной цѣнѣ, что часть лѣса продана и что деньги ему высылаются. Днемъ онъ заѣзжалъ къ дядѣ—разбитому параличомъ на обѣ ноги князю Алексѣю. Узнавъ, что послѣ свадьбы Мими Михаилъ намѣренъ поселиться отдѣльно отъ жены, князь предложилъ племяннику занять много лѣтъ пустующую въ домѣ половину княгини. Михаилу это предложеніе было очень по душѣ, такъ какъ дядя предлагалъ ему роскошное помѣщеніе и безвозмездно. Окруживъ себя туманомъ сигарнаго дыма, легко и пріятно одурманивающимъ мозгъ, Михаилъ былъ въ томъ настрое-

нiи, въ которомъ часто пребываютъ избалованные жизнью люди послѣ прiятно проведеннаго дня.

Чагинъ, не отгадывая этого настроенiя, подыскивалъ, съ чего бы начать тяжелый разговоръ, который, онъ боялся, опять взволнуетъ друга и повлечетъ вспышки несдержаннаго гнѣва, которыхъ Чагинъ не выносилъ.

— Ты у Мими все время сидѣлъ?—спросилъ Гуракинъ, не измѣняя удобнаго положенiя.

— Да, я отъ нея... и вотъ именно по поводу нея мнѣ надо очень серьезно переговорить съ тобой.

— А-а!.. Что-нибудь новое?—равнодушно спросилъ Михаилъ, прикидывая въ умѣ, сколько у него останется послѣ уплаты долговъ отъ суммы, присылаемой приказчикомъ.

— Мими гораздо больше знаетъ, чѣмъ мы это думали...

— То есть?

— Она знаетъ, т.-е. она узнала настоящее положенiе вещей.

Гуракинъ, попрежнему не мѣняя позы, выпустивъ струю ароматнаго дыма, только скосилъ глаза въ сторону Чагина.

— Сегодня она видѣла Волынскаго и сказала ему, что знаетъ, что ея отецъ онъ, а не ты.

— Поступокъ рѣшительный... я не ожидалъ отъ нея такой самостоятельности. Ну, и что же дальше?

— Она твердо рѣшила уѣхать отсюда.

— Для чего же это? Вѣдь свадьба не за горами.

— Мими вернула мнѣ слово: свадьбы не будетъ.

— Такъ куда же она уѣдетъ?

— Теперь она поѣдетъ съ Марiей Аркадьевной за границу, а послѣ... послѣ я не знаю, но здѣсь она ни въ какомъ случаѣ не останется.

— Такъ какъ и я здѣсь ни въ какомъ случаѣ не останусь, то, я думаю, она поступаетъ правильно. Вотъ только зачѣмъ этотъ разрывъ съ тобой?

— Никакого разрыва нѣтъ. Мы остаемся лучшими друзьями.

— Tant mieux!—миролюбиво пробасилъ Михаилъ.

Ему такъ надоѣли семейныя драмы, что, какъ бы онѣ ни разрѣшились, ему, въ концѣ концовъ, хотѣлось только ихъ прекращенія и собственной свободы.

Чагинъ, хотя и хорошо зналъ своего друга съ его внезапной измѣнчивостью настроеній, однако, никакъ не ожидалъ такого невозмутимаго спокойствія въ столь серьезныхъ и неожиданныхъ обстоятельствахъ.

— Что съ тобою сегодня?

— Со мной? Ничего. Прекрасно себя чувствую. Былъ сегодня у князя Алексѣя. Старикъ отдаетъ въ мое распоряженіе всѣ аппартаменты княгини; вотъ я и переѣду къ нему, какъ только Мими уѣдетъ. Совсѣмъ становится плохъ старикъ,—грустно на него смотрѣть. А какой былъ молодецъ въ свое время...

Гуракинъ лѣниво потянулся за спичками, чтобы раскурить потухшую сигару.

Чагинъ, грустно настроенный послѣ разговора съ Мими, разсѣянно слѣдилъ за тѣмъ, что говорилъ ему Гуракинъ, съ игривостью мысли скользившій съ предмета на предметъ. Простившись съ Михаиломъ и спускаясь по лѣстницѣ, онъ заслышалъ за собой легкіе, быстрые шаги.

— Ну, что папа... т. е. что онъ?—догнала его Мими и съ волненіемъ и нетерпѣніемъ ожидала его отвѣта.

— Ничего... все обойдется. Вѣроятно, онъ завтра самъ будетъ говорить съ вами. Не волнуйтесь, мой ангелъ: вы еще должны очень беречь себя.

— А вы ему сказали то, что я васъ просила?

— Скажите ему завтра сами. Когда я говорилъ съ нимъ, то почувствовалъ, что лучше, если вы сами это ему скажете.

Чагинъ не могъ сказать Мими, что Михаилъ былъ въ такомъ спокойно-уровновѣшенномъ состояніи духа, что порывъ ея тоскующей души былъ бы имъ мало оцѣненъ.

Съ Натали пришлось объясняться Мари. Въ противоположность Михаилу, объясненіе съ ней было очень тягостно. Узнавъ, что Мими отказала Чагину и рѣшила уѣхать съ теткой сперва за границу, а потомъ переселиться съ ней изъ этого дома, Натали пришла въ негодованіе и даже обрушилась на Мари, упрекая ее въ потворствѣ вольнодумству дочери.

— Если Мими не переселится ко мнѣ, то я васъ очень серьезно предупреждаю, Натали, что она будетъ жить со своимъ отцомъ, т. е. съ Волынскимъ. Она мнѣ это сказала.

Натали въ изумленіи посмотрѣла на Мари:

— Развѣ Мими говорила съ Волынскимъ?

— Да, она говорила съ нимъ прежде, чѣмъ съ нами.

Натали была сражена. Ей не могло прійти въ голову, что эта дѣвочка Мими могла имѣть столько смѣлости и рѣшительности въ поступкахъ. Натали казалось, что на нее со всѣхъ сторонъ обрушиваются тяжести, давящія на сердце и мозгъ. Она не предвидѣла, что ее ждетъ еще послѣдній и самый тяжелый ударъ: окончательный разрывъ съ мужемъ, которому она, ничего не подозрѣвая, готовила, сообща съ Моисеемъ Борисовичемъ и сыномъ, сокращеніе выдачи денегъ на личные расходы. Она была увѣрена, что, ограничивъ его бюджетъ, она тѣмъ самымъ оттолкнетъ отъ него женщинъ, всегда стоявшихъ между ними.

Пока происходили въ домѣ тяжелыя объясненія, нервные припадки жены, сборы Мими и Мари за границу, злорадные и ядовитые разговоры Моисея Борисовича съ сыномъ и женой, Михаилъ тѣмъ временемъ приводилъ въ порядокъ свои личныя дѣла, строилъ на близкое будущее пріятные планы, ѣздилъ къ князю Алексѣю, давалъ въ его домѣ распоряженія относительно устройства своихъ будущихъ аппартаментовъ и съ радостью и облегченіемъ мечталъ о томъ счастливомъ днѣ, когда онъ очутится въ этомъ, знакомомъ ему съ дѣтства, домѣ опять свободнымъ и спокойнымъ человѣкомъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Натали съ усталымъ и недовольнымъ лицомъ бродила по громаднымъ комнатамъ своего особняка, отдавая распоряженія для приведенія его въ обычный зимній жилой видъ. Она наканунѣ вернулась изъ Москвы, гдѣ останавливалась, проѣздомъ изъ деревни, въ монастырѣ княгини Анны Валеріановны, въ схимѣ— матери Александры. Гулко и невесело отдавались шаги въ большихъ комнатахъ, еще не покрытыхъ коврами, съ обтянутыми въ чехлы люстрами, вазами и мебелью, съ голыми громадными окнами, сквозь которыя глядѣлъ желто-сѣрый, тусклый и сырой осенній день. Натали всегда чувствовала себя особенно одинокой въ эти первые дни возвращенія на зиму въ столицу, гдѣ неубранныя комнаты нагоняли на нее еще большую тоску. Становясь съ годами разсчетливѣе и даже скупѣе, она не позволяла приводить въ порядокъ домъ въ ея отсутствіе, будучи увѣрена, что обойщикъ, полотеры и монтеръ представятъ недобросовѣстные счета. Борисъ, занимавшій комнаты внизу, въ которыхъ раньше жила Мари, велъ очень бурный образъ жизни, и Натали ви-

дѣла его очень мало и даже не ежедневно. Сѣрый ли пасмурный день былъ причиной, но въ это утро Натали особенно чувствовала свое одиночество. За послѣдніе годы время жестокой рукой наложило печать приближающейся старости на ея внѣшность. Хотя фигура ея сохраняла еще стройность, но лицо пожелтѣло, мелкія морщины залегли возлѣ глазъ, углы рта опустились и выдавали отличительную черту ея характера—мелочную раздражительность и озлобленность. Ее давили не только годы, но и сознаніе какой-то пустоты, вдругъ открывшейся въ концѣ пройденной жизни, отъ которой на нее вѣяло холодомъ одинокаго, никому ненужнаго существованія. Она всегда любила общество и была увѣрена, что и ее любятъ всѣ эти дамы, ѣздившія въ парадныхъ туалетахъ на ея обѣды, ужины и балы, и всѣ эти сановные господа или заискивающая молодежь, ловящіе на-лету для почтительнаго поцѣлуя ея унизанную кольцами руку. Ея особнякъ не могъ одновременно вмѣщать всѣхъ желающихъ у нея бывать, и она приглашала на свои пышные обѣды и балы по группамъ, капризно выбирала, сортировала общество, затягивала отдачу визитовъ и все-таки всѣ съ удовольствіемъ ѣздили и веселились у нея, и она была увѣрена, была въ правѣ считать себя блестящимъ центромъ, вокругъ котораго любезно склонялись мужскія головы всѣхъ сортовъ и возрастовъ и которому любезно улыбались дамы и протягивали свои руки «avec une amitié bien sincère», такъ любящія «cette adorable et élégante Nathalie Gourakine»... Но вдругъ все измѣнилось. Съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ переѣхалъ къ князю Алексѣю,—ея домъ какъ будто бы потерялъ свою притягательную силу, какъ будто бы въ немъ притушили яркій свѣтъ или отлетѣло веселье...

Когда прошли острые порывы отчаянія, и Натали

поняла, что мужъ ни при какихъ условіяхъ къ ней не вернется, она, хоть и съ глубокой трещиной въ душѣ, однако, начала привыкать къ своему новому положенію покинутой жены. Повседневная жизнь шла своимъ чередомъ и надо было приспособляться къ ней. Когда, черезъ годъ послѣ семейной катастрофы, Натали возобновила прежній train жизни и объѣздила съ визитами знакомыхъ, всѣ нашли ее сильно отцвѣтшей и потерявшей послѣднюю искорку. Когда она входила въ салоны походкой усталой, разочарованной жизнью женщины, «démarche trainant le fardeau de la vie,—какъ кто-то про нее выразился, съ кислой гримасой вмѣсто улыбки, съ ѣдкими намеками на недостойное отношеніе къ ней мужа,—присутствовавшіе взглядомъ, продолжительнымъ пожатіемъ руки или сдержаннымъ, полнымъ уваженія къ ея горю, вздохомъ выражали ей сочувствіе. Она вѣрила этому и считала себя окруженной вѣрными и преданными друзьями, но за-глаза эти самые люди называли ее скучной и ноющей, и разговоры о ней заканчивались обыкновенно замѣчаніемъ въ родѣ:

— Que voulez-vous? Avec son mauvais caractère, elle n'a que ce qu'elle a mérité...

Мало-по-малу гостиныя ея начали пустѣть, обѣды и вечера стали мало оживленны, скучны, и наконецъ Натали поняла, что веселье, всегда царившее на ея собраніяхъ, исходило отъ ея мужа, что онъ своей неисчерпаемой жизнерадостностью притягивалъ людей, что въ звукахъ его низкаго зычнаго голоса дрожали живыя, бодрящія струны, его раскатистый смѣхъ заражалъ весельемъ, его врожденная привѣтливость и простота въ отношеніяхъ ко всѣмъ являла безсознательный, но широкій, природой вложенный либерализмъ. Женщины его любили за то, что онъ ихъ

любилъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую порознь, мужчины его любили за то, что онъ былъ добрый, обязательный товарищъ, честный и воспитанный, богато одаренный природой человѣкъ, и главнымъ образомъ его любили всѣ за то, что онъ несъ съ собой искреннее, заражающее веселье, основанное на простомъ, любовномъ отношеніи къ людямъ и жизни.

Натали, готовившая мужу ударъ въ видѣ законнаго ограниченія его тратъ, была сражена и унижена его добровольнымъ отрѣшеніемъ не только отъ всѣхъ ея дѣлъ, но и отъ капиталовъ. Съ его отъѣздомъ на рукахъ Моисея Борисовича оставалось не малое количество его долговыхъ обязательствъ; Натали ухватилась за нихъ, какъ за якорь спасенія, и, несмотря на протесты управляющаго, приказала немедленно уплатить по всѣмъ векселямъ огромную сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Она была увѣрена, что такой актъ щедрости и великодущія будетъ вознагражденъ и повлечетъ за собой примиреніе; но Гуракинъ, всегда относившійся съ нѣкоторой долей презрѣнія и безпечности къ денежному вопросу, не оцѣнилъ ея великодушія въ той мѣрѣ, какъ она надѣялась. Онъ вызвалъ къ себѣ сына и черезъ него передалъ благодарность женѣ. Уплатой крупнаго куша долговъ Натали способствовала тому, что Михаилъ, проснувшись однажды утромъ въ своемъ новомъ роскошномъ помѣщеніи въ домѣ князя Алексѣя, вздохнулъ полной широкой грудью, расправилъ богатырскіе члены, улыбнулся, закинулъ руки подъ голову, закурилъ папиросу и, медля разстаться съ нагрѣтой постелью, почувствовалъ себя счастливымъ человѣкомъ, освобожденнымъ отъ всякихъ тревогъ, непріятностей и финансовыхъ осложненій. Несмотря на сѣдину, серебрившую его виски, онъ ощущалъ

бодрость тѣла и все ту же, какъ и въ молодые годы, неизсякаемую любовь къ жизни.

Натали не избѣгала встрѣчъ съ мужемъ; но каждая случайная встрѣча съ нимъ разстраивала ее на нѣсколько дней; страдая, она сознавала, что, потерявъ его, потеряла самое дорогое, что составляло для нея смыслъ жизни. Какъ она ни старалась убѣдить другихъ и себя, что Михаилъ былъ сквернымъ мужемъ и бросилъ ее потому, что не имѣлъ нравственныхъ устоевъ, однако гдѣ-то въ глубинѣ души она винила себя, что не умѣла сохранить любовь человѣка, котораго до сихъ поръ любила.

Борисъ, ея недавній союзникъ въ борьбѣ противъ мужа, въ которомъ она надѣялась имѣть къ старости нравственную опору, не оправдалъ ея надеждъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она выдѣлила ему часть состоянія, онъ началъ кутить, бросать деньги и до такой степени погрузился въ радости жизни, что видѣлся съ матерью очень рѣдко и охладѣлъ къ ней.

Несмотря на недѣлю, проведенную въ монастырѣ у княгини Анны Валеріановны, и на долгіе успокоительные разговоры съ ней, Натали, пріѣхавъ въ своей пустой домъ, опять впала въ уныніе. То, что казалось ей тамъ полнымъ искупительнаго значенія, здѣсь тяготило ее какъ непосильное бремя. Княгиня Анна Валеріановна имѣла нѣкоторое вліяніе на Натали; она понимала ея душевныя переживанія, такъ какъ сама прошла черезъ нихъ, и находила нужныя, успокоительныя слова, которыми въ былое время укрощала свое негодующее противъ мужа сердце. Она хотѣла привести Натали къ тому же пути, который сама избрала подъ конецъ жизни, но усилія ея разбивались о слишкомъ мелкую, лишенную всякихъ отвлеченныхъ запросовъ натуру Гуракиной, не

способную даже на временное смиреніе. Тѣмъ не менѣе наѣзды въ монастрырь оказывали свое благотворное дѣйствіе, и ни съ кѣмъ Натали не была такъ откровенна, какъ съ княгиней Анной Валеріановной. Онѣ расходились лишь въ одномъ пунктѣ: княгиня не одобряла и даже остерегала Натали отъ ея увлеченія отцомъ Лукой Непутевымъ, всплывшимъ, какъ мутная накипь, въ верхніе слои столичнаго общества. Княгиня, отошедшая отъ мірской жизни, постомъ и молитвой смирившая свою гордость, строго осуждала поступки отца Луки, не соотвѣтствовавшіе ни его проповѣдямъ, ни понятіямъ о благочестіи. И сколько она ни сердилась и ни волновалась, доказывая, что отецъ Лука не болѣе, какъ ловкій и лукавый пролаза, Натали горячо защищала его, увѣряя, что отецъ Лука смиренный юродивенькій, сохранившій всю свою чистую примитивную непосредственность Божьяго человѣка въ почетѣ и благосклонности высшаго круга, который неминуемо ввелъ бы въ соблазнъ и искушеніе всякаго другого.

Княгиня, слушая горячую защиту Натали, нетерпѣливо передвигала въ креслѣ свое рыхлое, тучное старческое тѣло, быстро-быстро перебирала четки и, устремивъ на нее сердитый острый взглядъ, жевала беззубымъ ртомъ.

— Décidément votre отецъ Лука est une паршивая овца, заразившая все стадо,— прерывала княгиня длинную рѣчь Натали.

Несмотря на монастырскую жизнь, княгиня въ разговорѣ съ людьми своего круга не утратила свѣтской привычки своего времени мѣшать русскую рѣчь съ французской.

— Вы всѣ тамъ точно ослѣпли и не хотите ви-

дѣть, на какихъ грязныхъ, низменныхъ инстинктахъ построено все это фальшивое юродство. Это грязный, passez-moi le mot, похотливый мужикъ, который за дѣвками въ деревнѣ гонялся, а здѣсь сами дамы навели его на умъ, что, юродствуя и смиренно призывая имя Божье, онъ проникнетъ въ ихъ альковы, и обоюдное распутство будетъ облечено въ какую-то мистерію.

— Au nom du ciel, княгиня, что вы говорите? Вѣдь я же его знаю, онъ у меня бываетъ, мы часами бесѣдуемъ...

— Съ вами онъ только бесѣдуетъ, потому что вы немолоды, а попробуйте-ка оставить съ нимъ Мими.

— И ровно ничего бы не было.

— Ахъ, полноте! — княгиня съ сердцемъ отмахивалась рукой.—Развѣ до меня не доходятъ слухи о безобразіяхъ, связанныхъ съ его именемъ? Не хочу грѣшить и называть именъ... да вы и безъ меня ихъ хорошо знаете. Почему это для благочестивыхъ бесѣдъ ему надо затворяться въ спальнѣ съ княгиней Маевской и многими другими молодыми женщинами и дѣвицами? Отчего съ вами онъ не затворяется, а мелетъ всякій вздоръ на людяхъ...

— Позвольте, княгиня, надо быть точной...

— Нѣтъ, нѣтъ, chère amie, ужъ лучше вы мнѣ ничего не говорите. Вы избрали ложный и опасный путь... Этотъ хлыстъ и прощалыга вводитъ въ соблазнъ, и вы оскверняете нашу церковь, позволяя похотливому мужику интерпретировать ученіе Спасителя. Прошу васъ, Натали, не говорите больше объ немъ; всякій разъ я теряю терпѣніе и всякій разъ это ни къ чему.

— Извольте, княгиня, я говорить о немъ не буду,—

холодно отвѣчала Натали,—но чтобы такъ строго судить человѣка, его надо лично знать.

— Много чести, слишкомъ много чести! — гнѣвно отвѣчала княгиня.

Послѣ такихъ споровъ она съ усиліемъ вставала съ кресла и, тяжело ступая на отекшія ноги, удалялась въ свою спальню. Грузно опустившись на колѣни на высокую приступку громаднаго кіота съ образами, княгиня перебирала четки и, беззвучно шевеля губами, творила молитву, пока не обрѣтала спокойствія духа.

Въ этотъ послѣдній пріѣздъ Натали княгиня особенно негодовала и волновалась, такъ какъ до нея дошли слухи, что имя Натали скандально соединяютъ съ именемъ отца Луки, но Гуракина осталась равнодушна къ увѣщаніямъ княгини.

— Смиреніе именно и заключается въ пренебреженіи къ тому злу, что на насъ возводятъ,—спокойно отвѣтила Натали, выслушавъ княгиню.

— Гдѣ есть пренебреженіе, тамъ нѣтъ смиренія, это во-первыхъ,—вѣско проговорила княгиня,—а во-вторыхъ, если люди честные называютъ votre père Лука развратникомъ, значитъ тутъ что-то есть.

— Больше всего я вѣрю самой себѣ.

— Et vous avez grand tort. Votre vie vous l'a prouvé,—строго замѣтила княгиня.

Докучливыя и безпокойная мысли ни на минуту не покидали Натали во все время, что она отдавала распоряженія по дому и принимала доклады. Предстоящая зима пугала ее одиночествомъ и тоской, которую она не въ силахъ была смахнуть съ души. Вчера ее встрѣтила на вокзалѣ Мими и обѣщала сегодня утромъ навѣстить; тогда она отнеслась равно-

душно къ ея обѣщанію, теперь же съ досадой посматривала на часы, боясь, что Мими не заѣдетъ. Окончивъ дѣла, Натали прошла въ свою большую, богато и прихотливо убранную спальню—единственную комнату, которую приводили въ порядокъ въ ея отсутствіе. Опустившись на кресло подлѣ туалетнаго стола, машинально проведя рукой по волосамъ и поправивъ искусный шиньонъ, она облокотилась о столъ и, положивъ голову между ладонями, отдаваясь мыслямъ, безсознательно уставилась немигающими глазами въ зеркало. Не видя собственнаго отраженія, отдаваясь теченію мыслей, она съ тоской спрашивала себя, куда дѣвалась вся ея жизнь? Почему она такъ одинока? Почему люди, подобно морю въ часы прилива, то бѣгутъ какъ волны, торопясь и перегоняя другъ друга, то вдругъ,—подобно морю же въ часы отлива,—такъ же дружно и поспѣшно отливаютъ отъ гостепріимныхъ береговъ и оставляютъ ихъ покрытыми наносной травой и всякимъ соромъ... Любя мужа мучительной и ревнивой любовью, отдавая ему всѣ помыслы, Натали въ то же время нуждалась въ общеніи съ людьми, и вѣчно смѣняющаяся, веселая, ищущая веселья толпа, наполнявшая ея домъ, была ей нужна, какъ необходимый придатокъ къ жизни.

Для толпы она выписывала дорогіе туалеты изъ Парижа, для толпы слѣдила за своей внѣшностью, массировала тѣло и лицо, для толпы улыбалась, когда хотѣлось плакать, для толпы лгала, маскируя, послѣ ссоръ съ мужемъ, натянутыя съ нимъ отношенія, для толпы тратила тысячи на балы и обѣды... По какимъ-то скрытымъ, невѣдомымъ ей причинамъ, насталъ часъ отлива: толпа, какъ морскія волны, одна за одной покатились прочь, оставивъ послѣ себя липкую грязь злословія, насмѣшки, злорадства или пре-

небрежительнаго сожалѣнія. Развѣ ея мужъ не такъ же, какъ и она, оторванъ отъ семьи? Но почему онъ не одинокъ? Почему, она это знаетъ навѣрное, онъ теперь, какъ и всегда, окруженъ толпой пріятелей или искателей его благосклоннаго вниманія? Отчего его не гнететъ тоска? Отчего время, дотрагиваясь крыломъ до его волосъ, хоть и серебритъ ихъ и бросаетъ чуть замѣтныя морщинки на лицо, но не тушитъ огонь его глазъ, не срываетъ съ губъ веселаго, какъ у юноши безпечнаго смѣха, не комкаетъ красивыхъ очертаній его профиля и оставляетъ его, вопреки своимъ законамъ, все тѣмъ же обаятельнымъ, жизнерадостнымъ баловнемъ жизни... А она?.. Натали вздрогнула и прямо передъ собой увидала завядшее, осунувшееся лицо съ потухшими глазами, съ глубокими отъ носа и угловъ губъ спускающимися рѣзкими морщинами, съ непривѣтливымъ желчнымъ выраженіемъ.—Да, она отжившая, никому ненужная старуха... Ея жизнь окончена, а между тѣмъ тѣло живетъ, память, какъ на яву, перелистываетъ страницу за страницей всю ея жизнь, душа болитъ отъ тоски. Не за что ухватиться, не на чемъ остановить мысли. Она всѣмъ чужда и никто ей не нуженъ, никто не дорогъ, нѣтъ никого, кому бы хотѣлось выплакать свои слезы. Она любила толпу, потому что толпа поклонялась, заискивала и восхищалась ею, но людей она не любила; она никого не любила, кромѣ мужа... И вотъ никого подлѣ нея: ни мужа, ни толпы, которая занимала ея воображеніе, налагала какія-то обязательства, отвлекала мысли, создавала внѣшнюю, стремительно смѣняющуюся впечатлѣніями жизнь. Если бы мужъ умеръ, ей было бы легче переносить свою жизненную отставку, свое банкротство: ее не мучило бы и не дразнило сознаніе,

что только она одна погружена въ холодъ и темноту угрюмой, одинокой старости...

Натали съ тихимъ стономъ сжала виски, съ гримасой страданія закрыла глаза и низко опустила голову.

Ни княгиня Анна Валеріановна, ни отецъ Лука не умѣли отогнуть края завѣсы, отдѣляющей ея безплодныя желчныя страданія отъ простой и печальной истины: весь свой жизненный путь она прошла, любя лишь одну себя; она не любила ни людей, ни мужа: въ немъ она любила свою собственную къ нему страсть, низменную и глубоко-эгоистичную. Душа Михаила, его личность, какъ человѣка, были ей чужды и неинтересны; она любила страстно и мучительно его мужскую надъ ней силу, утерявъ которую, она оказалась полнымъ банкротомъ жизни.

Нервный комокъ подступилъ къ горлу, и Натали почувствовала, что сейчасъ слезы польются изъ ея глазъ. Она быстро отошла отъ туалета и рѣшительнымъ движеніемъ надавила кнопку телефона, стоявнаго рядомъ на маленькомъ столикѣ.

— Степанида Карповна?.. Да, милая, это я, вчера пріѣхала и вотъ видите уже звоню... Такая тоска!.. Скажите отцу Лукѣ, что если онъ не пріѣдетъ,—я заболѣю... Ахъ, нѣтъ, мнѣ никого и ничего не надо,— мнѣ нужна бесѣда съ нимъ... Онъ меня успокаиваетъ... Спросите его, моя милая, я подожду.

Натали страдальчески провела по лицу рукой и нетерпѣливо ждала отвѣта... Черезъ минуту она услышала желанный отвѣтъ.

— Ну, какъ я рада!.. спасибо ему... Такъ я въ четыре часа пошлю за нимъ автомобиль... Ну вотъ, мнѣ и легче стало на душѣ... До свиданія, милая...

Только что Натали повѣсила трубку телефона, какъ

раздались быстрые шаги и, приподнявъ тяжелыя штофныя портьеры, на порогѣ остановилась Мими.

— Къ тебѣ, мама, можно?

— Очень рада. Здравствуй, Мими. Я тебя все утро ждала. Такая тоска въ этомъ большомъ неубранномъ домѣ. Снимай шляпу и садись.

Теперь Натали была менѣе рада пріѣзду дочери, чѣмъ полчаса тому назадъ: она не любила, чтобы присутствовали при ея бесѣдахъ съ Лукой, тѣмъ болѣе, что хотя Мими никогда не высказывала матери своего полнаго къ нему презрѣнія, однако Натали отгадывала его, и ни разу еще Мими не встрѣчала Непутеваго въ домѣ матери.

За эти нѣсколько лѣтъ Мими сильно измѣнилась: она много возмужала, черты лица опредѣлились, исчезла дѣвичья неувѣренность въ движеніяхъ, плечи стали шире, бюстъ пополнѣлъ, и изъ миловидной дѣвушки развилась красивая, нѣжная женщина. Мими за эти годы успѣла быть замужемъ и овдовѣть. Она вышла по взаимной любви за молодого, дѣлающаго карьеру дипломата, но прожила съ нимъ всего два года: онъ внезапно заболѣлъ и умеръ отъ неудачной операціи. Мими много плакала, но черезъ годъ, снявъ трауръ, какъ-то сразу примирилась со своей судьбой, и опять къ ней вернулось ея ровное, благотворно вліяющее на окружающихъ, спокойное настроеніе. Она послѣ смерти мужа переѣхала къ своему отцу Павлу Константиновичу Волынскому и наполнила его большую, всегда пустую квартиру ароматомъ женской атмосферы, всюду проникающей, на все накладывающей неуловимую печать. Большой бѣлый залъ съ золочеными стульями былъ какъ будто бы такъ же пустъ, но забытый гдѣ-нибудь на маленькомъ столѣ или стулѣ газовый шарфъ, небрежно разбросанныя на

роялѣ ноты и тутъ же обшитый кружевами батистовый носовой платочекъ, оживляя его, шептали воображенію каждаго входящаго, что изъ-за какой-то двери могутъ послышаться легкіе женскіе шаги, шорохъ платья, и пустой залъ сразу наполнится сіяніемъ и улыбкой женскихъ глазъ и устъ.

Волынскій благоговѣлъ передъ дочерью и отдавалъ ей такъ много своего чувства и времени, что герцогиня втайнѣ его ревновала.

Мими сняла передъ зеркаломъ маленькую фетровую шляпку съ бѣлымъ крыломъ, и золотые непослушные завитки, освободившіеся отъ плѣна, капризно упали на виски свѣжаго, переливающаго румянцемъ лица. Черная шелковая юбка стягивала узкія бедра, такая же блузка свободными складками одѣвала стройный, упругій торсъ. Мими еще болѣе стала походить на Волынскаго: тѣ же черты лица, тѣ же сдержанныя красивыя движенія; только въ выраженіи голубыхъ глазъ было больше мягкости и теплоты.

— Ну, разсказывай, какъ провела лѣто?.. Ты выглядишь отлично, и я очень рада, что вижу тебя уже не въ траурѣ, онъ тебя дѣлалъ une figure tragiqne. Значитъ, ты осталась довольна поѣздкой за границу? — спрашивала Натали, внимательно разглядывая дочь.

— Очень довольна. Тетѣ Мари много помогли воды. а затѣмъ мы, какъ я тебѣ и писала, проѣхали въ Швейцарію. Отель нашъ былъ полонъ премилыхъ иностранцевъ, и тетя Мари даже ревновала меня къ этой компаніи.

Мими улыбнулась и стала поразительно схожа съ отцомъ.

— Павелъ Константиновичъ былъ тамъ?

— Папа пріѣзжалъ ненадолго.

— Ты давно видѣла Мишеля?—стараясь казаться равнодушной, спросила Натали.

У Мими въ одно мгновеніе лицо и шея залились яркой краской. Она почувствовала какую-то безотчетную неловкость; ей было непріятно, что ея мать спрашиваетъ у нея о человѣкѣ, покинувшемъ ее, отвергнувшемъ привязанность ея дочери и неизмѣнно любимомъ обѣими ими.

— Я его видѣла на-дняхъ у тети Мари.

— Что-жъ онъ: здоровъ и веселъ, какъ всегда?

— Да, онъ все такой же....

Натали передернула плечами.

— Удивительная натура! Какая-то неисчерпаемая жизнеспособность, безудержная joie de vivre... Это какой-то ликующій богъ, несущійся въ колесницѣ среди вѣчнаго праздника жизни... его мчатъ свѣтлые кони, вокругъ него цвѣты, вѣчный блескъ солнца, женщины-вакханки, радость и веселье... Это не жизнь, не наша жизнь съ сѣрыми буднями и тоскливыми думами...

Натали неожиданно пришла въ сильное возбужденіе, и два алыхъ пятна выступили на ея щекахъ.

Мими съ удивленіемъ смотрѣла на мать.

— Знаешь, мама,—медленно и вдумчиво заговорила Мими,—то, что ты сейчасъ сказала,—поразительная истина!.. Сколько разъ я ни думала о немъ, никогда не могла найти такихъ удивительно мѣткихъ, вѣрныхъ сравненій... именно ликующій богъ среди праздника жизни... Удивительно вѣрно...

— Ты этимъ, очевидно, восхищаешься, а я порицаю... Ему ни до кого нѣтъ дѣла, онъ всю жизнь сосредоточилъ на себѣ...

— Ты не права, мама,—тихо покачала Мими головой,—онъ очень любитъ людей и...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, объ этой любви къ людямъ ты мнѣ не говори. Всю жизнь я слишкомъ дорого платилась за его любовь къ людямъ... Онъ лишалъ привязанности близкихъ и любящихъ его существъ, чтобы нести свое полное любви сердце на рынокъ человѣчества... Это ужасно, это жестоко! Тутъ не передъ чѣмъ восхищаться и умиляться. Сколько десятковъ тысячъ онъ выбросилъ всякимъ пѣвицамъ и артистамъ, которымъ теперь до него ровно никакого нѣтъ дѣла... Платилъ по разнымъ пріютамъ и богадѣльнямъ, лазилъ въ мансарды нищихъ художниковъ и какихъ-то тамъ поэтовъ, а что они ему дали? Онъ и самъ не знаетъ, ни гдѣ они, ни что они... да и забылъ объ нихъ....

— Ахъ, мама,—горячо перебила Мими,—да вѣдь это же и есть настоящая любовь къ людямъ; радостная, не заботящаяся объ отвѣтномъ чувствѣ.

— А тѣхъ, кто его любитъ, кто готовъ для него на всякія жертвы, онъ бросаетъ и знать не хочетъ?! Человѣчеству отдаетъ сердце, а близкому, родному существу поворачиваетъ спину?!. Прекрасная, великая любовь!—насмѣшливо выкрикнула Натали.

Въ потухшихъ глазахъ зажглись злобные огоньки, губы слегка скосились въ сторону, лицо приняло мрачное, непріятное выраженіе.

Мими посмотрѣла на мать, опустила глаза и умолкла. Въ ея воображеніи промелькнули тяжелыя сцены; Натали вычеркнула ихъ изъ своей памяти, увлеченная идеей любви и жертвъ, которыя «близкое существо» несло всю жизнь къ ногамъ безсердечнаго супруга. Она забыла послѣднія тайныя совѣщанія съ управляющимъ и сыномъ, въ которыя честь мужа и отца ставилась на карту. Теперь она плакалась дочери и искала ея сочувствія и оправданія, такъ какъ знала,

что сердцу дочери была нанесена рана той же рукой, которая отстранила ее со своего пути. Но натуры ихъ были чужды одна другой, и онѣ говорили на разныхъ языкахъ. Мими гордо и молча перестрадала свое горе и отошла отъ Михаила, сохранивъ въ сердцѣ всю нѣжность, всю глубину нетронутаго чувства. Для нея Михаилъ—папа Мишель—какъ она теперь шутливо называла его, остался на той же чистой высотѣ, на которой онъ стоялъ съ первыхъ годовъ ея дѣтства. Какъ раньше, такъ и теперь, она восхищалась всѣмъ, что бы онъ ни дѣлалъ, что бы ни говорилъ. Прежде она изливала передъ нимъ эти восторги, цѣловала его руки, заглядывала ему въ глаза, называла его нѣжными именами, чувствовала себя счастливой въ лучахъ его яркаго солнца, теперь она молчала и только въ ея глазахъ, всегда ласково, любовно устремленныхъ на него, онъ могъ бы прочесть то, что оставалось цѣльнымъ и нетронутымъ въ ея сердцѣ.

Мими молчала. Ей тяжелы былъ ссоры съ матерью, и она прекращала ихъ молчаніемъ, въ которомъ чувствовалась душевная боль.

— Никто изъ васъ не хочетъ или не можетъ вникнуть, какимъ холодомъ жизни я окружена,—продолжала Натали, двигаясь по комнатѣ и останавливаясь то у туалета, то у окна, то у маленькаго рабочаго столика.

Она безсознательнымъ, нервнымъ движеніемъ дотрагивалась похолодѣвшими пальцами то до одного, то до другого попадающагося ей подъ руку предмета и переставляла его съ мѣста на мѣсто.

— Ты живешь съ отцомъ, который, какъ я слышала, теперь обожаетъ и балуетъ тебя; Мари живетъ только мыслью о тебѣ и о племянникѣ; Борисъ всецѣло ушелъ въ кутежи и въ любовь, я же одна, одна

въ этомъ большомъ домѣ, одна съ моей тоской, съ моими мыслями...

Натали схватилась за голову и съ громкимъ вздохомъ подняла глаза къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели.

— Мама милая... если тебѣ такъ невыносимо быть здѣсь одной, хочешь я переѣду къ тебѣ?.. Я переговорю съ папа́...—нерѣшительно, съ легкимъ колебаньемъ предложила Мими.

— Ахъ, къ чему это?! Чѣмъ ты поможешь мнѣ? Не надо, не надо...

Въ эту минуту послышались издали тяжелые, неровные шаги и громкій отрывистый голосъ. Натали стремительно бросилась къ двери.

— Какъ во-время... Какая мнѣ радость... мой добрый утѣшитель и другъ! Сюда, иди сюда; здѣсь у меня все убрано и уютно.

Натали вводила въ спальню страннаго человѣка, видъ котораго не гармонировалъ ни со всей окружающей обстановкой, ни съ тѣми, кто были въ ней. Слегка подгибая на ходу колѣни и волоча каблуками по полу, вошелъ и остановился у порога мужикъ, одѣтый въ синюю поддевку поверхъ голубой шелковой косоворотки, подпоясанной бѣлымъ толстымъ шнуромъ съ кистями. Острымъ взглядомъ близко къ самой переносицѣ поставленныхъ глазъ онъ впился въ Мими и молча, на нѣсколько секундъ, замеръ на мѣстѣ. Мими выдержала этотъ упорный, наглый и лукавый взглядъ. Слегка дрогнули и сжались ея темныя густыя брови, образовавъ складку вдоль лба.

— Дѣвица аль замужняя?—отрывисто спросилъ Лука, не отрывая взгляда.

— Это моя дочь Мими. Молодая совсѣмъ, а ужъ

успѣла овдовѣть,—поспѣшно отвѣтила Натали, видя, что дочь молчитъ.

— Вдова значитъ. Живешь по-Божески?.. Чистоту блюдешь?.. Смиренна, а горда!.. Изгони сатану гордыни, и онъ падетъ къ ногамъ твоимъ... Хоша сердце доброе, а гордость женска непомѣрная...

Лука не сводилъ глазъ съ Мими, и въ его неподвижно устремленномъ на нее взглядѣ что-то дрожало мелкой, дробной дрожью.

— Мама, мнѣ пора ѣхать.

Мими небрежнымъ движеніемъ отвернулась отъ Луки и подошла къ туалету, гдѣ лежала ея шляпка. Она быстро ее надѣла, привычнымъ жестомъ поправила разметавшіяся кольца завитковъ, поцѣловала мать и рѣшительнымъ шагомъ направилась къ двери, у порога которой стоялъ Лука, загораживая дорогу.

— Посторонитесь, пожалуйста, — твердо проговорила Мими и, не взглянувъ на Луку, быстро вышла изъ комнаты.

Лука дурачливо хихикнулъ, короткимъ жестомъ махнулъ передъ лицомъ рукой и вошелъ въ комнату.

— Садись, мой добрый другъ, сюда вотъ, на диванъ. Вотъ такъ—поудобнѣе. Сейчасъ намъ сюда дадутъ чаю,—суетилась Натали, усаживая гостя.

— Не, не, чаю не хочу. Ты не хлопочи. Садись сюда поближе. Руку дай. Ну, здравствуй.

Лука потянулся къ Натали, и они трижды поцѣловались, перекидывая голову справа налѣво, какъ это дѣлаютъ христосуясь.

— Ну говори, ну разсказывай, а я послушаю и на тебя погляжу.

Лука говорилъ, обрывая слова и сильно упирая на о.

— Что на меня глядѣть, отецъ Лука, я еще больше постарѣла отъ гнетущихъ меня мыслей.

— А ты не раболѣпствуй передъ мыслями-то своими... мысли гони, а Богу молись.

— Я должна исповѣдываться передъ тобой, отецъ Лука, я должна раскрыть тебѣ всѣ мои помыслы. Я знаю, ты поймешь меня и поможешь мнѣ.

— Облегчи душу твою, милая моя... говори, какъ на духу... А эта дочь твоя у тебя живетъ, али сама по себѣ?—неожиданно спросилъ Лука, и глаза блеснули лукавствомъ и странной мелкой дрожью, составляющей особенность его взгляда.

Долго сидѣлъ Лука, выслушивая длинныя тягучія жалобы Натали на свою горькую судьбу. Отвлекаясь и думая о постороннемъ, онъ почти безостановочно поглаживалъ руки и плечи Натали, говорилъ ей ничего не значащія, безсвязныя фразы, которыя ее успокаивали и вмѣстѣ съ этимъ поглаживаніемъ смиряли накипѣвшую въ ней желчь и раздраженье.

II.

Разбитый параличомъ на обѣ ноги, князь Алексѣй Васильевичъ сидѣлъ въ своемъ большомъ кожаномъ креслѣ на двухъ колесахъ и, надѣвъ двѣ пары пенснэ на большой, слегка горбатый носъ, читалъ утреннюю газету. Сѣдой какъ лунь, но красиво сохранившійся, несмотря на свою болѣзнь, онъ при взглядѣ на него рождалъ мысли о свѣжей, хорошей и красивой старости. Элегантный и опрятный, съ блѣдными выхоленными руками, съ сѣдыми на стороны расчесанными баками и пробритымъ, круто выступающимъ подбородкомъ, онъ былъ теперь только милой привѣтливой тѣнью былого bon-vivant, покорно и стойко переносящаго тяжелый недугъ. Длинныя и худыя ноги, обернутыя въ пушистый плэдъ, были протянуты въ непо-

движномъ и безжизненномъ покоѣ. Все было по старому въ большомъ свѣтломъ кабинетѣ съ громадными зеркальными окнами; только изъ сосѣдней комнаты— его спальни не доносился, какъ въ былое время, пискъ, крошечныхъ щенятъ. Князь только что отзавтракалъ, и слуга прикатилъ его изъ столовой въ кабинетъ. Прикованный къ мѣсту, князь все-таки не оставался одинокимъ; свѣтъ помнилъ и любилъ его, и каждый день его навѣщали многочисленные друзья, знакомые и родственники. Съ переѣздомъ въ его домъ Михаила онъ почувствовалъ рядомъ съ собой былую атмосферу кутежей и женщинъ и еще больше подбодрился.

— Князь Борисъ Алексѣевичъ,—доложилъ лакей, приподымая портьеру.

— Проси, проси.

Князь Алексѣй отложилъ газету и сталъ снимать одно за другимъ пенснэ, укладывая ихъ въ разные футляры. Нащупавъ слегка дрожащими пальцами широкій черный шелковый шнурокъ, висѣвшій на груди, онъ сдѣлалъ ловкое, быстрое движеніе и одноглазка, будто сама по себѣ, плотно встала на мѣсто, придавъ то особенное свѣтски-изысканное выраженіе, которое придаетъ монокль нѣкоторымъ лицамъ. Черезъ нѣсколько секундъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги со звономъ шпоръ. Держа въ лѣвой рукѣ передъ собой фуражку и стягивая съ правой занятой руки бѣлую замшевую перчатку, бодрой, не по лѣтамъ легкой походкой, вошелъ князь Бибишъ.

— Ah, quelle surprise! А мы только вчера о тебѣ вспоминали вмѣстѣ съ Мишелемъ. Опять помолодѣлъ! Садись, садись сюда поближе.

Князь Алексѣй дружески расцѣловался со своимъ однополчаниномъ, бывшимъ на много лѣтъ моложе его, но по традиціямъ полка обращавшимся къ нему на ты.

— Вчера пріѣхалъ и пробуду здѣсь недолго. Жена захотѣла школу строить и надо уладить кое-какія осложненія. Какъ видишь, я сбѣжалъ изъ деревни въ самое горячее время осеннихъ подсчетовъ.

— Вотъ ужъ я не предполагалъ въ тебѣ такихъ качествъ: tu maintiens d'être un mari fidèle et un vrai помѣщикъ.

— Что касается до mari fidèle—ça va encore, но помѣщикъ я плохой; Алина гораздо больше понимаетъ и вникаетъ въ хозяйство.

— Твоя жена все такъ же красива и стильна?

— Да, она не старѣетъ. Удивительная у нея организація.

— И ты спокоенъ и счастливъ?

— Каюсь,—шутливо пожимая плечами, отвѣчалъ князь Бибишъ.

— Въ этой лоттереѣ брака ты вытянулъ счастливый жребій, не то, что большая часть изъ всѣхъ насъ.

— Это такъ, но сколько лѣтъ мы узнавали другъ друга, предоставляя полную взаимную свободу.

— Какъ бы тамъ ни было, а ты у пристани и вдвоемъ, а мы съ Мишелемъ и безъ пристани и въ одиночествѣ. Я, впрочемъ, жаловаться не могу: j'ai eu ma part de bonheur, а вотъ Мишеля жаль: всѣ женщины отъ него безъ ума, и ни одна не дала ему полнаго и большого счастья.

— A propos des femmes: отгадай, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней въ Парижѣ чей голосъ я слышалъ за стѣной моей спальни въ Grand Hôtel'ѣ? Вернулся какъ-то поздно съ угаромъ послѣ вина; раздѣваюсь и слышу чей-то знакомый, но до того знакомый голосъ... Прислушиваюсь: нѣтъ не могу припомнить, а вѣдь знаю, знаю навѣрное. Такъ и заснулъ, не припомнивъ. Утромъ просыпаюсь, слышу

за стѣной—ссора, да какая! «Мерзавецъ, подлецъ, свинья...» Такъ и сыплетъ женскій голосъ, низкій, грудной. У меня, признаюсь, и сонъ сразу прошелъ. Кто-жъ это, думаю, изъ нашихъ томныхъ дамъ такіе аллюры пріобрѣтаетъ въ Парижѣ? А она еще хуже. Такія словца отпускаетъ, что я лежу и прыскаю отъ смѣха. Мужской голосъ возражаетъ флегматично и неохотно, а она comme une vraie machine á gros mots, каждое слово сыплетъ четко, будто жемчугомъ подаритъ... ха-ха-ха!

Князь Бибишъ сочно и звонко захохоталъ.

— Et bien, mon vieux, tu m'intrigues. Что же дальше?—съ интересомъ, улыбаясь веселымъ воспоминаніямъ князя Бибишъ, произнесъ князь Алексѣй.

— А дальше? Дальше, я слышу, она и совсѣмъ во вкусъ вошла: «ты воображаешь, кричитъ, что для твоего красиваго рыла я такъ и буду швырять тысячи? Это еще увидимъ!... Я не какая-нибудь «какотка», меня Петербургъ на рукахъ носилъ... подавай мои чулки, болванъ толсторожій... куда ты ихъ задѣлъ?!» И тутъ она выпалила...

Князь Бибишъ нагнулся къ уху князя Алексѣя и сказалъ что-то такое, отъ чего старикъ, откинувъ голову назадъ, разразилзя громкимъ заразительнымъ смѣхомъ.

— C'est impayable... C'est impayble!..—повторялъ онъ, продолжая все громче и заразительнѣе хохотать.

Плотное, упитанное тѣло князя Бибишъ тоже содрогалось отъ безудержнаго смѣха. Онъ досталъ свѣжій, надушенный носовой платокъ и вытеръ навернувшіяся отъ смѣха слезы.

— Кто-жъ это былъ?—спросилъ, успокоившись отъ хохота, князь Алексѣй.

— Comemnt, tu ne dévines pas?..

— Какъ?! Неужели Машенька?...

— Она самая! Потомъ я встрѣтилъ ее въ коридорѣ. Chic épatant! Несетъ голову какъ королева. Что за поступь, что за движенья! Но я, какъ вспомнилъ игривость ея рѣчи, чуть ей въ лицо не прыснулъ отъ смѣха.

— Ахъ, Машенька, Машенька! Всегда была бѣдовая... Какъ кипятокъ закипитъ, если разсердится,— добродушно и ласково говорилъ князь, любовно переносясь въ былые годы своей рабской привязанности.

— Да ужъ, Машенька!—посмѣивался князь Бибишъ.—Несмотря на долгую жизнь за границей, русскій языкъ видимо помнитъ хорошо. Этакую штуку отколола!

— И со всѣмъ этимъ, mon cher, она обворожительна... Ее надо было знать, какъ зналъ я. Этотъ огонь, эта страстность во всемъ... Ни одной женщинѣ—а ихъ не мало было въ моей жизни—я не цѣловалъ ножки съ такимъ благоговѣніемъ, какъ ей. Эти маленькія, капризныя, властныя ножки!... Милой, изящной, красивой женщинѣ я всегда все прощалъ. Вѣдь ты со мной согласенъ? Nous sommes de la vieille école...

— А вотъ надо спросить Мишеля,—подымаясь навстрѣчу входившему Гуракину, проговорилъ князь Бибишъ.

— Кого я вижу? Ваше сіятельство!... Одинъ или съ женой?—крѣпко обнимая князя Бибишъ, спросилъ Гуракинъ.

— Соло и ненадолго.

— Ну, значитъ, и кутнемъ. Тащу тебя вечеромъ

къ Жердинымъ на бриджъ, а оттуда теплой компаніей въ кабакъ къ Медвѣдю.

— А я тутъ безъ тебя такъ хохоталъ, что у меня подъ ложечкой заболѣло. Бибишъ разсказывалъ мнѣ Машенькины bons mots.

Князь Алексѣй заставилъ еще разъ повторить всю слышанную имъ исторію, и опять они хохотали, причемъ раскатистый и густой смѣхъ Гуракина далеко разносился по большимъ комнатамъ княжескаго дома.

III.

Къ Жердинымъ на бриджъ князь Бибишъ ѣхать не захотѣлъ, а потому было рѣшено ѣхать обѣдать къ Медвѣдю, вызвавъ туда Чагина и извѣстнаго столицѣ кутилу и скандалиста Алешку Ивикова, служившаго въ гусарахъ, пропустившаго два собственныхъ крупныхъ состоянія и съ такимъ же успѣхомъ спускавшаго теперь состояніе жены.

Князь Бибишъ, Чагинъ и Алешка Ивиковъ ужъ съ четверть часа сидѣли за небольшимъ столомъ ресторана, осмотрѣли всю публику, заказали закуску, а Гуракина все еще не было. Татаринъ лакей съ блестящей розоватой лысиной, мягко улыбающимся ртомъ, сутулой спиной и выраженьемъ на лицѣ полнаго пониманія, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и какъ это дѣло надо умѣть дѣлать тонко и весело, нѣсколько разъ, неслышно ступая по ковру, заглядывалъ въ прихожую, подходилъ къ ожидавшимъ и, вытаскивая и вновь подхватывая подъ мышку салфетку, съ выраженіемъ почтенія и въ то же время легкаго укора по адресу запоздавшаго, докладывалъ,

что «не ѣдутъ-съ, запоздали». Всѣ лакеи, мальчишки и даже повара знали Гуакина, любили и уважали его. Они считали его какъ бы неотъемлемой принадлежностью ресторана. Счеты съ нимъ велись особо: записывались метръ-д'отелемъ и отъ времени до времени посылались ему на квартиру. Гуракинъ зналъ, что со счетами мошенничали, но никогда не провѣрялъ ихъ и никогда не погашалъ всего долга. Румынскій оркестръ оживалъ, когда въ концѣ зала показывалась его величественная фигура съ излюбленной компаніей. Музыканты охотно и лихо исполняли заказанные имъ номера, зная, что имъ будетъ послано шампанское или деньги. Подачки, сыпавшіяся десятками рублей, гнули лакейскія спины, но любила его вся администрація ресторана не за однѣ деньги, а за неподражаемый, безсознательный престижъ барства, прекрасно уживавшійся съ простотой отношеній къ низшимъ себя. Каждый лакей инстинктивно чувствовалъ, что хотя Гуракинъ, подобно многимъ другимъ, подзывалъ его къ себѣ небрежнымъ движеніемъ большого пальца, говорилъ ему: «экая ты, братъ, скотина»! или еще хуже, но для него онъ все же былъ не только лакей, но и человѣкъ; что отставленный отъ мѣста, если онъ приходилъ за помощью къ Гуракину, тотъ не только пристраивалъ его куданибудь, но охотно давалъ еще и денегъ, если тотъ у него просилъ.

Только что Чагинъ собирался идти къ телефону, какъ въ концѣ зала показалась мощная фигура Гуракина. Онъ шелъ лѣнивой походкой, слегка закинувъ голову назадъ и глядя прямо передъ собой. Лицо его было хмуро и надменно. Онъ едва взглянулъ на давно знакомаго лакея-татарина, ловкимъ округлымъ жестомъ отодвинувшаго ему стулъ и смахнувшаго

салфеткой воображаемую пыль на только что постланной свѣжей скатерти стола.

— Ты что же такъ запоздалъ? Мы проголодались. Александръ Александровичъ хотѣлъ уже телефонировать тебѣ,—говорилъ князь Бибишъ, пожимая руку Гуракина и съ удовольствіемъ предвкушая близость вкуснаго и дорогого обѣда.

Гуракинъ молча пожалъ товарищамъ руки и разсѣянно взялъ подсунутую лакеемъ карточку винъ.

— Что-нибудь случилось? As-tu des ennuis?—спросилъ Чагинъ, прекрасно знавшій Гуракина.

Михаилъ поднялъ глаза на Чагина и, думая что-то свое, нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него отсутствующими глазами. Потомъ вздохнулъ, провелъ рукой вдоль лба, поморщился и швырнулъ карточку винъ мимо стола. Лакей стремительно ее поднялъ. Онъ налилъ себѣ большую рюмку коньяку и принялся за закуску. Налилъ вторую, третью и вдругъ улыбнулся неожиданной насмѣшливой улыбкой.

— Отгадайте, какую каверзу изобрѣла моя достопочтенная супруга?—спросилъ онъ, откидываясь на спинку стула.—Держу пари, Саша, что даже ты, хорошо и давно ее знающій, не отгадаешь... До мозга костей подлая баба! Умерла бы, такъ и съ того свѣта не оставила бы меня въ покоѣ эта старая карга.. Прислала ко мнѣ часъ тому назадъ своего мерзавца жида съ офиціальными требованіями уплаты ей тѣхъ долговъ, которые она яко бы въ пылу великодушія уплатила за меня. Эта анафема жидовская крутилъ-крутилъ хвостомъ и, наконецъ, далъ мнѣ понять, что если я водворюсь въ аппартаментахъ моей законной вѣдьмы, то дѣло можно будетъ уладить, въ противномъ случаѣ она, заботясь о благосостояніи сына, не считаетъ нужнымъ расточать капиталъ,

такъ сказать, чужому человѣку. Я просто ротъ разинулъ. Это что же, говорю, за штуки такія? Кто васъ тогда тянулъ уплачивать мои векселя, а теперь, когда прошло нѣсколько лѣтъ, и я о нихъ и думать забылъ, вы опять весь этотъ хламъ ворошите, чтобы васъ чортъ подралъ!... Крутился и такъ и этакъ подлый жидъ.—Вашему превосходительству, говоритъ, неудобно-съ въ званіи шталмейстера затѣвать скандалъ. Весь Петербургъ узнаетъ-съ.—Ахъ ты, жидовская рожа, говорю, такъ ты помни и передай Натальѣ Георгіевнѣ, что именно потому, что я шталмейстеръ, а не кухмейстеръ, я не продаюсь и никакими калачами она меня къ себѣ не заманитъ; съ тобой говорить по этому дѣлу не желаю, а коли сунешься еще разъ, то морду набью такъ, что до гроба помнить будешь.

— Здорово, братъ! Тутъ-то и надо было насыпать ему хорошенько. Соловья баснями не кормятъ,—отозвался Алешка Ивиковъ, опрокидывая въ ротъ рюмку коньяку, морщась и заѣдая балыкомъ.

Чагинъ пересталъ ѣсть, снялъ пенснэ, протеръ его носовымъ платкомъ, опять надѣлъ — что было признакомъ душевнаго волненія — и посмотрѣлъ на Михаила не то смущеннымъ, не то печальнымъ взглядомъ:

— Нѣтъ, этого я никакъ не ожидалъ отъ Натали. Все что угодно, но не это.

— А я отъ нея всегда ожидалъ именно такого сорта поступковъ, а никакихъ иныхъ. Мстительная и подлая натура! Чортъ знаетъ, что тамъ разводитъ съ этимъ развратнымъ бабникомъ Лукой и, видно, во вкусъ вошла: супругъ понадобился старой чертовкѣ... За деньги купить надумала...

У Михаила гнѣвно горѣли глаза, онъ былъ сильно возбужденъ, большими, жадными глотками пилъ шампанское и мало ѣлъ.

— А я, знаешь ли, Мишель, увѣренъ, что это дѣло рукъ управляющаго. Не разсчитываетъ ли онъ тутъ на какой-нибудь куртажъ съ твоей стороны... Это слѣдовало бы поразузнать и обсудить.

— Нѣтъ, скажите вы мнѣ, чего она отъ меня хочетъ?—продолжалъ Гуракинъ, не слушая Чагина.— Цѣлую жизнь терпѣлъ, освободился наконецъ—ушелъ, ничего отъ нея не требуя, кромѣ того, чтобы она забыла о моемъ существованіи,—нѣтъ-таки! Нашла способъ прицѣпиться...

— Ты не горячись и не порти себѣ кровь. Если хочешь, я поѣду къ Натали, переговорю съ ней и попробую ее урезонить, проговорилъ Чагинъ, успокоительно кладя руку на обшлагъ Михаила.

— Сдѣлай милость. Вѣдь это же чортъ знаетъ что такое!...

Гнѣвъ Михаила сталъ мало-по-малу утихать, и вскорѣ онъ уже безпечно смѣялся, слушая скабрезные анекдоты, которые Ивиковъ былъ большой мастеръ разсказывать. Бесѣда затянулась. Подали третью бутылку замороженнаго шампанскаго. Публики, пріѣхавшей обѣдать, стало убывать. Въ залѣ наступило кратковременное затишье, когда остаются немногіе, засидѣвшіеся отъ обѣда, а ужинающая публика еще не начала съѣзжаться.

Ивиковъ простился съ товарищами и уѣхалъ въ балетъ.

Князь Бибишъ—помѣщикъ того же уѣзда, въ которомъ было имѣніе Чагина, излагалъ свои взгляды на недочеты земства. Чагинъ мягко и опредѣленно съ нимъ не соглашался. Князь Бибишъ, слегка по-

догрѣтый виномъ, горячился и призывалъ взглядами къ поддержкѣ своего мнѣнія Гуракина; но тотъ, отодвинувъ стулъ и откинувшись на спинку, курилъ сигару и внимательно слушалъ оркестръ, съ большимъ подъемомъ выполнявшій заказанный ему Гуракинымъ номеръ послѣ того, какъ имъ были высланы двѣ бутылки шампанскаго.

Окидывая взглядомъ пустѣющій залъ, Гуракинъ замѣтилъ за колоннами въ противоположномъ концѣ тучнаго господина съ тройнымъ подбородкомъ, отвислымъ животомъ и громаднымъ широкимъ тазомъ, Съ нимъ были у Гуракина кое-какія финансовыя дѣла; онъ всталъ и неспѣшной походкой направился въ конецъ зала. Подойдя къ колоннамъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ сидящую за столикомъ Бестужеву съ незнакомымъ ему морскимъ офицеромъ. Днемъ они видѣлись, и Бестужева не говорила, что собирается обѣдать у Медвѣдя.

Слишкомъ избалованный женскимъ вниманіемъ и лаской, Гуракинъ не умѣлъ или не хотѣлъ ревновать и въ тѣхъ случаяхъ, когда усматривалъ серьезныя причины для ревности, онъ давалъ полную свободу и отходилъ, чтобы больше не вернуться.

Бестужева знала это. Увидѣвъ Михаила, слегка смущенная, она знаками подозвала его, познакомила съ морякомъ—пріѣзжимъ, давнишнимъ знакомымъ,—какъ она сейчасъ же прибавила,—и просила его присоединиться къ нимъ, но Гуракинъ отказался, ссылаясь на свою компанію, и прошелъ дальше къ тучному господину—графу Ставскому.

Изъ-за колоннъ ему не было видно, что графъ обѣдалъ не одинъ, и, только подойдя ближе, онъ замѣтилъ рыжую, очень эффектную даму, сидѣвшую противъ графа и со скучающимъ видомъ смотрѣвшую

въ сторону. Гуракинъ хотѣлъ повернуть обратно, но Ставскій его замѣтилъ и съ громкимъ восклицаніемъ всталъ ему навстрѣчу.

— А-а! Очень, очень радъ васъ видѣть. Approchez-donc, je vous presenterai à ma cousine. Madame, permettez-moi de vous présenter le beau charmeur monsieur Gourakine.

Дама вскинула большими карими глазами и привѣтливо улыбнулась.

— Простите, я помѣшалъ вашей бесѣдѣ,—сказалъ Гуракинъ, садясь и съ удовольствіемъ разглядывая оживленное, интересное лицо съ большими свѣтло-карими глазами, переливающими яркими, веселыми искорками.

— Напротивъ, я очень рада познакомиться съ вами. Несмотря на то, что я живу почти всегда за границей и бываю въ Петербургѣ лишь наѣздами, однако мнѣ не разъ приходилось слышать о васъ. Одна дама говорила мнѣ, что вы самый обаятельный мужчина изъ всего Петербурга и что вы рождены Аполлономъ и вакханкой. Согласитесь, что познакомиться съ сыномъ Солнца очень интересно, тѣмъ болѣе, когда сидишь въ обществѣ Лукулла.

Рыжая женщина съ едва уловимой брезгливостью скользнула взглядомъ въ сторону Ставскаго. Его лысая, какъ колѣно, голова, склоненная надъ тарелкой, безъ всякихъ признаковъ шеи прикрѣпленная къ тучному жирному туловищу, съ короткими руками, вызывала въ фантазіи невольное представленіе о поросенкѣ. Толстыя отвислыя губы съ мягкимъ шлепающимъ звукомъ быстро двигались и причмокивали; маленькіе заплывшіе глаза жадно перебѣгали съ тарелки на блюдо и на соусникъ, какъ бы прощупывая каждый кусокъ, прежде чѣмъ его проглотить.

— Ахъ, мой ангелъ, вы же знаете que je suis très terre-à-terre и что поѣсть я люблю, но зато умѣю цѣнить красоту, въ особенности въ образѣ женщины. Вы не можете себѣ представить, Михаилъ Владиміровичъ, что за наслажденіе быть въ обществѣ моей кузины,—говорилъ Ставскій между глотками и не спуская глазъ съ кушаній, подаваемыхъ лакеемъ.— Удивительная, просто удивительная женщина!.. Сюда, братъ, сюда ставь...—перебивалъ онъ самъ себя, обращаясь къ лакею.—Н-да, такъ я вамъ скажу, что моя кузина это!..—онъ поцѣловалъ концы сложенныхъ вмѣстѣ пальцевъ.—Талантъ, красота, грація—elle possède tout pour nous raffoler. Какъ она поетъ! Какая школа!... Нѣтъ, ужъ ты мнѣ, другъ любезный, этого соуса не подсовывай; знаешь, вѣдь, что я его не терплю. Тащи сюда tartarre, да поживѣе... Вы посмотрите только, что за ручки!.. Ангелъ вы мой, дайте ручку поцѣловать...

— Перестаньте, графъ... Кушайте вашу рыбу и не расхваливайте меня. Вы знаете, что я этого терпѣть не могу.

— Ну, не буду, не буду... Не морщите бровки... Наливай ихъ превосходительству,—приказывалъ онъ лакею, принесшему бутылку, завернутую въ салфетку.—Trincons, mes amis, за красавицу кузиночку Софи.

— Нѣтъ, я хочу пить pour la joie de vivre,—подняла свой бокалъ Софи и отрывистомъ веселымъ взглядомъ посмотрѣла въ глаза Михаилу.

Гуракинъ отвѣтилъ ей любующимся, искристымъ взглядомъ и, дотронувшись краемъ бокала до ея бокала, сказалъ:

— Pour la joie de vivre près de vous...

Софи едва уловимымъ, особеннымъ жестомъ чуть

тряхнула головой; тонкая улыбка мелькнула на ея сочныхъ губахъ, и она опустила глаза, скрывая ихъ выраженіе.

— ...Въ душѣ моей растетъ гроза... растетъ бушуя и ликуя...—вполголоса запѣлъ Гуракинъ, вторя искусному и страстному смычку Гулеско.

Софи подняла на Михаила глаза. Онъ смотрѣлъ на нее въ упоръ. Волна непонятной силы, мгновенно рожденной отъ внезапной встрѣчи до этой минуты чуждыхъ другъ другу людей, обдала все существо молодой женщины, и по всему ея тѣлу пробѣжала мелкая, острая дрожь. Она почувствовала, что мѣняется въ лицѣ и, низко нагнувъ голову надъ пальцами, дѣлала видъ, что перебираетъ и разсматриваетъ свои кольца.

— Вчера въ англійскомъ клубѣ кто-то говорилъ мнѣ, что вы продаете вашего рысака?—обратился Ставскій къ Гуракину, плотно набивая ротъ большими упругими листьями салата.

— Нѣтъ, я не продаю. Кто это вамъ говорилъ? Какъ разъ обратное—я хочу второго купить.

— Ахъ, транжиръ, транжиръ!.. Вы не повѣрите, кузина, что это за широкая натура...—обтирая жирный ротъ салфеткой и отдуваясь, обратился Ставскій къ Софи.

— И теперь красавецъ, а что это было двадцать лѣтъ тому назадъ!.. Помню, вхожу въ оперный театръ въ Москвѣ, раскланиваюсь съ генералъ-губернаторской ложей и отъ удивленія ротъ раскрываю: вижу, стоитъ тамъ картина... Ахъ, какъ хорошъ, какъ хорошъ былъ! И что удивительно—никогда ни тѣни фатовства. А какъ поетъ цыганскіе романсы!... Какіе вальсы пишетъ!.. Эй, послушай-ка, милѣйшей,—подозвалъ онъ лакея,—скажи оркестру, чтобы сыгралъ вальсъ ихъ превосходительства.

— Je le dirai moi-même.

Гуракинъ извинился, всталъ и направился къ оркестру. Когда онъ возвращался обратно, его подозвала Бестужева:

— Кто эта красивая дама, съ которй вы сидите?

— Эта кузина графа.

— Провинціалка?

— Она, кажется, живетъ за границей.

— Мы сейчасъ уѣзжаемъ. Я зову къ себѣ чай пить. Пріѣзжайте, мы васъ подождемъ.

Въ голосѣ Бестужевой звучала настойчивая просьба.

— Можетъ быть я пріѣду, но вы меня не ждите.

Гуракинъ поцѣловалъ руку Бестужевой и вернулся къ столику Ставскаго. Оркестръ сыгралъ нѣсколько красивыхъ и мелодичныхъ вальсовъ Гуракина; Бестужева вмѣстѣ съ морякомъ прошла къ выходу, причемъ она искала встрѣтиться съ взглядомъ Михаила, но тотъ былъ такъ поглощенъ разговоромъ съ кузиной графа, что не замѣтилъ ни ея взгляда, ни ея ухода. Чагинъ и князь Бибишъ, не дождавшись Михаила, тоже уѣхали. Ставскій началъ поглядывать на часы и, наконецъ, напомнилъ своей дамѣ, что они должны ѣхать куда-то на вечеръ.

— Мнѣ здѣсь очень хорошо, и я никуда не поѣду,— отвѣтила Софи и сейчасъ же въ устремленномъ на нее взглядѣ Гуракина прочла благодарность.

— C'est impossible, ma cousine, меня тамъ ждетъ партія бриджа, я далъ слово, что пріѣду,—заволновался Ставскій, и его обрюзглое жирное лицо приняло жалобно-брюзжащее выраженіе.

— Да я васъ и не задерживаю, мой блистательный кузенъ,—разсмѣялась Софи,—вы ко мнѣ не пришиты. Если я все-таки захочу пріѣхать на вечеръ, то Михаилъ Владиміровичъ доставитъ меня.

— Да, но что же я тамъ скажу? Вѣдь, я обѣщалъ привезти васъ.

— Что хотите. Да, впрочемъ, вѣдь я васъ знаю: вы всѣмъ по секрету разболтаете, что оставили меня здѣсь съ monsieur Гуракинымъ.

— Ахъ, какая ядовитая женщина! За кого вы меня считаете?

— За извѣстнаго всему Петербургу сплетника, rien que ça.

— Вы начинаете на меня нападать, а потому я дѣйствительно лучше поѣду.

Ставскій уѣхалъ. Гуракинъ и Софи не замѣтили теченія времени и было очень поздно, когда Гуракинъ доставилъ ее въ своемъ автомобилѣ домой.

IV.

Черезъ два дня въ обществѣ заговорили о новомъ увлеченіи Гуракина. Слухи эти дошли до Натали и послѣдней каплей переполнили чашу ея мстительнаго, ревниваго страданія. Связь съ Бестужевой, длившаяся уже много лѣтъ, волновала ее за послѣднее время очень мало, такъ какъ она знала, что Михаилъ охладѣлъ къ ней и не рвалъ отношеній только потому, что ловкая Бестужева умѣла поддерживать ихъ. Узнавъ о новой побѣдѣ мужа, Натали пришла въ ярость. Фактъ новаго романа еще разъ подчеркнулъ, въ какихъ различныхъ условіяхъ къ жизни находился каждый изъ нихъ: въ то время, какъ она, старѣющая и отошедшая отъ жизни, не находила себѣ ни минуты покоя отъ тоски и унынія, онъ продолжалъ срывать розы и пользоваться радостями жизни. Ею овладѣлъ духъ зла и мести. Не получая никакого отвѣта на заявленіе, посланное че-

резъ посредство Моисея Борисовича, Натали, руководимая злобой, написала мужу письмо, въ которомъ указывала срокъ уплаты по векселямъ, грозя въ случаѣ невыполненія обязательствъ предъявить ихъ ко взысканію.

Мими, которой Гуракинъ показалъ письмо, пришла въ сильное негодованіе и сгоряча поѣхала объясняться съ матерью. Натали обрушилась на нее упреками въ потворствѣ порокамъ Михаила.

— Ты говоришь все это, мама, лишь бы сказать мнѣ что-нибудь злое, и я не хочу придавать твоимъ словамъ большого значенія, но я удивляюсь, какъ ты можешь угрожать общественнымъ скандаломъ человѣку, имя котораго сама носишь, твой сынъ и твоя дочь носила.

Мими, всегда уравновѣшенная, была сильно взволнована.

— Oh, je m'en fiche, je m'en fiche de ce que dira le monde, кричала Натали внѣ себя, давая волю нарастающему гнѣву,—je m'en fiche de vous tous. Чаша моего терпѣнія переполнена... Довольно съ меня роли жертвы... Я отомщу ему наконецъ... пусть живетъ нищимъ, пусть узнаетъ горе и тоску, какъ ихъ знаю я... Онъ васъ всѣхъ заразилъ какимъ-то ядомъ... И ты, и Мари, князь Алексѣй, и Чагинъ, и всѣ вы готовы покрывать его распутство и благоговѣть передъ его взбалмошностью. J'en ai assez, assez, assez...

У Натали лицо покрылось красными пятнами, она то садилась, то вставала и дошла до крайнихъ предѣловъ раздраженія. Мими хотѣла урезонить мать ласковыми словами, но Натали замахала на нее руками и велѣла оставить ее въ покоѣ и уѣхать. Послѣ отъѣзда Мими у нея сдѣлался нервный припадокъ и къ ней вызвали врача.

На другой день Чагинъ, заслужившій въ кругу своихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ прозвище миротворца, поѣхалъ къ Натали. Швейцаръ сказалъ, что никого не приказано принимать, однако Чагинъ, пользовавшійся въ семьѣ Гуракиныхъ особымъ правомъ, все-таки велѣлъ о себѣ доложить и былъ принятъ. Натали, полулежа на кушеткѣ, съ блѣднымъ осунувшимся лицомъ, протянула ему сухую горячую руку.

— Вы что-жъ это, Саша, тоже въ качествѣ парламентера явились ко мнѣ?

— Сегодня утромъ я встрѣтилъ вашего эскулапа, и онъ очень мнѣ на васъ жаловался, — говорилъ Чагинъ, пропуская мимо ушей колкій вопросъ и усаживаясь подлѣ кушетки. — Онъ говорилъ мнѣ, что ваши нервы доведены до полнѣйшей анархіи и что вы, вмѣсто того, чтобы успокаивать ихъ, только и дѣлаете, что волнуетесь.

— Конечно, все это легко говорить со стороны... Вся моя жизнь—кипѣнье на медленномъ огнѣ... Удивляюсь, что до сихъ поръ волочу еще ноги. Даже Мими выучилась меня нервировать. Ко мнѣ безжалостны всѣ, ему же—прощается все и даже поощряется.

Натали протянула руку къ столику, гдѣ стоялъ флаконъ съ англійской солью, и чуть было не выронила его.

— Если вы будете, chère Натали, такъ ажитироваться, то лучше я уйду,—сказалъ Чагинъ, замѣтивъ, что у Натали дрожали пальцы.

— Нѣтъ, пожалуйста, оставайтесь; vous me comprenez plus que les autres и съ вами мнѣ легче говорить. Прикройте мнѣ мѣхомъ ноги. Вотъ видите, руки горячія, а ноги какъ ледъ. Je deviens patradue...

Чагинъ бережно укуталъ ей ноги, велѣлъ подать горячаго чаю и мало-по-малу добился того, что Натали немного успокоилась и могла говорить безъ злобнаго раздраженія о своемъ мужѣ. Нащупавъ ея больное мѣсто, Чагинъ говорилъ о Михаилѣ, не защищая его и не беря его сторону. Онъ старался логически доказать, что, идя на семейный скандалъ, она еще болѣе запутаетъ и свои отношенія къ роднымъ, и свою личную жизнь.

— Личная жизнь? Полно, Саша! Да развѣ у меня когда-нибудь была личная жизнь съ Мишелемъ? Одному вамъ я признаюсь, что личную жизнь я имѣла съ Волынскимъ и если не была счастлива съ нимъ, то была покойна. Съ минуты встрѣчи съ Мишелемъ я потеряла свое я, отдавъ ему всѣ мои мысли, желанья, всю мою любовь. Саша, вѣдь вы знаете, какъ я его любила...—со стономъ проговорила Натали.

Чагинъ молчалъ.

— Скажите, развѣ можно было любить больше, чѣмъ любила я? И что же, что же въ награду?!

Чагинъ продолжалъ молчать.

— Развѣ я не права? Развѣ это не такъ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, это не такъ,—вѣско и раздѣльно проговорилъ, наконецъ, Чагинъ.

— Что не такъ? Я васъ не понимаю.

— Вы его не любили никогда. Вы себя и только себя одну любили.

— Mais... mais vous divaguez, Саша... Подумайте, что вы говорите...

Чагинъ взялъ горячую руку Натали и осторожно началъ развертывать передъ ней картину ея жизни съ того момента, какъ она полюбила Гуракина и, вопреки явнаго вреда для его карьеры, вопреки нежеланья его бабки и отца, волю которыхъ онъ глу-

боко уважалъ, вопреки даже своей совѣсти, съ которой она сдѣлала сдѣлку, солгавъ ему и назвавъ его отцомъ ожидаемаго ребенка,—добилась развода и заставила его жениться на себѣ. Чагинъ разсказывалъ ей, какъ Михаилъ страдалъ первое время, чувствуя полную отчужденность Натали отъ всего, что его интересовало и что онъ любилъ.

— Любить кого-нибудь это значитъ стремиться, чтобы любимому существу было хорошо, чтобы наша любовь приносила ему счастіе, то есть добро, а не страданіе. Вы же, chère Натали, всегда думали лишь о томъ, чтобы ваше сердце было счастливо, а ваше сердце требовало, чтобы Мишель никѣмъ и ничѣмъ въ жизни не интересовался, кромѣ вашей личности. Вотъ откуда начался весь расколъ. Если бы у васъ была къ нему настоящая, хорошая любовь, развѣ вы могли бы додуматься до желанья такъ жестоко, такъ постыдно мстить ему, какъ вы это дѣлаете теперь?

Пока Чагинъ говорилъ, Натали ни разу не прервала его. Она полулежала съ закрытыми глазами и только вздрагивавшія вѣки обличали внутреннее волненіе. Когда Чагинъ умолкъ, Натали медленно приподнялась и съ измѣнившимся, страннымъ лицомъ посмотрѣла ему въ глаза:

— Значитъ, выходитъ, что я прожила жизнь, что называется, впустую? Я никого не любила?.. Въ томъ, что кромѣ Мишеля я никого не любила, въ этомъ я сознаюсь, но по-вашему выходитъ, что я и его не любила... Послушайте, Саша, если я иду на семейный скандалъ, то, вѣрьте мнѣ, только я одна знаю, что руководить мной. Вы думаете—месть? Вы вѣрите этому?.. Не то, не то... Я хочу вернуть его, вернуть какимъ бы то ни было способомъ. Онъ не можетъ, я это знаю навѣрное, уплатить мнѣ по этимъ вексе-

лямъ, ему придется говорить со мной, онъ будетъ выискивать способы, и я осторожно наведу его на мысль о примиреніи...

— Что вы затѣяли! Существуетъ ли въ мірѣ такой логическій законъ, который допускалъ бы, чтобы злой, мстительный поступокъ приводилъ къ благимъ результатамъ?! Развѣ я не правъ, что вами всегда и до сихъ поръ руководитъ исключительно мысль о собственномъ счастьѣ?

Натали опять опустила голову на подушку и, горестно сдвинувъ брови, долго молчала, устремивъ взглядъ въ одну точку.

— Прожить всю жизнь впустую!.. Какъ это жутко... Какъ это жестоко... если это такъ.

Больше Натали ничего не сказала, и вскорѣ Чагинъ уѣхалъ. Онъ былъ увѣренъ, что ихъ разговоръ окажетъ свое дѣйствіе: она одумается и не рѣшится подымать судебный процессъ. Однако, онъ ошибся. За нѣсколько дней до срока Моисей Борисовичъ письменно напомнилъ Гуракину, отъ имени его жены, объ ожидаемой уплатѣ по векселямъ. Первый разъ въ жизни Михаилъ почувствовалъ себя въ тискахъ, изъ которыхъ не находилъ выхода. Послѣ визита Моисея Борисовича, возмущенный поступкомъ жены, онъ, однако, былъ увѣренъ, что все это окончится одними переговорами, изъ которыхъ Натали пойметъ, что никакими запугиваніями она не заставитъ его даже на полчаса переступить порога ея дома. Сумма уплоченныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ векселей была такъ велика, что возвратить ее теперь онъ не могъ, тѣмъ болѣе, что съ того времени, какъ они разъѣхались, онъ, не привыкшій ни въ чемъ себѣ отказывать, успѣлъ сдѣлать новые и очень крупные долги. Вторичное напоминаніе о векселяхъ произвело на Гу-

ракина ошеломляющее дѣйствіе. Онъ понялъ, что она доведетъ свое злостное измышленіе до конца. Первый разъ въ жизни онъ потерялъ подъ ногами почву; у него были такіе припадки гнѣва, что докторъ боялся какого-нибудь сквернаго нервнаго явленія. Онъ метался какъ раненый звѣрь, и даже Чагинъ, всегда имѣвшій на него вліяніе, выходилъ совершенно растерянный изъ его кибинета и безпомощно разводилъ руками:

— J'ai peur que ça ne finisse trés mal.

Наконецъ, послѣ необузданной вспышки гнѣва, у Михаила сдѣлался сильнѣйшій сердечный припадокъ, и онъ слегъ. Мари и Мими, перепуганныя и страдающія, все время были подлѣ него.

V.

Насталъ послѣдній день срока уплаты по векселямъ. Послѣ разговора съ Чагинымъ Натали строго приказала не впускать къ себѣ ни Мими, ни Мари, боясь сценъ и просьбъ, которымъ она твердо рѣшила не уступать. Всѣ эти дни она жила въ тревожномъ, нервно-приподнятомъ состояніи. Иногда ей казалось, что она не выдержитъ этого хаоса мыслей, этого напряженнаго ожиданія событій. Одинъ Моисей Борисовичъ со своей холодной, спокойной увѣренностью немного подбодрялъ ее:

— Будьте спокойны, ваше превосходительство,— говорилъ онъ, ехидно улыбаясь, — Михаилъ Владиміровичъ побушуютъ-съ, пошумятъ-съ, а въ концѣ концовъ снизойдутъ и до переговоровъ. Вѣрьтѣ мнѣ, что такъ будетъ. Подождутъ до срока, убѣдятся, что вы не уступаете, и либо сами явятся, либо пришлютъ повѣреннаго.

Увѣренный тонъ Моисея Борисовича успокоительно дѣйствовалъ на Натали, и ей казалось, что управляющій правъ и что другого выхода быть не можетъ. Ночь, предшествовавшую роковому дню, Натали провела абсолютно безъ сна. Перевозбужденный мозгъ рисовалъ ей то однѣ, то другія картины ея дѣлового свиданія съ мужемъ. Она впередъ предугадывала, что онъ скажетъ и что она ему отвѣтитъ, составляла и заучивала цѣлыя фразы, которыя черезъ секунду находила недостаточно убѣдительными... То она видѣла это свиданіе бурнымъ и готовила рѣзкіе, заслуженные упреки мужу, то видѣла его убитымъ и сломаннымъ обстоятельствами, и она протягивала руку примиренія и плакала у него на груди... Мысли смѣнялись вихремъ, голова горѣла; она нѣсколько разъ вставала, ходила по комнатѣ, звонила по телефону въ нижній этажъ къ сыну и съ болью въ сердцѣ слышала одинъ и тотъ же отвѣтъ лакея:

— Борисъ Михайловичъ еще не изволили вернуться.

— Доложи имъ, что я прошу зайти ко мнѣ утромъ пораньше... скажи, что я звонила къ нимъ ночью, что я больна и желаю ихъ видѣть...

Натали съ тоской и сознаніемъ полнаго одиночества вѣшала трубку, и опять начиналась мучительная мозговая работа, какая-то пляска мыслей. Утро застало ее сидящей въ креслѣ съ осунувшимся, сѣрымъ лицомъ и темными кругами вокругъ глазъ. Руки, сухія и горячія, безсильно покоились на колѣняхъ, въ вискахъ стучало, хотѣлось хоть на полчаса забыться и задремать, но нервная система дошла до той точки крайняго перевозбужденія, когда измученное тѣло и мозгъ жаждутъ покоя, а сонъ далеко бѣ-

житъ прочь и ни на минту не хочетъ осѣнить своимъ крыломъ усталую голову.

Въ комнатѣ горничной раньше обыкновеннаго затрещалъ электрическій звонокъ изъ спальни Натали. Она велѣла приготовить себѣ ванну, надѣясь, что это освѣжитъ и подбодритъ ее. Теперь, съ пробуждающимся днемъ и его движеньемъ и шумомъ, мозговая мучительная и назойливая работа прекратилась, и только обрывки фразъ, докучливо и настойчиво, механически задержанные мозгомъ, безсмысленно повтолись не вызывая въ воображеніи ни картинъ, ни образовъ.

«...Вы прожили жизнь, попирая страданье женскаго сердца... попирая страданье женскаго сердца... женскаго сердца... страданье женскаго сердца...»—шептала про себя Натали, машинально расчесывая гребнемъ волосы и не замѣчая, что волосы уже расчесаны и что гребень почти не захватываетъ ихъ. Фраза эта, составленная ночью, была частью длинной тирады, которую она въ воображеніи своемъ говорила мужу. Теперь она все это забыла и машинально шептала безсвязныя слова...—Она осталась одна въ холодной пустынѣ... одна въ холодной пустынѣ...—привязывалась другая докучливая фраза и долбила мозгъ до тѣхъ поръ, пока Натали сознательно дѣлала усиліе. чтобы отогнать ее, но на смѣну этой являлась слѣдующая и такъ, казалось, безъ конца...

Она взяла ванну и велѣла подать себѣ кофе въ спальню. Вмѣстѣ съ кофе подали газеты, журналы и письма, но Натали усталымъ жестомъ отложила ихъ въ сторону, не будучи въ силахъ читать.

— Спуститесь внизъ,—обратилась она къ горничной,—и узнайте, вернулся ли Борисъ Михайловичъ и передалъ ли ему Семенъ, что я его желаю видѣть.

Горничная вернулась съ отвѣтомъ, что Борисъ Михайловичъ вернулись вмѣстѣ съ двумя товарищами, что Семенъ передалъ приказаніе генеральши, но они отвѣтили, что зайдутъ попозже, когда выспятся; что теперь они и оба его товарища спятъ.

Натали подавила вздохъ...

— Она осталась одна въ холодной пустынѣ... одна въ холодной пустынѣ... въ холодной пустынѣ...—зашептали ея губы.

Послѣ кофе Натали приказала никого къ ней не впускать. Она надѣялась, что послѣ ванны ей удастся задремать. Горничная ушла, опустивъ тяжелыя драпировки и закрывъ двери. Кругомъ опять настала тишина, и только шумъ улицы глухо доносился сквозь двойныя рамы громадныхъ оконъ. Откинувъ голову на подушку, Натали неподвижно сидѣла въ креслѣ, закрывъ глаза и силясь заснуть, но въ тишинѣ и бездѣйствіи опять съ той же силой начали рисоваться картины ожидаемаго дня, переплетая возможное съ невозможнымъ, фантазію съ реальной жизнью. Въ такомъ состояніи полубреда прошло довольно много времени. Кто-то осторожно постучалъ въ двери. Натали открыла глаза:

— Войдите. Что надо?—досадливо проговорила она.

— Ваше превосходительство, приказано немедленно передать вамъ.

Горничная несла на серебряномъ подносѣ письмо. Натали издали узнала хорошо знакомый ей конвертъ большого формата толстой англійской бумаги.

— Ждутъ отвѣта?—спросила она, беря письмо дрожащими руками.

— Никакъ нѣтъ.

— Хорошо. Можете идти. Закройте дверь.

У Натали такъ сильно и тревожно билось сердце, что она на нѣсколько минутъ, прижавъ къ нему обѣ руки, оставалась неподвижной, съ прерывающимся дыханьемъ, съ похолодѣвшими руками и ногами. Что онъ ей пишетъ?.. Что проситъ?.. Что она узнаетъ сейчасъ, сію минуту?... Господи, помоги... дай силы...

Натали, роняя съ плечъ мѣховую длинную пелерину, поднялась съ кресла и, чувствуя, какъ дрожатъ и подгибаются ея колѣни, подошла къ письменному столику. Не сразу попадая остріемъ разрѣзного ножа въ уголъ какъ пергаментъ толстого конверта, она вскрыла его и, порывисто дыша, быстро-быстро, сбиваясь и путаясь, стала жадно пробѣгать строки, набросанныя размашистымъ четкимъ почеркомъ.

«Одновременно съ этимъ письмомъ мой повѣренный доставитъ въ вашу контору деньги, которыя сегодня тетя Мари привезла мнѣ отъ себя и отъ Мими. Съ глубочайшимъ презрѣньемъ какъ женщинѣ и человѣку бросаю ихъ вамъ въ лицо. Михаилъ Гуракинъ».

Письмо выпало изъ рукъ. Съ глухимъ стономъ Натали схватилась руками за голову и начала метаться по комнатѣ. Въ бѣломъ фланелевомъ капотѣ съ длиннымъ трэномъ и широкими рукавами, съ непомѣрно открытыми, полными отчаянія глазами, она казалась жуткой тѣнью, застигнутой на землѣ съ восходомъ дня и потерявшей путь къ возврату въ свое подземное царство. Не разсуждая, движимая инстинктомъ, Натали выбѣжала изъ спальни и, продолжая глухо стонать и сжимать голову руками, миновала гостиныя, залу, съ неимовѣрной легкостью и быстротой спустилась по лѣстницѣ и очутилась на половинѣ сына. Она вбѣжала въ его спальню и вдругъ остановилась, какъ вкопаная: въ неубранную комнату съ разбросанными принадлежностями мусжкого туалета, съ

измятой, неприбранною еще постелью, врывались изъ смежной комнаты сквозь полузакрытую дверь и тяжелыя драпирокви стройные, нѣжные звуки Шопеновскаго вальса си-миноръ. Звуки переливались, какъ перлы, катились изъ-подъ пальцевъ по клавишамъ рояля, наполняя воздухъ тонкими кружевными узорами... Первый разъ въ жизни Натали поняла силу звуковъ. Они обступали ее, они вливались въ ея душу, полную отчаянія и скорби, и такими же скорбными волнами заволакивали весь міръ, всю ея жизнь холоднымъ, безпросвѣтнымъ туманомъ одинокаго, никому ненужнаго существованія, полнаго тоски, отчаянія и горькихъ безплодныхъ сожалѣній. Ей казалось, что катятся и переливаются не звуки, а капли слезъ... подступаютъ къ самому ея горлу, душатъ ее, заливаютъ ея мозгъ... Ея слуха коснулся безпечный, веселый смѣхъ сына, и холодъ одиночества еще глубже проникъ въ душу, потрясенную и стоящую надъ бездной смертельнаго отчаянья... а звуки все катились и катились къ ней, переливались и разсыпались, какъ жемчужины неистощимыхъ слезъ...

Ея сухой, остановившійся на одномъ предметѣ взглядъ вдругъ потухъ, какъ будто пелена заволокла его: потомъ онъ вспыхнулъ еще сильнѣе. Отчаяніе, ужасъ и рѣшимость мелькнули какъ молніи... рѣсницы, какъ бобочки, заметались надъ этимъ дикимъ огнемъ безумія. Натали протянула къ ночному столу руку, вздрогнула съ головы до пятъ, взяла маленькій, какъ игрушка, револьверъ и приложила его къ виску. Среди перегоняющихъ другъ друга, падающихъ и разсыпающихся перловъ ворвался сухой, жесткій звукъ разряженнаго револьвера. Натали слабо подалась впередъ, качнулась и мертвая упала навзничь...

VI.

Прошло болѣе полугода. Поѣздъ изъ Берлина, переполненный публикой, медленно подходилъ къ русской границѣ. Въ купэ перваго класса Мими въ траурѣ послѣ смерти матери и Мари Гуракина поспѣшно собирали свой ручной багажъ. Мари имѣла крайне взволнованный видъ. Ея полное лицо было покрыто красными пятнами, она тяжело дышала и сосредоточенно молчала. Мими, съ серьезнымъ лицомъ и сдвинутыми бровями, поглядывала на тетку и, поминутно прижимаясь лбомъ къ стеклу окна и защищая глаза отъ свѣта приставленными къ вискамъ ладонями, зорко всматривалась въ темноту, въ которой медленно, какъ бы насторожившись, подвигался поѣздъ.

— Ну что, не видно?—спрашивала Мари, садясь на диванъ и съ видомъ утомленной, готовой на все покорности, складывая на колѣняхъ руки.

— Нѣтъ, танточка, ничего не видно, темно кругомъ.

— Господи, скорѣе бы доѣхать? Скорѣе бы стать на свою землю,—вздохнула Мари и устала закрыла глаза.

— Подъѣзжаемъ, господа... сейчасъ Вержболово...—объявилъ въ коридорѣ чей-то радостный, громкій голосъ.

Въ купэ сразу всѣ заволновались. Кромѣ Мари и Мими сидѣли еще четыре дамы.

— Славу Богу... Dieu soit loué!—Мари быстро открыла глаза и перекрестилась. Мими опять прильнула къ окну, за которымъ разстилалась все та же темень.

— Однако, огней не видно,—проговорила она и стала надѣвать шляпу.—Тетя милая, вотъ твои пер-

чатки... А гдѣ мой шарфъ?.. Ахъ, надо приготовить паспорта, они, кажется, въ твоей сумочкѣ, танточка. Ну вотъ и все... дай я тебѣ поправлю волосы.

Мими проворно, не суетясь, переложила свой и тетки паспортъ изъ сумочки къ себѣ въ карманъ, поправила выбившуюся изъ-подъ шляпки сѣдую прядь волосъ у Мари, оправила на себѣ вуаль, натянула перчатки, взяла зонтики и съ тревожнымъ чувствомъ нетерпѣнія встала у двери купэ, глядя мимо столпившейся въ коридорѣ публики въ темное окно вагона.

— Что-жъ это какъ мы долго и медленно идемъ?— въ голосѣ Мари опять звучала тревога.

— Сейчасъ, танточка; не будемъ напрасно волноваться; ужъ теперь недолго...—отвѣтила Мими, оборачивая въ сторону тетки озабоченное лицо, которому она тщательно старалась придать беззаботное выраженіе.

Поѣздъ все больше и больше замедлялъ ходъ и наконецъ сталъ. Пассажиры засуетились и спѣшно, толкая и нажимая другъ на друга, выходили на платформу. Кругомъ царила жуткая, непонятная тьма. Только вдали изъ открытой двери погруженнаго въ темноту зданія вокзала ложилась поперекъ платформы неяркая полоса свѣта. Вся платформа была завалена какими-то ящиками, сундуками и багажомъ. Почему-то вся публика, достигшая наконецъ съ такой тревогой ожидавшейся границы, была сдержанна и, безшумно неся въ рукахъ свои чемоданы и саки, направилась къ освѣщеннымъ дверямъ вокзала.

— Чортъ побери, какая темень! Тутъ можно голову разбить объ эти ящики!..—раздался мужской нетерпѣливый возгласъ.

Мари, тяжело дыша, шла почти ощупью. Мими вела ея подъ руку.

— Отчего у васъ такъ темно?—спросила Мари идущаго рядомъ съ ней носильщика.

— Не приказано огней зажигать,—неохотно отвѣтилъ онъ.

— Отчего не приказано?—настаивала Мими.

— Не могу знать.

У пассажировъ паспорта были взяты, но въ ревизіонномъ залѣ никого не оказалось. Публика недоумѣвала, и у всѣхъ начало рости чувство тревоги.

Хотя дверь, ведущая въ залъ ресторана, не была заперта, но вездѣ было темно и пусто. Со всѣхъ сторонъ начали слышаться тревожные вопросы объ отходѣ поѣзда, и никто не получалъ обстоятельнаго отвѣта. Встревоженная публика, переживая страхъ и опасеніе плѣна въ Берлинѣ, едва добившаяся мѣстъ въ прибывшемъ поѣздѣ, жаждавшая успокоенія на своей границѣ, была смущена и озадачена страннымъ видомъ опустѣвшей, погруженной въ тьму станціи. Прибывшій поѣздъ куда-то безшумно отошелъ, и въ теплой вечерней мглѣ все казалось безмолвно и мертво. Только далекое густо-синее небо рѣяло яркими мигающими звѣздами и было безучастно къ тому, что творилось на маленькой, всегда тревожно живущей землѣ.

— Мими, да что же это значитъ? Сколько же времени намъ придется ждать?—растерянно спрашивала Мари.

— Нѣмцы, говорятъ, идутъ сюда...—сказалъ кто-то вѣскимъ, полнымъ значенія тономъ.

— Что вы говорите?! Сюда идутъ?!—у Мари оборвался голосъ, и она схватила Мими за руку.—Mimi,

chère enfant, qu'allons nous devenir?! Я не за себя... я старуха, мнѣ нечего бояться, но ты...

— Танточка, ради Бога будь спокойна. Надо обдумать. Надо у кого-нибудь спросить...—успокаивала Мими, чувствуя въ то же время неопреодолимую, все наростающую тревогу.

— Побудь здѣсь съ вещами, я сейчасъ поищу жандармскаго полковника.

Мари вошла въ ревизіонный залъ, а оттуда внутрь служебныхъ отдѣленій. Въ полутемномъ коридорѣ она столкнулась съ блѣднымъ, не похожимъ на свой всегда увѣренный видъ, жандармскимъ полковникомъ; онъ хорошо зналъ Мими и особенно старался быть любезнымъ съ ней какъ съ дочерью высокопоставленнаго лица.

— Полковникъ, что же это будетъ?—бросилась къ нему Мари.—Гдѣ же поѣздъ? Когда онъ отходитъ?

— Ничего, ничего, сударыня, самъ не знаю... Поѣздъ не въ моемъ вѣдѣніи... Я теряю голову... я далъ три телеграммы, большаго я сдѣлать не могу. Поѣздовъ нѣтъ.

— Но какъ же быть? Я съ дочерью Волынскаго... Не оставаться же здѣсь?!

Полковникъ нервно, криво усмѣхнулся и развелъ руками.

Въ это время раздался странный, глухой гулъ, и затѣмъ что-то бахнуло какъ будто бы совсѣмъ близко отъ станціи. Мари схватилась за грудь и съ нѣмымъ вопросомъ въ расширенныхъ отъ страха глазахъ посмотрѣла на полковника. Тотъ съ жестомъ отчаянія запустилъ руку въ волоса и крѣпко, до боли, сжалъ ихъ. Лицо его стало совсѣмъ блѣдно. Онъ близко наклонился къ Мари и полушопотомъ быстро проговорилъ:

— Одно могу сказать: бѣгите, бѣгите отсюда и какъ можно скорѣе...

— Но какъ? Какъ бѣжать, полковникъ, въ этой темнотѣ? Помогите... похлопочите... разыщите машиниста... мы заплатимъ...

— Не въ томъ дѣло!—нетерпѣливо махнулъ онъ рукой,—паровозовъ нѣтъ. Идите на платформу, я сейчасъ поговорю, сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ... ждите тамъ... Опять, опять, подлецы, жарятъ...

Раздался опять тотъ же глухой, унылый и страшный гулъ, отъ котораго задребезжали стекла. Полковникъ мгновенно исчезъ. Мари бросилась на платформу, гдѣ публика не то въ смятеніи, не то въ изумленіи прислушивалась къ повторяющимся залпамъ орудій. Эти грозные звуки, потрясая ночную тьму, наполняли ее зловѣщими призраками смерти и крови. Всѣ притихли. На всѣхъ лицахъ появилось выраженіе сосредоточеннаго сознанія важности переживаемаго. Не было давки, не слышно было громкихъ возгласовъ. Всѣ сплотились и почувствовали себя братьями. Нѣсколько мужчинъ, негромко переговариваясь о необходимости вытребовать поѣздъ, двинулись по полотну дороги въ сторону, откуда слышались голоса. Они быстро скрылись, точно потонувъ за полосой свѣта, падавшей изъ открытой двери ревизіоннаго зала. Двѣ маленькихъ дѣвочки, въ бѣлыхъ соломенныхъ шляпкахъ и пикейныхъ бѣлыхъ пальто, тихонько плакали, прижавшись къ высокой молодой дамѣ. Мими при каждомъ залпѣ орудій крѣпко сжимала руку тетки и старалась владѣть собой, но лицо ея было блѣдно. Мужчины успокаивали женщинъ и дѣтей и одинъ за другимъ, пройдя свѣтовую полосу, исчезали въ темнотѣ, присоединяясь къ отдаленнымъ, гдѣ-то переговаривающимся голосамъ.

Неожиданно вынырнула фигура плотнаго блондина въ мягкой фетровой шляпѣ.

— Господа, поѣздъ, кажется, будетъ: и паровозъ и машинистъ нашлись.

Въ сосредоточенной тишинѣ его голосъ казался очень громкимъ. Онъ быстро вспрыгнулъ на платформу. Его окружили. Взявъ ручной багажъ, онъ напомнилъ о необходимости достать паспорта, и пассажиры густой толпой поспѣшно направились черезъ ревизіонный залъ. Въ глубинѣ коридора, въ небольшой, слабо освѣщенной комнатѣ, на небольшомъ столѣ въ безпорядкѣ валялись паспорта и какіе-то шнуровыя книги и бумаги. Публика окружила столъ и съ трудомъ стала разыскивать свои книжки. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались подъ столомъ. Мими удалось сейчасъ же найти свой и теткинъ паспортъ, и она поспѣшила къ Мари, дожидавшейся ее на платформѣ.

— Господа, совѣтую слѣдовать за мной.

У края платформы стоялъ блондинъ и зорко всматривался въ неподвижное пространство, окутанное глухой и тревожной тьмой.

— Поѣздъ на второмъ пути и идти далеко. Придется размѣщаться въ темнотѣ: огня не зажгутъ.

Онъ говорилъ торопливо, движенія его были увѣренны, и всѣмъ стало легче, всѣ повѣрили, что поѣздъ будетъ.

Съ ручными саками и чемоданчиками въ рукахъ, пассажиры, въ темнотѣ, осторожно ступая по шпаламъ, торопливо шли колеблющейся, еле-видимой толпой, растянувшейся вдоль полотна дороги.

— ...Господи, только бы добраться какъ-нибудь...— слышались тихіе вздохи.

Густая, черная и неподвижная масса перерѣзала

путь. Это стоялъ длинный рядъ вагоновъ. Кондукторъ, пряча ручной фонарь подъ полой кафтана, промелькнулъ мимо Мими и Мари. Кто-то что-то у него спросилъ.

— Садитесь, господа, авось доѣдемъ...—отвѣтилъ онъ, и въ звукѣ его голоса измученнымъ пассажирамъ почувствовалось что-то бодрящее.

Кто-то изъ вошедшихъ впередъ пассажировъ освѣтилъ карманнымъ электрическимъ фонарикомъ коридоръ вагона, и Мими, ведя Мари подъ руку, разглядѣла купэ съ мягкими диванами. Онѣ вошли, ощупью сложили свой небольшой багажъ и сѣли. Публика размѣщалась, осторожно чиркая спички и попрежнему негромко и сдержанно переговариваясь. Отъ внезапнаго сильнаго залпа орудій задрожали всѣ стекла вагона, чье-то невидимое дитя громко и испуганно заплакало. Мало-по-малу всѣ размѣстились. Мари сняла шляпку, положила ее на колѣни и, крестясь, стала тихо творить молитву. Мими, закрывъ глаза и откинувъ усталую голову на спинку дивана, напряженно прислушивалась къ тому, что дѣлалось тамъ въ темнотѣ за открытымъ окномъ вагона, и въ то же время мысленно перебирала все происшедшее съ головокружительной быстротой за послѣдніе дни. Если бы не зловѣщіе залпы орудій, врывающіеся въ темноту и напоминающіе о безповоротно совершившемся, она готова была бы принять за кошмаръ пережитые два дня, такъ были они необычайны, такъ непохожи на всегдашнюю жизнь. Передъ ея глазами мелькали, какъ на яву, злобныя лица нѣмцевъ на Фридрихсбанхофѣ, ихъ грубая, отрывистая рѣчь, ихъ угрозы и невѣжества. Мрачная враждебная тѣнь лежала на всемъ ихъ пути до самой границы...

Война!.. Отчего? Откуда выплылъ этотъ грозный

призракъ? Какъ могло случиться, что его смертоносное дыханіе заразило ядомъ мелкой злобы и низкой мести народъ вѣковыхъ культурныхъ традицій, народъ великихъ мыслителей, народъ, стоявшій на высотѣ цивилизаціи?.. Опять залпъ.. опять ночная мгла прорѣзалась дикимъ призывомъ къ разрушенію и братоубійству... Боря... и онъ пойдетъ на войну... вѣрно, ужъ идетъ... а папа?..

Мами вздрогнула. Въ свомъ сердцѣ именемъ отца она называла только Гуракина. Для нея онъ неизмѣнно оставался тѣмъ же нѣжно любимымъ отцомъ изъ далекаго свѣтлаго дѣтства.

— Тетя, какъ ты думаешь, Боря еще въ Петербургѣ?

— Я надѣюсь, дружокъ.

— А какъ ты думаешь, что папа?

— То есть въ Петербургѣ ли онъ?

— Нѣтъ, я не про то. Я боюсь, что онъ уйдетъ.

— Я ужъ объ этомъ думала,—вздохнула Мари.

Кто-то, быстро пробѣгая мимо вагона, что-то крикнулъ... «Телеграмма дана...»—донеслось откуда-то издали... Поѣздъ дернулся. Лязгнуло желѣзо цѣпей и колесъ, и медленно, безъ свистковъ и сигналовъ будто нащупавая темноту, онъ плавно тронулся впередъ. Изъ грудей невидимыхъ пассажировъ вырвался вздохъ облегченья. Тихо поплыли мимо открытаго окна темные силуэты водокачки и станціонныхъ строеній, потомъ темнота какъ будто раздвинулась, и синее небо, раскинувшись на далекомъ пространствѣ, усѣянное ярко-мигающими далекими звѣздами, какъ будто бы ниже спустилось надъ землей и заглянуло въ открытыя окна темнаго, бѣгущаго вдоль зеленѣющихъ полей, поѣзда.

VII.

Посланныя съ пути телеграммы не дошли по назначенію, и когда поѣздъ, переполненный измученными пассажирами, подошелъ къ Петербургу, никто не встрѣтилъ Мари и Мими. Мари со страшной головной болью отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ сидячемъ положеніи, съ разбитыми нервами, въ изнеможеніи опустилась на стулъ, дожидаясь автомобиля Волынскаго, который по телефону вызвала Мими. Только что она собиралась выйти посмотрѣть, не подъѣхалъ ли автомобиль, какъ распахнулась дверь и вошелъ Волынскій.

— Боже мой, Боже мой, сколько тревогъ я пережилъ!—воскликнулъ онъ, цѣлуя руку Мари и обнимая Мими.

— Какъ снѣгъ на голову вся эта ужасная катастрофа и мобилизація. Я терялъ голову отъ страха за васъ... Какое счастье, что вы вырвались. И я и Михаилъ Владиміровичъ телеграфировали въ Вержболово,—pas de réponse.

Бережно ведя Мари подъ руку, Волынскій усадилъ ее и Мими въ автомобиль.

— А вашъ багажъ?—спросилъ онъ.

— Все пропало. Мы счастливы, что сами уцѣлѣли. Въ Берлинѣ творится нѣчто не поддающееся описанію.

Мими стала съ жаромъ передавать отцу тѣ сцены грубыхъ и злобныхъ выходокъ нѣмцевъ по отношенію русскихъ путешественниковъ, свидѣтельницами которыхъ онѣ были.

— Кошмаръ... какой-то дикій кошмаръ!—ужасался Волынскій, всматриваясь въ усталое лицо дочери, счастливый ея благополучнымъ возвращеніемъ. Сперва

Мими заѣхала къ Мари и сдала обрадованной компаньонкѣ усталую и разбитую отъ дороги тетку. Компаньонка-англичанка, пожилая, сосредоточенная, педантичная къ своимъ обязанностямъ и очень добрая, уже года три какъ замѣнила при Мари мѣсто миссъ Іонстъ, отошедшей безъ страданій въ другой міръ.

Увѣренная въ хорошемъ уходѣ за теткой, расцѣловавшись наскоро съ миссъ Робинзонъ и пообѣщавъ сообщить по телефону Михаилу объ ихъ пріѣздѣ, Мими поспѣшила внизъ, гдѣ ее въ автомобилѣ ждалъ Волынскій. Несмотря на усталость, она быстро освѣжилась послѣ дороги, позавтракала съ отцомъ и поѣхала къ Гуракину, который, узнавъ объ ихъ возвращеніи, звалъ ее къ себѣ. Мими застала его за завтракомъ. Онъ поднялся ей навстрѣчу и дружески поцѣловалъ въ голову.

— Радъ, очень радъ, что вернулись. Я-таки порядочно струсилъ за обѣихъ васъ,—говорилъ онъ, возвращаясь къ столу и указывая ей мѣсто подлѣ себя.

— Ну, вотъ и война. Что-жъ, поѣдемъ бить нѣмца...

Лицо Гуракина было серьезно. Въ глазахъ, всегда искрящихся безпечнымъ весельемъ, появилось, послѣ катастрофы съ Натали, что-то глубокое и значительное. Нельзя было сказать, чтобы онъ постарѣлъ, но во всей его личности сказывалась какая-то новая опредѣлившаяся мысль, придавщая и звуку его голоса, и его движеніямъ, и его взгляду ту послѣднюю, законченную черту жизни, которая говорила о пережитыхъ въ глубинѣ души, никому невысказанныхъ, страданіяхъ. Казалось, онъ сталъ менѣе замѣчать

всегда толпившихся вокругъ него жадныхъ къ веселью людей и глубже ушелъ въ самого себя.

— Ты озабоченъ, папа?—спросилъ Мими, уловивъ во взглядѣ Михаила сосредоточенность.

— Да, конечно. Завтра вечеромъ уѣзжаетъ Борисъ.

— Какъ, уже?—испуганно воскликнула Мими.

— Вся гвардія тронулась. Нельзя терять ни минуты,—значительно проговорилъ Гуракинъ.—Да, передъ нами сильный и дерзкій врагъ. Россія понимаетъ значеніе этой войны и поднялась, какъ одинъ человѣкъ. Всѣ неурядицы, всѣ волненія, созданныя подпольной иниціативой этихъ же подлыхъ нѣмцевъ, мгновенно прекратились при первомъ слухѣ о войнѣ. Я всегда утверждалъ, что народный духъ Россіи великъ и непосредственъ. Если бы ты видѣла, что это была за картина на Дворцовой площади въ день объявленія войны, когда толпа, какъ одинъ человѣкъ, движимая высокимъ искреннимъ патріотическимъ чувствомъ и любовью къ Родинѣ и Царю, опустилась на колѣни передъ вышедшимъ на балконъ Государемъ. Полное, глубокое, торжественное молчанье, никакихъ возгласовъ, никакихъ рѣчей, никакихъ дешевыхъ эффектовъ. Это была великая историческая минута тѣснаго, сплоченнаго единенія Царя съ его народомъ. Такой народъ не погибнетъ. Я гордъ, что ношу имя этого народа...

Гуракинъ пересталъ ѣсть и смотрѣлъ прямо передъ собой строгими и полными мысли глазами.

Мими слушала, смотрѣла на него, и въ душѣ ея подымалось и росло чувство умиленія и глубокаго уваженія къ этому близкому, дорогому ей человѣку, явившему ей незнакомыя до сихъ поръ стороны своей многогранной души.

— У меня есть большіе виды на тебя, мой другъ,—

заговорилъ Гуракинъ послѣ непродолжительнаго молчанія.—Борисъ уходитъ на войну, домъ остается свободнымъ, и я рѣшилъ устроить въ немъ лазаретъ кроватей на семьдесятъ пять. Конечно, содержаніе и оборудованіе лазарета я беру на себя...

— Пожалуйста, бери и меня въ долю,—перебила Мими.

— Прекрасно. Такъ вотъ, видишь ли, я надѣюсь, что ты захочешь взять на себя роль организаторши и завѣдывающей лазаретомъ, такъ какъ я, конечно, ухожу на войну.

— Ты уходишь?!..—мѣняясь въ лицѣ, тихо проговорила Мими.

— Развѣ ты могла сомнѣваться. Я силенъ и здоровъ и, кажется, не очень еще старъ,—улыбнулся Гуракинъ.

— Да... да, конечно...—что-то обдумывая, машинально отвѣтила Мими.—Послушай, папа, въ такомъ случаѣ относительно лазарета ты обратись къ тетѣ Мари; я увѣрена, что она съ радостью возьмется за его устройство и съ помощью миссъ Робинзонъ поставитъ его на отличную ногу. Если ты уходишь, то и я тоже иду сестрой милосердія... мое мѣсто тамъ.

— Умница... умница...—кладя руку на плечо Мими, взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Михаилъ.—Да, мой дружокъ: наше мѣсто тамъ; я счастливъ и гордъ, что ты это понимаешь.

Онъ смотрѣлъ на Мими тѣмъ глубокимъ и упорнымъ, полнымъ ласки взглядомъ, который былъ однимъ изъ его главныхъ очарованій.

— Мнѣ приходитъ въ голову,—продолжалъ онъ, слегка улыбаясь,—что покойница мама ошиблась и

что ты все-таки моя собственная дочь. Очень ужъ у насъ много общаго съ тобой.

Мими не нашлась, что отвѣтить. Она сняла со своего плеча руку Михаила и тихонько терлась щекой о его ладонь. Ей показались, что опять воскресли далекіе дни ихъ душевнаго единенія и нѣжности.

— Итакъ—allons, enfants de la patrie, le jour de gloire est arrivé...—вполголоса пропѣлъ Михаилъ, шумно отодвигаясь отъ стола.—Я ѣду сейчасъ къ тетѣ Мари, а тебя куда подвезти?

— И я съ тобой поѣду.

Мими не хотѣла разставаться съ Михаиломъ, не хотѣлось нарушать внезапно рожденнаго чувства былой близости.

— Прекрасно, ѣдемъ къ тетѣ Мари и теперь же обсудимъ лазаретный вопросъ.

Черезъ полчаса они входили къ Мари. Освѣженная ванной, успокоенная заботами методичной англичанки, Мари полулежала на диванѣ, прикрывъ ноги плэдомъ, и пила чай изъ флеръ д'оранжа. Сильно постарѣвшая, она такъ напоминала свою мать, что Гуракинъ, пораженный этимъ сходствомъ, остановился на порогѣ комнаты.

— Тетя Мари, мнѣ кажется, что я вижу передъ собой grand'maman... Какъ ты стала на нее похожа!...

— Мишенька, здравствуй, мой милый. Quel bonheur d'être enfin parmi vous tous... Quel couchemar qu'était notre voyage... Садись, садись сюда ближе.

Мари любовно обнимала голову племянника и не могла удержать катившихся изъ глазъ слезъ.

— И Мимиша пріѣхала? Fraîche comme une rose, а я вотъ совсѣмъ расклеилась, состарилась... Ахъ,

Миша, какой ужасъ, quelle calamité que cette guerre. Озвѣрѣли нѣмцы. Помнишь, какъ мама всегда ихъ не любила и спорила съ баронессой Кернъ изъ-за ихъ культуры. Вотъ и права, права была. Вѣдь мы, выѣхавъ изъ Эмса, ночевали въ какомъ-то сараѣ. Ахъ, что это была за ночь!! Загнали насъ туда, поставили часовыхъ, будто каторжники какіе-нибудь. Если бы ты видѣлъ нашего милѣйшаго старика Львова. Онъ съ нами изъ Эмса выѣхалъ. Всегда такой элегантный, tiré à quatre épingles, пахнущій фіалками, и вдругъ— ночь въ сараѣ на пыльной соломѣ. Il était pitoyable, le pauvre vieux.

Мари облегчала сердце и со всѣми подробностями разсказывала племяннику всѣ перипетіи ихъ рискованнаго путешествія, въ которомъ, благодаря счастливой случайности, имъ не пришлось раздѣлить участь многихъ оскорбленныхъ русскихъ путешественниковъ.

Въ открытое окно ворвался отдаленный гулъ толпы.

— Это что такое?—тревожно спросила Мари.

— Навѣрное патріотическая манифестація.

Гуракинъ перегнулся въ окно: издалека медленно подвигалась многотысячная толпа, запрудившая всю улицу. Заглушенный уличными шумами гулъ сталъ яснѣе, и наконецъ послышалось стройное пѣніе національнаго гимна; звуки его все наростали и наростали, пока не выросли въ мощный и единодушный аккордъ, несшійся въ яркомъ солнечномъ днѣ къ голубымъ небесамъ и наполнявшій сердца гражданъ нахлынувшей волной сознательнаго и яркаго подъема.

— Господи, Господи, помоги имъ...—шептала Мари, крестясь уже старческой, какъ у матери, пухлой рурой и роняя слезы.

Мими стояла подлѣ Гуракина, вся вытянувшись, съ поблѣднѣвшимъ взволнованнымъ лицомъ и дрожащими губами. Слезы стояли у нея въ глазахъ. Она подняла взглядъ на Михаила и еле сдержала страстный порывъ броситься ему на шею: онъ стоялъ прямой, высокій и какой-то торжественно строгій. «Вернется ли онъ оттуда?» мелькнула въ умѣ Мими, и вдругъ что-то захолонуло и упало въ сердцѣ. Одно неуловимое мгновеніе, едва коснувшееся сознанія, ей почудилась роковая тѣнь, опустившаяся на его высокій свѣтлый лобъ...

Толпа со знаменами, какъ неудержимый потокъ, все росла, все надвигалась, и уже ясно были слышны слова гимна. Звуковыя волны многотысячной толпы, казалось, охватили, наполнили собою все пространство отъ земли къ небесамъ. Нѣсколько студентовъ, шедшихъ впереди, несли большой портретъ Государя и съ обнаженными головами, со свѣтлыми, вдохновленными лицами, съ глазами, блестящими рѣшимостью и вѣрой въ себя, смотрѣли въ даль, за которой скрывалась близкая и неминуемая участь каждаго изъ этихъ молодыхъ существъ, несшихъ во имя любви къ Родинѣ свой драгоцѣннѣйшій даръ — свою жизнь.

На другой день Мими, Мари, Михаилъ Гуракинъ и большая толпа друзей и знакомыхъ провожали Бориса съ поѣздомъ, отходящимъ въ дѣйствующую армію. Борисъ, въ походной формѣ, красивый, возбужденный и полный вѣры въ себя и во все окружающее, смотрѣлъ радостными, удивленными глазами на печальныя лица тетки и Мими. Онъ былъ увѣренъ, что идетъ на героическій и побѣдный праздникъ и на всемъ и на всѣхъ онъ видѣлъ отпечатокъ счастливыхъ и радостныхъ предзнаменованій.

Благодаря слишкомъ большому различiю въ характерахъ, тѣсной связи между братомъ и сестрой не было. У Мими было привязчивое, глубоко-отзывчивое сердце, тогда какъ Борисъ по натурѣ былъ холоденъ и эгоистиченъ. Однако, въ этотъ часъ разлуки Мими съ тоской смотрѣла на брата,—товарища дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ. Она предвидѣла уже надвигающiйся близкiй часъ такихъ же проводовъ другого, большого, сильнаго человѣка, подъ крыломъ котораго радостно протекало ея дѣтство, отрочество и юность.

Когда раздался второй звонокъ, публика, стоявшая плотными группами подлѣ отъѣзжающихъ, колыхнулась и заволновалась. Молодая женщина, закинувъ нѣжныя руки на шею цвѣтущему кавалергарду, громко рыдала, прижимаясь головой къ его груди. Въ другой группѣ сѣдая, маленькая старушка, роняя слезы изъ выцвѣтшихъ потухшихъ глазъ, смотрѣвшихъ безнадежно скорбнымъ, душу потрясающимъ взглядомъ въ лицо юнаго отрока-офицера, молча крестила дрожащей старческой рукой его курчавую голову. Это молчаливое горе старости, не имѣющей надежды завтрашняго дня, было ужаснѣе и трагичнѣе громгихъ рыданiй молодой, цвѣтущей женщины. Какой-то плотный господинъ съ голубыми глазами и розовыми щеками, пышущiй здоровьемъ и самодовольствомъ, захлебываясь и производя много шума, ударяя себя кулакомъ по крахмальной, топорщившейся манишкѣ, во всеуслышанье заявлялъ о томъ, что онъ готовъ отдать Россiи всѣ свои силы, что онъ готовъ идти рядовымъ и умереть за честь родины. Онъ говорилъ такъ громко, что публика невольно оборачивалась и слушала его.

— Ну, этотъ покричитъ, покричитъ и останется дома,—улыбнулся Гуракинъ.

Раздался третій звонокъ. У всѣхъ что-то дрогнуло въ сердцѣ. Мими крѣпко обняла брата.

— Пиши, пиши, ради Бога, Боренька.

Михаилъ перекрестилъ сына широкимъ крестомъ.

— Съ Богомъ, мой другъ. Скоро свидимся.

Мари тихонько плакала, обнимая и крестя Бориса. Свистокъ. Поѣздъ дрогнулъ... еще минута... и плавно и безшумно сталъ отходить. Сотни взглядовъ силились сквозь слезы запечатлѣть въ своей памяти дорогія черты, удаляющихся въ невѣдомую даль смерти, страданій и крови.

VIII.

За большимъ чайнымъ столомъ сидѣли нѣсколько человѣкъ въ столовой Волынскаго. Мими, похудѣвшая, съ грустными и усталыми глазами, сидѣла подлѣ серебрянаго самовара и разливала чай, передавая чашки лакею. Близко придвинувъ свой стулъ къ Мими, сидѣлъ Чагинъ, на другомъ концѣ стола—Волынскій.

— Уступите мнѣ ваше мѣсто, Мими; увѣряю васъ, что я мастерски умѣю наливать чай,—нагибаясь къ ней, вполголоса говорилъ Чагинъ, стараясь не мѣшать общему разговору.

— Зачѣмъ?—удивленно посмотрѣла на него Мими,—развѣ вы думаете, что я разучилась чай наливать?

— О, нѣтъ! Я только хочу помочь вамъ. У васъ такой усталый видъ. Мнѣ кажется, что вы переутомляетесь.

— Это вѣрно—я немного устала, но не отъ дѣла, а отъ вида этихъ несчастныхъ, страдающихъ людей. Знаете, сегодня къ намъ привезли одного раненаго... Все бедро выворочено. И эти громадные страдающіе глаза!.. Ужасно!

Мими провела рукой по глазамъ, какъ бы силясь отогнать видѣніе.

— А вы слышали, что въ сербскую миссію пришло извѣщеніе, что австрійцы при бомбардировкѣ Бѣлграда разрушили дѣтскій пріютъ, надъ которымъ былъ поднятъ флагъ Краснаго Креста, и снарядами убито болѣе ста дѣтей.

— Это невѣроятно!—съ горечью вздохнула Мими.

— ... Мы являемся теперь свидѣтелями событій, которыя по своей важности и грандіозности не имѣютъ равныхъ въ исторіи,—говорилъ медленнымъ, однотоннымъ голосомъ, съ умными глазами, сѣдой, очень пріятный, съ небольшой бородкой, свѣжій и бодрый старикъ, членъ Государственнаго Совѣта и предводитель дворянства одной изъ значительныхъ губерній. Всю свою жизнь онъ провелъ въ систематичномъ, упорномъ трудѣ, безъ котораго не представлялъ возможности существованія. И теперь, нося въ сердцѣ смертельную тревогу о сынѣ, ушедшемъ на войну, ни на секунду не отрываясь отъ этого страданія, онъ продолжалъ вести свою обычную жизнь, полную многосторонняго труда.

— Для Германіи,—продолжалъ онъ, отпивая изъ стакана чай,—цѣль войны—расчлененіе и уничтоженіе Россіи. Слава Богу, обстоятельства пока складываются въ нашу пользу, духъ войскъ превосходный, фронтъ сраженія въ Восточной Пруссіи растягивается на сорокъ верстъ. Гольдапъ и Арисъ заняты нами. Отступленіе германскаго корпуса имѣло, говорятъ, видъ бѣгства.

— А Брюссель занятъ. Этотъ чудный, очаровательный городъ, говорятъ, разрушенъ нѣмцами-вандалами,—сокрушено качая головой, проговорилъ Во-

лынскій и въ то же время пристально черезъ столъ посмотрѣлъ на поблѣднѣвшее лицо Мими.

Ея печальный, усталый видъ безпокоилъ его.

— Да, Брюссель взятъ, но пройдутъ вѣка, а въ исторіи останется безсмертной память этого легендарно-героическаго маленькаго народа съ великой душой,—говорилъ старикъ съ нависшими сѣдыми бровями и такими же большими усами—богатый помѣщикъ, князь Нѣжинъ, уполномоченный Краснаго Креста; черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ съ лазаретомъ уѣхать въ дѣйствующую армію.

— Дай Богъ,—продолжалъ Нѣжинъ,—чтобы скорѣе прибылъ въ Бельгію англійскій десантъ. Нѣтъ словъ, чтобы достаточно выразить возмущеніе противъ циничнаго нарушенія Германіей ею же самой гарантированнаго нейтралитета Бельгіи.

Старикъ насупилъ сѣдыя брови и сердито сталъ раскуривать папиросу.

— Это циничное нарушеніе нейтралитета я считаю, изволите ли видѣть, вполнѣ обдуманнымъ и преднамѣреннымъ. Германія напала на Россію, Люксембургъ, Бельгію, Францію и Голландію съ цѣлью поддерживать международный разбой Австро-Венгріи.

Членъ Государственнаго Совѣта говорилъ методично и медлительно, дѣлая паузы между словами и четко выговаривая каждый слогъ. Положивъ руки на столъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза собесѣдниковъ; его рѣчь слушали внимательно и цѣнили его мнѣніе.

— Совершенно вѣрно,—горячо подтвердилъ Волынскій,—опираясь на слова Государя, обѣщавшаго довести войну до конца, надо надѣяться, что нравственному чувству мира будутъ даны гарантіи противъ возможности повторенія въ будущемъ подобныхъ международныхъ разбоевъ. Эта война, въ которую

по винѣ Германіи втянута вся Европа, нанесетъ неисчислимый вредъ культурѣ и цивилизаціи, а тѣ пріемы дикаго варварства, съ которыми ее ведетъ Германія, неминуемо поставятъ ее внѣ законовъ международнаго общежитія.

— Да, Вильгельмъ Гогенцоллернъ лично отвѣтственъ за тотъ ужасный океанъ крови, который по его винѣ прольется по всей Европѣ,—задумчиво проговорилъ Чагинъ.

Членъ Государственнаго Совѣта на секунду поникъ головой и подавилъ вздохъ. Представленіе о проливаемой крови вызвало предъ нимъ образъ любимаго сына, и острое, непроизвольное чувство страха за его жизнь сдавило ему сердце.

«... Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Быть можетъ, теперь, именно въ эту минуту, онъ раненъ или... Господи, спаси, Господи, не допусти...»—мысленно, всей душой обратился онъ къ Богу.

— И подумать только, что Вильгельму чуть было не поднесли Нобелевскую премію мира по проискамъ австрійца Фрида,—съ возмущеніемъ въ голосѣ заговорилъ Нѣжинъ, сердито сверкая глазами изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей.—Этотъ человѣкъ недостойно занятналъ честь своего народа и честь и достоинство Монарха наглой ложью, будто бы война вызвана нападеніемъ на Германію. Какая подлость! На-дняхъ мнѣ удалось прочесть текстъ телеграммъ, 17-го, 18-го и 19-го іюля. Телеграммы Вильгельма свидѣтельствуютъ о его маккіавелистичесихъ способностяхъ. Надавивъ всѣ пружины для начала войны, онъ предостерегаетъ нашего Царя въ той отвѣтственности, которую Онъ яко бы беретъ на себя, толкая событія къ нарушенію мира.

— Конечно, говорить можно все, что угодно, но

существуютъ неопровержимые документы, а именно я собственными глазами читалъ докладъ отъ 19-го марта 1913 года, составленный германскимъ штабомъ объ усиленіи германской арміи... Тамъ есть пункты, относящіеся къ Россіи и устраняющіе всякое сомнѣніе относительно якобы роковыхъ стеченій обстоятельствъ или же дипломатическихъ ошибокъ. Документъ этотъ, хотя и былъ облеченъ строжайшей тайной, однако оказался въ распоряженіи французскаго посланника въ Берлинѣ.

Волынскій замолчалъ, съ безпокойствомъ слѣдя за Мими, которой лакей подалъ письмо на серебряномъ подносикѣ. Онъ замѣтилъ, какъ вспыхнула ея лицо, когда она вскрыла конвертъ.

— Rien de mauvais?—спросилъ онъ съ легкимъ безпокойствомъ.

— Au contraire,—поспѣшно отвѣтила Мими,—тетя Мари присылаетъ письмо отъ Бори и телеграмму отъ папы, т.-е. отъ Михаила Владиміровича,—поправилась она и на минутку смутилась.—Послушайте, что пишетъ Боря между прочимъ,—обратилась она ко всѣмъ и весело засмѣялась... «По большой части скучно, иногда страшно и всегда хочется ѣсть и спать!...»

— Разумѣется, это вѣрно и очень характерно сказано,—оживился Нѣжинъ.—На войнѣ, если не стоишь лицомъ къ лицу съ опасностью, то скучно, когда же идешь въ бой, то страшно.

Волынскій поднялся со своего мѣста и вмѣстѣ съ гостями перешелъ въ кабинетъ, гдѣ разговоры продолжались на ту же всѣхъ волнующую тему военныхъ событій. Чагинъ разсказалъ возмутительный эпизодъ грубаго и безчеловѣчнаго отношенія нѣмцевъ къ возвращающимся русскимъ путешественникамъ, оставлявшимъ тысячи въ ихъ курортахъ.

Его пріятель, человѣкъ, занимающій отвѣтственный постъ, камергеръ, былъ задержанъ по дорогѣ, посаженъ въ скотскій вагонъ въ компаніи другихъ русскихъ путешественниковъ, запертъ и послѣ двѣнадцатичасового мучительнаго переѣзда съ ненужными, томительными остановками, препровожденъ въ Ростокъ, гдѣ всѣхъ ихъ въ количествѣ сорока человѣкъ водворили въ зданіе мужской гимназіи, обращенное нынѣ въ тюрьму. Тамъ ихъ помѣстили всѣхъ вмѣстѣ— дамъ и мужчинъ въ одну комнату и продержали такъ одиннадцать дней. Можно себѣ представить весь ужасъ такого положенія. Когда, доведенные до отчаянія, они обратились къ офицеру съ просьбой хотя бы отдѣлить перегородкой дамъ отъ мужчинъ, то культурный представитель военной дисциплины грубо отвѣтилъ, что для русскихъ свиней и это хорошо, такъ какъ у себя въ Россіи они живутъ еще хуже. Послѣ одиннадцати дней такого отчаяннаго положенія ихъ размѣстили врозь. Кормили ихъ хуже, чѣмъ каторжниковъ. Въ ужасномъ наварѣ изъ тухлой говядины вылавливались черви. Вся эта компанія состояла изъ людей интеллигентныхъ, познавшихъ собственнымъ ужаснымъ опытомъ всю глубину культуры германскаго народа.

Мими и вслѣдъ за ней Чагинъ вышли изъ кабинета въ сосѣдній залъ. Большія зеркальныя окна были открыты. Теплая сентябрьская ночь окутала неясными тѣнями гранитъ набережной и Неву. Яркіе огоньки пароходовъ скользили по рѣкѣ. Было тихо, но покоя не вселяла эта теплая ночь въ сердца людей, передъ духовными очами которыхъ стоялъ неотступный призракъ грозной и жестокой войны, затѣянной дикой фантазіей потерявшаго душевное равновѣсіе монарха, теряющаго свою и народную честь въ опьяненіи несуществующей всемірной власти.

Въ залѣ было темно, и только свѣтъ отъ электрическаго фонаря на набережной ложился по паркету матовой широкой полосой. Мими подошла къ открытому окну и задумалась. Чагинъ остановился подлѣ нея, и оба нѣсколько минутъ молчали.

— Грустно, Александръ Александровичъ, тоскливо на душѣ. Скорѣе бы туда ужъ поѣхать!..

— Да, я вижу, что вы тоскуете. Зачѣмъ такое малодушіе, мой другъ, когда необходимо сохранять всю бодрость духа. Смотрите, всѣ Гуракины несутъ на служеніе родинѣ свою любовь, силы и достояніе: Борисъ и Мишель сражаются, вы уходите туда же сестрой милосердія, и даже ваша милая старѣющая тетя, не жалѣя силъ, всю себя отдаетъ лазарету, созданному опять-таки на средства вашей семьи. Вы должны быть горды и счастливы... Я думаю, что ваша тоска—слѣдствіе нервнаго и физическаго переутомленія. Надо немного поберечь себя и отдохнуть, въ особенности въ виду вашего скораго отъѣзда.

Чагинъ говорилъ тихимъ, полнымъ сочувствія голосомъ. Онъ взялъ руку Мими и дружески пожалъ ее. Никто не умѣлъ такъ успокоить, утишить тревогу и тоску, какъ Чагинъ. Мими отвѣтила на его пожатіе и глубоко вздохнула:

— Нѣтъ, Александръ Александровичъ, все это не то. Во мнѣ сидитъ какая-то безпричинная тоска. Что-то подобное я испытывала, правда ненадолго, передъ катастрофой съ мамà. Вы знаете сами, что къ мамà я не была очень глубоко привязана и все-таки я что-то предчувствовала, въ особенности послѣ нашего послѣдняго съ ней свиданія. И вотъ теперь опять эта тоска, но неотвязчивая, какая-то темная и жуткая... Ахъ, Александръ Александровичъ, мнѣ страшно сказать вслухъ то, чего я такъ боюсь... Я

боюсь за него, за папу... въ немъ было, когда онъ уѣзжалъ, что-то странное, что-то новое.

У Мими задрожали губы, и Чагинъ по ея неровному, вздрагивающему дыханію отгадалъ, что она плакала.

— Полно, Мими... Зачѣмъ объяснять именно такъ эту тоску. Я согласенъ съ вами что Мишель былъ не такой, какъ мы привыкли его всегда видѣть. Вы знаете не хуже меня, что у него живая, отзывчивая и очень впечатлительная душа. Онъ всецѣло воспринялъ совершающіяся великія и грозныя событія въ судьбѣ Россіи, и отдался весь служенію ея интересамъ. Онъ безъ малѣйшаго труда, даже безъ усилія воли, отмахнулъ отъ себя личную жизнь. Все его прошедшее и настоящее поглотилось въ идеѣ защиты чести родины. Въ его безшабашности всегда скрывалась цѣльная натура русскаго барства: большая, способная на подвиги душа. И лазаретъ, и дружина, поглотившіе остатки его состоянія—развѣ не подтверждаютъ моихъ словъ?!.. Васъ пугаетъ то новое и строгое, что вы замѣтили въ немъ; но это ничто иное, какъ та сторона души, которая въ обычной жизни была въ тѣни отъ насъ. Онъ и въ васъ вложилъ прекрасныя, высокія качества Гуракинской породы: и вы сильны духомъ и несете смѣло и высоко вашу голову на встрѣчу грозной судьбѣ. Я любуюсь вами, я радуюсь, глядя на васъ, и, видите, не отговариваю васъ идти туда, гдѣ смерть и ужасъ. Въ эту годину тяжелыхъ и, какъ я предвижу, долгихъ испытаній мы должны быть бодры духомъ. Подобно звуковой волнѣ, отъ всѣхъ насъ исходятъ флюиды и тянутся за нашей мыслью туда, къ сражающимся братьямъ. Не уныніе, а бодрость должны мы посылать съ этими флюидами, чтобы поддерживать неразрывный токъ ду-

ховной энергіи не только близкихъ намъ людей, но и всего народа.

— Вы правы, вы всегда правы, мой добрый другъ. Я стряхну съ себя эту тоску, я сдѣлаю такъ, какъ вы говорите.

Мими еще разъ крѣпко пожала руку Чагина и почувствовала приливъ теплаго дружескаго чувства къ неизмѣнному другу всей семьи.

IX.

Послѣ душевныхъ передрягъ, вызванныхъ опаснымъ путешествіемъ изъ Германіи въ Россію, и нервнаго подъема настала реакція, и Мари захворала довольно серьезно. Проводы на войну Бориса и Михаила и вѣчная тревога за ихъ жизнь, приближающаяся разлука съ Мими—все это усиливало нервное состояніе больной, и Мими, несмотря на страстное желаніе идти вслѣдъ Михаилу, отложила свой отъѣздъ, пока тетка не оправится.

Военныя событія быстро развертывались. Вся Россія сплотилась въ одно большое, цѣльное напряженіе воли, рожденное патріотическимъ чувствомъ и сознаніемъ общей отвѣтственности въ исходѣ отечественной войны. Исчезли политическія партіи, распались всякія общества кривляющихся, ищущихъ дешевыхъ подмостковъ людей съ дряблой фантазіей, лишенной этики красоты, всегда мучимыхъ жаждой обращать на себя вниманіе толпы, на какомъ бы уровнѣ развитія она ни стояла. Улеглись вражда и распри. Вся Россія, чуткая и вдумчивая въ моменты объединяющей всѣхъ тревоги и скорби, вздрогнула, перекрестилась и просто и благоговѣйно потекла на великое, историческое поле брани.

Дѣвушки и женщины всѣхъ сословій, всѣхъ ступеней общественнаго положенія съ лихорадочной поспѣшностью проходили курсы, облекались въ одѣянія сестеръ милосердія и съ кротостью и терпѣніемъ врачевали раны изможденныхъ страданіемъ русскихъ героевъ. Вся Россія—отъ дворцовъ до бѣднѣйшихъ хижинъ—слилась въ одно большое, скорбящее сердце...

Къ концу сентября Мари Гуракина стала оправляться, и Мими назначила день своего отъѣзда въ самыхъ первыхъ числахъ октября. Приготовленія ея въ дорогу были несложны. Кромѣ радости достиженія завѣтной цѣли, у Мими была еще и надежда повидать брата и отца, находившихся, по нѣкоторымъ соображеніямъ, приблизительно въ раіонѣ тѣхъ мѣстъ, куда она направлялась.

Больше всѣхъ, казалось, страдалъ Волынскій при мысли о разлукѣ съ дочерью, создавшей ему тепло и красоту домашняго уюта. Онъ волновался при ея сборахъ, находилъ, что она слишкомъ мало беретъ вещей, самъ заказывалъ ея походные чемоданы и среди разговора неожиданно умолкалъ, останавливая на ней грустный взглядъ. Всю жизнь прятавшій въ тайникахъ души свое малѣйшее чувство, носившій маску холодной, непроницаемой корректности, Волынскій, казалось, усталъ подчинять выраженіе любви къ дочери холодной волѣ и окутывалъ ее самой нѣжной заботой.

Мими съ волненіемъ думала о приближающемся днѣ отъѣзда: ее пугали проводы, пугали слезы, которыя прольются изъ-за нея, пугало сознаніе той пустоты, которую она оставитъ въ сердцахъ Волынскаго, Мари и Чагина. Несмотря на приготовленія, день отъѣзда прошелъ какъ во снѣ, благодаря спѣшкѣ и хаосу незаконченныхъ дѣлъ. Вздохъ облегченія вырвался изъ

груди Мими, когда, наконецъ, поѣздъ тронулся, и она, въ костюмѣ сестры милосердія, съ горящими заплаканными глазами, съ лихорадочнымъ румянцемъ отъ переутомленія, опустилась на диванъ купэ и оглянулась вокругъ себя: рядомъ съ ней сидѣла маленькая, сморщенная старушка, худая, блѣдная, въ глубокомъ траурѣ. Двѣ недѣли тому назадъ убили ея старшаго сына, а теперь она ѣхала въ Гродно ко второму сыну, опасно раненому. Горе, глубокое и молчаливое, безъ жалобъ и безъ слезъ, было разлито не только въ каждой чертѣ ея лица, но въ каждомъ движеніи, въ интонаціяхъ тихаго, заглушеннаго внутренними слезами голоса, въ мягкихъ складкахъ чернаго шерстяного платья.

Другая дама, плотная, немолодая и энергичная, съ отцвѣтшимъ, но привлекательнымъ лицомъ, ѣхала въ Бѣлостокъ тоже къ раненому сыну. Она первая заговорила съ Мими и старушкой и всю дорогу поддерживала бодрое настроеніе въ купэ. Въ ея быстрыхъ, короткихъ и крѣпкихъ пальцахъ непрестанно мелькали двѣ длинныя деревянныя спицы вязанья. Съ ловкостью и проворствомъ она доставала чайныя принадлежности изъ вмѣстительнаго погребца и радушно угощала своихъ спутниковъ чаемъ и обильными запасами провизіи. Четвертымъ въ купэ былъ красавецъ казакъ съ черными глазами, подернутыми блестящей влагой, съ бѣлыми ровными, крѣпкими зубами и благороднымъ профилемъ. Онъ возвращался въ армію изъ временной отлучки, чтобы похоронить умершаго въ Петроградѣ старика-отца.

У каждаго ѣхавшаго было свое личное горе и общее—всѣхъ связующее. Темой разговора была только война. На каждой остановкѣ сообщались ѣдущей изъ арміи публикой новыя вѣсти, то тревожныя, то ра-

достныя. Имя Верховнаго Главнокомандующаго повторялось всѣми съ чувствомъ восторга и благодарности. Путешествіе до Варшавы длилось мучительныхъ сорокъ четыре часа. Путь то и дѣло преграждался воинскими поѣздами. Поѣздъ долгими томительными часами стоялъ на станціяхъ, загроможденныхъ поѣздами съ грузомъ и людьми. Взадъ и впередъ сновали озабоченные люди въ тулупахъ, въ военной формѣ; сестры милосердія, съ бѣлыми и черными косынками на головѣ и краснымъ крестомъ на рукѣ или груди, торопливо съ кѣмъ-то переговаривались, о чемъ-то просили и терпѣливо ожидали, сидя на своихъ дорожныхъ чемоданахъ. Желѣзнодорожное начальство выбилось изъ силъ, всѣхъ выслушивая, всѣмъ стараясь помочь. На станціи Вильна быстро всѣхъ облетѣла скорбная вѣсть о кончинѣ юнаго великаго князя, послѣдовавшей отъ смертельной раны. На всѣхъ лицахъ отражалась печаль, всѣмъ было жаль юношу, храбро павшаго отъ пули врага.

На станціяхъ отъ Вильны до Варшавы публика была почти исключительно военная, и чувствовался какой-то тревожно бьющійся пульсъ. Самыя разнорѣчивыя нелѣпыя вѣсти то о нашихъ колоссальныхъ побѣдахъ, то о нашихъ пораженіяхъ передавались налету и въ одно мгновеніе облетали толпу, жадно ловящую каждую вѣсть съ поля брани.

Мими рѣшила остановиться на сутки въ Варшавѣ, чтобы разузнать, гдѣ находится армія, въ которой служили Михаилъ и Борисъ. Видъ вокзала, запруженнаго моремъ движущейся, суетливой, испуганной толпы—поразилъ Мими. Врагъ подошелъ на разстояніе девяти верстъ, и народъ въ паникѣ бѣжалъ изъ города, увозя съ собой все, что было возможно. Тѣ же, кто жилъ подъ Варшавой, бѣжали изъ своихъ

помѣстій въ городъ. Мими, теряющаяся въ этомъ океанѣ перепуганныхъ людей, шагъ за шагомъ, съ ручнымъ багажомъ въ рукахъ, наконецъ протиснулась къ выходу, добилась извозчика и велѣла ѣхать къ гостиницѣ. Улицы города представляли собою совершенно неподдающійся описанію видъ хаоса и смятенія. Тянулись безконечные обозы, бѣжали толпы народа съ перепуганными лицами, нагруженные самой необыкновенной поклажей, пронзительно гудѣли то яркими, то охриплыми звуками военные автомобили, стоялъ сплошной гомонъ толпы и стукъ колесъ. Съ трудомъ удалось извозчику Мими выѣхать на мостъ, сплошь загроможденный безконечными вереницами обозовъ, толпами солдатъ и, вперемежку со всѣмъ этимъ, сѣрымъ людомъ, кричавшимъ, ругающимся или отпускающимъ плоскія, озлобленныя шутки по адресу то обозовъ, то подступающаго врага. На секунду извозчикъ затянулъ лошадь и сталъ что-то объѣзжать; Мими увидала тяжело завалившуюся на бокъ, издыхающую лошадь со впалыми боками и жалко, безсильно вытянутой исхудалой мордой. Отвислыми коченѣющими губами бѣдное животное захватило клокъ сѣна, брошеннаго ей сострадательной рукой въ ея послѣднія минуты жизни.

— Эхъ-ма, болѣзная! Помирать-то гдѣ вздумала?— съ соболѣзнованіемъ раздался чей-то звонкій и бодрый голосъ подлѣ самаго экипажа.

Мими посмотрѣла въ ту сторону: говорилъ румяный молодой солдатъ съ веселыми глазами и беззаботнымъ выраженіемъ лица, несоотвѣтствовавшаго общей картинѣ смятенія и тревоги.

Мими ѣздила отъ гостиницы къ гостиницѣ и нигдѣ не могла найти свободной комнаты. Все было переполнено Она звонила по телефону къ нѣкото-

рымъ знакомымъ и отовсюду получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: «выѣхали».

Наконецъ въ глухомъ переулкѣ, въ захудалой и грязной гостиницѣ, ей удалось добиться маленькой отвратительной комнаты съ подозрительнымъ постельнымъ бѣльемъ, облѣзлыми выцвѣтшими обоями, кривымъ зеркаломъ и затхлымъ, вызывающимъ тошноту запахомъ въ коридорѣ. За баснословно дорогую цѣну она оставила комнату за собой и сейчасъ же поѣхала къ генералъ-губернатору, надѣясь отъ него узнать что-нибудь о мѣстонахожденіи Михаила и брата. Громадная толпа евреевъ осаждала цитадель, добиваясь своихъ документовъ. Это были евреи всѣхъ возрастовъ и положеній. Ихъ измѣнчивыя подвижныя лица выражали подавленность и испугъ. Блѣдные, въ длинныхъ лапсердакахъ, съ пейсами, въ ермолкахъ, съ гортаннымъ говоромъ и угловатыми жестами, они подѣйствовали на Мими подавляюще.

Генералъ-губернаторъ не заставилъ ожидать Мими. Онъ посовѣтовалъ, не теряя ни минуты, выѣзжать изъ Варшавы на Люблинъ, гдѣ въ данный моментъ должна была находиться армія Гуракина. Черезъ полчаса Мими, заѣхавъ за оставленными въ гостиницѣ вещами, подъѣзжала къ другому вокзалу. Уже вечерѣло, и страшная, невообразимая сутолка многотысячной толпы охватила Мими кошмарными ощущеніями. Извозчикъ долженъ былъ остановиться далеко отъ въѣзда къ вокзалу, такъ какъ протиснуться между обозами, автомобилями, каретами Краснаго Креста и извозчичьими пролетками могъ только пѣшеходъ. Съ лихорадочной поспѣшностью, боясь пропустить поѣздъ, Мими, съ развѣвающейся бѣлой косынкой, безстрашно потонула въ хаосѣ людей, экипажей и лошадей. На вокзалѣ она добилась начальника станціи, прося помочь

ей и устроить ее. Начальникъ станціи, привѣтливый и энергичный господинъ, вызвалъ своего помощника и поручилъ ему сдѣлать для «сестрицы» все возможное.

Въ двѣнадцать часовъ ночи, оглушенная шумомъ, крикомъ и давкой, Мими, благодаря любезному отношенію желѣзнодорожной администраціи къ сестрамъ милосердія, очутилась въ вагонѣ. Женщины, мужчины, дѣти, собаки—съ боязнью не попасть въ поѣздъ, стремились въ него, давя и толкая другъ друга. Въ окна бросали саки, корзины, узлы, драпировки, ковры, шкатулки... Все это валилось кучами въ коридорахъ, дѣти пугались и плакали, всѣ кричали, у всѣхъ были растерянныя, возбужденныя лица. Счастливы были тѣ, которые имѣли возможность сидѣть. Большая часть публики стояла непроницаемой толпой въ коридорахъ и на площадкахъ вагона.

Въ восемь часовъ утра поѣздъ остановился на станціи Сѣдлецъ. Опять тысячная толпа, опять сутолока, лихорадочное движеніе и на всѣхъ лицахъ испугъ. Мими съ помощью какого-то военнаго добилась на станціи стакана чаю и булки. Возлѣ буфета галдѣла толпа. Черезъ головы протягивались руки, силясь раздобыть хоть кусокъ булки или хлѣба; плата клалась на прилавокъ безъ провѣрки. Вся провизія въ буфетѣ уничтожалась въ нѣсколько минутъ.

Съ остановками и задержками, въ двѣнадцать часовъ ночи прибыли на узловую станцію Луковъ, гдѣ надо было мѣнять поѣздъ.

Проталкиваясь между толпами кричавшихъ, возбужденныхъ евреевъ, Мими кое-какъ удалось сложить въ кучу свои вещи. Добиться, когда отходитъ поѣздъ, не было никакой возможности: одни говорили, что утромъ, другіе—черезъ сутки. Было темно и про-

мозгло-сыро. Мими ежилась отъ холода, зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Она чувствовала страшную усталость. Начальникъ станціи, на ходу выслушавъ Мими, обѣщалъ какъ-нибудь ее пристроить, но положительнаго обѣщанія сдѣлать это скоро—дать не могъ.

Послѣ долгихъ мытарствъ, не находя возможности хоть на минуту присѣсть, Мими наткнулась на двухъ Гродненскихъ гусаръ и, изнемогая отъ усталости, обратилась за совѣтомъ и помощью къ нимъ. Она, какъ и всѣ въ эту пору объединяющаго всѣхъ бѣдствія, не различала знакомыхъ отъ чужихъ: всѣ стали близкими между собой, доступными другъ другу.

— Въ Люблинъ? Отлично,—учтиво кланяясь, проговорилъ одинъ изъ гусаръ.—Мы туда же ѣдемъ. Начальникъ станціи только что говорилъ, что постарается отправить насъ, присоединивъ къ намъ сестру милосердія и свою жену. Очевидно, рѣчь идетъ о васъ, сестрица!

Прошло нѣсколько часовъ тревожнаго ожиданія, и наконецъ начальникъ станціи, привѣтливо улыбаясь красивой «сестрицѣ», возвѣстилъ, что для нихъ готовъ паровозъ и теплушка. Онъ провелъ ихъ окольными путями и далеко на запасномъ пути, среди темноты и грохота сталкивающихся буферовъ, среди чада и дыма паровозовъ, свистковъ и сигнальныхъ криковъ, отыскали паровозъ съ прицѣпленнымъ къ нему багажнымъ вагономъ. Съ большимъ трудомъ Мими вскарабкалась туда. Кромѣ нея и двоихъ гусаръ, ѣхала молоденькая жена начальника станціи и высокій полковникъ, котораго Мими видѣла отъ Петрограда на всемъ протяженіи своего пути вплоть до Варшавы. Съ грохотомъ задвинули дверь теплушки, и вся компанія осталась въ полной темнотѣ. При помощи карманнаго

фонарика нашли огарки свѣчей. При ихъ тускломъ освѣщенiи мужчины спѣшно принялись разбирать походныя кровати и доставать что было теплаго. Въ теплушкѣ стоялъ страшный холодъ. Гусары съ братской заботливостью устраивали ночлегъ для Мими, полковникъ хлопоталъ для жены начальника станцiи.

— Ну, и адовый холодъ! Чортъ ихъ дери, усадили дамъ въ этакiй ледникъ,—бранился одинъ изъ гусаръ, укутывая ноги Мими теплымъ одѣяломъ. Мими, слабо улыбаясь, благодарила за заботы о себѣ и увѣряла, что она согрѣвается, что ей хорошо на узенькой походной кровати, предоставленной ей однимъ изъ гусаръ, но на самомъ дѣлѣ холодъ пронизывалъ ее до мозга костей и, несмотря на страшную усталость, она долго не могла заснуть. Всѣ размѣстились, кто какъ могъ. Огарки скоро догорѣли и въ холодномъ, промозгломъ ящикѣ стало темно. Вся продрогшая, Мими забылась тревожнымъ сномъ, и когда въ жуткой темнотѣ пробуждалась и открывала глаза, то долго не могла понять, гдѣ она? Отчего что-то громыхаетъ? Отчего такъ темно и страшно холодно?

Рано утромъ ихъ вагонъ остановился. Оказалось, что они недалеко отъ Люблина, но путь загроможденъ и надо ждать. Всѣ были насквозь пронизаны холодомъ. Съ блѣдными усталыми лицами, стараясь по возможности привести себя въ порядокъ, обѣ дамы, путаясь въ предложенныя имъ бурки, сидя на сложенныхъ походныхъ кроватяхъ, стали терпѣливо ожидать конца мучительнаго переѣзда.

Наконецъ вагонъ тронулся и въ восемь часовъ утра остановился на станцiи Люблинъ. Гусары, узнавъ, что ихъ полкъ находится по близости отъ Люблина, сердечно распрощались съ Мими и уѣхали на поиски полка.

Мими тутъ же на станціи узнала, что штабъ арміи, въ которой находился Гуракинъ, пришелъ наканунѣ въ Люблинъ. Эта радостная вѣсть придала ей бодрости, и она рѣшила, отдохнувъ немного, отправиться за справками. Но явилось новое препятствіе: Мими не могла добиться извозчика. Прошло не мало времени, пока, наконецъ, за крупное вознагражденіе какой-то рабочій привелъ ей возницу. Видъ провинціальнаго городка поразилъ Мими: въ немъ кипѣла военная жизнь, сновали щегольскіе автомобили, улицы были полны гвардейской молодежью. Опять тянулись обозы, шли солдаты, но не чувствовалось того тупого переполоха, какой былъ въ Варшавѣ. Здѣсь жизнь кипѣла энергичной силой. Достать себѣ пристанище оказалось не такъ легко: не только гостиницы, но и частныя квартиры были переполнены жильцами. Неожиданно Мими встрѣтила на улицѣ знакомаго кавалергарда, товарища Бориса, только что оправившагося отъ ранъ и проѣздомъ находившагося въ Люблинѣ. Мими обрадовалась этой встрѣчѣ. Отъ него она узнала, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, дивизія ея отца должна быть недалеко. Онъ далъ ей адресъ дома, гдѣ у знакомой ему семьи она могла навѣрнос найти для себя комнату, и обѣщалъ послѣ полудня заѣхать къ ней, чтобы помочь достовѣрно узнать, какъ и гдѣ она можетъ найти Гуракина.

X.

Отдѣленный небольшимъ скверомъ отъ площади, въ зданіи стариннаго упраздненнаго костела, находился этапный лазаретъ Люблинскаго Краснаго Креста. Мими, получивъ свѣдѣнія о мѣстонахожденіи дивизіи Гуракина, спѣшила явиться въ лазаретъ,

чтобы взять немедля же на нѣсколько дней отпускъ. Старинное зданіе было сумрачно и стильно. Подворотня въ видѣ глубокой, темной проходной ниши вела во дворъ, обсаженный густыми старыми деревьями. Прямо напротивъ—тяжелая дверь вела на темную крутую лѣстницу. Окна лазарета, расположеннаго покоемъ, выходили съ одной стороны на этотъ дворъ, съ другой—въ громадный тѣнистый садъ.

Въ пріемной Мими была встрѣчена устроительницей лазарета—всѣми любимой въ городѣ почтенной дамой. Она сочувственно отнеслась къ желанію Мими повидать отца, показала ей весь хорошо организованный лазаретъ, гдѣ находилось около ста раненыхъ, пожелала ея скорѣйшаго возвращенія, такъ какъ число работающихъ въ лазаретѣ сестеръ милосердія было недостаточно, и сердечно распрощалась съ ней.

Такъ какъ въ городѣ ни за какія деньги нельзя было достать автомобиля, то Мими, не теряя времени, отправилась за городъ, гдѣ стояла послѣдняя оставшаяся автомобильная рота.

Было совсѣмъ темно, когда по грязной, тряской дорогѣ она подъѣхала куда-то далеко за городъ къ дому, гдѣ находился завѣдывающій автомобильной ротой. Его не оказалось на мѣстѣ, и она въ томительномъ ожиданіи просидѣла болѣе часа въ холодной полупустой комнатѣ, освѣщенной одинокой заплывающей свѣчой. Наконецъ вошелъ офицеръ съ энергичнымъ живымъ выраженіемъ лица. На слѣдующее утро съ разсвѣтомъ рота должна была выѣхать и какъ разъ въ Радомъ, куда стремилась Мими.

Офицеръ согласился доставить ее туда. Безконечно-усталая, но счастливая благополучному исходу хлопотъ, она вернулась въ свою опрятную комнатку, которую сдала ей одинокая дама.

Часа три Мими проспала какъ убитая, но, чуть стало брезжить утро, она вскочила, быстро одѣлась и, осторожно ступая по витой скрипучей деревянной лѣстницѣ, сама стащила чемоданъ и дорожный трусъ, тихо-тихо открыла входную дверь и вышла на улицу. Предразсвѣтный осенній холодъ пронизывалъ до костей. Переутомленная цѣлымъ рядомъ безсонныхъ и тревожныхъ ночей, Мими ощущала мелкую внутреннюю дрожь. Прождавъ нѣсколько минутъ и уже начиная безпокоиться, она, наконецъ, заслышала стукъ приближающихся дрожекъ. Подъѣхалъ возница, съ которымъ было уговорено наканунѣ. Еще не было пяти часовъ утра, какъ Мими уже подъѣзжала къ казармамъ автомобильной роты. Было темно и безлюдно; никакого признака движенія не было замѣтно.

Мими узнала отъ заспаннаго угрюмаго солдата, тащившаго полное ведро воды, что ранѣе семи не тронутся, такъ какъ дѣла закончили поздно, и завѣдывающій легъ спать послѣ трехъ ночи. Отпустивъ возницу и сложивъ подлѣ себя багажъ, Мими сѣла на большой камень неподалеку отъ зданія. Приподнявъ плечи и втянувъ въ нихъ шею, запрятавъ руки въ рукава пальто, вся съежившись отъ холода, она сидѣла на камнѣ съ закрытыми глазами и съ поблѣднѣвшимъ усталымъ лицомъ. Кругомъ все было сѣро, тускло и холодно. Разорванныя облака неслись низко и быстро. Одинокій среди голаго пространства деревянный домъ выдѣлялся угрюмымъ темнымъ пятномъ. Вѣтеръ наметалъ пыль и, казалось, вотъ-вотъ начнетъ моросить дождь. Мими сидѣла, охваченная тяжелой, щемящей душу тоской. Все, что ее окружало, было такъ непохоже на ея жизнь... Какъ могло случиться, что она—выросшая въ пышныхъ хоромахъ, окруженная роскошью и заботами, сидитъ озяб-

шая, усталая и одинокая гдѣ-то среди поля на камнѣ и съ тревогой ждетъ пробужденія незнакомаго офицера, чтобы ѣхать куда-то въ даль, полную грозныхъ, таинственныхъ ужасовъ войны, ѣхать туда, гдѣ только что гремѣли орудія, разрывались шрапнели и бомбы, туда, гдѣ каждую секунду ея отецъ,—да, конечно, для сердца онъ былъ ея отецъ — ходилъ надъ пропастью смерти. «И это не сонъ... Это не бредъ... Это жизнь... Боже мой, какое страшное слово—жизнь!..»—подумала Мими и, открывъ глаза, съ непонятнымъ, невѣдомымъ ей до сихъ поръ страхомъ, устремила взглядъ на небо. Темное, нависшее, оно было безотвѣтно, холодно и сурово.

Въ эту минуту маленькая человѣческая жизнь показалась Мими такой ничтожной, такой мимолетной, такой неясной и сбивчивой. Въ обостренной нервной приподнятости она видѣла невидимое, обнимала взглядомъ громадныя пространства. Въ сыромъ разсвѣтѣ, поникшемъ надъ землей, она видѣла несмѣтныя толпы усталыхъ, продрогшихъ, измученныхъ людей, несчастныхъ непонятной неволей, загнавшей ихъ далеко отъ родного угла въ сырыя траншеи, съ бряцающимъ тяжелымъ оружіемъ въ окоченѣлыхъ рукахъ... Сегодня, завтра, послѣзавтра, недѣли, мѣсяцы эти страдающіе люди—послушные рабы собственныхъ заблужденій и отклоненій отъ простыхъ ясныхъ законовъ природы, будутъ со скрежетомъ зубовъ уничтожать другъ друга и, умирая, вопрошать съ тоской и ужасомъ: «Зачѣмъ? За что?» И никогда, даже въ послѣднюю минуту разставанія съ жизнью, они не найдутъ отвѣта, какъ не можетъ его найти и она, вопрошающая всѣмъ сердцемъ это далекое небо...

Только къ семи часамъ Мими подали автомобиль. Расторопный солдатикъ-шofферъ, нагрузивъ какими

то вещами переднее сидѣніе, быстро и ловко наладилъ моторъ и объявилъ, что ѣхать можно. Мими съ горячей благодарностью пожала руку завѣдывающему офицеру и, закутавъ ноги плэдомъ, забилась въ уголъ крытаго мотора. Выѣхали на скверное шоссе, и щемящее чувство тоски вскорѣ еще съ большей силой охватило душу Мими отъ всего того, что она видѣла изъ автомобиля: тянулись длинной вереницей фурманки; въ нихъ, сбившись въ кучу, съ блѣдными растерянными лицами сидѣли цѣлыя семьи бѣгущихъ евреевъ—стариковъ, молодыхъ и дѣтей, за ними тянулся весь ихъ домашній скарбъ, ветхій и убогій. Понуро шли привязанныя лошади и коровы—послѣднее достояніе разоренныхъ бѣглецовъ. Толпы плѣнныхъ австрійцевъ, съ тупымъ затаеннымъ горемъ, безразлично шагали впередъ; иные отставали отъ общей кучи,—другіе догоняли. Одинъ жевалъ ломоть хлѣба, другой грызъ вытащенную изъ кармана полугнилую морковь, третій, прикрывъ ладонью огонь, силился закурить самодѣльную папироску. Въ выцвѣтшихъ сѣро-синихъ шинеляхъ и кэпи, они были блѣдны, изнурены и жалки.

Изрѣдка встрѣчались автомобили съ офицерами, сестрами милосердія и ранеными... опять тянулись фурманки съ настланной на днѣ соломой. Въ нихъ лежали раненые, прикрытые солдатскими шинелями. Виднѣлись обвязанныя головы, руки, ступни... Казалось, тамъ лежали тѣни, а не живые люди.

— Боже, Боже, какой ужасъ, какое страданіе!—шептала Мими, и слезы страданія за этихъ несчастныхъ искалѣченныхъ людей текли по ея щекамъ.

Останавливались фурманки, останавливался автомобиль, давая проѣхать бричкѣ, въ которой сидѣли то докторъ, то сестры милосердія, то священникъ.

Съ чувствомъ ужаса и отвращенія Мими увидѣла какъ разъ подлѣ того мѣста, гдѣ они остановились, брошенную въ канаву палую лошадь съ ободраннымъ, растерзаннымъ бокомъ. Двѣ собаки, оскаливъ зубы, съ поджатыми хвостами, упершись передними лапами въ обнаженную кость, отрывали куски мяса... Двинулись дальше. Замелькали домишки брошенныхъ деревень... Вотъ чья-то барская усадьба... Бѣлыя колонны, заколоченныя окна, старыя вѣковыя деревья тѣнистой аллеи, заглохшій прудъ... тоска запустѣнія и разоренія. Еще дальше—полуразрушенная фабрика. Проѣхали Куровъ и еврейское кладбище. Картины запустѣнія и разоренія начали мелькать все чаще и чаще. Слѣды прохожденія нѣмцевъ становились все ярче и тягостнѣе. Повернули влѣво по шоссе къ Ново-Александріи и Ивангороду. Проѣзжали черезъ деревни съ массой отсталыхъ, догоняющихъ свои части солдатъ, бродящихъ по улицамъ деревни или занятыхъ починкой, варкой ѣды. Въ еврейскихъ деревняхъ Мими была оглушена страшнымъ гамомъ и шумомъ. Все шумѣло, кричало, топчась въ грязи среди разрушенныхъ жилищъ; лаяли собаки, кричали дѣти, окружали автомобиль и мѣшали двигаться впередъ.

Въѣхали въ грязный городишко съ заколоченными окнами, съ массой лазаретовъ и толпами солдатъ. Это была Ново-Александрія. Слѣды прохожденія врага лежали на каждомъ шагу. Все было полуразрушено. Солдатики суетились и сновали по улицамъ: кто тащилъ чайникъ съ кипяткомъ, кто тутъ же, сидя на корточкахъ, что-то варилъ въ котелкѣ, сидѣли и еле двигались раненые въ повязкахъ подлѣ этапнаго пункта. Автомобиль осторожно съѣзжалъ по спуску къ Вислѣ, и первое, что увидала Мими—это два затонувшихъ парохода съ уныло торчащими изъ-подъ

воды накренившимися черными трубами. Черезъ Вислу мостъ былъ разрушенъ, надо было ѣхать по длинному понтонному мосту. Мими вышла изъ автомобиля и пошла пѣшкомъ. Блеснуло изъ-за тучъ солнце, и еще горестнѣе казалась картина народнаго бѣдствія подъ ласкающими яркими лучами.

Какъ только переѣхали Вислу, Мими была поражена видомъ безконечнаго количества окоповъ. Они тянулись вдоль всего шоссе и во всѣхъ направленіяхъ: перекрещивались, шли вдоль и поперекъ, окаймляли вдали виднѣющую рощу. Шоссе было до такой степени изрыто и испорчено такъ называемыми «чемоданами», что приходилось двигаться съ большой осторожностью: чуть ли ни на каждомъ шагу были предательскія глубокія ямы. Поле, все изрытое, вспаханное не трудолюбивой рукой пахаря, а мстительной рукой братоубійства, разстилалось далеко и уныло чернѣло, окаймленное вдали линіей лѣса.

Мими безпрестанно закрывала глаза и морщилась отъ внутренней боли при видѣ валявшихся по сторонамъ шоссе палыхъ лошадей съ ввалившимися боками и страшными оскаленными мордами. Все чаще и чаще начали встрѣчаться партіи рабочихъ, починяющихъ дорогу. Деревни были совершенно сожжены; вмѣсто ряда избъ торчали обгорѣлыя черныя трубы, и ни души кругомъ. Вдоль шоссе мелькали католическія распятія и множество братскихъ могилъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были простые деревянные кресты, на другихъ только палки... Мелькали и мелькали могилы, растравляя душу, взывая къ Кому-то молчаливымъ скорбнымъ протестомъ... Подъ свѣжими кучками земли лежали сотни, тысячи людей, безмолвно и покорно отдавшихъ во имя идеи самый

цѣнный даръ природы—жизнь... Мими крестилась, и слезы текли безъ конца по ея щекамъ.

Вотъ этапный пунктъ—Зволенъ. Ужасающая грязь и страшное количество галдящихъ, жестикулирующихъ, возбужденныхъ евреевъ. Отсюда отправлялись въ разныя стороны всѣ раненые. Солдатъ-шофферъ просилъ остановиться, чтобы точнѣе узнать дорогу на Радомъ. Мими открыла дверцу и только что хотѣла выйти, какъ подошелъ юный вольноопредѣляющійся.

— Простите, сестрица, что обращаюсь къ вамъ,— слегка конфузясь и краснѣя заговорилъ онъ.—Я былъ раненъ, теперь отправляюсь и хочу догнать свою часть. Вашъ шофферъ сказалъ, что вы ѣдете въ Радомъ. Ради Бога, возьмите меня съ собой. Тутъ такая сутолока, что нельзя добиться даже простой телѣги.

Вольноопредѣляющійся смотрѣлъ на Мими такими просящими глазами, что она поспѣшила успокоить его и съ радостью предложила мѣсто въ автомобилѣ.

Узнавъ дорогу, поѣхали дальше. Вольноопредѣляющійся оказался очень милымъ человѣкомъ. Нашлись общіе знакомые. На душѣ у Мими стало легче. Въ разговорахъ время шло быстрѣе. Мими достала шоколадъ, печенье и карамель.

— Ахъ, посмотрите, какой ужасъ!—воскликнула она, указывая на пригнувшуюся къ землѣ, разрушенную снарядами, избушку.

— Это ли ужасъ?!—улыбнулся молодой человѣкъ блѣдной и горестной улыбкой.—Мы видѣли многое гораздо болѣе ужасное.

У Мими сильно билось сердце, когда стали подъѣзжать къ Радому. Отъ крика и гама, отъ безконечныхъ верениць обозовъ у нея начинала кружиться голова. Моторъ продвигался съ трудомъ.

Автомобильная рота, нагнавшая ихъ, искала себѣ пристанища и ничего не находила. Мими и вольноопредѣляющійся вышли на площадь, разспрашивая направо и налѣво о мѣстонахожденіи полковъ. Съ первыхъ же словъ Мими узнала, что дивизія Гуракина уже продвинулась куда-то впередъ, и указать, гдѣ она въ данное время, никто не можетъ. У Мими упало сердце, и сразу она почувствовала такую невѣроятную, такую неопреодолимую физическую и моральную усталость, что ей казалось, больше она не въ силахъ сдѣлать ни одного шага. Глотая подступающія слезы, она желала въ эту минуту лишь одного: найти пристанище и крѣпко уснуть. Долго пришлось ей искать его. Вольноопредѣляющійся не оставлялъ ее ни на шагъ. Наконецъ, черезъ посредство офицера автомобильной роты—тоже милаго и услужливаго человѣка, Мими удалось устроиться въ польской семьѣ, гдѣ дочь, хорошенькая, совсѣмъ юная барышня, уступила ей свою дѣвичью спальню. Совершенно разбитая морально отъ всего видѣннаго на пути, Мими распрощалась со своимъ юнымъ спутникомъ и, не помня, какъ она раздѣлась и умылась, бросилась на мягкую свѣжую постель; въ первый разъ послѣ многихъ ночей она наконецъ крѣпко заснула.

Былъ второй часъ дня, когда къ ней постучались въ дверь. Мими не сразу поняла, гдѣ она и что значитъ эта незнакомая хорошенькая и веселая комната. Наконецъ она очнулась, быстро вскочила и накинула халатъ.

— Я васъ разбудила, сестрица,—говорилъ изъ-за двери милый голосокъ хорошенькой польки,—такъ какъ черезъ часъ къ вамъ зайдетъ вашъ знакомый—Ващенко, офицеръ автомобильной роты. Онъ просилъ передать вамъ, что неожиданно ему даны порученія

въ Люблинъ, и онъ сегодня же ѣдетъ на автомобиѣ обратно: такъ не хотите ли ѣхать съ нимъ?

— О да, конечно! Какой онъ любезный. Я сейчасъ буду одѣваться. Я такъ славно выспалась на вашей кровати, милая mademoiselle Юзя. Сейчасъ одѣнусь и расцѣлую васъ съ благодарностью,—говорила Мими, спѣшно расплетая свою золотую косу и распуская по плечамъ волны длинныхъ волосъ.

Хорошенькая Юзя поспѣшила въ столовую приготовить завтракъ для Мими, которая сразу возбудила въ ней восхищеніе своимъ красивымъ лицомъ и костюмомъ сестры милосердія, такъ шедшимъ къ ней. Мими была тронута радушіемъ чужихъ людей. Старуха-мать и отецъ Юзи были добрые и привѣтливые люди. Пока Мими завтракала, они разсказывали ей всѣ ужасы пережитыхъ дней. Старуха, вытирая бѣгущія изъ глазъ слезы, дрожащей рукой проводила по чернымъ волосамъ Юзи.

— Она одна у насъ, вся наша радость въ ней... Что мы перестрадали и какъ мы боялись за нее, одинъ панъ Богъ знаетъ!—говорила старушка.

Вскорѣ послѣ завтрака пришелъ Ващенко и просилъ Мими, если она хочетъ ѣхать съ нимъ, сейчасъ же отправляться на вокзалъ, гдѣ ихъ ждетъ автомобиль. Опять Мими окунулась въ шумъ и суголоку толпы, въ которой безъ конца мелькали офицерскія и солдатскія фуражки, еврейскіе лапсердаки, косынки сестеръ милосердія, снова автомобили, наполняя узкіе улицы пронзительными звуками.

Офицеръ автомобильной роты ожидалъ Мими у дверей вокзала. Онъ помогъ ей снять съ извозчика вещи и просилъ обождать его минутъ десять въ общемъ залѣ, пока она сдѣлаетъ послѣднія распоряженія къ отъѣзду.

— Желѣзная дорога такъ разрушена врагомъ, говорилъ онъ, ловко подхватывая сильной мускулистой рукой чемоданчикъ и трусъ Мими,—что сообщенія съ Люблиномъ иначе какъ на моторѣ не существуетъ. Я сейчасъ все устрою и прибѣгу за вами, сестрица.

Мими протиснулась въ общій залъ и сразу увидала стоящаго къ ней спиной полковника той же части, въ которой былъ Гуракинъ. Не помня себя отъ радости, она пробралась къ нему и тронула его за обшлагъ рукава. Полковникъ приложилъ руку къ козырьку.

— Полковникъ, какое счастье, что я васъ встрѣтила,—вспыхнувъ отъ волненія, заговорила Мими, и ея блѣдное лицо сразу оживилось.—Я здѣсь въ поискахъ за отцомъ—онъ командуетъ полкомъ—Михаилъ Владиміровичъ Гуракинъ. Не можете ли вы дать мнѣ о немъ свѣдѣнія? Я вчера пріѣхала сюда и съ отчаяніемъ узнала, что ваша часть куда-то ушла. Не можете ли вы помочь мнѣ, полковникъ, отыскать отца?

Мими говорила быстро, стараясь какъ можно скорѣе быть понятой.

— Вы его дочь? Имѣю честь вамъ представиться,—полковникъ назвалъ себя.—Съ вашимъ отцомъ мы большіе пріятели. Я думаю, самое лучшее, если вы немедля поѣдете въ Люблинъ, такъ какъ онъ слегка раненъ и его повезли туда.

— Раненъ?.. Папа раненъ?.. Боже мой!..

Мими сразу поблѣднѣла такъ, что ея лицо стало совсѣмъ бѣлымъ.

— Скажите правду—онъ вѣрно убитъ? Не мучьте меня.

— Даю вамъ честное слово, что онъ раненъ. Я

самъ присутствовалъ вчера при его отправкѣ въ автомобилѣ.

— Куда онъ раненъ?

У Мими дрожали губы и слезы туманили глаза. Она не замѣтила минутнаго колебанія въ отвѣтѣ полковника.

— Онъ раненъ въ ноги. Я счастливъ познакомиться съ дочерью Михаила Владиміровича и сказать ей, что ея отецъ герой. Онъ, засыпаемый на открытомъ полѣ градомъ пуль, перетащилъ на своихъ богатырскихъ плечахъ троихъ раненыхъ солдатъ. Не дотащивъ четвертаго, онъ упалъ, сраженный въ ноги разорвавшимся снарядомъ.

Мими слушала съ выраженіемъ умиленія и отчаянія на лицѣ. Теперь она была полна лишь одного остраго мучительнаго желанія: какъ можно скорѣе добраться до Люблина, какъ можно скорѣе разыскать Михаила и неотлучно быть при немъ. Всѣ впечатлѣнія видѣннаго, всѣ переживанія, всѣ мысли—все сосредоточилось въ страхѣ за жизнь любимаго и близкаго существа. Весь міръ съ его ужасами и скорбями войны отлетѣлъ по ту сторону сознанія Мими. Ей казалось, что вся сложная цѣль историческихъ событій великой эпической войны вела лишь къ этому страшному для нея событію.

— Тяжело раненъ?—глухимъ голосомъ спросила Мими, поднявъ на полковника странно отсутствующій взглядъ.

— Да, онъ, кажется, раненъ серьезно.

Мими, увидавъ ищущаго ее среди публики офицера Ващенко, попрощалась съ полковникомъ и быстро, съ пустымъ захолодѣвшимъ сердцемъ, направилась къ выходу.

XI.

Вернувшись въ Люблинъ и забросивъ дорожныя вещи къ хозяйкѣ нанятой комнаты, Мими просила довезти ее въ автомобилѣ къ лазарету Краснаго Креста, откуда она надѣялась сейчасъ же по телефону узнать, гдѣ лежитъ Михаилъ.

Глухо хлопнула тяжелая дверь, ведущая изъ входной ниши во дворъ лазарета. Деревья шумѣли уныло, и сухой листъ шуршалъ въ темнотѣ подъ легкими и быстрыми шагами Мими. Хлопнула вторая дверь, ведущая на слабо освѣщенную висячимъ фонаремъ каменную лѣстницу. Мими, съ тревожнымъ чувствомъ чего-то большого и страшнаго, взбѣжала по крутымъ ступенямъ. Она толкнула дверь, придерживаемую блокомъ, и сразу остановилась на порогѣ.

— Поддержите, помогите скорѣе... голову, голову держите...—скороговоркой и шопотомъ говорила ей одна изъ сестеръ, склоненныхъ надъ койкой.

Мими шагнула впередъ и въ одно мгновеніе увидала свѣсившуюся на бокъ мертвенно-блѣдную голову съ громадными, полными ужаса черными глазами, со стиснутыми зубами, страшно бѣлѣвшими изъ-подъ тонкихъ посинѣлыхъ губъ. Черные волосы прядями падали на большой, бѣлый, какъ мраморъ, холодный лобъ. Быстро и осторожно она взяла въ свои ловкія и теплыя руки голову умирающаго. Сестры старались снять съ него синюю, порванную, испачканую шинель. Онъ не стоналъ, но глаза его, полные ужасной муки, были страшнѣе тѣхъ стоновъ, что вырывались изъ груди только-что привезенныхъ и внесенныхъ въ прихожую раненыхъ. Возлѣ нихъ торопливо и безшумно хлопотали сестры милосердія.

— ... Шприцъ, скорѣе дайте шприцъ... ножницы...

разрѣжьте платье... помогите мнѣ... держите здѣсь... ваты, ваты ради Бога...—негромко и отрывисто говорила кому-то сестра со строгимъ, напряженнымъ отъ сдерживаемаго волненія, лицомъ.

Мими ничего не слышала: она видѣла только эти страшные глаза умирающаго въ мукахъ человѣка, устремленные прямо на нее и въ то же время острая и ноющая боль въ мозгу, не покидавшая ее съ момента встрѣчи съ полковникомъ на станціи Люблинъ, все росла и росла. Ей казалось, что зловѣщія предзнаменованія обступаютъ ее, что чья-то неумолимо-холодная и неуклонная рука ведетъ ее, какъ въ кошмарномъ бреду, куда-то въ страшную глубину, полную ужаса и тьмы. На нее что-то наваливалось тяжелое и мрачное, чего, она сознавала, у нея нѣтъ силъ столкнуть и, сколько бы она ни боролась и ни металась, оно навалится и раздавитъ ее. Не отрываясь, она глядѣла въ расширенные зрачки, полные предсмертной агоніи, и ужасъ неотвратимаго объялъ ея душу.

— Положите голову, не надо больше... онъ умираетъ...—кто-то сказалъ надъ ухомъ Мими.

Она покорно положила эту, уже охваченную холодомъ смерти, голову на подложенную подушку и, не глядя вокругъ себя, прошла въ пріемную. Тамъ сидѣлъ докторъ и при свѣтѣ электрической лампы подъ зеленымъ абажуромъ что-то записывалъ на большой листъ бумаги.

— Докторъ, прошу васъ, посовѣтуйте мнѣ, какъ узнать сейчасъ, сію минуту, гдѣ находится мой раненый отецъ—Михаилъ Гуракинъ.

Докторъ поднялъ на Мими глаза. Она стояла у стола, до того блѣдная и какъ будто застывшая, что онъ внимательнѣе всмотрѣлся въ нее.

— Михаилъ Гуракинъ—командиръ полка? Шталмейстеръ? Это вашъ отецъ?

— Да.

— Онъ здѣсь...

— Ахъ!..—Мими схватилась за грудь и покачнулась, но сейчасъ же справилась съ собой.—Раненъ серьезно?—еле слышно спросила она.

— Да, онъ раненъ очень серьезно... въ животъ... будьте мужественны...

Какъ и кто провелъ ее къ комнатѣ Гуракина, какъ она вошла—Мими не сознавала. Что-то ее несло, что-то толкало къ тому неотразимому, что должно было всей тяжестью навалиться на нее. И она шла, бѣжала навстрѣчу... и вдругъ увидѣла блѣдный, строгій-строгій профиль съ орлинымъ носомъ и прямо протянутыя вдоль одѣяла руки. Безъ слезъ, безъ возгласа Мими упала на колѣни передъ постелью отца, единственнаго своего отца, и вдругъ сразу поняла, что неотвратимое уже наваливалось... Положивъ обѣ руки на неподвижную, протянутую на одѣялѣ руку и спрятавъ лицо въ уголъ подушки, Мими застыла, подкошенная, уничтоженная горемъ. Надъ нею стояла сестра милосердія, дежурившая при Гуракинѣ, и, положивъ руку на ея голову, съ безмолвнымъ сочувствіемъ присутствовала при этой нѣмой сценѣ отчаянія...

Когда Мими поднялась съ колѣнъ, ея глаза были сухи и горѣли страннымъ, жуткимъ огнемъ.

— Благодарю васъ, милая сестра, теперь я буду при моемъ отцѣ,—обратилась она къ дежурившей.— Онъ очень страдаетъ?

— Да. Теперь онъ въ безпамятствѣ. Недавно сдѣлали вспрыскиваніе. У него перитонитъ.

Дежурившая дала Мими всѣ указанія и оставила ее одну. Придвинувъ стулъ къ самой кровати, Мими

сѣла подлѣ Михаила и, не спуская съ него глазъ, сидѣла такъ часъ, другой, третій... Иногда онъ слабо стоналъ и шевелилъ головой. Мими, затаивъ дыханье, тихо приподнималась со стула и наклонялась къ нему, но лицо его, блѣдное и строгое, оставалось неподвижно, и глаза были закрыты. Такъ бѣжали минуты и часы... Свѣтъ небольшой электрической лампы, спускавшейся съ потолка и защищенной со стороны кровати листомъ зеленой напиросной бумаги, раздѣлялъ небольшую комнату на двѣ половины: болѣе яркую и тонущую въ мягкомъ зеленоватомъ полусвѣтѣ. За окномъ шумѣлъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ высокихъ старыхъ деревьевъ, простиравшихъ свои полуобнаженныя вѣтви къ самому окну. Всѣ ночныя шумы въ природѣ, всѣ шорохи и тихіе стоны въ домѣ говорили Мими все о томъ же, чего она не могла постигнуть и чему должна была покориться ея испуганная, омертвѣлая отъ горя душа.

Неожиданно Гуракинъ открылъ глаза и прямо посмотрѣлъ на Мими.

— Папа... Папа...

Мими низко наклонилась къ нему.

— Сес...три...ца...—еле слышно прошепталъ Михаилъ.

— Папа, милый, родной... это я—Мими.

Михаилъ на секунду закрылъ глаза.

— Бредъ... опять бредъ... сестри...ца...

— Не бредъ... я пріѣхала, я здѣсь съ тобой, милый мой папа.

У Мими катились слезы и капали съ тихимъ, короткимъ шумомъ на подушку больного.

— Дежурная сестра ушла, мой дорогой, теперь я буду съ тобой все время, ни на минуту не отойду отъ тебя... это я, это—Мими.

Михаилъ, какъ бы провѣряя свои впечатлѣнія, боясь бреда, пристально смотрѣлъ на Мими.

— А что же тетя Мари?.. Гдѣ Борисъ?—чуть слышно и раздѣльно спросилъ онъ.

— Тетя Мари въ Петроградѣ. Она еще не знаетъ, что ты раненъ. Когда можно будетъ, я тебя повезу туда. Боря здоровъ, но я его не успѣла повидать. Я только что пріѣхала.

— Милая моя... ты со мной... умру не одинъ...

Михаилъ печальными глазами, въ которыхъ свѣтилась любовь и что-то другое, новое и жуткое, смотрѣлъ въ глаза Мими и слабыми пальцами сжималъ ея руку.

— Папа милый, ты страдаешь?

— Сейчасъ... нѣтъ....

Михаилъ вздохнулъ, закрылъ на минуту глаза и умолкъ, но по легкому давленію пальцевъ на своей рукѣ Мими, знала, что онъ не въ забытьи.

— Жизнь кончена... умираю... дѣтка моя... любимая всегда и близкая... ты помни, что я больше всего въ жизни любилъ тебя...

Слабое подобіе улыбки чуть-чуть озарило строгое лицо умирающаго.

— Какъ и я тебя, мой любимый, единственный папа,—сдерживая накипающія, непослушныя слезы, нѣжно касаясь губами руки Михаила, отвѣтила Мими.

— Душу мою давитъ тяжесть... если бы я могъ... вернуть письмо... послѣднее мое письмо къ твоей матери... Это мой грѣхъ,.. тяжкій грѣхъ...

— Господь проститъ тебѣ его, родной мой. Ты никому не желалъ зла, ты всегда былъ добръ. Ты раненъ потому, что спасалъ погибавшихъ. Проститъ, я вѣрю, я знаю, что проститъ тебя Господь. Я буду молиться о тебѣ, я буду всю жизнь молиться...

— Да... милая... молись обо мнѣ. Я вѣрю и я каюсь... Утромъ позовите батюшку.

Очевидно, больной сильно слабѣлъ. Послѣднія слова Мими поняла съ трудомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ слабо стонать, метаться головой по подушкѣ и невнятно бредить, говоря отрывочныя, мало понятныя фразы. Лицо его становилось все строже, носъ заострился и казался выточеннымъ изъ тонкой слоновой кости. Среди ночи страданія увеличились. Мими позвонила. Тихо вошла дежурившая раньше сестра, постояла надъ больнымъ и сказала Мими, что разбудитъ доктора. Вскорѣ вошелъ докторъ и въ то же время больной сразу затихъ. Докторъ пощупалъ пульсъ и, ни слова не говоря, посмотрѣлъ на Мими и, прочтя на ея окаменѣломъ лицѣ тупое, страшное отчаяніе, опустился на стулъ подлѣ кровати больного.

Изъ устъ умирающаго раза два вырвался стонъ, несвязный бредъ, имя Мими... Онъ закинулъ голову назадъ и широко открылъ глаза. Въ расширенныхъ зрачкахъ, устремленныхъ на Мими, былъ ужасъ страданія или смерти, который нѣсколько часовъ тому назадъ она видѣла въ глазахъ умирающаго австрійскаго офицера. Глаза начали тухнуть, закрылись, все тѣло вздрогнуло и вытянулось...

Докторъ тихонько дотронулся до плеча Мими:

— Страданья кончены... Онъ умеръ.

Мими острымъ, сухимъ взглядомъ посмотрѣла на доктора. Ея лицо было неподвижно.

— Вашъ отецъ умеръ, сестра... Пойдемте отсюда— громче сказалъ докторъ и взялъ Мими за руку.

